

XX военные тайны века

РЖЕВСКАЯ ДУГА ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА

**РЖЕВСКАЯ ДУГА
ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА**

XX военные тайны века

А.С. ПИЧОНКОВ

XX *военные
тайны
века*

А.С. ПИЧЕНКОВ

РЖЕВСКАЯ ДУГА ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
П32

Пинченков, А.С.

П32 Ржевская дуга генерала Белова / А.С. Пинченков. — М. : Вече, 2013. — 416 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4444-0861-2

Знак информационной продукции 16+

Среди советских регулярных и партизанских формирований, действовавших в тылах оккупированной нацистами территории СССР в 1942 г., особое место занимает группировка войск генерал-лейтенанта П.А. Белова со входившими в её состав партизанами Дорогобужского и Южного Ельнинского партизанских краев. В предлагаемой читателю работе впервые с привлечением воспоминаний участников событий, сведений местных жителей, архивных источников подробно рассматриваются конкретные боевые операции «беловцев» и смоленских партизан против нацистов и их пособников в основной период боевых действий — с января по май 1942 г. в тылу Ржевского выступа.

Книга издаётся в авторской редакции.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622**

ISBN 978-5-4444-0861-2

© Пинченков А.С., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

К ЧИТАТЕЛЮ

Не вчера начался, и своим ходом идет новый век, со своей историей, со своими героями и антигероями, с новым, другим уже народом. Но земля-то все та же — поля, перелески. Рубежи малоизвестных сражений. А ныне — и вовсе позабытых! Однако смеем верить — позабытых не всеми. И уважаемый наш читатель, вероятно, далеко не случайно держит в руках нами написанное. И как на войне стрелять так стрелять, так и теперь: читать так читать. Есть кому, надемся, почитать системно, последовательно. Извлекать собственные выводы — внимательно и по возможности честно относясь к представленному на обсуждение автором книги.

Напа настоящая работа — о происходившем с января по май 1942 г. на востоке и в центре Смоленщины, в районе боевых действий оперативной группы генерал-лейтенанта П.А. Белова. Именно эти действия стали главным боевым содержанием противостояния с вермахтом в полосе Западного фронта после 25 января 1942 г., т.е. после остановки противником советских войск на оборонительной позиции «Кёнигсберг» («линии фюрера»). Да, гибли в атаках и на позициях красноармейцы по всему периметру фронтовой дуги Смоленск — Вязьма — Ржев — Оленино. Но главная опасность для врага к западу от Москвы была с февраля по май 1942 г., именно здесь — по участку фронта вдоль Московско-Варшавского шоссе и в центре Смоленщины.

Встретив жесткое сопротивление на правом крыле Западного фронта, советское командование во второй поло-

вине — конце января 1942 г. сместило акцент своего внимания южнее, воспользовалось здесь слабостью противника и попыталось реализовать во взаимодействии с войсками Калининского фронта замысел на окончательный разгром немецких сил, отступивших из-под Москвы. Зимние попытки ударных групп ряда армий Западного фронта прорвать рубежи обороны ржевско-вяземской группировки подробно описаны в литературе, и мы оставляем эти события за пределами нашего специального рассмотрения. Исключение — действия части сил 43-й и 33-й армий в районе т.н. Медынской брешы. Судьбе Ударной / (позже) Западной группы 33-й армии в боевых событиях первого полугодья 1942 г. на Смоленщине обязан уделять место любой «обозреватель», а уж тем более исследователь, поставивший задачей выяснить реально происходившее в этот период за основной линией фронта — в «котлах» окружений, в партизанских краях и зонах. По существу, борьба с вермахтом очень разнородных патриотических сил на указанных территориях и есть основной предмет настоящего исследования.

На Смоленщине хватало и «котлов», и обширных партизанских районов. За гранью настоящего исследования оставляем бои 11-го кавкорпуса и партизанщину в полосе ответственности армий Калининского фронта, т.е. события на севере Смоленской области. Объем необходимого описания требовал бы нескольких специальных монографий или хотя бы популярных книг. Здесь же обратимся только к действиям наиболее удачливых из частей Западного фронта, сумевших выйти в глубокий вражеский тыл, а также к действиям высаженного в тот же период западнее Вязьмы крупного советского воздушного десанта. И, что еще важнее, к действиям смоленских партизан центра области. Поэтому, что давно о них не писали, и потому, что описанное в советский период не позволяло делать при том емкие и объективные выводы. Выводы не только о партизанах. Резуль-

тат: среди «городов воинской славы» на сей день (декабрь 2012) пайдце множсство городов, не видевших врага даже плснным, а вот народом отбитый у немца Дорогобуж — не то! А должно быть иначе.

Рассчитана работа на читателей, котрым, как и автору — такому же читателю («известные историки и писатели» пусть чуть отдохнут), — надоела примитивность бесконечных репродукций советской военной историографии. Ньше се гримируют, она чуть приукрашена немецкими терминами и вырванными из контекста цифрами, отрывочными деталями боев и названиями пунктов без оглядки на карту. Но по существу — все тот же залежалый товар. В деревни наведаться, в поля и леса прогуляться — поздно, это не 1960—70-е годы с их красными следопытами. В архивах работать трудно, да и доступ к наиболее важным документам ограничен, по существу — закрыт. Подлинная история войны и теперь остается лишь в архивах, в описях фондов часто под грифами «огр» и «СС». Для исследователя нужные материалы доступны процентов лишь на 45, а для широкой публики и того меньше.

В применении к описываемой территории и уровню исторической осведомленности рассчитана данная работа на знающих местность к юго-западу от Москвы и Можайска хотя бы на уровне райцентров и ключевых дорог, знающих ситуацию на Западном стратегическом направлении зимой—весной 1942 г. Понятное дело, последнее возможно лишь через ознакомление с военно-мемуарной литературой, очерками по истории частей, соединений и объединений. Небезразличным к вопросу потребуются и сносная карта местности, хотя бы 1:200 000. Деталей, конкретики, конечно же, коснемся — а иначе и время отнимать незачем. Главное — общими усилиями увидеть панораму битвы. И глубину ее увидеть — не красно-синюю мозаику картосхем, нет — взгляд и мысль воюющего: бойца на снегу, пар-

тизана в тумане у родного деревенского дома, генерала в чистенькой хате.

В предшествующее десятилетие лишь две-три книжных публикации были посвящены последовательному рассмотрению развития военных событий 1942 г. по фронту и в германских тылах вяземско-ржевской, — а точнее ржевско-смоленской, — дуги. Однако есть в этих работах серьезные лакуны, имеющие причиной, видимо, непривлечение многих документальных материалов. Да и аксиому «кадры решают все!» — никто не отменял и не опроверг. «Роль личностей» в истории той операции, настроения возглавлявшихся ими тех или иных войсковых и иррегулярных вооруженных масс по достоинству в опубликованном не учтены. А ведь «кадры» решали если и не все, то уж очень-таки много. Чтоб ничто не забыть — надо не забыть хоть главных действующих лиц, и не просто звания-должности-фамилии, учтите дружбу-вражду, конкуренцию, возраст, достижения и провалы, их оценку окружающими, местным населением, начальством и свою собственную... Да много чего учесть стоит. И не по строго дозированым в советские времена выжимкам истины. Поднять архивное. Увидеть поле боя. Учесть выучку восставших, интеллект, моральную планку, высокие у кого-то устремления, а у кого и интересики. Это кем-либо в книгах было сделано? В советские времена, понятно, — нет. Прошедшие войну — не бередили. Пришедшие на смену — не могли. Нынешнему же исследователю вжиться надо, а не отхаптурить ради известности и гонорара.

Книги появились. В 2007 г. издана работа Светланы Александровны Герасимовой под названием «Ржев 42. Positionная бойня». Автор книги, как сообщено, долгие годы работала в музейной сфере на территории Тверской области, в 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию по интересующей нас здесь теме, даже шире: «Военные действия в районе ржевско-вяземского выступа в январе 1942 — марте

1943 гт.: Ржевская битва». Книга, оценивая ее содержание, служит популяризации темы вышеназванной диссертационной работы. «Ржевская битва» — предложенный ярлык, или, если угодно, вновь вводимое научное обозначение военных событий 1942—1943 гт. на фронте и в тылу вражеской группировки, действовавшей в оси Княжья Горы — Смоленск. В одну кучу свалены и завершающие удары первой военной зимы, и преследование врага в 1943-м на позицию Буйвола. Тверским музейщикам, областной администрации, как и ржевской и соседним районным, понятное дело, могло бы оказаться приятно, если спустя 70 лет родится такая «битва» Главной нашей Войны, и окажется она именно «Ржевской».

Нас же интересует другое. Важны не названия «битв», сражений — важны причины и виновники многих провалов, а еще глубже — важна правда о соотношении ролей в той войне тогдашних *народа и государства*, о степени эффективности выполнения ими исторического долга. Многие из ключей к проблеме, многие из ярких примеров действий этих субъектов Истории — здесь, в смоленских и Брянских перелесках. Если народ в 1942-м стал побеждать, а государство дало врагу отдышку-стабилизацию на год-полтора, новой страшной кровью народа затем оплатив следующий раунд поединка, то не только подлежат разжалованию завравшиеся генерал-историки. Сама система такой «самозащиты», безответственности перед народом, подлежит обличению и отмене, а государственно-кадровые механизмы этой сферы — кардинальному переустройству. И от системы этой советской будьте добры уж навек отказаться. ... Или как? ... Или — легче, проще и выгодней кой о чем умолчать, кое-кого «оправдать» и кое-что оставить как есть? Выгода такого рода п р е с т у п н а .

Наиболее же интересна небольшая по объему, но специально предназначенная рассмотреть т.н. Ржевско-Вяземскую

операцию в хронологических и территориальных рамках января—мая 1942 г. в оси Ржев — Бярятинo книга Максима Северина и Александра Ильюшечкина «Решающий момент Ржевской битвы» (издана в 2010 г.). Есть плюсы. Первый — смещение акцента внимания в исследовании на южный фас ржевско-смоленской фронтовой дуги, к району Мосальск, Бярятинo. Второе — конкретика армейских донесений, иногда и учет топографии, анализ боевых действий в динамике, характеристика участвующих сил обеих сторон. Третий плюс — попытка учета одновременно происходящего на основном фронте и (превратившихся в худшее, чем фронт) в тылах гитлеровских 9-й, 4-й полевых и 4-й танковой армий. Кидаются в глаза, однако, и многие минусы. Само название книги, конечно, позволяет предварительно оценить ее содержание: модный у издателей в постсоветское время «ржевский акцент» (подспудно актуализирующий чернуху фронтовых «мясорубок ржевского образца»). И почему-то «решающий момент», а не моменты — хотя сама разбивка на главы противоречит этому заголовку: тут и «прорывы», и «котлы», и «новые удары»... Кроме того, около половины объема текста посвящено боям на участке 50-й советской армии — Мосальский и Бярятинский районы ныне Калужской области. Так может, следовало бы озаглавить книгу не «Решающий момент...», а «Решающий участок... битвы»? Но тогда уже ведь и не «Ржевской битвы». Путаница, одним словом, с первых слов. Чувствуется воздействие на авторов кого-либо, очень мало знакомого с историей битвы. Впрочем, можем ошибиться: век рыночный, есть законы жанра и рекламные установки. Ладно, пусть так, пусть «...момент Ржевской битвы» о пяти месяцах боев под Мосальском и Вязьмой. Ведь в конце концов обертка оберткой, какая бы яркая та ни была, а содержание содержанием.

Исследование операций в упомянутой работе М. Северина — А. Ильюшечкина проведено на присланном для целей

обзора уровне. Но все же — то и дело описки, ошибки в топографических названиях смоленских деревень. Скажут — не важно, деревни давно поросли быльем. Но еще вот что, и это поважнее: отсутствие развернутой картины повествования о партизанах Смоленщины, как следствие — заметна поверхностность суждений о их оперативной роли и неосуществленных возможностях. Авторы, как и та главная в качестве предмета их исследования 50-я армия у шоссе, не сделали решающего рывка. Не сделали прорыва... А жаль.

Безусловно, указанными авторами двигало неподдельное стремление объективно разобраться в произошедшем, сделать непредвзятые выводы. Но война — не только работа армии с ее солдатами, орудиями, танками. Война — интеллект и воля, инициатива добровольцев, их удача. А добровольцы весны 1942-го к западу от Москвы — партизанщина, неизвестнейшая попытка! Шестнадцатилетние бесшабашные и «безбашенные» пулеметчики смоленских деревень. Плюс масса окруженцев — нездепных, неприкаянных душ. И еще «джентльмены удачи» другой масти — часть отошедших на деревенских пачках от краха карьеры в 1941-м офицеров и политсостава РККА, с неубитыми еще амбициями, кое-кто из них — с особым счетом к немцу за пережитое в плену. Вот кто сыграл ту партию с капризной дамочкой Историей. Не учтено. Может, большинству интересующихся и неизвестно. Результат — следование советским шаблонам и лживым штампам в оценке совершенного народом и армией, а как итог — неумение разобраться в «субъектах»-участниках той истории, в ошибках нашего руководства, стандартная попытка списать провалы регулярной армии на слабость войск, без учета частенько слабой боевой мотивации наших фронтовиков, не говоря о неизбежных для любого человека усталости и ужасе, когда удалось продержаться неделю-две на «передке». И уж тем более полное вето на выводы о бездарности и нераспорядительности генералов.

Ведь это в сегодня издаваемых книгах уже отшлифована заготовка приговора ищущему правды о войне, к примеру, на том же Западном направлении: «цели подобной “критики” очевидны — очернив Маршала Победы, ставшего одним из символов величайшего триумфа СССР, бросить тень и на само советское прошлое». ... Триумфа?! Пусть в толчее под городскими салютами, пусть на мемориале московской Поклонной горы кому-то поверится в «триумф». А у детских «братских» могил южнее смоленского Боголюбова, появившихся в ходе бездарного провала операции «Марс» Жуковым? Ах да, — только еще учащимся в 1942-м на «Маршала Победы». ... Тень и на само советское прошлое?! Про сиятельность советского прошлого наиболее уместно размышлять где-нибудь под ржавой промзоновской «колючкой» на реке Сыня в бывшем Печорлаге.

Прав сто раз Марк Солонин¹: правда о Великой Отечественной всем нам почти не известна, и трудненько ее обнажать. А что публичное обсуждение истории той войны следовало бы надолго запретить — не согласимся. Вопрос личного мужества (да, да!) исследователя. Вопрос непроданности позиции исследователя. Да и 70 лет — срок достаточный для аннулирования любых «пока». Есть, конечно, и особый аспект. Люди, причем многие, не хотят. Однако участие в судьбе страны, особенно общественно-значимых, высоких должностных лиц, — не личная и не частная жизнь. Они ведь, словами Петра Великого, «должность отечества и честь чина исправить потщились». И если теперешним родственникам многих тогдашних рядовых, младшего комсостава, участвовавших в военных событиях лиц из гражданского населения вполне можно и оставить право на неупоминание их «заслуг», то память о судьбе советских генералов,

¹ Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 512 с. См. предисловие к указ. соч.

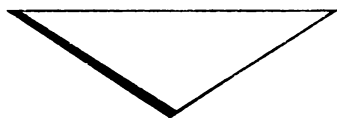
комдивов, лидеров народного сопротивления оккупации, да и разного рода антигероев-коллаборационистов — общенародное, так сказать, достояние. Но исток такой памяти — знание произошедшего не лживое, не поверхностное, основанное на фактах и честных выводах. И тогда уж право на анализ их деятельности — за нами всеми.

Мы с уважением относимся к исследовательской работе авторов вышедших на сей день книг и публикаций по тематике боев 1941—1942 гг. в нашей лесной, западной и северо-западной части России. Не соглашаясь со многими утверждениями большинства авторов, их подходами к описываемому, не претендуем на истину в последней инстанции. Мы тоже знаем далеко не все. Но наши выводы, по крайней мере, основаны на системе фактов, на документальных фиксациях, а не пропагандистских клише. Обязательным образом давно уже пора выявить причины поныне ретранслируемых системных недоговорок в отечественной литературе о войне. Нужно больше учитывать и острее констатировать. И именно поэтому в ряде случаев вынужденно дополняем прежде другими опубликованное не очень-то известным. Необходим учет местности, мотивов решений, характеров. Книги без точных дат, без фамилий, без упоминания деревень, где шла битва — на свалку. Попытаемся, уважаемый читатель, внимательно отнестись к действительности той войны, что не знаменита, не вызолочена, не вдута нам в мозги парадными оркестрами, но ведь именно она б ы л а на самом деле. Что же в итоге?

... Совсем не та война...

Часть I

ВОССТАВШИЕ И ОСВОБОДИВШИЕ

1. НА УГРЕ

СТАТЬ ТВОРЦАМИ ИСТОРИИ

В конце мая 1941 года, когда немец напролом шел к Москве и оставалось немного, когда в тысячах и тысячах оккупированных советских городков и деревень народ был подавлен и ничеготошеньки не знал о происходящем и не мог гадать о будущем, были у нас люди, которые творили историю сами, без оглядок по сторонам и без окрика сверху.

...В лесу под милятинским Фанерным заводом их было очень немного. И казалось бы, о них так легко было написать в послевоенные, в тем более в брежневские времена. Однако поныне не написано почти ничего.

Поселок Фанерного завода Выходского района (ныне Ново-Миллятино Угранского района Смоленской области) стоит в глубине сплошного леса. Лес этот правобережьем Угры тянется на десятки километров. Неподалеку южнее — Варшавское шоссе, которым немцы в начале октября 1941-го прошли на Юхнов, Москву. В этих лесах осталось множество военнопленных из армий нашего Резервного фронта — южная часть Вяземского «котла». В добротной армейской землянке собралось 25—30 человек, не больше. Окруженцы 1941-го, местные коммунисты и добровольцы.

На этой тайно проходившей сходке было решено перейти к открытой вооруженной борьбе с германскими оккупационными силами и их пособниками. В целях скорейшего

освобождения территории Восточного района, с учетом расположения транспортных коммуникаций и размещения основных гарнизонов противника, было решено создать не один, а два партизанских отряда: один в северо-восточной, второй — в западной части района. Здесь играло роль и то обстоятельство, что советские военнослужащие в основной массе скрывались именно в периферийных, отдаленных глухих лесных деревнях указанных мест, да и немцам было бы трудно пройти с большаков зимним русским бездорожьем и покончить с партизанами в лесной глуши.

Восточным партизанским отрядом Восточного района Смоленской области первоначально руководили советские и партийные работники. К февралю 1942 г. отряд возглавил офицер-окруженец, капитан РККА Олег Сергеевич Барский. 1 февраля военным комиссаром отряда стал лейтенант Петр Андреевич Еланский, командир минометного взвода из состава 2-го батальона 8-й воздушно-десантной бригады. В связи с последовавшим откомандированием П.А. Еланского в 8-ю вдбр, с 9 марта 1942 г. военным комиссаром отряда был назначен секретарь Куйбышевского районного комитета ВКП/б Смоленской области Георгий Иванович Афанасенков.

Западный отряд партизан Восточного района возглавил старший лейтенант Григорьев¹, комиссаром стал старший политрук Ершов. По предложению Ершова — в прошлом артиллериста — этот отряд получил необычное название: в честь 152-х миллиметровых гаубиц он был назван «отряд 152». Отряд будет громить врага как артиллерия — так обосновал название Ершов. Все согласились. Все — это 25 человек, именно такова первоначальная численность отряда Григорьева.

¹ Иногда о нем сообщается как о лейтенанте. Личность, явно обойденная вниманием отечественных историографов; не упоминаемы даже инициалы этого командира полка.

Возвратившись в деревни, приступили к дальнейшему комплектованию отрядов. Людей — не только способных, но и умевших воевать — приходилось в начале зимы убеждать. И не только убеждать, надо было и суметь завосвать доверие людей, с которыми разговаривалась по «расстрельному» при оккупационном порядке вопросу, людей, большинство из которых видят тебя впервые. Положение дел кардинально мог поменять лишь переход к открытой борьбе. И григорьевцы («152-счники» не скажешь) пошли по деревенским улочкам во всеоружии.

Узеньким проулочком ребятушки идут,
Под гармошку пляшут, частушечки поют!

...Выселками да Кручей, Барсуками да Привольем, Егоркиным, Трубиным и еще по десятку деревень прошли люди небольшого пока григорьевского отряда. Боев не было, не было здесь врага. Но результат выхода в деревни был несравнимо более значим, чем малая боевая победа: за январь 1942 года «отряд 152» увеличил свои ряды до 216 командиров и бойцов.

В восточном отряде в декабре 1941-го было лишь 34 человека. Позже, особенно после высадки в этих местах советского десанта, дело пошло легче. Уточним: не десантники помогли — помог факт их выброски. Самых-то десантников под Дебрянским разъездом оказалось всего лишь 5 человек, на серьезный бой и не рассчитывай. Но то, что они от туда — из советского тыла, из где-то существующего (уже преодолевающего политический кризис) советского государства — убеждал в том, что война только начинается. В начале февраля, после объединения небольших отрядов и групп, под единым командованием насчитывалось около 200 бойцов. К марту — уже 1200 человек.

ВНАЧАЛЕ БЫЛ ТОПОР

Капитан РККА Олег Сергеевич Барский¹ командовал партизанским отрядом «Северный медведь» — если строго по документам — с 1 февраля по 18 марта 1942 г. Пришел он во Входский район со своим небольшим отрядом чуть раньше.

Капитану Барскому пришлось повоевать уже в 1941-м как следует. Он ведь — начальник штаба 32-го стрелкового полка 19-й стрелковой дивизии 24-й армии Резервного фронта. Полки этой дивизии взяли так пужную Г.К. Жукову и советским пропагандистам Ельню. Вернее, вступили в Ельню после отхода противника, а что было до того — лучше не вспоминать... О «славной» жуковской пировой победе написано предостаточно.

Но теперь командующий фронтом с НКВД-шным командармом-24, с угодливыми штабистами и особистами в спину не дышали. А обстановка, вся сумма обстоятельств не оставляли права отсиживаться. Немец остался немцем. Советский офицер — остался самим собой. Жизнь заставила начать воевать, взять на себя командование.

...Первых в своей партизанской войне врагов капитану Барскому пришлось рубить топором. Подробности опускаем. Главное в ином: способность воевать зимой 1941/1942 гг. на оккупированной Смоленщине определялась не умением шуршать штабной картой или гладко писать приказ. Начиналось с личного решения и с подбора личного оружия. Так было поначалу и у многих других. Автоматов у окруженцев

¹ Иногда в воспоминаниях встречается его иная фамилия, видимо, псевдоним периода начала оккупации — Грачев. Однако начертание букв в подписях на документах подтверждает подлинность первого варианта: так, например, когда он 21 марта 1942 г. с оформлением акта сдал командование майору Крылову, в акте при этом подпись — Барский.

в деревнях почти не было, чистили украдкой слабый налет ржавчины с найденной винтовки, а к ней еще найди патроны. Да и по улице навстречу германским патрульным с мошинкой не выйдешь. Выстрелы же из пагана или обреза — вещь не такая надежная, как вековечный русский топор.

По сбивчивому тексту записи одного из дневников отряда, капитан О.С. Барский /Грачев/ привел с собой в Восточный отряд Выходского района «40 человек окруженцев». В объединенном с десантниками 2-го батальона 8-й ВДБР отряде Барский /Грачев/ стал командиром. По шутливым замечаниям в адрес одетых в маскировочные бойцов отряд получил свое необычное для советских партизан название — «СЕВЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ».

В РАЙЦЕНТРЕ ВХОДЫ И ВОКРУГ НЕГО

Январь 1942 г. Входы, — районный центр Смоленской области. Всего 9 человек немцев, охраняющих военную комендатуру и администрацию. На январском партийном собрании решено: не оглядываясь ни на кого и ни на что, брать райцентр. Брать власть в свои руки.

Теперь-то, через 70 лет, нам кажется это само собой очевидным. Да и в советское время схема объяснения возникшей *Всенародной борьбы в тылах группы армий «Центр»* (таково название одной характерной из партийно-исторических диссертаций) уже была выработана и предельно ясна. Контрнаступление и затем общее наступление советских войск под Москвой, воодушевление народных масс, ждущих скорейшего освобождения от оккупации... Плюс десант, плюс кавкорпус Белова, плюс роль партии Ленина—Сталина. Из искры возгорится пламя!

Почти все было не так. Правда, искру таки дал актив партии Ленина—Сталина — их было 24 человека, большинство не из местных жителей. Борцы за идею? Какую

идею — самосохранения государства-ордена ВКП(б)? Вряд ли в адских условиях оккупации той зимой, с чудовищными слухами, кто-либо о том задумывался, было не до философии. На деле партийная принадлежность здесь, видимо, имела лишь сугубо практические последствия. Действительно, восвать раньше и больше других неизбежно предстояло именно им:

а) имевшим партийные, военные и хозяйственные требования партийности должности;

б) не сбежавшим в 1941-м на восток страны и потерявшим при этом всю перспективу карьеры;

в) не обустроенным и не имевшим возможности к легальному обустройству на территории района в силу прежнего должностного положения;

г) рисковавшим ежеминутно быть опознанными любыми недоброжелателями и пособниками оккупантов, выданными оккупантам и незамедлительно репрессированными: не Сибирь, конечно, поближе и без лишних хлопот — «надел земель...»

Отодвинем-ка в сторону сладкоголосые книжки о той войне нынешних, XXI века, столичных умников. Стоит самостоятельно войти в суть понимания происходившего в оккупации тогдашним советским общественным активом-элитой, в их психологическое состояние. Ладно бы только жуткие слухи о сбежавшем Сталине, о союзе с немцами Молотова. Это где-то там, далеко, по ту сторону линии фронта, если она вообще еще есть... Но были и тутешние информационные бомбы, да и не слухи вовсе: расправы с бывшими районными чиновниками, «развлечения» надевших повязки уголовников то с судьями, то с активистками, то с отставшей в октябрьском бегстве 1941-го женой советского начальника. Война была здесь, ушедшая на восток линия фронта никакого значения не имела. Выйди на деревенскую улицу, пройдишь по ней, а еще лучше — рискни прогуляться

до соседней деревни теми же дорогами, где недавно ходил и сзидил хозяином своей страны. И вот тогда поймешь: надо что-то делать, долго отсидеться не получится.

При всем том это не были примитивные конъюнктурщики, беспринципные приспособленцы. Они верили в свое дело, в дело своей партии, ставшее их судьбой. Эти люди были на многое способны, социально активны, трудолюбивы. Они уже в предвоенные годы проявили себя как способные организаторы, наблюдательные и вдумчивые психологи, разборчивые в знакомствах и деятельные функционеры. Им лишь предстояло внутренне переключиться на личное участие в войне, на понимание каждого предстоящего своего дня как обычной, военной теперь, работы. Смертельно опасной, неизбежной и порой невыносимой работы, но вместе с тем и необходимой, единственно верной стратегии и тактики жизни. Это был их шанс заново обрести себя в жестком, изменчивом, но «прекрасном и яростном мире». И такое видение себя было для подлинного коммуниста не чуждым, уже знакомым. Их всех еще с Гражданской так воспитывала страна.

И вот теперь, хотя, говорят, Москва немцем взята и Сталин с личной охраной и золотым запасом уже давно в США, — воевать все же надо, ни на кого не надеясь — воевать! Фашистских полков на все наши просторы все равно не хватит, оружие есть, а терпеть врага — пусть другие терпят. И дело не в партбилете. Немец не оставил этим людям иного выбора, кроме как строить свое будущее самим. «Добьемся мы освобождения своєю собственной рукой». Обстановка именно теперь, в январе, позволяла. Вчера было рано, завтра будет поздно.

29 января 1942 г. Вскоды были освобождены без малейшего сопротивления. Трое немецких солдат сумели от партизан увернуться и куда-то убежать. Шестеро сдались в плен. Повозиться пришлось лишь с местным волостным старшиной, бывшим учителем немецкого языка, пытавшимся отстреливаться из своего дома. Но после гранатных

взрывов в своих стенах любой уцелевший штатский сдастся. Взяли живым.

Удержать райцентр партизанам не удалось. Глава оккупационной гражданской администрации бывший агроном Моржаков выбрался из Вскодов, известил о произошедшем военную комендатуру ближайшего города — Спас-Деменска. Во Вскоды безотлагательно были немецким командованием направлен карательный-штурмовой отряд. Численность этого отряда предполагала перевес над любым небольшим (иных пока и не было) партизанским отрядом, партизаны определили ее в 300 человек. Атака на райцентр была спланирована и осуществлена немцами тактически грамотно, с 4-х направлений / дорог одновременно. То есть окружение с последующим уничтожением очагов сопротивления. Для восточских партизан это был первый серьезный бой, и многие не знали, как себя вести, не были морально готовы к хладнокровным действиям под пулями. 17 человек, не выдержав интенсивного пулеметного обстрела, погибли в перебежках по полю, пытаясь уйти в сторону леса. Уцелевшие, отстреливаясь и рассчитывая удачные моменты для перебежек, чуть позже все-таки ушли из райцентра в лес.

Пока каратели вели бессмысленную расправу над схваченными подозрительными жителями районного поселка, партизаны рыли мерзлую землю леса, строя землянки. Война не закончилась.

В райотделе полиции состоялось совещание руководящего состава. По окружавшим райцентр деревням были распределены полицейские, из местных жителей были назначены старосты, обязанные тесно взаимодействовать с полицией в деле наведения порядка в закрепленных за ними населенных пунктах. Ситуация с обеспечением партизанского отряда продовольствием из окружавших деревень резко ухудшилась. Но колесо судьбы вертится безостановочно, — уже наступил февраль 1942-го... Под Вскодами знать не знали, что РККА вы-

шла к Вязьме. Совсем же рядом, в Знаменском районе выса-
дился советский десант. Вскоре первую весточку восточным
партизанам подает и генерал-лейтенант П.А. Белов, кавполки
и лыжбаты которого уже выдвигались на Вязьму с юга.

ВЕРТЕХОВСКИЙ КОШМАР

Важнейшим пунктом повестки дня в условиях открыто-
го вооруженного противостояния для противоборствующих
сторон стал контроль над коммуникациями. И если больша-
ки имели лишь местное значение, то железнодорожная
линия Брянск — Вязьма позволяла противнику быстро вы-
двинуть и в этот район, и в тыл советским регулярным ча-
стям, кавкорпусу и десантникам достаточную для перелома
ситуации группировку.

Уже 15 февраля 1942 г. в районах станций Баскаковка
и Вертехово партизанами «Северного медведя» была про-
ведена боевая разведка. В результате разведки было уста-
новлено, что наименьший гарнизон противника — всего
лишь 27 человек — был размещен в Вертехово. Именно в
районе этой станции, таким образом, и надлежало ударить
для перекрытия железнодорожного сообщения между спас-
деменской и вяземской группировками врага.

Генерал-лейтенант П.А. Белов уже в этот момент рас-
сматривал контролируемый «Северным медведем» район
как наиболее вероятную базу размещения в дальнейшем
тыловых служб, госпиталей и аэродромов 1-го гв. кавкорпу-
са. 17 февраля командованием отряда «Северный медведь»
через комиссара штаба 1-го гв. кавкорпуса старшего бата-
льонного комиссара Резникова был получен приказ, в част-
ности, требующий подбора места для посадочной площадки
военно-транспортных самолетов из советского тыла. Есте-
ственно, воспрепятствование противнику на проходящей по
восточной части Восточного района железнодорожной линии

приобретало и для Белова, и для самих здешних партизан ключевое значение.

22 февраля 1942 г. П.А. Белов направляет в отряд «Северный Медведь» очередной приказ, точнее — целую развернутую программу дальнейших действий отряда. На каком основании, спросите? А вот на каком: согласно пункту 5 этого же приказа, *«отряд “Северный Медведь” с 22.2.42 переходит в личное подчинение в оперативном отношении генерал-лейтенанту Белову»*. Текст приказа поражает своей жуковщиной (иного слова не подберешь!) — никакой помощи, никаких сроков (понимай — действовать безотлагательно), зато целая гора ... и не только мелких задачек! Белов среди прочего от партизан требует: выбить противника и со станции Вертехово, и из райцентра Всыходы. Абсолютно жуковски-иззутские в своей наивности и некоторые формулировки приказа, например в п. 1: *«разрушить железную дорогу на ст. Вертехово и севернее до ст. Угра включительно»*. А «включительно» — это не иначе, получается, как взяв станцию Угра¹. Были и другие задачи (охрана подступов к беловским госпиталям, уничтожение мелких групп противника и др.), а значит — и для их осуществления требовались подразделения, но это уже проблема командования отряда. Хоть разорвитесь, а порадуйте «освободителя». Поскольку же первым пунктом в приказе числилась задача овладения станцией Вертехово — ее командование отряда и предстояло решать в первую очередь.

В ночь с 23 на 24 февраля 1942 г. партизанами была произведена босвая разведка подступов к станции Вертехово, приблизительной численности вражеского гарнизона и характера возможных мер обороны противником станции. Однако дальнейшее развитие событий показало, что немцы удара не ожидали. Днем 24 февраля при партизанской атаке

¹ Штурмам группой П.А. Белова ст. Угра посвящаем в настоящей работе целую отдельную главу.

на станцию противник боя не принял и попросту бежал. Потерь не было. В качестве не очень-то пригодившегося «трофея» партизанами была захвачена переводчица, расстреляна. Подрывами в нескольких местах железнодорожного полотна возможность дальнейшего транспортного движения между станциями Вертехово и Угра была прервана. Одновременно была разрушена проходящая через станцию линия связи. Такими были первые боевые события на станции Вертехово — скорая, легкая, бескровная победа партизан. Вряд ли кто-либо тогда предполагал, что когда война назначит обеим враждебным сторонам настоящую цену контроля над этой станцией, цена окажется очень даже серьезной.

Казалось бы, подорвите полотно, растащите рельсы где-нибудь подальше от станции — и забудьте про опасность контрмер противника. Когда глинковские партизаны между Днепром и Ягодной Гривой так разобрали железную дорогу (линия Смоленск — Сухиничи), никаких атак крупными силами, никаких вражеских попыток восстановить движение не последовало. Однако на Угре было иначе — видно уж важна была, очень важна была для немцев тогда железнодорожная линия от станции Запозной на Вязьму. И начались бои, — с настойчивыми немецкими попытками восстановить эксплуатацию на поврежденном партизанами участке дороги.

Первая такая попытка была предпринята врагом уже 28 февраля 1942 г., когда на подходе к станции Вертехово оказались бронеплощадка и 3 вагона с немецкими солдатами. Партизаны были готовы ко встрече. Последовал скоротечный бой, в котором из партизан было лишь трое ранено. А вот для противника обернулось хуже — только на путях партизаны обнаружили погибших 7 солдат и офицера. Остальные были увезены спешно отошедшим из-под партизанских пуль эшеломом.

1 марта — снова бой с подразделением, прибывшим для восстановления пути ремонтным поездом. На этот раз бой

произошел упорный, долгий — в течение всего дня. Немцы неоднократно пытались оттеснить партизан от железной дороги, но несли потери, не достигая успеха. Партизаны били не только из винтовок и пулеметов. Врагу пришлось ощутить и неплохо подготовленный минометный огонь. Немецкие потери были очень значительны. Пришлось уезжать восвояси. По партизанскому донесению с поля боя, убитыми у противника насчитаны 1 офицер, 42 солдата.

2 и 4 марта 1942 г. — очередные бои под Вертехово. Читая приводимые партизанами (не в книгах, упаси бог, — в журнале боевых действий тех дней) записи о понесенных противником потерях, иной раз могло бы и не повериться: 2-го марта — 39, 4-го утром — 30 убитыми и ранеными. Но ведь, если вдуматься, поведи вдруг с 50 метров пулеметной очередью по вагону, битком набитому солдатами, со взгорочка, где поезд как на ладони — и потери у врага неизбежны. А если у вас станковых пулеметов не один, а три (бой 2 марта), и очередей не по одной, так по десятку убитых на один горячий пулеметный ствол — вовсе и не рекорд.

Партизанские пулеметчики в ходе этих боев стремились деморализовать врага ураганным огнем первых минут. Главное было — не дать немцу высадиться из вагонов, иначе завяжется вязкий лесной бой, и неизбежно придется погибнуть или отойти. Успевших выпрыгнуть с платформы и вагонов, наиболее рискованных вражеских солдат уничтожали массированным прицельным огнем, пока один из пулеметов держал на прицеле оставшихся в вагонах. Партизанские минометчики также делали свою работу, вносили тем самым хаос в попытки немца разобраться в обстановке и организовать бой. Кое-кому из немецких солдат в ходе боя удавалось, правда, подстрелить партизан — но это были единичные ранения, которые на развитие боя существенно повлиять не могли. Убитых, как ни странно, у партизан не было.

Чтобы воспрепятствовать немецким пехотинцам и ремонтникам в попытках восстановить положение у Вертехово, 2 марта «Северный медведь» дополнительно к вертеховским разрушениям подорвал железнодорожный путь в 3 километрах южнее станции Баскаковка. 3-го, видимо, немцы занимались ремонтом этого участка, но уже 4-го снова были под Вертехово.

Этот день выдался особенно жарким и рекордно кровавым. Началось все стандартно: в 11.30 у Вертехово появился восстановительный поезд в составе 3 вагонов и 1 платформы. Далее — попытки высадиться и атаковать, пулеметный и минометный партизанский огонь, бегство врага. Сколько же еще раз доказывать, что проезд закрыт? Но нет — в 13.35 новая вражеская попытка, подошло уже 3 платформы и 3 вагона. Результаты — к трем десяткам солдат и офицеров, погибших и раненных утром, прибавилось не меньше, по оценке партизан — до полусотни. Восемь десятков! Тут бы самое место и возразить нашим словам, дескать, «врешь — меру знай». Мы б и сами оспурили такую статистику партизан, да нельзя, ведь именно из цифр потерь, видимо, исходили немецкие командиры при принятии дальнейших решений. Дело в том, что с кровавого того дня 4 марта 1942 г. немецкие «паезды» на Вертехово возьми, да прекратись!

...Запекшаяся кровь бурела на стали рельсов, брэнчали под ногой россыпи гильз. «Северный медведь» немца на Угру не пустил.

2. НА ДНЕПРЕ

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК ИЗ 1941-го

В популярных книгах по истории ВДВ, по истории первой широкомасштабной воздушно-десантной операции Великой Отечественной, операции Вяземской, — вряд ли когда-либо появится глава об этом человеке. Да и о роли его

в партизанской борьбе 1942-го на Смоленщине: поинтересуйтесь — не писали и не пишут. Потому что совсем не ту, не книжную войну делали совсем не те, что «выдающиеся», люди. Люди настоящие, достойные памяти.

Павел Артемьевич Мельников — один из политруков 1941-го. Точнее — старший политрук. На левобережье Днепра, восточнее Дорогобужа, именно он организовал и возглавил вооруженное сопротивление врагу. Многие сотни окруженцев огромного «Вяземского котла» были сплочены в босвые единицы, вовлечены Мельниковым в совершенно новую для них войну — вряд ли ее назовешь партизанской. Эти люди, даже если кто из них и выжил, естественным образом не получили медалей «За оборону Москвы», хотя все, что они делали в октябре 1941-го, да и в декабре—январе 1941/42 гг., происходило на полях Московской битвы. А месяц непрерывной службы в действующих частях, как того требовалось для получения медали, им по справочкам не набрать, то-то. Наш разговор о не-участниках, таким образом, «Московской битвы», хотя именно им выпало в ней самое тяжелое и страшное: первые, разгромные дни и недели, и последние, захлебнувшиеся в крови, ее недели и даже (после отрезанные «историками») месяцы. Мельников, один из них, руководитель сотен бойцов и командиров из частей осени 1941-го, тоже вне «истории»: велика Московия, а война *неотступивших в 1941-м* — здесь, вот она.

Они выжили в октябрьских боях первой военной осени не ради себя. Ведь чтобы уцелеть, спасти себя, стоило лишь выйти к прочесывающим леса немецким солдатам с поднятыми руками. Нет! Они оружия не бросали. Наоборот, подбирали и брошенное другими. Но это потом. А начиналось все жуткими событиями Вяземской катастрофы. У старшего политрука Мельникова, например, вот как.

Остатки 152-й стрелковой дивизии, окруженной противником в составе группировки войск Западного фронта,

14 октября 1941 г. сосредоточились в лесу западнее Вязьмы, на берегу одноименной реки. Прорыв сводной группы из этого леса возглавил командир одной из танковых бригад, а старший политрук Мельников с уцелевшей артбатареей огнем поддерживал атаку пехоты. В ходе боя снаряды были израсходованы, прорвавшаяся за речку пехота ушла вперед, но немцы восстановили свои позиции. Ночью Мельников с бойцами вплавь форсировал Вязьму и оказался в лесу, в блиндажах. 15 октября на восток пробиться не удалось, лес был блокирован противником. 16 октября после сильного артобстрела, когда Мельникова ранило в ногу, немцы попили цепью прочесывать лес. Мельникову удалось, укрывшись под низкими, засыпанными снегом ветвями сльника, пропустить вражеских солдат всего в 5 метрах от себя, и остаться незамеченным. С этого дня начались скитания по лесам. Шел, несмотря на ранение, на снег и дождь раннего предзимья, под хмурым осенним небом — днями и неделями, подальше от насыщенного вражескими войсками района Вязьмы. В послевоенное время, когда пропагандистам-литераторам пришлось хоть что-то сказать по теме пленных, изобрели «ход»: дескать, были пленные герои, попавшие туда, конечно же, ранеными. Оправдание! Один такой в советские годы получал к юбилеям высокие ордена, а в теперешней России, посмертно уже, до «Героя» невольно выслужился. А вот Мельников не выслужился. Он 18 суток с пробитой осколками ногой в одиночку ковылял по проселкам и лесам, не сдаваясь в плен. Был пистолет и пара гранат. Ни компаса, ни карты, ни продовольствия не было. В деревни не заходил. Вот что сообщает о пережитом сам Мельников в позже написанном отчете:

«Питался сырыми грибами, калиной. От плохой пищи сильно отоцал, и дело дошло до того, что не в состоянии был продвигаться. Однако твердо решил — лучше умереть от голода, чем попадаться в руки противника. 3 ноября в

одном из лесов нашел землянку (не плохую), в которой решил остановиться. Рана к этому времени не зажила».

Когда мы в теплой квартирке почитываем скудные строчки о судьбе человека, не киношного — настоящего, стоит остановиться, вдуматься. Октябрьские и ноябрьские ночи в лесах. Кровь, боль и голод. Несгибаемость. Мерзнувшие под колким снегом рано начавшейся русской зимы гитлеровские «почти уже победители», шагая к Москве, и не представляли, что за их спинами где-то остались и такие русские политруки. 4 ноября Мельников встретит в лесу двух бойцов, таких же окруженцев. Через три месяца старший политрук Мельников с лейтенантом Саратовским поведут уже восемь сотен (!) бойцов в первый штыковой удар. А потом еще и еще. Это будет война особая, без излишней деликатности. В атаку пойдут особые, не бросившие в 1941-м оружия бойцы и офицеры РККА.

КТО ПОСЕЕТ ВЕТЕР, ТОТ ПОЖНЕТ «УРАГАН»

Посеявший ветер — пожнет бурю... Почти каждому из нас известна эта давняя мудрость, рожденная где-то среди степных просторов Евразии. Известна ли она была пришедшим «нах Ост» обитателям густонаселенной центральной Европы? «Ост» — дело тонкое. А «цивилизованные европейцы», разбив здешние армии, сломав экономику и весь уклад прежней жизни местного народа, тут же осенью 1941-го захотели порядка! Одной из непродуманных мер наведения такого порядка на оккупированной территории центра Смоленщины явилась попытка «переручета военнопленных» оккупационными комендатурами в райцентрах. В частности, комендатурой Дорогобужа. Под военнопленными здесь подразумевались — и самими оккупантами, их пособниками, и местным населением — все осевшие в деревнях Дорогобужского и близлежащих районов т.н. окру-

женцы, воснослужащие РККА из разбитых в «Вяземском котле» армий. Одной из этих армий была 24-я, прославившаяся летом 1941-го под Ельней. В октябре ее охватили с юга, прижали к старинному Ельпинско-Вяземскому тракту и здесь разбили, рассеяли. Слово «рассеять» в военной терминологии применяется для мягкого обозначения разгрома: когда речь о частях своей, а не чужой армии. Однако в нашем случае 24-я армия советского Резервного фронта была рассеяна скорее в прямом смысле — уж слишком лесной край в местах окончательного окружения ее главных сил, между рекой Угрой и притоком Днепра рекой Осьмой. Все бойцы и офицеры этой армии, не имевшие возможностей или твердой воли уйти осенью 1941 г. в восточном направлении на соединение с основными советскими войсками, все эти массы людей осели здесь, в глухих лесных деревнях. Кто-то раны лечил боевые, кто завел наподобие семьи...

И тут на тебе: перерегистрация. Многим из «военнопленных» был памятен тяжелый сапог вражеского конвоира тех дней, когда шлились на запад длинными колоннами. Убегали из таких колонн сами, выкупались и фальшиво выплакивались местными молодками и старухами, снова задерживались немецкими патрулями, и так иногда по несколько раз. Ничего хорошего от перерегистраций и переучетов ждать не приходилось. Тем более, что слухи, — дыма без огня не бывает, — подтверждали собственные предположения: в Дорогобуже не переучет, а что-то типа лагеря, и многие уже не вернулись. Были в деревнях твердые политруки и командиры, не из бывших пленных, имевшие право и моральную силу убедить каждого, что выход прост: лес.

Немцы посеяли ветер. И получили партизанский отряд «Ураган». Так бойцы шутливо именовали и самого командира отряда — А.Т. Калугина, одного из многих здесь окруженцев, открытого, смелого, решительного парня. Трудно сказать, чем он планировал подтвердить свой «имидж», на-

говорив окруженцам и местным жителям о себе небылиц. Он — попробовали бы не верить — и Герой Советского Союза, и подполковник танковых войск, и после приема в Кремле заброшенный сюда со специальным заданием. А задание — организация партизанского отряда. И ведь работало! Ежедневно и ежеспоцно рисковал Калугин, рисковали его помощники, но людей для серьезных дел объединяли все больше. Проспала немчура...

Наступил новый год. 27 января 1942 г. в районах Абрамово — Таборы началась высадка советского парашютного десанта. Десантники в воспоминаниях и описаниях скромничают о том, кто помог им в незнакомом снежном лесном краю быстро организовать сбор групп и одиночек, чтобы выйти к намеченной еще в советских тыловых приказах Озерские, атаковать ее уже вечером 28 января. Восполним пробел: помогли партизаны, в частности, помог отряд «Ураган» с его полуподпольными группами в деревнях района высадки десанта. Почему большинство групп, приземлившихся за пределами зоны «Урагана», было выловлено и перебито противником, а эти уцелели и быстро организовались? Потому что именно здесь — в деревнях «Урагана» и более восточных партизанских отрядов — немцев и их пособников не было. «Ураган» в эти же сутки, 27-го, объявил сбор в Абрамово всех деревенских групп в отряд. По свидетельству Н.К. Майорова (тогдашнего партизанского комсоданта д. Митюпино), Калугиным было объединено до 650 человек.

29 января 1942 года группой около 20 человек «Урагана» (в т. ч. с 3-мя десантниками и несколькими бойцами отряда Демсикова) проведен первый более-менее серьезный бой. Небольшой, но первый и важный потому бой — за старинное, при древнем монастыре село Болдино, на Старой Смоленской вековечной дороге. Немцев в селе было мало — по разным источникам, от 8 до 12 человек. В бою из них было

убито (согласно докладной записке в политуправление Запфронта) лишь двое, остальные попросту сбежали. Со слов участников боя Н.К. Майоров сообщает о 6 убитых у баньки в селе и 1 убитом вражеском солдате у ворот монастыря. От пули последнего погиб один из десантников. Вот и все потери. В селе Болдине была восстановлена советская власть, уходить отсюда партизаны больше отнюдь не планировали. На повестке стояли наступательные, дерзкие задачи, не имевшие аналогии в истории войн.

Помимо собственных сил «Урагана», с ним воедино слился на положении роты отряд Фсоктиста Николасвича Деменкова, контролировавший к этому времени лесной район, включавший деревни Сенная, Афонино, Ленкино, Кряково и Городок. Предварительная договоренность о том была достигнута еще до болдинского боя, а после него — Деменков приехал к Калугину, и отряды объединили. Командиром стал сам «Ураган» (А.Т. Калугин), комиссаром — Ф.Н. Деменков. В объединяемом из групп отряде были назначены командиры взводов и политруки. Численность слившегося из отдельных групп отряда впечатляет: не по нашей выдумке и не оценочно, а на базе тогдашней же документальной фиксации (докладная записка, не позже 10 марта 1942 г.) — на момент формирования аж до тысячи человек. Теперь, с такой силой, можно было уже проверить нервы офицеров и солдат 155-го охранного батальона. До города было недалеко, а факт только что состоявшейся высадки советского десанта обязывал не засиживаться...

ВЗЯТИЕ ДОРОГОбУЖА

За весь период пребывания 1-го гв. кавкорпуса на Смоленщине — говорим о Смоленщине в теперешних границах — «конногвардейцы» этого «генерала-легенды» не отобрали у немцев ни одного города. Да что там города — ни

одного районного поселка. Партизаны брали районные центры, и не только поселки. На Смоленщине партизанские отряды занимали города! Первым таким взятым смоленскими партизанами городом стал старинный Дорогобуж.

Взятие Дорогобужа — не случайность, не удачливая авантюра, а результат планомерной работы. Дорогобуж был освобожден в результате комплекса тактических и диверсионных операций, определяемых единым замыслом, проведенных партизанами в период 5—15 февраля 1942 года. Можно обоснованно говорить о Дорогобужской операции, как об искусно проведенной, уникальной боевой операции иррегулярных сил, не имеющей аналогий в истории войн. Даже махновщину, ее штурмы Екатеринослава и Мелитополя, в один ряд не поставишь. Здесь — война с наиболее боеспособной из европейских армий 30—40-х гг. XX века, причем на пике ее могущества, оснащения, несбитой еще слессы победителей.

Показательно, что приказ о штурме Дорогобужа был отдан партизанам вовсе не генерал-лейтенантом П.А. Беловым или подобным ему представителем командования регулярных войск РККА. И дело не в «незнании» П.А. Белова о здешних партизанах, не в отсутствии с его стороны властных над ними правомочий: еще 3 февраля 1942 г. П.А. Беловым был командиру партизанского отряда «Ураган» отдан приказ о развертывании боевых действий на территории у Дорогобужа и восточнее¹. Но смелой мысли о штурме города у генерал-лейтенанта не было и в помине. Пришлось общий замысел операции разработать, степень предстоящего участия и конкретику задач независимых друг от друга отрядов согласовать, общий приказ на эту операцию отдать, — и кто

¹ «Дорогобужская старина». Выпуск II. В.А. Прохоров, Ю.Н. Шорин. Из истории Дорогобужского края. Сборник статей. Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2001. С. 92.

бы, вы думали, отдал? Окруженец, старший сержант Александр Трофимович Калугин. Это было 5 февраля 1942 г. Чуть ранее, на состоявшейся в Бражине 2 февраля встрече А. Калугина и В. Воронченко пришли к решению об объединении усилий отрядов в деле освобождения района и города. С 4 февраля 1942 г. отряды «Дедушка» и «Ураган» были (пока формально) слиты в единый отряд, и возглавил его именно А.Т. Калугин. Объединенному отряду было оставлено имя «Ураган» — по прозвищу Калугина. Кто знает, как сложилась бы судьба этого талантливого командира и всей партизанской группировки, не взорвись 7 февраля в руке Калугина взрыватель при установке в гранату?.. Вследствие ранения А.Т. Калугина его сменил на посту командира отряда Ф.Н. Деменков. Штурм Дорогобужа, первоначально планируемый на 7—8 февраля, был перенесен.

Огромная роль в освобождении Дорогобужа и организации здесь партизанской борьбы принадлежит представителям ВКП(б). Это объективно. Подчеркнем, не «партии» абстрактно, а энергии, инициативе, труду и организационному таланту единиц. Даже в условиях упразднения районных структур партии, отсутствия многих прежних «товарищей»-райкомовцев. Тут и риск поимки врагом, зимнее бедорожье, пособники оккупантов. Необходимость быстро разобраться в незнакомых людях, в меняющейся обстановке, в массиве слухов, выбрав достоверное и значимое для дела. Сразу же после болдинского боя, в самом конце января 1942 г. в отряд «Ураган» прибыл первый секретарь Дорогобужского РК ВКП(б) Иван Андреевич Булейко. От имени подпольного райкома ВКП(б) Булейко поставил перед руководством «Урагана» задачу на взятие города. Это был не приказ, и даже не требование, распоряжение, предписание или указание — не тот год на дворе. Партийный чиновник лишь «ориентировал» отряд на необходимость захвата Дорогобужа в складывающихся благоприятствующих тому обстоя-

тельствах, подсказывая партизанским вожакам наиболее верный очерредной шаг. В последующие дни Булейко продолжал координировать действия партизан, оставаясь при отряде до дня освобождения райцентра¹. Немало в эти дни и позже сделала член ВКП(б), секретарь Дорогобужского РК ВЛКСМ Евдокия Павловна Симонова — опираясь на известных ей лиц комсомольского актива района, она обеспечила агентурную разведку в Дорогобуже и окрестностях города.

Замысел партизан сводился к следующему. Поскольку основные силы партизанских отрядов к началу февраля 1942 г. занимали большую часть территории южнее и восточнее Дорогобужа, первым шагом предусматривалось жесткое блокирование города с этих направлений. Как сообщали позже В.И. Воронченко и Ф.Н. Деменков в своей докладной записке в политуправление Запфронта, осуществлялось все это «...имея в виду, что противник либо в панике будет отступить на север от Дорогобужа, либо бросит свои силы на ликвидацию п/о [—] с тем, чтобы в боях уничтожить противника, не дав ему возможности получить подкрепление из Сафоново». Второй элемент плана — диверсии и локальные налеты непосредственно в городе, создание крайне тревожной для вражеского гарнизона атмосферы. Третий,

¹ В ранее указанной работе дорогобужских краеведов (2001) приводится сообщение, что И.А. Булейко принял на себя обязанности комиссара отряда «Ураган» в главные дни дорогобужских событий — 7—15 февраля (см. «Дорогобужская старина». Выпуск II. В.А. Прохоров, Ю.Н. Шорин. Из истории Дорогобужского края. Сб. статей. Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2001. С. 93. Однако в докладной записке в политуправление фронта за подписями В.И. Воронченко и самого Ф.Н. Деменкова читаем: «...с 7/II, т.е. после заболевания командира п/о «Ураган», комиссар командовал п/о...» Следуя этой формулировке, Деменков, оставаясь комиссаром, совместил эту должность с командирской. О Булейко в качестве комиссара отряда в обстоятельной докладной нет ни слова).

завершающий ход в партизанском плане — оседлать большаки к северу от города, полностью блокировав тем самым гарнизон, и — при отходе ли, при отсиживании ли врага — атаковать город.

В первую очередь партизанам предстояло решительно взять в свои руки боевую инициативу вне города, в ближайших же его окрестностях. Перехватить большаки. Будет бой — показать в этом бою, кто сильнее. Первый такой бой состоялся буквально в 3 км к северо-востоку от Дорогобужа, на окраине Новомихайловского (в ряде документов — Михайловка). Из 48 человек карательно-боевой группы в бою со 2-м батальоном партизанского отряда «Ураган» враг потерял 42 человека. Среди партизан в ходе боя лишь один убит, один ранен. Это не случайность, а результат умелого руководства партизанами, результат проявленных ими стойкости и умения хладнокровно вести бой. Сначала партизаны демонстративно заняли деревню и закрепились в ней. А дальше — благосклонность военной удачи. В деревню, не зная о партизанах, с запада по проселку приехала за деревенскими шубами небольшая группа немцев. Трос партизан, выйдя из соседней избы, перстреляли почти всех. Один убежал и сообщил своим: в Новомихайловском партизаны. Сколько? — Трое. Из города срочно для наведения порядка по большаку двинулась немецкая колонна на 10 подводах. Партизан, предполагавших такое развитие событий, было не трое, — вся 3-я рота П.М. Сочилина. Встретили прицельным огнем из ельничка и с чердака дома на окраине. Дуэль пулеметчиков немцы проиграли. Попытки обойти партизан с флангов, смять их заранее подготовленную систему огневых позиций были отражены специально предназначенными для того партизанскими заслонами А.М. Саламатова и А.В. Яковлева. Изрешетили 2 машины, присланные из города на подмогу ведущим бой оккупантам. Контратаковали и догоняли уцелевших аж пару верст. В километре от окраин

города младший лейтенант Н. Майоров и его боевые друзья остановились. Для первого боя — хватит. Среди трофеев этого боя — 4 ручных пулемета, что подтверждает: немцы сжали не шутки шутить, но было кому их грамотно и мужественно встретить.

Ближе к середине февраля то и дело еще происходили небольшие стычки партизан с группами противника, прорывавшего в южной части района партизанские заслоны на крепкость. На ключевых направлениях — на Ельню, Кардымово, Вихоры — группам немецкой дорогобужской группировки пройти не удалось. Так, 12 февраля 1942 г. к западу от Дорогобужа в районе деревень Михайловка и Быково на большаке Дорогобуж — Смоленск отрядом капитана Гусарова была в бою разбита лыжная группа противника, о потерях которого говорят взятые партизанами в качестве трофеев 13 винтовок, 3 автомата, 4 пистолета, в том числе один имснной. Аналогичный бой произошел на следующий день — отрядом старшего политрука Базарова был разбит обоз, уничтожено до 20 вражеских солдат. Бои в феврале гремели в Березовке, Челновой, Яковлеве, Михайловке, что на Старой Смоленской дороге. Фашисты суммарно потеряли в стычках десятки и десятки человек, существенно пополнили арсенал партизан, после чего вынужденно перешли к обороне.

Вторая задача — диверсии и общая дестабилизация обстановки в городе и окрестностях. 7 февраля 1942 г. Ф.Н. Деменков приказывает партизанским группам разрушить мосты по большакам Дорогобуж — Ельня, Дорогобуж — Смоленск. Одновременно группа в составе 7 человек из партизанского отряда Гудимова у юго-западных окраин Дорогобужа уничтожила подрывом большой склад боеприпасов — до 50 вагонов! Переполох у врага был страшный. Партизанам приятно было выслушать своих агентов-горожан о метаниях по улицам вражеских солдат.

Были и попытки немецких подразделений покинуть город, но партизанские заслоны их отразили.

14 февраля 1942 г. для немецкого гарнизона Дорогобужа сложилось отчаянное положение. Необходимость позаботиться о собственном спасении для гарнизона обозначилась ранним утром — партизанский артобстрел города из района соседней деревни Яковлево явственно сигнализировал о намерениях партизан. В этот же день 1-й батальон партизанского отряда «Ураган» планомерно, — с целью воспрепятствования подходу в Дорогобуж вражеских подкреплений, — занял к северу от города деревню Морозово на большаке Дорогобуж — Сафоново, заодно перерезав тем самым единственный, последний возможный для остающихся в Дорогобуже фашистов путь эвакуации, отступления, спасения. В этот день дорогобужский гарнизон не дождался следовавшего из Сафонова обоза с группой пехоты, около 75 человек. Этот отряд был встречен около 16.00 в районе Морозово 1-м батальоном «Урагана». Около 20 солдат было убито, часть бежала с поля боя, однако оставшееся большинство продолжило огневой бой, продолжившийся и ночью. Возможно, бой был слышен в занимаемом врагом в окрестностях Дорогобужа совхозе им. Фрунзе, от которого до д. Морозово всего-то 3,5 км. Немцам в Дорогобуже ждать хорошего не приходилось, командованием гарнизона было принято решение безотлагательно пробиваться большаком на Сафоново. В ночь на 15 февраля, ближе к утру, гарнизон оставил Дорогобуж, выступив на Сафоново — теперешний город, а тогда поселок при железнодорожной станции Дорогобуж. На большаке у Морозово его предстояло встретить своим, однако непосредственно восточнее, в самой этой деревушке закрепились партизаны. Большак им был как на ладони.

Бой с дорогобужской вражеской колонной начался утром, в 10.00. Это был не просто обоз эдаких морально

подавленных, в растерянности убегающих людишек в воинной форме. Это была отлично вооруженная боевая группировка. Помимо пулеметов и автоматов в колонне имелось два артиллерийских орудия и одно ПТО. Да и численность этой группировки — более сотни, по одной из оценок до 400 человек — неизбежно требовала боя, превосходившего все прежние бои здешних партизан. Кроме того, предполагая боестолкновение с партизанами, немцы гнали с собой в качестве живого щита около 350 военнопленных, взятых из концлагеря в совхозе им. Фрунзе. Бой шел вязко, для партизан в какой-то момент чуть ли не провально. Что было — то было. Но была и победа. Цельное представление об этом бое восстановимо. С перерезавшим большак у Морозово 1-м батальоном «Урагана» находился, — видимо, для контроля над ходом важной операции, — комиссар всего отряда Ф.Н. Деменков. И не зря. В ходе боя из общей численности партизан батальона, из 122-х бойцов, с Деменковым под пулями остались в напряженный момент лишь 14 человек. Остальные, включая командира и комиссара батальона, отошли якобы «в тыл противнику», но существу уклонившись от продолжения боя. Почему это произошло? В советском 1983 г. специально посвященном истории дивизии источнике¹ читаем такое «объяснение»: *«Полагая, что боевая задача выполнена, Владимир Васильевич Осокин, посоветовавшись с комиссаром Иваном Илларионовичем Анютенковым, увел своих бойцов на запасные позиции»*. Однако если отнестись внимательно к менее известным свидетельствам самих участников боя, оказывается, было с кем *советоваться* и без комиссара, все прозаично: «начальницей штаба батальона» в эти дни была некая Ольга Кондрашева, имевшая какую-то особую

¹Первая партизанская / Сост. Юдин Н.Ф. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 137.

власть¹ над комбатом Осокиным. Но не власть над своей природой: увидев немецкую колонну, с криком «Мы все здесь погибнем! Бежим в лес!», навязала комбату решение об отводе штаба батальона в лес. За штабистами потянулись тыловики, разбиравшие трофеи обоза, а там — и бойцы с северной окраины деревни. Но, как часто бывает на войне, малодушие одних соседствует с героизмом других. Под пулями остался лишь взвод Ивана Архипенкова и расчет батальонного миномета². В результате снятия заслона дорогобужская вражеская колонна у Морозово объединилась с остатками сафоновской группы. До 13.00 малочисленная группа Деменкова — Архипенкова продолжала один на один сдерживать продвижение колонны противника, затем на помощь подошел 2-й батальон отряда, после личного вмешательства Ф.Н. Деменкова вынуждены были вернуться командование и основные силы 1-го батальона. Около 16.00 бой был завершён. Уцелевшие враги уходили полями на Петраково, оттуда — проселочными дорогами на посёлок Сафоново. Около трех десятков фашистов осталось лежать бездвижно. Здесь же партизанам досталось 92 подводы этого разбитого обоза, оружие, продукты и имущество, множество других трофеев, среди которых 48 лошадей, 4 радиоустановки. Немцы оставили обоз, но сами налегке смогли-таки, свернув с большака, пробиться на Сафоново — снежным цельником, проселочными дорогами они достигли контролируемых оккупантами деревень к северу от района боя, ушли к своим. И все же для партизан это была действительная, несомненная, важная победа.

¹ *Майоров Н.К.* Отряд «Ураган». Записки партизана. Одесса, 1967. С. 94: «...Ни в одной разведке даже не участвовала. Только при частых и продолжительных отлучках Володи свою глупую ревность демонстрировала».

² *Майоров Н.* Незабываемые дни. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1963. С. 98—99.

Вряд ли уцелевшие остатки дорогобужского гарнизона при появлении в Сафоново прибавили у местного вражеского военного руководства энтузиазма для контрмер. Атаковать Дорогобуж немцы явно не поспешили.

СЛАВА ОСВОБОДИТЕЛЯМ!

В освобожденном городе тем временем происходило восстановление районных исполнительных органов и партийных структур, подбирались и назначались председатели райисполкома и руководство его отделов, новые председатели и иные сотрудники для возрождения работы сельсоветов и колхозов. На совещании партизанского комсостава было принято решение об объединении партизанских отрядов в единую группировку с единым руководством. Это в официальной историографии — по «Кратким сведениям из истории первой партизанской стрелковой дивизии “Дедушка”». Более убедительными для нас представляются воспоминания Н.К. Майорова, сообщающего, что указанное решение было принято на заседании бюро райкома ВКП(б), с участием, разумеется, партизанских руководителей. Важнейший момент! Не бои и победы, а слияние отрядов и сопровождающий его передел властных рычагов и должностей — вот главное, и не столько даже для конкретных судеб, сколько для судьбы последующей битвы. При поддержке районной партийно-советской элиты молодых и горячих, боевых парней «Урагана» отодвинули в сторонку: «Ураган» де-юре прекратил свое существование, центральная партия признала «Дедушку» (о нем в свой черед скажем чуть подробней). Стоит ли разьяснять — кто оказывается в центре, тот и ведет свою команду на ключевые должности нового формирования. Упразднение самого по себе имени отряда «Ураган» для его партизан было пощечиной. «Ураган» сделал главную работу, сломил врага в главных февральских боях

у города, вывел из подполья партчиновников в привычные кабинеты — и вот благодарность: воюйте теперь безлико, а рулить будут аксакалы, курву-славу автоматически приватизируют их отряды, до февраля не сделавшие ни выстрела!

Отметим здесь же и «проницательность» лично Г.К. Жукова в оценке боевых возможностей партизанских отрядов. Здесь же — рвение воспользоваться и достигнутыми, и предстоящими победами смоленских партизан. Вдуматься только: не Жуков, не его войска, не по его приказу берут города! И где ведь? — в полосе его, жуковского фронта! Но рядом с Жуковым-то были те, кого специально Родина назначила давать командующему Запфронта советы. Советы — Жукову?! Да. Члены Военного Совета Западного фронта, люди, отнюдь не случайные во власти, отнюдь не бездарные специалисты. Специалисты по превращению любого пригодного человека в инструмент истории. И Жукова тоже. И уж тем более лидеров народной массы в полосе Запфронта — тех, чьи души проходят по их — членов Военного Совета — идейно-политической и подсудности, и подведомственности. Этим партизан требовалось мягко взять под опеку, включить в свою программу, изучить, отфильтровать, «приписать». Чтобы дело шло не анархично, да и чтобы были основания включить их заслуги в заслуги государства и его курирующих данное направление представителей.

Из состава регулярных войск, действующих в тот момент в составе Западного фронта, в освобождении г. Дорогобуж принимало участие 62 человека — «волею судьбы» выброшенных в период высадки 8-й ВДБР в окрестностях Дорогобужа. Эти бойцы были сведены в группу под командованием военврача 2-го ранга Ю.Н. Пикулева, действовали в составе партизанской группировки «Дедушки» и «Урагана», выполняя притом вовсе не волю командующего фронтом, не задачи, поставленные их десантированной бригаде.

Однако каким-то образом Г.К. Жуков после получения известий об освобождении партизанами Дорогобужа сразу же почувствовал себя и своих подчиненных причастными к столь важному событию в полосе фронта. Взглянем-ка на карту, — кто там ближайший? 8-я бригада десантников? Хорошо, вот ее-то руководство получает (уже на 3-й день после освобождения города) радиограмму:

«Онуфриеву, Распопову. Поздравляем взятием Дорогобужа. Представьте отличившихся к награде. Жуков. Хохлов»¹.

Представим лица вникающих в ее содержание командиров-десантников. Какой Дорогобуж? Тот, что от группы Онуфриева где-то там на западе, в 50 километрах? И, главное, какое тут «поздравляем»?! Только что отрезаны противником, окружение, лес, мороз, кровь... Только что отгремели семлевские бои. Результатом масса убитых и раненых, большая часть раненых перебита немцами в Дяглево... С кем теперь воевать, как? Спаслись бы, прорваться бы из кольца! А тут ...разыскивайте, понимаешь, за полсотни верст в Дорогобуже кого-то и представляй к наградам... Интересно, было ли подобное исполнено командованием бригады? Но важно, по существу, иное: Родина заботилась о верных ее сынах. Внимательные, чуткие (даже благодарные?!) высокие тыловые начальники тянулись хотя бы через радиоволны стать хозяевами положения в центре Смоленщины, взять под опеку неизвестные им отряды, берущие города в полосе их Запфронта.

Приказом командующего Западным фронтом Г.К. Жукова создавался единый штаб партизанской борьбы в освобожденном районе Дорогобужа, получивший наименование «Главный штаб партизанских отрядов “Дедушка” Смоленской области». Командиром объединенной группы парти-

¹ Громов И.И., Пигунов В.П. Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное издательство, 1990. С. 132.

занских отрядов был утвержден ополченец 1941-го, в прошлом московский инженер, Василий Исаевич Воронченко, собственно, и прозывавшийся партизанами Дедушкой. Именно это прозвище-обращение заменяло, по существу, его какое-либо воинское звание и должность. Гордиться ему тогда мало чем было, как и многим, — побывавший у немцев в плену рядовой ополченец 1941-го. Комиссаром «ДЕДУШКИ» стал Феоктист Николаевич Деменков, имевший, по крайней мере, и воинское звание старшего политрука, и реальные — с его «Ураганом» — боевые заслуги в только что отгремевших боях.

ВЗЯТЬ МАЛО, ГЛАВНОЕ — УДЕРЖАТЬ

События в Дорогобуже произвели шокирующее воздействие на пособников оккупационного режима в соседних районах. Не в лучшем, прямо-таки в паническом настроении оказались командиры охранных, полицейских подразделений врага в соседних с Дорогобужем райцентрах. И если гарнизоны райцентров у Московско-Минского шоссе в случае удара партизан могли рассчитывать на своевременное прибытие подкреплений, то районный поселок Глинка, лежавший в стороне от крупных вражеских коммуникаций, был в этом смысле незащищен. Несколько десятков немецких солдат и местных полицейских не могли бы противостоять потенциалу рассыпанной по глинковским деревням осенью 1941 г. почти целой армии — 20-й армии Западного фронта. Как в других районах центра Смоленщины, под Глинкой у партизанских сил не было проблем с оружием и боеприпасами.

В середине февраля в северной части Глинковского района были в столкновении с партизанами основательно потрепан карательный-полицейский отряд Кружеленкова. Отступление этого отряда в Глинку в сумме со впечатлением от новостей

из Дорогобужского района вызвали у районного вражеского руководства откровенную панику. 22 февраля пос. Глинка без каких-либо боев был оставлен оккупационной администрацией. На следующий день, 23 февраля 1942 г., в поселок вступили партизаны группы отрядов «Дедушка».

Если для военного коменданта Глинка гауптмана Ратта и бургомистра Хотулсва задача в эти дни ограничивалась личным спасением — воевать, действительно, не их дело, — то на уровне руководства тылового района группы армий на сдачу Глинка смотрели несколько иначе. Подтянув через несколько суток возможные к тому резервы, противник атаковал пос. Глинка с южного направления, от Ельнинского большака, через Новую Буду.

В полукилометре южнее железнодорожной станции Глинка — у МТС (машинно-тракторной станции, позже здесь — РТС) — и у глинковского льнозавода, что немного поодаль к юго-востоку, закипел ожесточенный бой.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин учил: всякая революция только тогда чего-либо стоит, когда она умеет защищаться. Помним мы, а уж тем более помнили ленинскую военную аксиому опартизанившиеся окруженцы и местные коммунисты-руководители, изучавшие политграмоту системно. И здешняя революция защищалась: в поселке сразу же после его занятия партизанами были размещены 4 орудия, в скором времени ударившие по контратакующей немецкой штурмовой группе. На оставленных РККА этих орудиях не было панорам, прицельная стрельба была в точном ее понимании невозможна. Корректировка огня велась с 2-этажного здания школы. Партизанский корректировщик кричал: «на аршин левее!», «на аршин правее!». Но и такой стрельбы доведом к ружейно-пулеметному огню в итоге хватило, чтобы атакующие немецкие группы повернули назад. В бою ими было потеряно более сотни солдат и офицеров только убитыми. Глинка осталась в руках партизан.

3. НА РОДИНЕ ГВАРДИИ

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

В окружение попадает масса абсолютно разных людей, и столь же по-разному складывается их судьба после. Когда «котел» разгромлен, территория противником «зачищена», для оставшихся в живых наступает иная половина бытия: все по-новому, совершенно другая жизнь. Прежние герои могут оказаться морально раздавленными побирושками. Ничем не приметные и не чиновные люди, напротив, иногда вдруг проявляют свои скрытые прежде способности, творят новую историю. Особая роль в истории возникновения партизанского движения в районах северо-восточнее Ельни принадлежит старшине Аркадию Меркулову.

Был такой старшина, оставшийся, как и многие, в этих местах после осенних боев 1941 г. — окруженец. Но поначалу слова «окруженец» не было. Местное население в ту пору часто именовало таких «пленными», хотя понимало, что большинство этих людей немцам на поклон не ходило, просто отстали, попрятались. Но народ трагедий не прощал и язвил: «пленные...» Как кто, Меркулов же в ответ на нападки не гнулся, а рассказывал о том, как дрался летом. Видимо, пытался драться достойно, раз было что рассказать. Но в душе затаились ожесточенность, злоба на многих и многое. После того, что творилось на Западном направлении летом—осенью 1941-го, верить не приходилось никому. Бывало, Аркадий Петрович в кругу близко знакомых говорил: «Когда я вижу человека, то мне кажется, что он предатель, и у меня горят руки, чтобы нажать на спуск курка». Аркадий Меркулов не оказался в бесчисленных колоннах пленных, это что-нибудь да говорит. Кто знает, скольким из бежавших к немцам он не выстрелил в спину?.. Или стрелял, и вот тогда-то в израненной душе нечто главное становилось на свое место?

Первые в округе Митишково выстрелы — по прислужникам гитлеровцев — сделал именно старшина А.П. Меркулов. В одиночку, выследив за деревней, расстрелял вошедшего немцам списки «подозрительных лиц». И сразу оцепенели с этих самых «подозрительных» как рукой сняло, все пошло к Меркулову. Было решено перейти к открытой борьбе против врага.

Меркулов был обречен вести свою войну покуда жив. Но «я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Завязалась дружба с оставшейся по ранению, жившей у соседней восницы В.М. Рязановой. Спасая се от подхлывших к деревне карателей, покинул деревню.

Не прощали и этого, язвили: «Тов. Меркулов! Вы говорите: “я герой...”, героически дрались на фронте, а потом попали в окружение и вот теперь здесь сидите. А почему вы не поехали под Севастьяново, а драпали в другую сторону?» Скрипел зубами.

Меркулов сам шел напролом и от других требовал. В среде будущих партизан многие А.П. Меркулова опасались из-за жесткого его характера. Не прощали жесткости, требовательности, ставки вместо слов убеждения на дуло нагана. Были и обычные разговорчики, звучащие за спиной начальства во все времена: у него даже не гордость, — зазнайство... Но не показывали, до поры, до часа. Этот час, роковой в судьбе Аркадия Меркулова, наступил на совещании в деревне Матченки. Именно здесь и тогда рспался вопрос о распределении командно-административных должностей в формируемом отряде. В какой-то момент Меркулов вышел из избы и получил из кустов пулю в висок. Он через несколько суток умер на руках у восницы Веры Рязановой. Работа была сделана чисто, проведенное позже расследование установить виновного так и не смогло.

Партизанщину довели до ума и возглавили другие люди. А об убийстве Меркулова еще долго шли разговоры. Среди

прочего вспоминали, как прежде отчаянные головы говорили, что если он возглавит дело, разойдутся по мелким, но независимым группам — лишь бы не пойти к нему в отряд. Пожалуй, ключ к истине сокрыт в словах одной местной старушки: *его убили, и начали все группы сходиться и организовывать полк.*

Аркадий Петрович Меркулов сгорел в пламени той войны. Не знаменит, так получилось. Но где-то у окраин Мархоткина и Митишкова остались навек лежать, вращая год за годом в землю, отстрелянные им гильзы. Гильзы первых выстрелов партизанской войны.

ЧЕЛОВЕК И ПАРОВОЗ

При чем тут паровоз? Такой вопрос был поначалу, в январе 1942-го, в головах многих рядовых партизан, слышавших фразы более осведомленных о том, что «ФД двинет наше дело серьезно».

На старых военного времени картах осталась память об этом человеке. Полк обозначен его инициалами: Ф.Д. Это его партизанский полк весной 1942 г. удерживал огромный — более 60-ти километров — участок фронта к востоку от Ельни. И что фронт этот вовсе не фикция, могли бы подтвердить, например, воспоминания солдат и офицеров вражеских 137-й, 221-й, 442-й дивизий. Когда-нибудь, если мир не скатится в анархию, что-либо всплывет. Но и без того остались отчеты о боевых действиях дивизий в донесениях группы «Шенкендорф» — весенние ежесуточные отчеты о боях против этого партизанского полка, командир которого — Федор Данилович Гнездилов.

...Полком отряд Гнездилова стал, конечно, далеко не в одночасье. Восемь человек в конце осени начали дело с 8-ми обрестов, пулемета и всего 2-х винтовок. В декабре, к новому, 1942 году, в отряде было 40 человек. Однако в течение января состав отряда перевалил за 4 сотни.

А теперь о человеке, сплотившем сотни людей, педших на смертельный риск и самую трудную на земле, военную страду. Федор Данилович, беспартийный, отнюдь не местный — а воронежский, — как и большинство подлинных партизанских вожаков той поры, кадровым военным не был. Правда, боевой опыт, и не малый, имел еще в Гражданскую: бои против Краснова, Махно, Деникина, Врангеля. Гнездилову довелось аж до начала 1930-х годов бороться с басмачеством в Туркестане, затем участвовать там в строительстве нового государства.

Война застала Федора Гнездилова в Москве, небольшим руководителем в трамвайно-троллейбусном управлении. С 5 июля 1941 г. в ополчении. Спустя небольшой срок Гнездилову присвоено звание лейтенанта, направлен на Западный фронт¹. Ранен в боях и вынужден остаться на занятой врагом территории, в Ельнинском районе Смоленщины.

На северо-восточных окраинах Ельнинского района в октябре 1941 г. осталось в деревнях множество бойцов и командиров советской 24-й армии. Первое время в их среде царил полная растерянность, смутное видение своего будущего. Постепенно люди узнавали друг друга лучше, росло взаимное доверие. Появились вооруженные полуподпольные группы, со временем превращавшиеся в небольшие партизанские отряды. Возник партизанский отряд и в Савостьяново². Ф.Д. Гнездилов стал начальником штаба отряда. Рослая фигура, решительность, а позже проявленная и личная смелость в бою с карателями, жизненный и боевой опыт выделяли Гнездилова из общей массы партизан и команди-

¹ Биография дается по характеристике отряда / полка.

² Отряд «Уральца» — Владимира Буташева (Г.С. Амировым фамилия указана в форме «Баташев», но мы более склонны верить сведениям А.С. Анисимовой, у которой «Уралец» проживал несколько месяцев с октября 1941 г.). Буташев в ходе первого боя с карателями был тяжело ранен, позже эвакуирован самолетом в советский тыл.

ров, причем не только в своем отряде, но и среди командования партизан-соседей. На совещании командиров отрядов, состоявшемся в начале февраля 1942 г. в лесной деревушке Курвость (Г.С. Амиров именует эту деревню Курворость) на тогдашней границе районов, кандидатура Ф.Д. Гнездилова на должность командира объединенного отряда была единодушно утверждена. И Гнездилов многократно оправдал доверие командиров, приобрел авторитет не только среди рядовых партизан, но и среди местного населения.

Партизан 2-го батальона гнездиловского полка Н.А. Морозов, уцелевший в военные годы и вернувшийся в родные края с фронта кавалером орденов Славы и Красной Звезды, рассказывал после войны о командире полка Гнездилове, об отношении к нему сельского люда в ельнинских деревнях: *«...ФД всегда был рядом с нами, пули и снаряды свистели вокруг него, а он стрелял из автомата или винтовки, лежа рядом с нами. ...Он интересовался настроением и думами каждого человека. Он может поехать в любую деревню, и люди соберутся, чтобы встретиться с ним».*

На плечи Ф.Д. Гнездилова и его сподвижников легла не только трудная ноша организаторов боевых действий. Множество совершенно иных вопросов приходилось им решать в деревнях освобожденной партизанами территории. Были открыты для нужд населения и партизан сапожные и швейные мастерские. В деревнях каждый колхозный амбар, превращенный в склад имущества и продовольствия, требовал охраны и контроля. Склады с продовольствием и боеприпасами были размещены в Долгоглядье, Дегтярне (Дегтяревке), Лысогорье, Чашах. На весенние полевые работы полком было передано крестьянами более 120 лошадей. Попавших в плен австрийцев и немцев, а также задержанных особым отделом лиц требовалось где-то надлежаще содержать. Была налажена караульная служба. В Некрасах действовала оружейная мастерская, где восстанавливали не только стрелко-

вое оружие, но и минометы и орудия. Здесь же, по соседству со штабом полка, располагались хозяйственная часть с полковой канцелярией, службы ОВС (обозно-вещевого снабжения) и ПФС (продовольственно-фуражного снабжения).

За февраль—март отряд Ф.Д. Гнездилова стал полком, и не на словах. Полком, превосходившим даже регулярные полки действующей Красной армии. Алексей Таратутин о своей службе в партизанском полку отзывался так:

«...Было тяжело, но мы работали с радостью. Вводили арм[ейский] порядок — крепче, чем на фронте. Моем колеса, сами делаем щетки, делаем все и моем, чистим коней. Как бой, мы все с оружием в руках бились с немцами. (...) Полк по дисциплине, по организованности, по боеспособности был на все 100 %, все было лучше, чем в регулярных частях того времени. Воевали партизаны с исключительной храбростью».

Такое впечатление о гнездиловском полку было не только у самих партизан. Побывавший в самом начале апреля в полку у Ф.Д. Гнездилова И.Г. Фактор — командир последовательно нескольких беловских кавполков — в своих послевоенных воспоминаниях свидетельствует:

«Командование полка предоставило мне возможность побывать в подразделениях. Хотя я знал по данным штаба дивизии, что полк укомплектован, по то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Партизаны были вооружены не только стрелковым автоматическим оружием, у них были артиллерия и минометы. ...Самое же главное — отличное впечатление производили люди. Сопровождали меня по всему своему “хозяйству” командир и комиссар полка. Чувствовалось, что полком командуют люди с большим опытом».

Автомат ППП, с которым И.Г. Фактор не разлучался с самого начала войны, с которым прошел Украину, Подмосковье, вяземские зимние бои, был им подарен Гнездилову. А ведь это в окружении, и обоим впереди предстояло воевать и воевать. О чем-нибудь такое да говорит.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЛИТРУК

В тот год, — по всей вероятности, главный год его жизни, — было ему лишь 25 лет. Народ ельнинских деревень его и запомнил почти мальчишкой на вид, однако звали уважительно — Геннадий, Геннадий Семенович. Он всей своей жизнью в той непростой обстановке заслужил и уважение народа, и даже больше — доверие.

Гаян Суфианович Амиров — уроженец Бапкирской АССР, член ВКП(б) с 1939 г., кадровый военнослужащий, политработник. Потом была осень 1941-го, «Вяземский котел» (название, конечно, условное и неточное), когда на пространстве от Екимовичей до города Белый в окружение попали и были рассеяны многие армии.

...Вторая, главная жизнь Гаяна Амирова начиналась прозаично, а на войне по-другому и не бывает. В октябре 1941-го он бродил по крестьянском дворах деревень Замощье, Петрочепково, Ветитново с двумя приятелями, такими же офицерами-окруженцами — Ф. Костриковым и А. Кренделем. Приютившая «Геннадия» хозяйка, Матрена Демченкова, вспоминала после войны: *«Геннадий был меньше всех, худенький. Пиджачок на нем суконный, плохонький, рваные штаны, черные в полоску, ботинки рваные. В шапке или в кепке — забыла»*. Окруженцы в большинстве своем так и выглядели: остались они в своей военной форме — в колонну, и вперед, считай бесконечные «дороги Смоленщины».

Иван Шайков, проживавший в 1941-м в деревне Ветитнево, о появлении у них Амирова с Кренделем рассказывал так: *«Они мне не открывались, говорили, что “мы учащиеся”, и, действительно, по обличью и образу это были не военнослужащие, мальчишки. Это был Геннадий Амиров, но фамилию свою он назвал не сразу. Вторым был Аркадий»*.

В декабре 1941-го Г. Амиров при посредстве Аркадия (младшего политрука А. Кренделя) и местных жителей на-

ладил связь с замопьевской подпольной группой П. Паненкова. В последних числах декабря Амирову удалось создать целую конспиративную сеть бывших военнопленных, оставшихся в этих местах. Вскоре жители соседних домов стали замечать, что к Амирову стало приходить множество людей из других деревень, однако приходили они только ночами. Днем по-прежнему все было шито-крыто. В середине декабря, 16 числа, Амиров провел в Ветитневе подпольное собрание, где говорил о боях под Москвой, о призыве самого товарища Сталина к подрывной, диверсионной и партизанской борьбе в немецком тылу. На этом собрании он дал сто участникам установку на скорейшее сплочение в партизанские группы, на поиск вооружения и боеприпасов. По итогам собрания в партизанскую группу записалось 48 человек¹. С местными жителями Амировым была начата подготовка продовольствия для будущего отряда — тесновский мельник Бурмистров волей-неволей выдал подпольщикам три мешка муки. Однако не следует думать, что подобные мотивы могли быть у таких как Амиров на первом месте. На первом месте — борьба. Причем уже осенью 1941-го и в начале зимы.

Вот один из примеров. Пример, исчерпывающе показывающий отношение Амирова к оккупантам еще в первые холода первой военной зимы, до известий о подмосковных победах Красной армии, и до смоленской 1942 г. партизанщины:

«...Приехали немцы, дали задание Горбачеву — собрать хлеб и теплые вещи. В это время в хате был Геннадий, сидел — валенок подшивал, а немцы были важные, в тулупах. Геннадий не хотел убивать немцев в деревне... А потом погнался за немцем и убил [вставка-исправление в текст:

¹ Амиров Г. Партизаны из Ветитнева // «Знамя»: (сельнинская районная газета). 1965. № 51.

«убили их»] где-то между Юшково и Замошье, тогда взяли три тулуна, валенки, лошадей. Хлеба немцам не дали, все спрятали».

Небольшая в процитированном тексте сбивчивость в формулировках рассказывавшего этот случай означает, что «Генпадию» уже в тот период было с кем сходить следом за немцами на дело, не требовавшее свидетелей. Три тулуна, валенки и лошадей в одиночку не заберешь.

Потом дошло и до стрельбы в деревнях. Немские тыловики пробовали как-то проехать от Коробца по деревням правобережья Угры на север, к Мазову. В Усть-Демине их завернули:

«...Только переехали немцы мост, как мы начали бить из винтовок. Но ведь это не пулемет, тем более, что все волновались на первый раз. Убили одного немца, а старосту михалевского захватили живьем. Отвезли его в штаб, в Мазово, так как знали, что там есть партизаны».

В конце января — начале февраля 1942 г. замощьевско-встигневская партизанская группа П.А. Пансинова и Г.С. Амирова организационно объединилась с отрядом деревни Севастьяново, с группами из Усть-Демина, Мартышкова, Соса, Мархоткино и Митишково в единое боевое формирование. 4 февраля 1942 г. общее командование над объединяемыми в батальон отрядами принял на себя Ф.Д. Гнездилов. В партизанском батальоне имени Феликса Дзержинского, позже превратившемся в полк «ФД», Гаиян Амиров занял должность комиссара. Это был не штабной и не показушно-окопный комиссар. Вот обычный, характернейший отзыв об Амирове, слова простого в ту пору бойца-партизана, М.Д. Степина: *«Каждый партизан к нему шел как к родному отцу, хотя он и был молод, но его очень все уважали, он относился к людям очень хорошо».* Комиссаром он показывал себя и в боях, и в разговоре с жителями на деревенских улицах. А чего стоило Амирову развернуть за пиворот королями едущих по ельнин-

ским деревням наглых среди баб да подростков беловских майоров! Покомиссарил под Ельней Амиров ярко и дельно, правда, недолго. Интриги...

Не забегая вперед, позабудем пока о конкретной пришибесвской конторе, свернувшей ельнинскую карьеру комиссара Амирова. Пока — в январе, феврале 1942 г. — развитию партизанщины восточнее Ельни никто не мешал. И слава комиссарскому богу, что не мешали!

ОКРУЖЕНЦЫ СТРЕЛЯТЬ УМЕЛИ

В январе 1942 г. гитлеровцы применили особую тактику в борьбе с формирующимися партизанскими массами. Не имея сил для удержания гарнизоны огромного количества населенных пунктов, вражеское командование создало боевые группы, достаточные для ведения небольших наступательных боев. Этим группам ставились задачи уничтожения любых боеспособных лиц, которые будут встречены в пунктах следования, — и пытавшихся сопротивляться партизан, и окруженцев, и иных подозрительных лиц из местного населения. Маршрут для каждой боевой, а точнее, карательной-боевой группы разрабатывался на основании сведений предварительной агентурной разведки.

Однако система если не разведки, то наблюдения и своевременного оповещения уже имелась и у партизан. При создании отрядов они преднамеренно оставляли часть добровольцев в деревнях, где те проживали, с одной единственной задачей — вовремя оповестить партизан об опасности. И эти люди сработали. Способствовало оповещению партизан, своевременной подготовке их к бою и поведению врага: продвигаясь от Стаек на Жабье, СС-овцы в каждой деревне оставляли трупы вовсе даже не партизан, а подвернувшихся им под руку прежних советских активистов и комсомольцев: в Щелкине — 8, в Брыни — 12, в Се-

менкове — 6, в Алексеевке — 10, в Жабьем — 27¹. Это была не тактика. Это было подписание себе приговора!

От залитой кровью деревни Жабье до партизанского Савостьянова (иногда называется и Севастьяново) СС-вцам оставалось ехать недалеко — всего около 2 км. Бутапов с Гнездиловым решили дать бой. Экспедиционная колонна, двигавшаяся из Ельни, под д. Севастьяново партизанами была разбита в пух и прах. Никем не оплакиваемые 80 тел карателей навеки легли в братском захоронении. Один из германских офицеров смог добежать назад до Жабьего и спрятаться, но вступившие в деревню партизаны быстро его обнаружили. Результат — ставшая трофеем планшетка этого офицера с документами по операции, получение тем самым партизанами точных сведений по планам действий более восточной колонны, шедшей по правобережью Угры. Оставалось оповестить мазовских соседей-партизан, поспешить навстречу и этой группировке.

Начавшийся у окраин Мазова второй из январских боев с карателями развивался почти по тому же сценарию, но оказался масштабнее и стоил СС-вцам гораздо большей крови. Колонна карательного отряда на 20 подводах продвигалась из деревни Жильково на запад, под Мазово, Бузаново, Мархоткино. Недалеко от берегов Угры партизаны встретили и разбили этот отряд. Участник боя Сергей Калесдин позже вспоминал:

«Вскоре после этого нам передали, что идет обоз немцев со стороны Спас-Демеиска[,] и мы сделали засаду на мельнице в Мархоткино. Я, правда, не подсчитывал, сколько было убито немцев, так как было не до счета, но выскочило не более 8-ми человек немцев, остальные все были побиты».

В действительности спастись и вернуться удалось лишь нескольким возчикам из местного населения, кос-как, с обморожениями, снежным и болотистым бездорожьем в обход

¹ *Амиров Г.С.* Непокоренная земля. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1975. С. 57.

Матченюк добравпимся в деревни Марьино. На заснеженных полях после боя партизаны насчитали 147 вражеских трупов.

Следствием поражений карательных колонн было распространение по деревням округа Замошья вполне достоверных рассказов, сводящихся к констатациям: партизаны действительно есть, причем в деревнях округа Мархоткино они гораздо боеспособнее и, видимо, гораздо многочисленнее, чем немецкие карательные группы. Приходилось жителям находить и рукописные листовки подпольщиков, в которых помимо призывов — непривычные утверждения о *незаятости* немцами Москвы, о контрударах и даже контрнаступлении РККА. Однако сообщения о первых (успешных причем!) здесь партизанских боях, вероятно, действовали на людей сильнее. Особенно на тех, что стрелять умели и даже, в силу присяги ...должны были.

Кроме листовок и «слухов» основанием для глубокого размышления каждого о своей дальнейшей судьбе стало поголовное уничтожение всех, кто не сплотился в крепкие вооруженные отряды. Так было, например, в деревне Стаицкое с группой остававшихся здесь с 1941 г. военнотружущих-окруженцев. Они были без каких-либо разбирательств перебиты карателями на окраине деревни. Ой, зря! Ведь именно здесь, по дороге из Замошья на Стаицкое, совсем к тому времени недавно — в октябре 1941-го — происходило, например, следующее:

«...Видел, что в лесу много убитых бойцов и много оружия. ...Чтобы не ехать порожняком — мы положили в тележку 8 пгук пулеметов, 12 винтовок, 3 автомата, 1 миномет и 5 ящичков патронов. Привезли в Замошье и сложили в колхозную шоху, где лежала немолоченная рожь.

...а на третий день, числа 8 или 9 октября 1941 г. мы опять поехали с братом в лес и привезли несколько пулеметов, полуавтоматов, а простых винтовок не брали. Нагрузили целый воз.

Все опять сложили в шохе и прикрыли пенькой».

Это из воспоминаний одного местного партизана — о начале его боевого пути. Оружие «сложили в шохе и прикрыли пенькой», чтоб сохранить до подходящего момента. Момент, как видим, наступил в январе.

Ставший зимой в партизанском полку комиссаром партизанский вожак Гаян Амиров в одной из собственных послевоенных публикаций пишет об установке подпольщиков не только на личную вооруженность, но и на системный сбор *всего* пригодного для боя оружия, боеприпасов:

«Вокруг простирались поля Ельнинского плацдарма, где валялось множество винтовок, пулеметов, гранат, патронов, мин и снарядов. В Холбинском лесу были даже пушки, автомашины и тракторы. Очень много было оружия и боеприпасов вдоль речки Демино, около Петраченкова, в матченском лесу и т.д. Все это мы старались собрать и припрятать до большого снега»¹.

Так что очень зря, бездарно, недальновидно немец поступил. Ведь, как говорит народ, земля слыхом полна — и вместо десятка убитых в Стаицком немцы «в компенсацию» получили целый батальон новых добровольцев-партизан, занявший соседние с этой деревни аж на пять месяцев. И не только ведь занявший для самообороны, а начавший бить немецкие гарнизоны.

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ²

Когда тебе 25 лет от роду и ты кадровый офицер РККА с 1937 г., летчик — мечта девушек, и уже звучит песенка «мама, я за летчика пойду», когда есть отпуска, щегольская

¹ Амиров Г. Партизаны из Ветитнова // Знамя, 1965. № 51.

² Название широко известного в советское время произведения Б.Н. Полевого (Кампова) о летчике А.П. Маресьеве.

форма, зарплата, а не палки трудодней, в общем, когда ты полон сил и уже почувствовал вкус жизни... никакие превратности войны не в силах заставить тебя отказаться от такого счастья, от настоящей жизни настоящего человека. Ты выползешь из любой дыры, — чтобы вернуться в эту Настоящую Жизнь и снова почувствовать себя прежним, Настоящим Человеком.

А вот совсем не такая история, хотя той же войны, той же весны 1942-го. Когда тебе всего-то семнадцать, а ты с перебитой пулей ногой лежишь на окровавленном снегу деревенской окраины. Никогошеньки из своих, способного тебя вытащить. На горке в ста шагах хата с немецкими пулеметчиками у выломанного окна, позади — бережок поднявшийся надо льдом речки, камыш. Это твоя родина — Смоленщина, где ты родился и вырос в соседнем колхозе. Тебе не привинтят орденов и Золотых Звезд, не посвятят газетных статей или книжек. Тебе помереть здесь, помереть без вести домой, на этом снегу, помереть нынче — через несколько минут или через час. Разница лишь в том — как: либо замерзнешь, либо добьют штыком.

Отстреливаться не мог — винтовка отказала, да и патроны отсыревшие, не со складов, с полсей. Собрав силы, он отбросил мосинку к речке. Отстегнул трофейный ремень, запыхнул. Вроде бы ничего слишком компромстирующего, хотя это и слабое утешение, если гансы достигнут здесь же, на поле боя. Стрельба на окраинах затихла, наши отступили. Немцы скоро пойдут вперед, сюда. И он тихо-тихо, медленно-медленно, не дергаясь, отполз за можжевельовый куст. Немцы не замечали. Бой, уже закончившийся, и им надосл до чергигов, на поле почти не оглядывались. Парнипка сквозь страшную боль отполз еще немного, в ледяную воду, в камыш. На поле осталось трое наших, тоже раненых, которым было не до отползания.

Первых двух немцы пристрелили короткими очередями. Потом подошли к Потапу. Донеслись его вскрики. Было вид-

но, как один из солдат штыком коверкал Потапу лицо, колол глаза. Это потому, что второй вытряхивал из планшетки Потапа трофейные железные кресты и медали. Отрезав уши, выломав руки и добив штыком, взяли за руки и ноги, швырнули на весенний лед речки неподалеку от коченевшего в камышах нашего паренька. А тот, дождавшись ночи, пополз назад, за многие километры, к деревне, где прежде стояла его рота. Помирать было рано.

...Миша Митин, местный деревенский паренек, года рождения 1925-го, из 6-й роты 2-го батальона партизанского полка имени 24-й годовщины РККА, воевал за свою родину вместо той самой РККА. Он выполз. Через несколько суток, когда никто уже и не ждал бы. Его, с распухшей ногой привезенного партизанами на беловский аэродром в Вергово, не отправили лечиться в советский тыл: они ведь «не родные», так, партизаны... А в здешнем беловских войск госпитале — его в июне беловцы, как и множество своих же раненых, попросту бросили под Озеричем на добытку немцам. Его оперировали враги — немцы, в Вязьме, в хирургическом отделении городской больницы. Его, когда вернулся из немецких лагерей, не признали инвалидом Отечественной войны. Его отрытый после войны среди документации полка комсомольский билет, сохранив фотографию, не сохранил фамилии — и путь в партию был закрыт. Жил как все не книжные, а настоящие люди.

4. НА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЕ

«ЛАЗОВСКАЯ БРАТВА»

Что это за братва? Не наша придумка. Именно таким выражением определял своих братьев по оружию тогдашний лейтенант, лазовец В. Четыркин. Война мобилизует людей на немыслимое для них прежде. Особенно ярко раскрыва-

ются личные качества каждого человека там, где прежний миропорядок и социальная система полностью разрушены — в условиях слома и ликвидации институтов прежней государственности. Таковы «демократизации» и революции, аннексии, оккупации. Оккупация местности чужеземной армией — наиболее жесткий вариант. Магической пружиной выступает мотив спасения себя, своей семьи и своего микросоциума. Речь идет о спасении жизни, а раз так, то все средства хороши. И ничего более универсального с древних времен не изобретено, чем вооружиться и биться с врагом смертным боем: *«Живет и здравствует, дышит и бьется смертным боем с врагом лазовская братва».*

Как и на какой основе возникали в первый военный год не просто партизанские отряды, а целые полки — полк имени Лазо, например? Мало желаний, необходимы условия, совокупность благоприятствующих обстоятельств.

Город Ельня расположен почти у истока реки Десна. Отсюда эта река течет на юг, к Брянску, Чернигову, впадает в Днепр под Киевом. Близкое к меридианальному в верхнем течении направление реки обусловило использование ее Красной армией летом—осенью 1941 г. в качестве водного препятствия на пути противника, по восточному берегу реки закрепились в августе и держались до октября 1941-го части советского Резервного фронта. В начале сентября, как известно, после долгих боев 24-й армии этого фронта удалось вынудить командование противника принять решение об оставлении Ельни и отводе войск на десяток километров западнее города. Однако охватывавшая до того город фронтовая дуга не исчерпала своей роли в войне: поля и перелески были завалены не только телами погибших, но и оружием, которому еще предстояло пострелять. На Десне та же картина, но чуть позже. Месяцами 24-я и 43-я армии Резервного фронта оказывались по Десне, патронные коробки с гранатами занимали свое место в нишах стрелковых ячеек и траншей. Многие из

этой массы боеприпасов осталось не востребовано, брошено в октябре 1941-го, когда враг пошел к Москве. Детальный анализ направлений наступления германских дивизий южнее Ельни в первые четыре-пять дней операции «Тайфун» показывает: немцы из лесного района в 20—30 км южнее Ельни пошли не к Юхнову и не к Вязьме, а подрезая коммуникации оборонявшихся по Десне советских дивизий и далее на север к Дорогобужу. Тем самым без каких-либо серьезных боев, без лобового взламывания советской обороны у Ельни нарушалась вся система управления и снабжения советских частей этого участка, они вынуждены были в спешке оставить укреплявшиеся неделями рубежи и пытаться пробиться на восток без оглядки на соседей. Фронт 211-й, 222-й СД 43-й армии, а чуть позже и левофланговых соединений более северной 24-й армии — рассыпался. Многие сотни советских бойцов и командиров, потеряв ориентацию в ситуации, так и остались на ельнинской земле.

Столь подробно остановиться на событиях осени 1941 г. под Ельней пришлось нам потому, что именно здесь позже возникло не просто широкое, но и высокоэффективное в боевом отношении партизанское движение. В более западных местностях Смоленщины, занятых врагом в считанные дни июля, в местах, где не было окружения и развала фронта, — ничего подобного не произошло. Именно территория ельнинско-вяземского октябрьского 1941 г. «котла» стала в 1942-м партизанским краем. Частное проявление — в районе к югу от Ельни. Лесистая местность к югу от Ельни, наличие массы оружия и боеприпасов, густая сеть тогдашних поселков и деревушек, контролировать большинство которых у оккупантов осенью—зимой не было возможности, — все это создало возможности к объединению военнослужащих РККА в группы, а затем и в вооруженные отряды. Деревенская допризывная молодежь, просоветски и патриотически настроенное местное население поддержали такие группы и отряды.

Когда выяснялось, что почти во всех рядом расположенных деревнях возникли вооруженные группы, происходило их объединение под единым командованием в боевую единицу батальонного типа. Так батальон, получивший затем первый номер, был создан из пяти групп: А. Миронова, И. Бурдина, М. Андреевкова, В. Медведченкова, И. Кожанова. В батальон объединились отряд И. Фомина, группы Епифанова, Крюкова, Андрианова. Много окруженцев, отрезанных немцами ударом с Соложи, осело в глухом уголке на южной окраине мутищенского леса — в деревне Клин и соседних Князевке, Борисовке, Демьяновке. Зимой здесь случайно приземлилась группа парашютистов из советского тыла. Группы объединились, и их суммарной численности также оказалось достаточно для формирования целого батальона.

Следующий этап — организация полка. Полк был организационно оформлен в период с 9 по 12 февраля 1942 г. На совещании командования полка 12 февраля по предложению военкома полка утверждено наименование: партизанский полк имени Сергея Лазо.

Изначально базовым районом дислокации штаба и первых сформированных батальонов полка его командованием были избраны в полутора-двух десятках километров южнее Ельни деревни мутищенского леса — с разбросом между ними всего в 5—8 км:

- Штаб полка со штабной ротой — поселок гортопа;
- 1-й батальон — деревни Старые и Новые Луки;
- 2-й батальон — район д. Клин;
- 3-й батальон — д. Оболоновец (Старый Болоповец).

Позже, по мере расширения района открытого противостояния врагу формировались следующие, новые батальоны: 4-й батальон занял южнее Ельни цепочку деревень в долине Десны, 5-й батальон образовался западнее — в округе села Щербино, в районе первой полосы прежнего фронта 24-й армии на реке Стряна. В самом начале марта в полк вступил

прежде автономный, действовавший в Екимовичском районе партизанский батальон политрука Грачева, получивший 6-й номер в составе полка. Еще позже на восточном фланге освобожденной полком территории, на самом юго-востоке Ельнинского района был создан 7-й партизанский батальон.

О командирах вооруженных формирований, объединившихся в полк, об их судьбе мы знаем очень мало. А о каждом надо бы целую книгу написать... Было. Быльем поросло. Вот имена комбатов полка начала весны 1942-го: 1-й батальон — Владимир Ильич Медведченков; 2-й батальон — Петр Поликарпович Симухович; 3-й батальон — Виктор Дервинский; 4-й батальон — Иван Игнатьевич Черкасов; 5-й батальон — Иван Ефимович Майоров; 6-й батальон — Николай Иванович Грачев; 7-й батальон — Егор Осипович Капурьгин. Из них двое были командирами из среднего командного состава (старшие лейтенанты), трое — из политсостава Красной армии. Дервинский имел звание старшины. Комбат-2 Симухович, бывший киноартист, был ополченцем. Как видим, офицеров не хватало. Но не хватало их тогда, если речь не о свежеспеченных младших лейтенантах-мальчишках, по всему советско-германскому фронту. Стихия партизанской жизни и войны выдвигала лидеров массы по иным, чем прежние должности и звания, критериям. В реальной, «неуставной» войне, тем более в партизанской войне, жизненный опыт, находчивость, хладнокровие и воля требовались в большей степени, чем кубари в петлицах.

Полком командовал не партработник и не кадровый офицер, а бывший местный учитель ботаники Василий Васильевич Казубский (летом 1941-го председатель Коробецкого сельсовета). Аналогично и комиссар полка Андрей Юденков. Он вообще не подлежал мобилизации по медицинским основаниям¹. Казубский был призван, но опыт

¹ Юденков А. Ф. За огненной чертой. М.: Восниздат, 1966. С. 7.

военной службы оказался коротким: Вяземский «котел» 1941-го сломал уйму и не таких карьер. В отличие от командира и военкома, штаб полка возглавляли люди сугубо военные — сначала старший лейтенант Л.Л. Зыков, затем — с мая 1942 г. — капитан И.Т. Хотулев. Странное сочетание военных и штатских (точнее, некадровых военных) в руководстве партизанского полка дало неплохой эффект: решения принимались крайне заинтересованными в успехе дела — местными людьми, полагавшимися на собственное знание местности, на личные договоренности и знание качеств подчиненных, а не на безликую военную субординацию. Но притом советовались с «военспецами», как тот Нестор Махно в романе А. Толстого «Хождение по мукам». Именно такое сочетание позволяло успешно воевать в тех непростых условиях. Условия, кстати, были вполне махновскими, — разве что места более лесные, и разъезжать приходилось не в тачанках, а верхом да на санях. Сохранившиеся письменные зарисовки помначштаба полка¹ первых месяцев лазовской партизанщины напоминают все ту же махновщину:

«Казубский окруженца допрашивает:

— Винтовку бросил?

Молчание.

— Бросил?

Кивок головы.

Батя отдает свой кинжал.

— Немца убей, а его автоматом вооружись.

Утром окруженец важно восседает рядом с Батей и как равный курит табак из батькиного кисета...

Средь бела дня Сашка Андреев с тремя разведчиками в холотовский гарнизон к немцам в гости пришли. Курицу жареную стащили. Шнапс попили. Хату заминировали и домой».

¹Цит. по: Воспоминания пом. начальника штаба полка — тов. В. Четыркина.

Упомянут Владимиром Ивановичем командира полка Казубского с использованием термина «батька» не случайно. Боевые распоряжения В.В. Казубского зимней датировки предлагают партизанам такую текстовую передачу росписи комполка: «Батько Василь...». Вряд ли Казубскому импонило чувствовать себя неким батькой-атаманом, но он играл на психологии вольницы, на незабытых легендах времен Гражданской войны. Давал молодежи почувствовать себя вровень со вчерашними кумирами из предвоенных песен и кинофильмов. Оцените сами стиль руководства В.В. Казубского — вчерашнего, так к слову сказать, учителя ботаники: *возьми кинжал и вернись с автоматом!* Прямо-таки нечто розенбаумовское — «Дай мне, Сеня, финку, и я пойду вперед...» (из песни А. Розенбаума). Неплохой учитель оказался у «лазовской братвды». И братва делугу не смазала.

Так и стоило там воевать! Так и стоило ими командовать. По уставу за курятиной той зимой на Смоленщине не ходили. После первых успехов пошли не только за курятиной: «...Сеня, финку...» переросло в «Сеня, дичь!», и для большой охоты потребовались пулеметы.

...13.3.42 г. Отъезд на саях до Ельни и разведать огневые точки в деревнях около Ельни (от партизан) — такова последняя запись дневника одного из немецких солдат. Он прошел битву под Москвой, отдыхал от зимних боев в Сухиничах. Через Спас-Деменск следовали на запад, подальше от фронта. Их ждали. Встретили.

У МОСТА ПОД ЕКИМОВИЧАМИ

Прошло лишь несколько месяцев той страшной войны, а за плечами у представителя Политуправления Западного фронта батальонного комиссара А.И. Разговорова боевых дел хватало. Не пропагандистских бумаг и речей, а именно боевых дел — на самом что ни есть переднем крае, даже

посерьезней, чем просто переднем крае. Чего стоит окружение летом 1941-го, когда части 28-й армии прорывались на восток, к Екимовичам. Сколотил отряд. Плелись под лунной бесконечными пыльными проселками Смоленщины, не имея никакого представления о расстоянии до фронта. В коротких пттыковых ударах ночами врывались в деревушки, кололи подвернувшегося немца, проскакивали улицу, и снова проселки, кусты, разведка... Вышли. Осенью—зимой Подмосковная битва. Уже с 20 января 1942 г. Разговоров в особой командировке, в 250-м воздушно-десантном полку под Вязьмой: под пулями бегал с бойцами в атаку на деревню Красный Холм, у самой Вязьмы, на самом острие «Ржевско-Вяземской» операции! А в марте 1942-го новое задание, «установление связи с партизанскими отрядами и оказание им помощи в работе», представительство интересов Запфронта в партизанском полку имени Лазо. Совсем недалеко те самые Екимовичи — райцентр, под которым так неплохо Александр Иванович сражался жарким первым военным летом.

Как-то раз в штаб полка поступило донесение, касавшееся района Екимовичей. Партизанская разведка сообщала, что в районе моста через р. Десну на Московско-Варшавском шоссе — непосредственно восточнее райцентра — противник значительными силами проводит восстановительные работы дорожного полотна. Разговорова разведдонесение заинтересовало. В августе—октябре 1941 г. здесь по берегам Десны шла линия фронта, дорога у моста во многих местах была артогнем разбита. Учитывая увеличение в 1942 г. грузопотока по шоссе, немцы теперь репили создать на аварийном его участке сплошной деревянный настил. Строительно-восстановительные работы требовали деревянного дорожно-строительного материала, заготовка которого производилась в ближайшем лесу. Здесь же, у леса, сооружались элементы сборных дорожно-мостовых конструкций. Заготовка и под-

воз материалов на шоссе осуществлялись командами германских солдат поточным методом.

Батальонный комиссар А.И. Разговоров прибыл в 6-й батальон, где совместно с его комбатом Н.И. Грачевым было решено произвести нападение на вражескую группировку, сорвать строительно-восстановительные работы у скимовичского моста. На выполнение задачи с Разговоровым и Грачевым отправилось около 30 бойцов. Больше не требовалось, наоборот, привлечь заранее внимание врага — сорвать выполнение задачи. Операция потребовала тщательной предварительной проработки деталей каждого ее этапа, ювелирного исполнения. Способны ли были на такое руководители и участники? Не поленимся взглянуть внимательнее на совершенное ими. Перед нами лишь характерная иллюстрация реальной работы партизан весной 1942-го. Но притом — работы на важном объекте коммуникаций 4-й полевой армии вермахта.

Анализ карты местности показывает: выйти в требуемый район партизанам само по себе было весьма рискованной задачей. С рубежа Кукуевка — Коммуна можно было лесом без проблем выйти на поля в 4-х км перед шоссе. Но дальше сложнее. Сплошная цепь деревень по берегам Присмары, в нижнем ее течении, тянулась параллельно шоссе и словно специально выступала рубежом на пути партизан. На 6-ти километрах Новоселки и Новое Сырокоренье, Осиновка, Пегасиловка и Нов. Черепы — и это лишь северный берег Присмары, а еще 4 деревни здесь же по южному берегу. Небольшие гарнизоны врага, а также группы вспомогательной местной полиции в каждом из этих пунктов. Река, овражки, абсолютно открытая местность перед шоссе, единичные рощицы. Восточнее, за Городецким и Денисовкой, сплошной лес по обе стороны шоссе, но оттуда идти к мосту полями параллельно шоссе — такое же расстояние, что и с севера. Какой вариант был избран? — нам не узнать.

Однако партизаны вышли-таки незамеченными к самому участку работ, на опушку прилегающего леса.

Элементы деревянного настила для дорожного покрытия сооружались немецкими солдатами в 100 метрах от шоссе, сюда же специализированные группы одна за другой доставляли материал из леса. Улучив подходящий момент в паузе между проходом групп, партизаны быстро выдвинулись непосредственно к месту, где немецкие солдаты забирали заготовленные блоки настила. Наступили решающие минуты, от которых зависела судьба всей операции. Не просто выдвинуться на огневой рубеж, а сделать это бесшумно, быстренько, незаметно для противника, тремя десятками бойцов. Не просто залечь, а залечь каждому из этих трех десятков на выгодном месте, удобном для боя, незаметном вражеским солдатам при их приближении.

...Очередная группа гитлеровских солдат вышла прямо на пулемет. Увидеть нацеленный на тебя пулемет в 50-ти от него шагах — какой уж тут бой! Партизаны ударили из всех стволов. Били не только по подошедшим к лесу, по тем что у шоссе — тоже. Сотня метров в таком бою — не расстояние, а немцев суммарно здесь было аж под три сотни. При таких заданных условиях вполне верится в арифметику партизанского отчета по результату боя: *«...было убито не менее 120 гитлеровцев, остальные разбежались»*.

На шоссе догорало 3 подожженных в ходе боя немецких автомашины. Партизаны, прихватив у убитых врагов 3 пулемета, винтовки и автоматы, возвращались в район своего расположения. Потерь не было. Сработали филигранно.

БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Расхожее выражение «бойцы невидимого фронта» вполне, как ни странно, применимо к воевавшим в 1942-м году в центре Смоленщины. По одну сторону малоизвестного

здесь фронта — партизаны, а вот по другую... немцы? Некие, конечно же, привычные нам своей абстрактностью «немцы», принадлежность которых армии или иным ведомствам Рейха не уточнялась. Потому-то и малозвестна здесь война, потому-то и какой-то «невидимый» фронт. Точнее, с советских времен «невидимый в упор», ведь иначе придется навести справки о совсем не знакомом нам, теперешним, противнике.

Перед глазами карта-двухкилометровка местности, пограничье теперешних Починковского, Рославльского и Ельнинского районов Смоленщины. Единичные асфальтированные дороги, меж коими десятки километров заброшенной территории. Эдакая лесо-пустыня в ближайшем к зарубежной Европе регионе Российской Федерации. На первый взгляд, виной затянувшаяся на десятилетия «катастрофка». Интересно, что (не очень-то доверяя нынешней официальной российской статистике) группа исследователей Института аграрного развития в Центральной и Восточной Европе, что в германском городе Галле, изучала состояние сельскохозяйственных угодий Средней полосы России и соседних государств по комплексу спутниковых снимков:

...наибольшая доля заброшенных пашен зафиксирована в Смоленской области Российской Федерации — 46 %¹.

У соседней Белоруссии показатель по результатам названного исследования — 13,1 процента. Что получается? Как подметил премьер-министр Д. Медведев (начало августа 2012 г., выездное совещание), имеем деградацию земельного фонда, а значит, ...необходима панацея: приватизировать. Только вот кто сюда проведет дороги, кто поднимет залеж (горючее не бесплатное, в перспективе — цена на него для

¹ Смоленская народная газета, № 23 (72), 28.06.2012 г., со ссылкой на интернет-портал profi-forex.org и журнал *Environmental Research Letters*.

сельхозтехники недоступна), кто населит эту местность? Не говоря уже про подведение газа, восстановление социальной инфраструктуры, создание перазоряющихся магазинов. Тут вам не Петербург! Кто, когда, и — главное — для кого восстановит жизнь этой земли?!

Просим прощения, читатель, за лирическое отступление. Однако таковое вполне уместно — расценивайте как характеристику района, о ком речь. Жизнь района смертельно надломлена и не возрождена. Надломлена еще в войну. А точнее? В лесо-пустыню местность западнее Десны превращена не в 1941-м, не скоротечными боями 28-й армии на линии Белик — Стодолице. Не в 1943-м — тогда воюющие прошли ее за неделю 19—25 сентября. Более сотни населенных пунктов стерты с лица земли не в одночасье, для такой «работы» нужен не один месяц. Когда же все это, не понавшее в книги, произошло? Единственный обоснованный ответ: с января по июнь 1942-го...

...Слопного антипартизанского фронта здесь, на первый взгляд, не было. Были передовые гарнизоны, прикрывавшие внешние фасы контролируемой немцами территории. Однако постоянные стычки с партизанами в небольших населенных пунктах по соседству с гарнизонами заставляли врага предпринимать контрмеры. Одной из таких мер было лишить партизан смысла появляться в деревнях, если им были нужны продукты или сведения от населения. Как? — очень просто и кардинально: уничтожив эти деревни и поселки.

К концу советской эпохи (по официальным сведениям справочника административно-территориального деления Смоленской области 1993 г., более свежего — российского — за 19 лет так и нет, скромненькая эпоха) соотношение оставшихся здешних поселений к прекратившим существование таково:

Беликский сельский совет: 8 жилых деревень к 21-й погибшей;

Климщинский сельский совет: 8 жилых деревень к 18-ти погибшим;

Шмаковский сельский совет: 10 жилых деревень к 13-ти погибшим;

Богдановский сельский совет: 7 жилых деревень к 32-м погибшим.

И это только официальные цифры, т.е. известные ученым и архивистам по сведениям сельсоветов и райгосархивов. А дополнить их можно очень значительно.

Итак, 1942-й год, первая его половина. Для Рейха, для командования группы армий «Центр» каждый солдат был на счету. Даже если речь о частях тылового района группы армий. Кем заполнить огромные лакуны без войск в тылу? Германскому командованию не хватало сил даже для надежного прикрытия ключевых транспортных коммуникаций своего ближнего тыла, транспортных узлов, городов. Потерян Дорогобуж, райцентры Глинка, Вихоры, Боголюбково, Холм-Жирковский перешли под контроль партизан. Бои за удержание Вязьмы, Семлево, Ярцева, Бслово. До конца апреля бои с переменным успехом за контроль над большаком Духовщина — Белый. Да что большак, — партизаны в 6 километрах от самой Духовщины, и это при том, что западнее ее еще один огромный партизанский район. Подбрось большевики пару кавдивизий на этот участок для слияния воедино этих партизанских краев, и кто знает, чем кончится у Ржева?.. Именно так приходилось мыслить и главнокомандующему группой армий Гансу фон Клогу, и офицерам его штаба, и Максиму фон Шенкендорфу — начальнику тылового района группы армий. Советские военачальники, помимо фронтального натиска, постоянно подбрасывали «сюрпризы», чего стоит массивный десант южнее Вязьмы. Уже в апреле 1942 г. для вражеского командования было очевидно: сил группы армий «Центр» может хватать лишь на первостепенные задачи: удерживать ключевые центры, отражать попытки со-

ветских фронтовых наступлений, проводить собственные наступательные операции на ограниченных участках. Не более. А кому сражаться с партизанами? Фатерланд далеко, да и он не всесилен. Ресурсы — людские ресурсы для антипартизанской войны — группе армий «Центр» пришлось подыскивать поближе, в собственных тылах. Применялись такие формирования, естественно, во взаимодействии с немецкими «силовиками», с опорой на них и под их контролем.

Вкратце силы, имеющие задачей борьбу с партизанским движением, указаны бывшим начальником СС и полиции в районе группы армий «Центр» Эрихом фон Бах (-Зелевски) в ходе его допроса¹ на заседании Международного военного трибунала, стенограмма заседания за 7 января 1946 г.: *«Для борьбы против партизан были предназначены специальные подразделения войск СС, полиции порядка и, в первую очередь воинские части»*. Что до воинских частей, то *в первую очередь, воинские части* — про масштабные боевые операции, подобные «Ганноверу» и «Зейдлицу», это будет сущей правдой. Да и кому, как не начальнику СС и полиции, перекладывать на вермахт с себя ответственность в трибунале. Сами СС-овцы, действительно, были в мятежном ближнем тылу района группы армий «Центр» в 1-й половине 1942 г. несчастными «гостями». На рожон не лезли, «истинных арийцев» берегли, хватало фронтовых потерь. А вот что важно, так это упоминание Э. фон Бахом в борьбе с партизанами полиции. Какова же ее степень участия в этих событиях?

Именно занимающие деревни гарнизоны полиции и придавали ей характер оккупируемой территории. Можно при желании найти тому документальные подтверждения.

Минимальное потребовавшееся здесь исследование убеждает нас в том, что германские, собственно немецкие

¹ См., напр.: Литвинов В.В. Коричневое «ожерелье». — К.: Абрис, 2001. С. 157.

солдаты и офицеры (очевидно, 221-й охранной дивизии) были в основном задействованы в гарнизонах и на передовых постах вдоль главной здесь транспортной артерии (Смоленско-Ельнинского большака) на наиболее угрожаемом участке: от Балтутино до Ельни. К концу весны 1942 г. западнее Ельни из занимаемых противником вдоль большака пунктов лишь две деревни — Быки и Нивки — оборонялись исключительно немцами. Здесь было самое узкое место горловины между партизанскими полками 1-й и 2-й дивизий, неслучайно именно здесь позже и прошла войсковая масса группы П.А. Бслова в прорыв к городу Киров. Важен для противника был и соседний пункт, что на отвилке с большака к райцентру Глинка, тремя километрами западнее Нивок, — Бердники («Берники» военной карты). В Бердниках было лишь 10 полицейских, что в соотношении со 150-ю здесь же немцами показательно — самый минимум, исключительно как переводчики и посредники в общении с местными жителями. Остальные же вражеские гарнизоны, как следует из «Схемы расположения противника» перед фронтом 3-го партизанского батальона полка им. С. Лазо, имели смешанный состав в пропорциях 1:1½ — 1:3. По сведениям штаба партизанского батальона, цифры таковы:

Стригино — немцев — 300, полиции — 100;

Ханино — немцев — 150, полиции — 100;

Ново-Ханино — немцев — 100, полиции — 50;

Городок — немцев — 300, полиции — 100.

Исключениями из указанных пропорций были левофланговое от Бердников Балтутино (немцев — 200, полиции — 50) и, наоборот, сравнительно спокойное, «тыловое» Сергеево (немцев лишь 10, полиции — аж 120 человек).

Южнее и юго-восточнее Сергеева наблюдаем ту же, что и в нем, картину: служащие вспомогательной полиции численно существенно преобладают над немцами. Согласно «Легенде о численном составе и вооружении противника

перед фронтом обороны партизанского полка им. С. Лазо на 9/VI-42 г. до прорыва войск Белова в район, занимаемый полком», на востоке Починковского района Смоленщины основными противодействовавшими партизанам вражескими силами были отнюдь не немецкие военнослужащие: «...В дд. Городок, Кононово, Садовка, Матвеевка охранные отряды из местной полиции, и незначительное количество среди них — немцы». По соседству, в гарнизоне деревни Рябцы (восточная часть тогдашнего Стодолиценского района, теперь Починковский район), соотношение немцев к «восточно-добровольческим» служащим было 1:5 (на 50 «немцев» 250 человек «полиции»), в таких терминах они описаны в документе, следовательно, речь не о немецкоязычных служащих, не о подразделениях ГФП (германская тайная полевая полиция), а о вспомогательной полиции из «восточных добровольцев». Не проще ли сказать: русских? Оказывается, это не одно и то же.

Дело в том, что в оккупированных районах к западу от реки Десны на Смоленщине не из кого было, если уж речь о русских, набрать народу в полицию даже припудительно: все боеспособные-то местные мужики были летом 1941-го отобилизованы в Красную армию. А неместных из дезертировавших и отставших, из окруженцев, как в местах Вяземского «котла», — здесь таких почти и не было, не было здесь больших окружений, кроме Рославльского «котла» части сил 28-й армии¹. В Починковском районе, в центральной и южной частях Глинковского района, на северо-востоке Стодолиценского и на западе сопредельного с ним Екимовичского районов физически не было и не могло быть у нем-

¹ Полки двух стрелковых дивизий 28-й армии в августе 1941-го основными силами сумели прорваться на восток, да и недалеко было — лишь перейти Десну, времени на то хватало — аж два месяца, август—сентябрь. Происходило это ближе к Рославлю, к описываемому нами здесь району не применимо.

цев к зиме 1941/42 гг. столько «кандидатов» в полицию — под партизанские пули! Да еще чтоб ими комплектовать, как сообщает процитированная нами «Схема расположения противника», гарнизоны по 100 и более человек. Это роты. А Красная армия в первое военное лето в Починковском и Стодолиценском районе атаковала, к немцам в лапы ротами не бегала. Так и кто ж укомплектовывался в полицию?

Незабвенный для местных жителей герой той войны, партизанский комбат Николай Иванович Грачев смог бы многое прояснить нам, потомкам, о тех, против кого приходилось биться. ...Если бы не остался навсегда частью той войны, погибнув летом 1942-го на Романовских Лядах. Однако сохранились боевые записки Грачева, и они кое-что проясняют (и подчеркнем это кое-что):

«Витя

Пришли хотя на одну папироску табачку, и что мне делать с белорусами, которых я забираю в плен с немцами. Пришлите свое решение. Мне своих людей кормить нечем, а то еще их приходится кормить даром.

Витя, пришли мне парабеловых патронов хотя штук 120—150.

26.III.-42 г. комбат (подпись)».

Витя в командовании полка имени С. Лазо был только один, по роду службы имевший дело чаще с патронами пистолета «Парабеллум». Отгадать должность не сложно. Виктор Иванович Попов — начальник Особого отдела партизанского полка. Обратим внимание, особых симпатий сябры у комбата Грачева по итогам боевого знакомства не вызвали: линия мысли комбата от «что делать» через «кормить?» (где знак вопроса), плавно перетекает к «парабеловым патронам» — уже без знака вопроса. ...*Штук 120—150, и точка.*

Вопрос о белорусах, в германской военной или же полицейской форме, и о том, чем они занимались в 1942—1943 гг. на территории России, требует специальных исследований.

Конечно, ныне на подобное наложено негласное вето, таковым оно и останется много лет. Союзное государство, это не прибалты и не грузины.

Сделаем, в меру своих сил, лишь небольшое замечание. Так сказать, пробный шар. Для пытливых, как знать, может быть, и он даст толк. В архивном массиве, задействованном брянскими исследователями карательных и антипартизанских действий на территории Брянщины¹, содержится упоминание о карательной бригаде «Зенглинг». Это наименование — не что иное, как слегка искаженная (видимо, записанная с устных показаний пленных) фамилия члена СС, капитана полиции и позже — с 25 ноября 1942 г. — гауптштурмфюрера СС Ганса Зиглинга². Ганс Зиглинг интересен тем, что именно в лице белорусских добровольцев нашел преданных своих сыбров. И прошел он с ними большой боевой, да и карательный тоже, путь. В СССР Зиглинг с начала войны — Белоруссия, Россия, 1941—1942-й. В 1943-м — участие боевой группы в антипартизанских и карательных операциях «Котбус», «Герман», «Отто», в 1944-м — командир штурмовой бригады белорусских националистов. Итак, районы военного управления, тылы группы армий «Центр». Приходится ли гадать, где тылы этой группы требовали особо интенсивной «работы» в 1942 г.? Брянщина и Смоленщина.

А ведь «засветившая» для нас Ганса Зиглинга Брянщина — всего-то в 15 километрах за Варшавским шоссе от исследуемых нами мест. Тот же в 1942—1943 гг. тыловой район группы армий «Центр». А значит, те же самые части группы армий (М. фон Шенкендорф) и сопутствующие им структуры тайной полевой полиции, СС, абвера, вспомога-

¹ *Афонин В.* Эстафета детей войны детям мира. Брянск: ГУП «Брянск. обл. полиграф. объединение», 2005. С. 178.

² *Залесский К.А.* Командиры национальных формирований СС. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 276.

тельской полиции — той, что из граждан СССР. Короче говоря, одни и те же части и подразделения, одно и то же командование, одни и те же задачи вне зависимости от каких-то советских административных границ в здешней местности. 15 километров, а хоть и пять раз по 15, если дело требует, для члена НСДАП с 1930 года Зиглинга и подобных ему — не крюк. И для их сябров, натюрлих.

Были и кроме вышеупомянутых белорусов помощники у Третьего рейха в борьбе с партизанами и просто с непокорными местными людьми на нашей земле. Не о том речь. Другое существенно: стрелять партизанам В.П. Клюсва, И.Е. Майорова и Н.И. Грачева пришлось в боях и стычках не только по немцам. И убеждать себя в правоте такого решения приходилось каждому из партизан здесь и теперь, не откладывая назавтра.

Было и покруче, чем просто стрельба по вроде бы советским, вчера еще своим. Совсем не та, не простецкая война, как думалось нам бы нынешним. А такая, что и одного дня хватало в памяти на всю оставшуюся... Это только при-сказка. Настоящую погудку, уважаемый читатель, Вы еще не слышали. Минуточку внимания...

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТКИ ВМЕСТО РККА

Предвосная молодежь... Они знали, догадывались, понимали и со всей неотвратимостью предчувствовали, что будет война. Многие из них, чуть ли не все, знали наизусть, пели хором:

...когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
и первый маршал в бой нас поведет!!!

Реальность, а тем более восшая, развеивает свойственные молодости иллюзии. А то и разбивает в прах. Многим

из тех, кого угораздило родиться на самом западе России, на Смоленщине в 1924—1925 гг., довелось пойти в бой раньше, чем они могли предположить. И вести в бой их пришлось, конечно, не первому маршалу. Слава Господу Богу, толковые ребята в командирах оказались. Некоторым удалось выжить. И даже оставить для нас воспоминания сквозь долгие-долгие десятилетия. Рукописи не горят. Приходит время опубликования написанного от сердца.

На северо-востоке Екимовичского района Смоленщины, в деревне Новое Генино (3 км северо-восточнее села Савсево) довелось родиться в 1925 году Дмитрию Кузьмичу Парфенову. Не знаю, что важнее для нас в жизни Парфенова — тот бой, один из первых боев партизан верхней Десны, что так и не смог он позабыть, или то письмо, написанное после войны, где он описал чудовищную реальность подлинной той войны:

«...Я вспоминаю в середине декабря 1941 г. нашу операцию и переход за одну ночь на лыжах в дер. Ковали Стодолиценского р-на, когда наша группа в к-ве не более 20 человек истребила гарнизон в дер. Ковали Стодолиценского р-на без единого выстрела, как нас тогда и подготавливали — бесшумно — спящих кололи штыками и ножами.

А когда наутро были собраны жители деревни, которые указали изменников, их тут же повесили».

Декабрь. Ночь. Путь во тьме туда, где риск смерти. А тебе-то даже не восемнадцать — шестнадцать! Только штыками и ножами, как учили... А утром — встать. Такой вот День Победы, своей, первой, маленькой, но настоящей. Для одной деревни вполне достаточной победы. Сколько их еще впереди, после этого декабря. Ничего! — говорят, Красная армия держится, даже где-то там восточнее наступит. А мы тут уж пока сами.

«...Днем со стороны Стодолица на двух подводах выехали более 12 немцев и полицаяев. Их всех мы перекололи

[вставка над строчкой:] *без сопротивления, потому что все были пьяны. А вечером на их же подводах возвратились на территорию Екимовичского р-на — за р. Десну в дер. Колпино».*

Они сражались за родину — свою маленскую, настоящую здешнюю родину, а не за полуабстрактное, потерпевшее крах в этих краях государство. Их в бой вели не маршалы. Шестнадцатилеткам пришлось делать страшную воспную работу вместо РККА. Она, Красная армия, сюда в 1942 г. так и не дошла. Побывал, правда, тут проездом генерал-лейтенант П.А. Белов, целых два дня под Рыленками и Когаями со своими полками гостил: 13—14 июня 1942 г. Их партизанам пришлось заслонить от немцев на Соложе и Шуленке, а там, Парфенов, пиши письма, поминай как звали. Если уцелесешь. Парфенову удалось.

Часть II

ПРИШЕДШИЕ И ПРОВАЛИВШИЕ

1. ВЯЗЕМСКИЙ ПРОВАЛ

АВАНТЮРА, ПЕРЕРОСШАЯ В «ОПЕРАЦИЮ»

Давно известен и не нами оспорен уже тезис советских воспачальников-мемуаристов, что только «учились» они еще в первый военный год нужным и действенным методам ведения войны. Сейчас иногда высказываются упреки: «учились! А за что им зарплату все предвоенные годы платили?», «учились! А не слишком ли огромной кровью, причем не своей, окупая эту учебу?» Верно. Но верно и другое: «не-лобового» победного метода отогнать немца еще не было, надо было его искать. А уж как получалось — вот о том почти все книжки пока что в лесах, белыми костяными буквами по мху...

Медынская брешь... Одна из таких тем, одна из ненаписанных книг. В отечественных военно-научных и отзеркаливающих таковые популярных изданиях мы найдем подробные описания «операций»: Можайско-Верейской и Медынской-Мятлевской. А о возникшей в эти же дни Медынской бреши, в результате образования которой наши войска оказались потом аж под Вязьмой — ни слова. Зато у начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера в «военном дневнике» то и дело встречаем тревожные записи:

«Брешь к северу от Медыни по-прежнему вызывает большие опасения (13 января 1942 г.);

Предпринять наступление с севера для ликвидации бреши севернее Медыни (тогда же);

К северу от Медыни брешь еще не закрыта (15 января 1942 г.);

Противник развивает наступление через бреши в районе ...к северу от Медыни... (16-го);

Брешь в районе Медыни пока закрыть полностью не удалось... (19 января 1942 г.)».

Подобные тому записи следуют в дневнике Гальдера 24, 27 января. И наконец, 30 января, причем пунктом первым среди произошедшего за день на фронте группы армий «Центр»: *«Через брешь в районе Медыни части противника двигаются на Вязьму».*

Коснуться январских событий 1942-го в районе т.н. Медынской бреши нас заставляет следующее: именно здесь Г.К. Жуков посчитал свой метод авантюрного глубокого раскалывания вражеского фронта работающим. По достижении войсками района поселка Износки он, Г.К. Жуков, разглядел возможность второй, так сказать, серии — возможность быстрого выхода Запфронга аж к самой Вязьме!

14 января 1942 г. войска 43-й армии Западного фронта освободили г. Медынь. Однако более важные с позиций дальнейшего развития т.н. Медыньско-Мятлевской операции события произошли в этот день северо-западнее Медыни. 194-я стрелковая дивизия передовыми частями овладела крупным населенным пунктом Шанский Завод, но еще более неприятное и встревожившее немецкое командование событие произошло южнее: на калужско-вяземской железнодорожной линии внезапно (цитируем германскую оперативную сводку) *«у г. Медынь противник неустановленной численности и принадлежности продвинулся далее на запад и овладел ст. Кошняки и мостом к западу от этого населенного пункта».* Этот противник — сводный полк советской 43-й армии. 194-я дивизия сразу же ускоренным мар-

шем двинулась в юго-западном направлении на Бсклеши, Износки и через сутки, 16 января 1942 г., закрепила успех десантников сводного полка важной своей победой: полком дивизии был освобожден районный центр Износки. В этот же день еще один полк 194-й сд овладел деревней Доманцево. На теперешних картах ее нет, но мы напомним — это в 6 км северо-восточнее станции Кошняки. Тем самым горловина Медынской брешли расширялась по южному фасу от большака Износки — Шанский Завод, снималась опасность возможного окружения действовавшего у ст. Кошняки сводного полка 43-й армии. Однако заметим и «размах» усилий комдива-194: между наступавшими полками этой дивизии, между райцентром Износки и деревней Доманцево — 15 километров! А всего в 10—12 км к юго-востоку отсюда, от сводного полка и полка 194-й СД, — вражеское Варшавское шоссе, дивизии и дивизии (от семи до девяти по советским разведданным того периода) сжимасмой с трех сторон группировки. Тут не стрелковые полки, тут не дивизии, тут армия бы Запфронту пришлось кстати...

Командующий войсками Западного фронта требовал активизации усилий 43-й армии в разгроме мятлевско-юхновской группировки противника. Однако и после 16 января командование 43-й армии по существу лишь одной-единственной дивизией — 194-й — продолжало развивать удар с севера на Юхнов. Остальные плелись следом за планомерно отступающими вдоль Варшавского шоссе вражескими дивизиями. Убедившись в нулевых способностях организации наступления командармом-43, Г.К. Жуков решил использовать достигнутое 194-й СД, сделав ставку на иную армию, на иного командарма. Следовало поспешить. Когда враг практически без сопротивления отдаст районные центры и позволяет перерезать железнодорожные линии, любой «выдающийся военачальник» поймет: это шапс, рисусем большую красную стрелу, наскребаем и кидаем на это

направление все ближайшие боеспособные силы и спешим выбить подкрепления. Так мыслил и Георгий Константинович. Авантюра? Что ж, надо. Уже 17 января 1942 г. командующий Западным фронтом издает директиву № 605ш. Армией для развития наступления на Вязьму выбрана 33-я:

«Создалась очень благоприятная обстановка для быстрого продвижения 33 АРМИИ в район ВЯЗЬМЫ в тыл вяземской группировки противника.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Одновременно с ликвидацией противника в ВЕРЕЕ главными силами с утра 19.01.1942 г. форсированным маршем выходить в район ДУБНА, ЗАМЫТСКОЕ, имея в дальнейшем задачей, в зависимости от обстановки, удар на ВЯЗЬМУ или в обход ее с юго-запада <...>».

Недоумсвающим по поводу данной директивы Г.К. Жукова надо бы взглянуть на карту. Идет наступление всего Запфронта. Одни гораздо впереди, другие армии запаздывают, если не сказать — топчутся. У каждой армии своя полоса наступления, направление на какой-то значимый пункт — город, крупный транспортный узел. А возьми 33-я армия Верей, какой у нее далее ближайший город или хотя бы городишко на повестке, какое направление? Да никакого! Лесная глушь на сотни километров меж Московско-Минским и Московско-Варшавским шоссе. Только деревни, причем не очень-то охотно сдаваемые противостоящими 33-й армии вражескими дивизиями. Понятно, что этим дивизиям не до контрнаступления на Москву, этот участок можно и должно ослабить. Ведь главные события — южнее, куй железо, пока горячо... Именно 33-ю было проще всего двинуть по стопам 194-й дивизии через Шанский Завод на Износки. Учитывалась и наметившаяся тенденция к застою этой армии под Верей — со всей массой ее дивизий, и это при том, что под Юхновом соотносимый по протяженности участок фронта приходилось пытаться контролировать двумя-

тремя полками. И не просто контролировать, а наступать, уже почти «завязав мешок» вокруг мяглевско-юхновской группировки.

Так что резоны командования фронта понятны. Основания для решения нанести глубокий удар силами 33-й армии были. Только вот па Вязьму ли? Или же следовало избрать близкие, но более достижимые цели — и какие? 33-ю нельзя было привлечь для развития удара навстречу 50-й армии для окружения противника в Юхнове. Огромное пространство от Верси до Износок, никуда не денешься, в полосе действий этой, 33-й армии, и никакими иными армиями данный участок фронта не заполнить. Вероятно, единственным оптимальным решением был бы удар частью сил армии на Темкино и подрезание с тыла всей противодействующей вражеской группировки района западнее Шанский Завод. И не более того, разве что — одну из переброшенных на Износки дивизий 33-й армии передать в состав 43-й армии для борьбы на юхновском участке фронта. Все.

Этого не произошло, погнались за журавлем — «даешь Вязьму!» Надеялись и на успех 50-й армии, и на высаженный под Знаменкой десант, и на быстрое откатывание немцев из-под Юхнова, и на кавкорпус П.А. Белова, наконец. И не забудем: с 11 января 1942 г. в район западнее Вязьмы шел 11-й кавкорпус Калининского фронта, а это уже само по себе могло бы в ближайшие дни обезличить медленно наступавший Запфронт с его командованием.

Но ведь записи Ф. Гальдера свидетельствуют о вражеских попытках ликвидировать эту «брешь» между силами 4-й полевой и 4-й танковой армий. Причем об иницируемых и контролируемых высшим командованием попытках. Не отрезали! Значит, кишка тонка! Именно так рассуждало лицо или лица, причастные к одобрению советским командованием замысла Вяземской операции. Кто бы «наверху» ни инспирировал Вяземскую операцию 33-й армии — она

была не большей авантюрой, чем предшествующие действия войск правого крыла 43-й армии в коридоре Медынской брешли. Достаточно взять в руки картографическую выкопировку хотя бы масштаба 1: 200 000, нанести действительно положение советских и германских частей северо-западнее и западнее Медыни в период 10—20 января 1942 г., чтобы удивиться:

— удивиться несоответствию любых советских картосхем открытой литературы действительной конфигурации линии фронта в этом районе во 2-й половине января 1942-го,

— удивиться соотношению длины (25 км только до пос. Износки) и узкости (8—10 км) советского коридора Медынской брешли, при полной незащитности флангов и основания этого прорыва от контрмер противника,

— удивиться, что немцы не изыскали в те дни двух боевых полков пройти заснеженными тропами навстречу друг другу где-нибудь у Беклешей, Паньшино и Доманцево.

Вот чему не стоит удивляться, так это тому, что в аналогичных условиях позже произошло с двинувшейся на Вязьму ударной группой 33-й армии. Вяземская затея Г.К. Жукова — это одобренная Ставкой ВГК затея, а значит, это утвержденный советской военно-политической верхушкой метод организации наступления, претендующего на статус операции стратегического уровня! Преступно-безответственный метод, катастрофичность последствий коего проявилась во многих «брешах» страшного 1942-го. Проявилась в феврале 1942 г. и на Гжатско-Юхновском тракте. Обеспечению основания прорывов командование многих фронтов — не только Западного — не уделяло должного значения. Тыча рукой с факелом в пасть льва, о львиных зубах как-то не задумывались. Жуков не исключение.

Авангардную, ударную группу 33-й армии М.Г. Ефремова немцы в начале февраля отсекали. Каждый исследо-

ватель этих событий не может обойти молчанием производственную на основании распоряжения штаба Западного фронта в этот период передачу 9-й гв. стрелковой дивизии из 33-й в 43-ю армию, с отводом дивизии на восток. Дивизия буквально выдернута у идущего к Вязме М.Г. Ефремова. Только вот сравнить это с выдергиванием табуретки под тянущимся привинтить лампочку на люстре — нельзя. Скорее наоборот: табуретку поставили на нужное место, правда ... 1) быстренько, внезапным тычком и 2) не спросив того, кто на ней. Прочсть мемуары А.П. Белобородова, так дивизия марафонским бегом успевает под носом у отрезающих их и Ефремова немцев перескочить большак на восток, «слона-то и не приметив». Вернее, командование 9 Гв. СД на бегу отчетливо не понимало, что именно для противодействия этой вражеской боевой группе дивизия сюда и направлена. Ведь задачей дивизии было: 2—3 февраля во взаимодействии с частями 43-й армии разгромить противника в р-не Крапивка, Федоково, Борисенки — о чем и сообщалось командармом 43-й армии Голубевым в штаб 33-й армии. Комдив А.П. Белобородов в респективный час проявил себя безынициативно, его распорядительности и расторопности хватило лишь на вывод основных сил дивизии в безопасный в плане окружения район. О прочном закреплении на большаке севернее Крапивки для А.П. Белобородова и речи не было. Ну это грешки комдива, а не комфронта. Так что, получается, штаб Западного фронта и Г.К. Жуков о благополучии войск Ефремова все же думали, отбирая и выдергивая у него дивизию? Вроде бы да. Ведь здесь она позже и действовала. А сам-то генерал М.Г. Ефремов, как заметно и в мемуарах Белобородова, рассчитывал на эту дивизию в штурме Вязмы, — не в обеспечении флангов своего 33-й армии коридора.

Так какую же роль должна была сыграть и почему (по чьей вине) не сыграла 9-я гвардейская? Должна была защи-

тить коридор к ударной группе 33-й армии. И смогла бы: сил хватило даже успешно наступать. А по чьей вине она не защитила коридор? Само собой, по вине Г.К. Жукова, распорядившегося в самый ответственный момент отвести ее назад (чем воспользовался противник), а затем начинается обычное жуковское вгрызание, иначе не скажешь, в бездарно оставленную врагу местность. Все остальное — неуклюжие домыслы, рассчитанные на незнание оппонентами действительной боевой обстановки. Вот пример отбеливающих образ Г.К. Жукова рассуждений о 9-й гв.: «... Допустим, она встает на защиту коридора. Немцы смещают направление удара на запад, обрезают коммуникации 33-й армии не на реке Воря, а западнее. Дивизия А.П. Белобородова пытается пробиться на запад и подставляет фланги, которые оказываются под ударом там, где в действительности произошло прерывание коммуникаций 33-й армии. Побочным продуктом на этот раз оказалось бы окружение 9-й гв. стрелковой дивизии»¹.

Представляется странным, что Алексей Валерьевич Исаев, осведомленность коего в фактологии выборочно описываемого следует уважать, применив к 9-й Гв. СД обороты «допустим» и «оказалось бы», не посчитал нужным уведомить читателя, что с 9-й гв. перечисленное и было в реальности, без всяких «бы». Лишь с выводом Исаева следует не согласиться: окружить 9-ю Гв. СД враг при всем желании не мог. Но предшествующий выводу об окружении смысл процитированного отрывка А.В. Исаева абсолютно опровергается исторической действительностью. Итак:

«Допустим, она встает на защиту коридора...» — Дивизия (без «допустим») в ночь со 2 на 3 февраля 1942 г. прибыла в район Гжатско-Юхновского большака, частью сил

¹ Исаев А.В. Жуков. Оболганный Маршал Победы. М.: Эксмо; Яуза, 2012. С. 313.

выполняла задачу его обороны, *защищая* тем самым *коридор* (правда, лишь до его пересечения основными силами дивизии в восточном направлении, по так уж отразилась тогдашняя неопределенность поставленных перед дивизией задач). Начиная с 3 февраля дивизия действовала здесь, под Захарово, пытаясь исправить положение — это больше чем защита коридора, это его восстановление. Уже 5 февраля 1942 г. 9-я Гв. СД овладела районом Фроловка. После недели последовавших боев 9-я Гв. СД во взаимодействии с другими соединениями овладела 13 февраля деревней Захарово (перехватив большак). Положение, казалось бы, восстановлено — но нет, коридора уже не было, ведь 17-я пехотная дивизия противника укрепилась к тому времени в пунктах западнее Захарово.

«Немцы смещают направление удара на запад...» — в действительности противник наступал и там, западнее («смещением», — по А. Исаеву — конечно, не назовешь; но мы оспариваем не формулировки, а суть утверждений). Просим проанализировать действия немецкой 17-й ПД, которая в район западнее Захарово, к деревням по рекам Воре и Уйке не с неба свалилась.

«Дивизия А.П. Белобородова пытается пробиться на запад и подставляет фланги...» — Действительно наступала. Однако на «подставляемых флангах» 9-й гв. наступали с той же задачей «пробиться на запад» севернее 93-я стрелковая дивизия, южнее 1-я гвардейская мотострелковая и 415-я стрелковая дивизии. И не только они. Командование 43-й армии постоянно усиливало действующую здесь ее группировку. Во второй половине февраля, когда 9-я Гв. СД выдвинулась к реке Воря, участие в боях на южном фланге участка советского наступления у Гжатско-Юхновского большака приняли также 17-я СД и 18-я СБР. Разве это можно назвать «подставлением флажков» одной-единственной 9-й гв. дивизии?

«Побочным продуктом на этот раз оказалось бы окружение 9-й гв. стрелковой дивизии» — крайне маловероятно, что подобное могло состояться. Во-первых, масса задействованных, постоянно атакующих врага сил помимо 9-й Гв. СД, о чем нами сказано выше. А собственно 9-я гвардейская? Так они и позволяют себя окружить! Они этого и в крайне непростой обстановке 2—3 февраля не позволили. Откуда у А.В. Исаева столь низкая оценка боевых качеств дивизии, незадолго до того заслужившей гвардейское звание, не отступающей, а наоборот, наступающей в тот период? Не указанному исследователю, читателю напомним: после взятия Захарово враг был выбит 9-й гв. 24 февраля из деревни Гречипенки, 26 февраля — из деревень Ильенки и Коркодиново, 27 февраля — из Савино. Мало того, даже отрезанные от основных сил дивизии, оставшиеся западнее р. Воря под Замыцким два батальона 131-го полка 9-й Гв. СД, ведущие там бои с наступающими подразделениями немецкой 20-й ТД (вспомним цитату из А. Исаева: *«...Немцы ...обрезают коммуникации 33-й армии не на реке Воря, а западнее...»*), успешно отражали вражеские атаки день за днем, Замыцкое в своих руках удерживалось ими (1-й и 2-й батальоны 131-го СП 9-й Гв. СД) более недели, и даже в условиях локального окружения. Это отсеченные-то от дивизии батальоны не отошли, а чтобы вся гвардейская дивизия, «подставляя фланги», позволила себя окружить... Оставим необоснованные домыслы.

Первоначальная неуспешность действий 9-й гв. стрелковой дивизии, привлеченной к обеспечению обороны опасного участка коридора у Гжатско-Юхновского большака, а затем и итоговая неуспешность усилий дивизии по восстановлению коридора к 33-й армии имеют причинами:

— отсутствие четкого видения командованием дивизии развития оперативной обстановки в районе предстоящих боев дивизии на Гжатско-Юхновском большаке; выйдя

в этот район, дивизии надлежало хотя бы закрепиться на большаке на участке Захарово и южнее;

— фактическая многосубъектность подчинения дивизии и проистекающая отсюда дезорганизация, скованность командования дивизии в проявлении собственной инициативы в наиболее важный период боев, 2—4 февраля 1942 г.;

— отсутствие четко сформулированной для командования дивизии боевой задачи со стороны командующего 43-й армией уже в момент отдачи/получения первого приказа;

— выбор первым пунктом удара деревни Захарово, потеря здесь массы времени и запоздалость последующего наступления на запад. Захарово — 1) крупная деревня, 2) находилась на изгибе большака, что позволяло создать огневой мешок наступавшим с востока советским частям, 3) расположено на стыке участков 33-й и 43-й армий, что влекло сложности в координации здесь усилий частей разных армий.

Понятно, что учет всех указанных причин («реабилитирует» это командива гвардейцев А.П. Белобородова или нет) свидетельствует о растерянности и бестолковости советского командования более высокого, армейского и фронтового уровня: в зимних условиях здесь, на западе России, наступать легче по большакам, нежели по целинику, по заметенным метелью полевым и лесным дорожкам, которых и местный житель найти не смог бы. Легче вдоль большака выстроить и выпший затем фронт обороны, снабжать части, маневрировать резервами, контратаковать даже незнакомым с местностью силам. Здесь такой — удобнейший для немцев пересекающий коридор — большак липь один. Следовательно, отрезающий группу М.Г. Ефремову вражеский контрудар был наиболее вероятен именно встречными действиями 20-го и 12-го армейских корпусов по Гжатско-Юхновскому большаку. Учитывая значимость такого района для судьбы опера-

ции, все советские войска по крайней мере на самом большаке командованию Западного фронта надлежало объединить под единым руководством — никак не у двух командармов! Тем более что одному из них, командарму-33 М.Г. Ефремову комфронта Г.К. Жуков приказал находиться под Вязьмой. Определить участки ответственности армий — прямая задача командования фронта, и ничья больше!

Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков — главный виновник отсечения группы М.Г. Ефремова. Не автоматически в силу должности, а в силу именно ему предоставленных должностных полномочий. Нисполнение обязанностей должно перерастать в ответственность. Но это в нормальной стране, а не у нас, где и поныне пытаются еще как-то его оправдывать. Как же, как же — ведь из Жукова стоит задача слепить «Маршала Победы»! Вникая в эту «аргументацию», иной раз приходится усомниться: уж не специально ли подбираются исключительно оспоримые доводы, чтоб их смог разбить любой вникший в детали карты местности и относящихся к делу документов? Уж не двойная ли игра?

Нет. На карту местности, а тем более военного периода, мало кто из читателей взглянет. Тем более, мало кто произведет выписку из оперативных сводок и на их материале составит схему наступления — день за днем — для себя, для собственного понимания. А раз так, то чего уж, можно накатать любое сочинение. И повторив это в десятках книг, «взять числом». Вот такая избитая политпропагандушная метода. Не по-суворовски, конечно, но «умение» — прямо-таки жуковское умение, ведь тот же подход.

Абсолютно авантюрная операция по «раскалыванию фронта» всрмахта в направлении Вязьмы была задумана советским командованием исключительно как психологический трюк, психологический удар по руководству группы армий «Центр» в завершение серии реальных подмосковных

ударов. Даже аргументация в обоснование верности соответствующих решений Г.К. Жукова по 33-й армии сводится, по существу, к признанию жуковского расчета на психологическое подавление командования врага. Как одну из иллюстраций подобного рода рассмотрим схему рассуждений, предлагаемую А. Исасвым в 2012 г.:

1. *«Проблема защиты коридора 33-й армии не имела адекватного решения; ...защитники коридора в любом случае обладали бы открытым флангом»* (с. 312—313). Понимаем так: руководство Западного фронта стопроцентно обрекло авангард 33-й армии на отсечение противником от основных сил армии и фронта.

2. А раз так, то Ефремов был обязан так опарашить командование двух вражеских армий, чтоб они в панике (вплоть до Гитлера?) забыли бы о возможных приказах на контрудар своим войскам у Гжатско-Юхновского тракта: *«Оставить за собой узкую трассу снабжения можно было только одним способом: заставив немцев забыть о воздействии на нее* (с. 313). *Если бы оборона немцев под Вязьмой затрещала, то контрудара в основание пробитого 33-й армией коридора просто не состоялось бы»* (с. 314).

Советский прорыв к городу, по мысли указанного исследователя, вынудил бы немцев *«бросить все силы на отражение удара на Вязьму»* (с. 313). «Все силы» — т.е., видимо, и те, что у Гжатско-Юхновского тракта, раз уж в контексте разговора о срыве контрудара. Но у врага итак было кому наносить контрудары под Вязьмой. Странно, что неплохо знакомый с книгой мемуаров П.А.Белова исследователь (с. 249 указ. кн. А. Исасва) забывает: в реальной той битве под Вязьмой войскам П.А. Белова, например, и в райцентре Семлево закрепиться-то не дали. А, по Исасву, тут под самой Вязьмой оборона немцев, понимаешь, ...затрещала... бы!..

И еще: какой смысл заключает в себе запутывающая, по нашему мнению, фраза А. Исасва *«...защитники коридора*

в любом случае обладали бы открытым флангом»? Ведь они сами и есть защитники того или иного фланга — т.е. северного либо южного фаса обороны коридора, раз речь о коридоре от Износок на Вязьму. Что считать *флангом защитников коридора* и зачем вообще нужны такие формулировки? И речь-то не о фланговых друг к другу подразделениях заслонов в самом коридоре, ведь такой детализации автор не даст. Значит, внешние, вне коридора фланги. А уж эти-то «фланги» — не фланги вовсе: впереди фронт прорыва ударной группы, позади коридора — тыл... (фронт более восточных от коридора соседней «открытым флангом» не назовешь).

Защитники коридора, как показали последовавшие бои западнее р. Воря, хоть и отступали под натиском противника, но ведь не панически: *чтобы оттеснить ефремовцев из-под Темкино до абрамовской излучины Угры, сразу потребовалось две недели*. Жаль, что этого как раз-таки и не читаем в книге А. Исаева «Жуков. Оболганный Маршал Победы». 13 километров за 16 дней. Так что картина боев западнее Гжатско-Юхновского большака в корне отличается от произошедшего на самом большаке и восточнее с 1 по 12 февраля 1942 г. Почему? Уж не потому ли, что там, западнее Вори, распоряжался лишь М.Г. Ефремов, — а вот на большаке под Захарово (участок Егорье-Кулеша — Крапивка) кто только не пытался командовать: и возглавивший здесь оперативную группу 33-й армии генерал-майор В.А. Ревякин, и начштаба 33-й армии генерал-майор А.К. Кондратьев, и заместитель командующего 33-й армии комбриг Д.П. Онуприенко. С момента подчинения себе 9-й Гв. СД — здесь же «при делах» и командующий 43-й армией генерал-майор К.Д. Голубев. Плюс (плюс ли?) страшная мешанина частей и подразделений:

— стрелковый батальон (затем еще два) 266-го СП 93-й СД 33-й армии северо-восточнее Захарова;

— два стрелковых батальона 1293-го СП 160-й СД 33-й армии в районе Белый Камень;

— стрелковый батальон 131 СП 9-й Гв. СД в районе Белый Камень;

— стрелковый батальон 1134-го СП 338-й СД 33-й армии в окружении западнее Захарова;

— два стрелковых полка (40 и 258 СП) 9-й Гв. СД 33-й / со 2.2.42 г. «временно» 43-й армии на участке западнее Колодези — северо-восточнее Нов. Деревня;

— 18 СБР и 18 ТБР 43-й армии восточнее Нов. Деревня.

У семи няnek, как говорится, дитя без глазу, — а если семь детей? А если няньки крикливы? К тому же есть тот, кто не против любому дитяте двинуть в глаз без оглядки на няnek... Вот и картина февральских боев под Захаровом. Да — на няnek есть тот, кто «ума прибавит» быстро и решительно, — так это когда уже поздно плакать. Причем больше всех виноват, естественно, отсутствующий. Тут как нельзя к месту, завершающим штрихом к картине, слова «Глав-няньки», командующего в ту пору Западным фронтом Г.К. Жукова, в подготовленной им на всякий случай телеграмме на имя командарма 33-й армии:

«Тов. ЕФРЕМОВУ

...никто, кроме командующего 33-й АРМИЕЙ, не виноват в том, что его коммуникации противник перехватил.

Г. ЖУКОВ».

Вот оно, — понимание офицерской чести тем, из кого ныне лепят Маршала Победы.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ АККОРД БЕЛОВСКОГО РЕЙДА

Беловский рейд, 1-го гв. кавкорпуса в 1942 г. по Смоленщине, будучи совершенно самостоятельной операцией — в рамках установленной самим П.А. Беловым в мемуарах канвы, — часто рассматривается как развитие и заверше-

ние «знаменитого» рейда кавкорпуса и оперативной группы этого генерала в подмосковном контрнаступлении и последовавшем наступлении Западного фронта. Так ли это? Хронология событий опровергает подобный взгляд.

На подступы к г. Юхнов войска группы П.А. Белова вышли еще в декабре 1941 г., в последних его числах. Юхнов, конечно, не взяли. Но главное, разделившее в судьбе Белова и беловцев Московскую битву и последующую незначительную операцию (для них же, беловцев, — битву, длившуюся аж полугодье), — январь 1942-го. Почти весь январь группа Белова, в отличие от декабрьского рейда, протолкалась почти без продвижения. Протолкалась на подступах к Московско-Варшавскому шоссе. Это шоссе юго-западнее Юхнова станет преградой не только для Белова, остановит войска советских армий Западного фронта надолго, более чем на год.

Странно ли, что пологно Варшавского шоссе разделило не только хронологические этапы битвы, но и прежние победы П.А. Белова от предстоявшей череды неудач? Нет, несколько — все закономерно. Зимний переход Варшавки частями П.А. Белова уже сам по себе, как ни парадоксально, стал первым их поражением, и это определило дальнейшее. Перешли-то перешли:

— артиллерия и минометы: из всех соответствующих подразделений корпуса лишь минометный дивизион А.В. Мельникова;

— пехота: не перешло через шоссе ни одного полка. 325-ю СД немцы вскорости откинут с шоссе, а 239-ю СД — командование фронта передаст Болдину, в 50-ю армию;

— обеспечение подвоза боеприпасов: нулевое. Сам же П.А. Белов 27 января в донесении Г.К. Жукову: *подвоз боеприпасов вначале будет возможен только авиацией*. Еще как!

С шашками да карабинами перешли, с басистой гортанью для «ура». Впечатление такое, что перешли шоссе не воевать

за Вязьму, а отчитаться о переходе, а там — авось да небось, да как-нибудь. То, зачем генерал армии Г.К. Жуков послал их через шоссе, ни в зимние месяцы, ни позже так и останется невыполненным.

Формально, бегло и поверхностно, издали обозревающий давние события на какой-то там абстрактной Смоленщине очередной «историк» скажет: задача была перейти шоссе — перешли, молодцы! Лучше поздно, как говорится, чем никогда... Но ведь П.А. Белов перешел шоссе лишь в конце января 1942-го, подарив немцам месяц на преодоление психологического и организационного кризиса, перешел без дивизионной артиллерии, без обозов, без медико-санитарных дивизионов, без пехоты, без двух лыжбатов, непростительно ослабленной группировкой, явно неспособной на штурм города.

Так что в рассматриваемом случае еще вопрос: лучше ли поздно, чем никогда?

Смотря для кого. Для самого генерала Белова — лучше. Не опозорился, наконец-то избавился от упреков и вытягивающего душу ожидания начальством исполнения, успеха. Но посмотрим шире, вокруг П.А. Белова.

Войска Белова перешли Варшавское шоссе и двинулись в направлении Вязьмы почти одновременно с ударной группой 33-й армии М.Г. Ефремова, отставая от нее на сутки-двое. Это были две ножи: на 27-е и на 28-е января 1942 г. Представим, как реагировало на долгожданный успех группы П.А. Белова командование Западного фронта. В предшествующий день одинокий авангард 33-й армии, перейдя реку Воря, двинулся на Вязьму — в одиночку. А тут пожалуйста: вот и кавгруппа Белова на помощь, все к той же Вязьме! Правда, она чуть подальше пока, ну ничего, ведь кавалерия, пройдут, подспеют. Подспели ...все с тем же запаздыванием на два дня, что привело к катастрофическому результату при попытках штурма Вязьмы и Ефремовым,

и Беловым. Вернемся к этому при анализе произошедшего далее у Вязьмы.

Отрицательное значение, о чем не пишут и не напишут, прорыв группы П.А. Белова приобрел и в плане влияния его последствий на судьбу тех, к кому «в помощь» вышла группа на Смоленщине. Речь о смоленских партизанах. «Помощь», поверхностно выглядящая таковой и поныне, на деле оказалась медвежьей услугой. Партизан к активным действиям подстегнул отнюдь не Белов. Множество воспоминаний свидетельствует: партизан всколыхнул десант, высаженный в конце января на огромной территории центра Смоленщины. Белов появился позже, на уже очищенной партизанами от врага территории, не взял ни одного райцентра, не говоря уже о городах, и летом уехал. Притом уехал так «талантливо», что преследовавшие его вражеские силы пропались огненным смерчем за генералом Беловым по всем возможным в полосе Запфронта партизанским краям и зонам, разгромили их и лишили тем самым Запфронт надежд на дальнейшее значимое содействие партизан, не говоря уже о выгодных анклавах и втором фронте в армейских тылах противника. Важно и то, что П.А. Белов, разваливая в июне партизанский фронт, до последнего имел властные полномочия над оставляемыми, не заботясь об их дальнейшей судьбе ни на копейку. И хотя это предмет отдельного, уже проведенного нами вне данной работы исследования, зловещая роль П.А. Белова и его штаба в ликвидации врагом партизанских сил центра Смоленщины — факт, который и здесь не упомянуть невозможно.

«Господин генерал! Будет Вам победа!

Да придется ли мне с Вами пировать?..»

Эти слова песни Б.Ш. Окуджавы — как лейтмотив историй множества операций 1942 г., эпитафия судьбам сотен тысяч людей, наших, здешних, нами не забытых...

ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ ЕФРЕМОВЦЕВ

Морозами, вьюгой, почками, с короткими привалами, неизвестными дорогами на десятки и десятки верст продвигаются колонны иззябших, утомленных людей. Тридцать третья армия. В деревнях на пути — забитый войной, бедный, голодный люд. А часто вместо изб — пепелища. Ничего, скоро все оправдается. Надо дойти и сделать работу. Немец побежит, отдохнем.

И вот наступает главный день ефремовской группировки. Впереди Вязьма. Штурм этого города — то, ради чего шли. Ради чего бедовали в пути не день и не неделю. Ради чего многим придется и погибнуть. Государство ждет результата. Все, что будет с ударной группировкой этой армии после этого — не важно. Даже если ее противник отрежет, даже если месяца на два немец загонит этих людей в ловушку-«котел», выждет, пока они обессилеют, и уж тогда ударит по ослабленным. Не важно... если они не возьмут Вязьму! Потому что в случае невзятия этого города все последующие бои дивизий этой группировки — лишь попытка остаться в составе действующих войск РККА, никакого значения для Дела не имеющая. А для людей — лишь способ выжить.

Оставим историкам-псевдоисторикам объяснения о смысле войны в сковывании противника. Запфронт с января 1942-го по сентябрь 1943-го не сковыванием занимался. И тем более окруженцы группы М.Г. Ефремова. В окружении занимаются не сковыванием, а собственным выживанием. И отбросим красивые фразы о беспримерном героизме, о забытом великом массовом подвиге, о фронтовых тяготах и лишениях, умненькие «оправдосы» о чьих-то там кознях тыловых штабных крыс, как основной причине поражения. Как бы не цинично (реалии войны всегда циничны) звучало, все это не главное. Главное, зачем группировку войск

33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова «Родина» сюда прислала? — прислала атаковать город Вязьму. Не имитировать штурм, а реально атаковать. И взять. Именно это — единственный смысл нахождения той армии в 1942-м на Смоленщине. Главный критерий ее выучки и профессионализма, бесстрашия и боеспособности. И что, взяли?

Атакующий авангард всех трех дивизий ефремовской группировки сбился в кучу в небольшом лесном массиве в районе Красный Холм — Юрино, не решаясь выйти на открытое пространство и пойти к городу. Часть из них, подвергшись контратакам и воздействию огня противника, в панике бежала. Произошла мешанина подразделений. Затем в дело вступила бомбардировочная авиация противника, войска понесли большие потери. Штурм провалился. Предоставим слово самому командарму-33 М.Г. Ефремову, по итогам боя 2 февраля:

«Как могло получиться — одна рота пр-ка контратаковала дивизию и отбросила на ЮРИНО», «...части идут в бой без разведки и охранения...»;

«непонятно, почему все три дивизии (113, 160 и 338 СД) собрались в районе ДАШКОВКА, ЯСТРЕБЫ, ЮРИНО»;

«Артиллерия дивизий отстала не потому, что так уж плохи дороги...»;

«Командиры дивизий не приняли мер обеспечения частей продфуражом и горючим...»

Было высказано мнение, что это была не операция, а дескать, имитация операции. Имитация — словечко, изобретенное для прикрытия провала. Любому в высоких штабах, дескать, было изначально понятно, что отобрать Вязьму у вражеских полчищ невозможно, можно лишь пугануть — глядишь, немец и побежит. Что сил и средств недоставало, как и времени, на подготовку столь серьезной операции. Получается, Ставка ВГК и штаб Западного фронта, создав или же допустив идиотически невыполнимые усло-

вия, надеялись на чудо, и при этом негласно предполагали для командарма-33 М.Г. Ефремова, что в случае провала строго с него не спросят. Или ...спросят. Не удалось, подвергли произопедшее умолчанию и искажениям на долгие десятилетия. Такие вот люди, ничего не поделаешь. А вот М.Г. Ефремов-то командовал прекрасно и поделывать ничего был не в силах, раз так получилось — он ни при чем. Да и его войска тоже. А то как-то нелогично. Это нынче так пишут: И в довесок небылицы и сказки.

Непримиримый к выдумыванию «всякого рода небылиц и детских рассказов», как он сам сообщает во вводной статье к своей книге о ефремовцах, В.М. Мельников разбирает и объясняет причины неудач 2 февраля 1942 г. очень интересно и показательно¹:

— *«артиллерию... подтянуть не удалось. Хотя особой роли в этом наступлении она сыграть и не могла, вследствие отсутствия достаточного количества боеприпасов»*. И здесь же, видимо, в доказательство, автор приводит строки документика из 160-й СД: в наличии 80 снарядов для 122-миллиметровых гаубиц, 170 снарядов для 76-миллиметровых пушек. 170-ю снарядами в пух можно разнести любую из прикрывающих Вязьму деревень. Маловато будет! ...и то, если бы захотели и смогли подвезти. Снаряды не нужны, не потащим и орудия — ведь имитация!

— *«В имитации наступления на Вязьму могли принять участие только части 113, 338 и 160 СД, что они и сделали»* (наша реплика: авангардные части трех дивизий, сбившиеся в кучу на 6-километровом участке — маловато?!);

— *«Подчиняясь приказу, измученные многодневным переходом в условиях полного бездорожья, бойцы и командиры*

¹ Мельников В.М. Их послали на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 387—388.

передовых полков...» (наша реплика: родители указанного автора, видимо, не жили в оккупированных деревнях Смоленщины — любой живший там и тогда запомнил, как и чьм трудом ежесуточно при немце чистились от снега дороги; а вот северо-восточнее Знаменки при приближении 33-й армии к чистке дорог население привлекли еще и партизанские лидеры из партномснклатуры Знаменского района);

— и особенно характерное завершение прежней мысли этого автора: *«...не проявляя особой активности, перешли в атаку на врага, оборонявшегося перед ними».*

Вот в этом-то все и дело! По В.М. Мельникову, люди идут на смерть, «не проявляя особой активности». Это что, имитация? ...Имитация их боя или имитация Мельниковым объяснения? Здесь остается лишь повторить строки самого же указанного автора, «От автора» в его книге: *«“Новая волна” историков и псевдоисториков, различного рода знатоков и знахарей вконец запутала общественное мнение...»* Что ж, В.М. Мельников хотел как лучше...

Бог спас, что мы не историки, поскольку зарплаты за сие не получаем, а значит, и не псевдоисторики, поскольку зарплату историки частенько получают за псевдоисторию. На знахарей не клеветайте, взвоете — по-другому запое-те. А о знатоках читатель сам разберется. Общественное мнение оставим стадным и роевым формам организации животных. А собственное мнение у не желающего усидеть на двух табуретках может быть такой: «не проявляя особой активности», идут не на имитацию, а «на врага, оборонявшегося перед ними», на смерть. Не проявляя... но идут ведь! И в настоящем бою — не имитации. По-настоящему они шли на тот город. Не получилось. Дело совсем не в усталости, другие были причины. Не надо славы павшим, общественного мнения живым. Дайте правду. А мы, не очень-то ожидая, попробуем ниже представить свое видение событий.

ПРОВАЛ ШТУРМА ВЯЗЬМЫ

Командарм-33 повел свои войска на штурм Вязьмы без надежд на помощь соседей.

1 февраля и в ночь на 2 февраля 1942 г. продвигавшиеся к Вязьме советские соединения Западного фронта занимали следующее положение:

113 СД двумя полками (без 1290-го СП) — Дашковка, Ястребы, Юрино (11—12 км юго-западнее Вязьмы);

160 СД — лесной массив юго-западнее Лядо;

338 СД — лесной массив западнее д. Воробьевка.

Анализ частного боевого приказа № 055, отданного командармом-33 М.Г. Ефремовым в этот день, показывает: в предстоящем штурме Вязьмы командарм рассчитывал только на свои силы — на полки своей ударной группировки. Направления развития ударов этим приказом задавались дивизиям следующие:

— 113-й стрелковой дивизии — атаковать Вязьму с юго-востока, через БОЗНЯ;

— 160-й стрелковой дивизии — атаковать Вязьму с юга, через АЛЕКСЕЕВСКОЕ;

— 338-й стрелковой дивизии — атаковать Вязьму с юго-запада, через КАЗАКОВО;

— 329-й стрелковой дивизии — атаковать Вязьму с запада — северо-запада, через ГРЕДЯКИНО.

Из конкретики определенных в данном приказе дивизиям задач понятно, и вместе с тем поразительно: М.Г. Ефремов словно ничего не знает о существовании кавкорпуса П.А. Белова, о его выдвижении к Вязьме, — с общей для них с Ефремовым целью.

Интересно, что кроме указанных выше задач «коренным» дивизиям 33-й армии, частным боевым приказом № 055 диктуется некое подобие задачи и для «свежей» у Ефремова 9-й гв. стрелковой дивизии А.П. Белобородова. Дивизия во-

шла в состав армии 31 января 1942 г., начала выдвигаться она к Вязьме из-под Шанского Завода, естественно, с отставанием от иных дивизий ударной группы. В частном боевом приказе № 055, пункт 8, командарм потребовал: «...с утра 3.1 развить наступление на ВЯЗЬМУ из-за левого фланга 338 СД в направлении ХАРЬКОВО, ПАНФИЛОВО, ПОДРЕЗОВО, ГРЕДЯКИНО». Чем же не приказ, почему подобие приказа? Да ведь «наступать в направлении ПОДРЕЗОВО, ГРЕДЯКИНО» тем же приказом, пункт 7, предписывалось 329-й СД, причем уже 2 февраля овладеть северо-западной частью Вязьмы. Как исполнение дивизиями подобного приказа выглядело бы в реальности? Представить несложно, смысл, если это можно назвать смыслом, таков: догоните их, 329-ю, где-нибудь, доложите мне, а там, глядишь, и придумаем, кому из вас что дальше делать... Откорректируем первоначальный план, уточним задачи ...если враг и обстоятельства позволят, и если времени будет вдосталь. Корректировать планы М.Г. Ефремову пришлось бы с П.А. Беловым, ведь его части уже 2 февраля заняли район села Покров, что на указанном в приказе пути 329-й и 9-й гв. СД меж Панфилово и Подрезово.

Особенно показательна в отношении несогласованности действий с командованием 1-го Гв. КК поставленная М.Г. Ефремовым задача 329-й дивизии: идти к Вязьме через Забново, Подрезово, Гредякино. Ведь уже к исходу следующего дня, 2 февраля 1942 г., под Забновом — в д. Свинокки, что около 2 км юго-восточнее Забнова — находились подразделения 1-й гв. кавдивизии, беловцы. Выполни 329-я СД своевременно ефремовский приказ в части выдвижения с востока к Забново, в этом районе бы 2 февраля «смешались в кучу кони, люди»: пехота 329-й и кавалерийские эскадроны 1-й гв..

После действий группы 2 февраля 1942 г. М.Г. Ефремов, письменно продолжая настаивать на выполнении комдивами приказа № 055, изумленно замечает: «непонятно, почему все три дивизии (113, 160 и 338 СД) собрались в райо-

не ДАШКОВКА, ЯСТРЕБЫ, ЮРИНО»¹. Что ж, сама карта местности даст ответ. 113-я дивизия, положим, не «собралась», а уже предварительно, с 1 февраля, занимала именно этот район. А вот почему полки 160-й и 338-й дивизий оказались здесь, это уж такова воля самого командарма. И вопрос должен бы адресоваться тем, кто сверял с картой предложенный М.Г. Ефремову и подписанный им же самим проект этого злополучного частного боевого приказа № 055.

Дело в том, что от района Блохино, Бол. и Мал. Коршуны, занятого 160-й СД 1 февраля, наступать на Алексеевское и Вязьму сй в соответствии с ефремовским приказом № 055 предстояло с к р е щ и в а я маршрут с 338-й СД. Ведь авангарду 338-й от Горожанки и Кошелево, где 1134-й и 1136-й полки этой дивизии находились 1 февраля, по приказу № 055 предстояло пойти на совхоз Кайдаково. Перекрестие на карте полос движения ефремовских дивизий соответствует району Юрино, лес западнее и юго-западнее указанного пункта, а также поле и опушки теперешнего леса юго-восточнее этой деревни. Для незнакомых с картой дополним: упомянутые командармом деревни Ястребы и Дапковка здесь же, чуть северо-восточнее, в 1 и 2 км от Юрино соответственно. Все это означает, что не кто иной, как сам командарм М.Г. Ефремов обязал дивизии оказаться «собраться» в этом районе, причем тем самым приказом, на продолжении исполнения которого продолжает настаивать. Именно М.Г. Ефремов повинен в столпотворении частей его ударной группы в юринско-воробьевском лесу. Кто-либо возразит — но ведь дальше-то, из этого столпотворения, приказ предписывал каждой дивизии следовать отличным от других маршрутом. Что же тогда получится? «Сами и выпутывайтесь» из юринского леса, вот что. Однако ис-

¹ Мельников В.М. Указ. соч. С. 389. Со ссылкой на: ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 59. Л. 9.

крепне удивляться произошедшему мог бы лишь человек, не пожелавший проанализировать определенные приказом действия дивизий в их динамике, с картой перед глазами. Генерал-лейтенант своим изумлением по столпотворению подтверждает: он либо не вникал в карту, либо не вникал в подписываемый приказ. Неплохо? Только вот для кого?!

Не лучше обстоит дело и с наступлением к Вязьме войск П.А. Белова. На первый взгляд, можно и поставить организацию наступления П.А. Беловым в пример иным здесь действовавшим. Как же, результат-то был показателен — заняв 6—7 февраля деревни Зубово, Пастиха и Михальки, части группы П.А. Белова подошли к Вязьме ближе, чем части иных (Соколова и Ефремова) войск. С душой к делу подошли! Да, с душой — ...те, кто рисковал и погибал в этих боях, кто мерз на снегу. А вот о генералах сказать бы «с душой», так посмотрите, что выйдет.

1. Белов. Атакующая в направлении Вязьмы группировка кавалеристов и лыжников вбивается узким (4 км шириной) клином к окраинам города лесом между Вяземско-Юхновского большака и Старой Смоленской дороги. Взятие Нестерова, Михальков, Пастихи никакого оперативного значения не несут — только психологический нажим: мы уже здесь, у самого города. На то и мышь, чтоб кот не спал?! «Кот» не спал: беловцев засыпали бомбами. Белов не организовал ни одной уверенной попытки перехватить под Пастихой один из вышеназванных большаков, что было и выполнимо, и необходимо для укрепления флангов этого «вяземского клина». Закрепись беловцы на большаках под Нов. Дворами или Батицево, и судьба оккупантов в райцентрах Семлеве или Знаменке повисла бы на волоске. А так — немцам оставалось лишь чуть отодвинуть беловцев от города, и 9 февраля 1942 г. Пастиха была ими отбита назад.

2. Жуков. Совместные действия советских войск, атакующих с юга район Вязьмы, сорваны не только разномоментно-

стью их атак относительно друг друга, но и прямым окриком Г.К. Жукова в радиোগрамме П.А. Белову: «локтевая связь с пехотой [т.е. частями группы М.Г. Ефремова. — *Примеч. М.П.*] вам не нужна» (!). Район «ненужной» локтевой связи — упорно удерживаемый немецкими частями 5 ТД узел свх. Кайдаково, д. Красный Холм. Эти пункты, расположенные не где-то в кустах, а непосредственно на Вяземско-Юхновском большаке, — сразу же, с 4 февраля, — послужили форпостом для германского наступления по рассечению сил 329-й СД и по разделению тем самым группировок частей М.Г. Ефремова и П.А. Белова. Классическое «разделяй и властвуй»!

«Забавно» после всех этих выводов еще раз открыть книгу о Московской битве, в тексте которой то и дело аккуратничающие генштабисты РККА отскакивают от «острого угла» вяземского провала Запфронта¹:

«...установили тесную связь с частями 1-го зв. кавалерийского корпуса, что придало борьбе за Вязьму характер крупного сражения; по времени своего развития оно уже выходит за рамки нашего описания.

...Борьба под Вязьмой явилась новой страницей в боевой работе 33-й армии; развитие ее уже не входит в рамки нашего описания».

Это лишь по ударной группе 33-й армии М.Г. Ефремова так: до общих слов о начатых 2 февраля боях за Вязьму. Однако чуть ранее в этой же работе, в нарушение собственной установки авторского коллектива о хронологических рамках по рубсжу января—февраля 1942 г., да и словно о совершенно ином районе, почему-то подробно расписаны действия группы П.А. Белова — аж по 11 февраля 1942 г.² В общем, что называется, тут помню, тут ...не помню.

¹ Шапошников Б.М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 556—557.

² Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 518.

ПЛАНОМЕРНОЕ «УДУШЕНИЕ» ЕФРЕМОВСКОЙ ГРУППЫ

После неудачи под Вязьмой, после перехода тем самым инициативы к противнику Западная группа 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова не имела достаточных сил для удерживания за собою тех значительных по протяженности районов, которые были взяты ею в пути к Вязьме. В таких условиях дальнейшее развитие ее судьбы предполагало лишь один из двух вариантов:

1. Безотлагательное отведение войск группы на соединение с главными силами Запфронта, т.е. прорыв из окружения.

2. «Сжатие» частей группы в компактный «кулак» в наиболее важном районе, с дальнейшим использованием его как плацдарма в случае успеха деблокирования группы подошедшими с востока, из-за Угры и Вори, войсками.

Но санкции на отступление той зимой в действующей Красной армии никто бы не дал. Не дали и Ефремову. Не паниковать! Не уступать врагу ни пяди.

Пока руководство Западного фронта кормило попавших в окружение пропагандистскими заклинаниями, вражеские дивизии перешли к делу. Первой по окруженной группе ударила из района райцентра Темкино немецкая 20-я танковая дивизия из состава 20-го армейского корпуса. Вероятно, она располагала не такими уж крупными силами, чтобы сразу сломить ситуацию в свою пользу. Продвигались медленно: тут и сопротивление ефремовских частей, и суровые зимние условия ведения боев. На овладение первым участком в 7—8 км — до выхода к булычевской излучине Угры — немцам потребовалось аж 2 недели.

Поразительно, но наши части в начале февраля 1942 г. находились практически у самого Темкино — местного райцентра, железнодорожной станции линии Вязьма —

Калуга, важного узла дорог. Вот сначала по Темкину бы двумя-тремя дивизиями, а не по далекой и насыщенной силами Вязме бить! Если после этого «котел» кому бы и был, так это угрюмовской группировке врага. «Великий Жуков» вместо упитанной синицы погнался за журавлем. Немцы прекрасно понимали опасность своим частям, и в первую же очередь ликвидировали ее. Утреннее донесение 8 февраля из штаба 4-й танковой армии: *«На участке 20 ак вчера вечером при ожесточенном сопротивлении противника захвачен нп 1,5 км юго-восточнее Власово»*¹. Этот пункт — деревня Семеновское, что всего лишь в 4 км юго-западнее райцентра Темкино.

Потом наступила небольшая передышка и подготовка врага к основательному наступлению. И уже 12 февраля во вражеских донесениях последовали первые результаты: *«На участке 20 ак 20 тд после боя захватила Ивашутино и населенные пункты 7 км западнее и 4,5 км ЮЗ Вязище (...)»*². Это деревни Чертаново, Шеломечики — 3-х и 7—8 км к юго-востоку от Ивашутино.

Так же успешно развивалась вражеская операция и в последовавшие дни. В ходе боев 13—15 февраля подразделения 20-й вражеской танковой дивизии сломали сопротивление батальонов группы Ефремова и «навели порядок» с изоляцией окруженной группировки от основных советских войск Западного фронта. Наряду с деревнями Рудное и Шеломцы — важнейшими пунктами северного побережья Угры — враг овладел и на южном берегу Угры районом Бол. Виселево, что позже рековым образом скажется на судьбе группы Ефремова в апрельском, главном и последнем ее прорыве. 18—19 февраля разгорелись бои за деревни Ку-

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 509.

² Там же. С. 541.

ренки и Булычево, к утру 19-го оба пункта были надежно закреплены за собой вражеской 20-й танковой дивизией.

20 февраля немцы взяли Барановку, 21-го — Прудки, а 23 февраля 1942 г. преподнесли окруженной группе 33-й армии «праздничный подарок»: взятие ими деревень Колодезки, Прокшино и Абрамово означало завершение строительства отсечного фронта на северном берегу Угры. Теперь между группой М.Г. Ефремова и «Большой землей» немцами контролировалось почти все междуречье Угры и нижнего течения реки Воря. На юго-западном берегу Угры противник овладел д. Синяково. На северо-восточном берегу этой реки в руках ефремовцев теперь остался лишь узкий «язык», плацдарм в районе свх. Кобелево. Со временем, в марте, и он будет врагом ликвидирован.

Завершая описание февральских боевых событий на восточном фланге и в целом по фронту окруженной группы М.Г. Ефремова, констатируем планомерное «удушение» врагом ефремовской группы. Видели таковое, естественно, и в штабе Западного фронта. Да вот беда — поделаться с этим ничего не могли. Ни в феврале. Ни позже. До финала.

2. ИЗДЕШКОВСКИЙ ПРОВАЛ

ЗАМЫСЕЛ ДЕСАНТИРОВАНИЯ. ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ

В чем заключался замысел январской высадки сил 4-го ВДК в рамках Вяземской воздушно-десантной операции, ответить несложно: высадка десанта западнее района Вязьмы в случае ее успеха отрезала основные коммуникации снабжения и возможного отступления войск 9-й полевой и 4-й танковой армий противника.

Лежащее на поверхности значение для советского военного руководства масштабного привлечения воздушно-десантных войск к операциям общевойсковых армий Западного фронта понятно: главное — побольше анархии в немецком тылу, до кучи и десант не помешает. Тем более что локальные предшествующие десантные операции, особенно у Знаменки, оставляли благоприятное впечатление. Не важны технические просчеты, не важны потери десанта — важны основания для возникновения паники у вражеского командования.

А вот каково значение высадки десанта (точнее, решения на высадку) глубинное?

1. Общая картина боевых действий основной части войск Западного фронта (центр и левое крыло) в январе 1942 г. показывала неспособность их к продолжению решительных наступательных операций силами нескольких армий. Успешные действия во второй половине января носили лишь локальный и случайностный характер, на уровне дивизия — 2—3 дивизии, бригады (ударная группа армии).

2. Притом нарастала растянутость линии фронта, не предполагавшая в ближайшее время насыщения войсками. Фронтальная война стала малоэффективна. Характер противостояния изменился: выложиться в борьбе за важнейшие транспортные узлы и коммуникации, вынудить командование врага на принципиальные решения.

3. Нарастала также психическая и физическая усталость войск, даже вне серьезных боев сокращался фактический численный состав боевых подразделений.

Неизбежно затухающим операциям требовалось «второе дыхание». Таким «вторым дыханием» для фронтовых частей Красной армии к западу от Подмоскovie мог стать именно десант. Этот чисто психологический аспект битвы гораздо важнее, чем все оперативно-тактические замыслы советского командования с красивым их оформлением на

картах и картосхемах. Эй, пехота! Десант очистил впереди все от немца, ждет и встречает тебя, доплетись уж как-нибудь, будь добра... Да, Г.К. Жуков озвучил бы командармам по телефону (а тем более при личном посещении) явно не в такой формулировке. Но было и без него кому озвучить и облечь в письменную форму.

Сломить психику врага, добиться от него решения на оставление территории. Поддержать настроение своих войск и командования. Вот в чем подлинная подоплека замысла большого десанта на Смоленщину, Вяземской воздушно-десантной операции 1942 г.

Конкретика боевых задач, поставленных воздушно-десантным бригадам 4-го ВДК, при ее сличении с картой местности поражает:

8-я бригада — занять рубеж Реброво, Гридино, Березники и не допустить отхода противника от Вязьмы;

9-я бригада — занять рубеж Горяйново, Иваники, Попово и не допустить подхода резервов противника с запада;

214-я бригада — сосредоточиться в районе Высоцкое (в источниках ошибочно «Всхоцкое»), Плешково, Уварово в готовности к проведению контратак против прорвавшихся частей противника и усилению обороны 8-й или 9-й бригады.

Обычно в советских военно-исторических книгах¹ и постсоветской репродукции представлены крайне поверхностные картосхемы: вот дорога Вязьма — Смоленск, вот южнее район десантирования, вот рубежи, на которые предстоит выдвинуться десантникам. Однако если взглянуть на действительную карту, а не примитивные схемки, окажется:

— в самом центре предлагаемого к занятию и дальнейшей обороне десантом района расположено не просто Издешково (нечто с этим названием на схеме указано), а од-

¹ Например, см.: *Лисов И.И. Десантники (воздушные десанты)*. М.: Воениздат, 1968. С. 98.

ноименный крупный поселок, районный центр, причем окруженный множеством поселков и деревень. Бригады десантируются, расходятся каждая на свой рубеж... А в центре остающийся в немецких руках районный поселок. Чтобы его взять, нужна отдельная локальная штурмовая операция, и сил нужно не меньше, чем эти самые 2—3 десантных бригады, минимум. Но его советский генералитет, утверждающий такое решение на десантную операцию, в упор не замечает. Из района Издешково противник мог ударить в тыл любой из бригад, выполни она свою часть приказа 4-му ВДК. Что получается? Это не план, а фикция плана, чреватая и потерями, и быстрым аннулированием достигнутого, срывом блокирования вражеских коммуникаций.

— район предлагаемого «сосредоточения» 214-й бригады (треугольник: Высоцкое, Плешково, Уварово) в действительности на местности означает для этой бригады необходимость овладения находящейся в центре этого треугольника железнодорожной станцией Алферово, пристанционным поселком и целой группой близлежащих (все внутри того же треугольника) деревень: Зеленино, Алферово, Куракино, Марьино, Копоново. Это плюс к тем трем, что указаны в поставленной задаче. «Сосредоточение» в случае выхода сюда десанта обернулось бы увязанием в боях и необходимостью оставления групп-минигарнизонов для постоянного контроля за каждой из этих занятых деревушек узкого коридора между железной дорогой и шоссе, по которым противник с любого направления мог выдвинуть резервы для контратаки и уничтожения сил 214-й бригады. Так о каком же *усилении обороны 8-й или 9-й бригады* после этого пошла бы речь? Погибли бы в изоляции, в отрыве на 10—15 км от других бригад, бессмысленно и бестолково заодно превратив в пепелища 5—6 смоленских деревень.

— 8-й бригаде надлежало выйти рубеж Реброво, Гридино, Березники, — вероятно, обойдя с юга описанный нами

выше район «сосредоточения» 214-й бригады. Допустим, это удалось бы без проблем с ориентированием на местности, без проблем мешанины с «сосредоточивающейся» здесь же 214-й бригадой, без проблем с возможностью обнаружения противником и увязания в бою. Затем 8-й бригаде в пути к Гридино надлежало овладеть деревнями Яковлево и Еськово, и уже на этом этапе репить вопрос с полным запретом противнику подброски сюда резервов по железной дороге и от Издешкова, и от Вязьмы. Иными словами — заставить противника смириться с прекращением обеспечения по железной дороге всей его ржевско-вяземской группировки. Звучит, а? Потом взять Реброво, взять Гридино, и даже взять Березники. Но это еще цветочки, ведь главное в сути и результирующей формуле приказа: *не допустить отхода противника от Вязьмы...* Реброво, Гридино и Березники расположены цепочкой приблизительно в оси юг — север, между ними отрезки примерно в 3 километра. Это означает, что все три батальона 8-й бригады практически в изоляции один от другого должны были сдерживать атаки ржевско-вяземской группировки врага:

1. На Московско-Минском шоссе у Березников.

2. В обширном лесном районе у деревни Гридино и окрест нее.

3. На железнодорожной линии Москва — Брест (отрезок Вязьма — Смоленск) под Реброво.

Фантастика... Картина маслом: утренний доклад тов. Сталину, события на фронте, войска Западного фронта ведут бои по окружению и уничтожению ржевско-вяземской группировки противника: с востока 20, 5, 33, 43, 49, 50-я армии Запфронта успеха не добились, с запада ...батальон 8-й воздушно-десантной бригады успешно перерезал ...отразив контратаки противника силою до... закрепился на достигнутом рубеже! Профанация? А вот Сталин, Ставка и Генштаб эту профанацию допускали, ведь 4-й воздушно-десантный корпус в оперативное подчинение командующего Западным фронтом пере-

дали. Это означает, что с 15 января 1942 г. тов. Г.К. Жуков имел не только право, но и необходимость, обязанность в плане решений и приказов не обойти стороной судьбу этого корпуса, пустить его в дело.

Вывод прост: даже в случае удачной высадки в предписанном районе всех трех бригад — всего 4-го ВДК — план операции совершенно не соответствовал реалиям местности и обстановки, был невыполним. Так испугались бы немцы? Испугались в реальности немцы? Цыплят по осени считают. Сличение цифр высаживавшихся десантников с цифрами сплотившихся заново в боевые единицы (читай: с уцелевшими в первые сутки) и будет ответом. Высажены десантников были тысячи, в главный же бой, своевременно оказавшись где нужно, пошли немногие сотни.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАМЫСЛА

Крупных воздушных десантов в тыл противника Красная армия до этой «операции» не осуществляла. Так что можно говорить, что этот десант — первый блин. А раз так, то стоит ли удивляться, по пословице — первый блин комом. Вернее, даже не комом, и не в лепешку. Хуже — в мелкие брызги! Анализ конкретных обстоятельств десантирования убеждает нас в обоснованности именно такой формулировки. Именно «мелкими брызгами», стряхнутыми на землю Смоленщины, выглядят на карте места не предусмотренной планами, а действительно состоявшейся высадки группы тогдашнего десанта. Вряд ли кто-либо поныне ставил задачей опубликовать неким списком сведения о реальных местах тогдашней высадки десанта 8-й бригады. Пробел следует хотя бы отчасти восполнить. Не претендуя на полноту приводимого далее перечня мест высадки, укажем известные нам примеры.

Батальонный комиссар И.Г. Мазуркевич, военврач бригады Ю.Н. Пикулев, десантная группа, возглавленная во-

ентехником Г.В. Скомо́рохиным, высадились в ближних окрестностях Дорогобужа и участвовали совместно с партизанами в февральском 1942 г. освобождении этого города¹. От Дорогобужа до Озеречни 30 километров, до Реброво — 43 километра, не говоря уже о Гридино и Березниках, где также предполагалось вести бой бригаде.

Командир минометного взвода 2-го батальона 8-й ВДБР Петр Еланский после приземления в окрестностях села Мытишина² Выходского района Смоленщины объединил вокруг себя небольшую группу высаженных здесь с ним десантников, до марта 1942 г. они сражались в составе партизанского отряда «Северный медведь», Еланский был комиссаром этого отряда. Так вот Мытишино, к началу февраля занимаемое, кстати, вражеским гарнизоном, расположено в 37—38 километрах и от Озеречни, и от Реброво, и это по прямой, смело округляем до 40. Четыре десятка километров, пожелай группа Еланского пробраться к своим десантированным «основным силам» бригады, — и это при том, что не знаешь, есть ли немцы в ближайшем селе, том же Мытишине.

В составе партизанского отряда «ФД» (им. Феликса Дзержинского), преобразованного затем в партизанский полк им. 24-й годовщины РККА, долгое время сражался десантник Павел Яровой. Исходя из того, что формировался этот отряд в округе села Мархоткино, в деревнях юго-западнее, южнее и юго-восточнее Мархоткино, следует вывод, что Яровой в ходе десантирования приземлился никак не ближе, чем в 45—50 километрах от Озеречни и аж в 55 от Реброво, являвшегося южным из пунктов запланированного рубежа действий десантной бригады.

¹ Лукашенко А.И. Дорогами воздушного десанта. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Московский рабочий, 1978. С. 40.

² Там же.

Десантная группа младшего лейтенанта Герчика выса-
дилась в районе деревни Ромашково. Это северо-восточная
часть Ельнинского района, местность в более чем 60 кило-
метрах от округа Алферово, т.е. от заданного парашюти-
стам района дальнейших действий.

Удалось найти еще более шокирующее свидетельство аб-
солютно безответственной и преступно бездарной работы
авиаторов той «операции». Десантный отряд, командование
над которым по завершении десантирования принял лейте-
нант Заруцкий, сформировался и действовал вообще в 97—
100 километрах юго-восточнее района Реброво — а именно:
южнее города Ельни, в лесной глуши Мутищенских лесов,
в окрестностях деревни Клип. Вследствие невозможности
выдвигаться аж сотню километров к «своим» десантникам,
отряд вынужден был вступить в формировавшийся в те дни
партизанский полк имени С. Лазо. Что этот отряд не дивер-
сионный или разведывательный, а именно из состава сил,
десантируемых в район западнее Вязьмы, прямо следует из
формулировки о нем в тексте Истории создания и боевой
деятельности ОПШ имени С. Лазо: «...отряд случайно при-
землившись парашютистов, которые должны были дис-
лоцироваться в районе гор. Вязьмы». Такое впечатление,
что летчики перед полетами изучали карту на уровне про-
чтения надписей «Смоленск», «Вя...», ай, да ну его, пошли
покурим!

Итак, 8-ю воздушно-десантную бригаду сбрасывали
«на кого бог поплет». А что же видим в книгах? Преду-
смотренную штабным планом Озеречню, «внеплановое»,
но близкое к железной дороге Воронцово (тоже годится),
ну и еще, на худой конец, деревню Таборы! Почему упо-
минают Таборы? — потому, что это единственное из мест
реального массового десантирования, относящееся к тер-
ритории именно Издешковского района, того самого, куда
надлежало посадить десант. Не важно, что на самом-самом

юге этого района. Главное, что хотя бы рапортовать можно — «Таборы Издешковского района», — глядишь, уже не позорно. А потом, в позднесоветские времена, в солидном издании Института военной истории Министерства обороны СССР оказалось, что и Таборы не при делах: «*парашютисты были разбросаны в радиусе 20—25 км от Таборье*» (а к плану-то операции «Таборье», извиняемся, — никаким боком)¹. Про остальные группы, про их суммарную численность в соотношении с пошедшими в бой от Таборов на Озеречню и Реброво — лучше не надо... Корпус — около 10 тысяч, высадилось (за несколько суток) — 2497 человек², но в нужный-то момент в заданном месте собралось лишь 318! Так лучше «Таборье», лучше фикция операции, чем «брызги» условных значков-парашютиков по всей карте центра Смоленщины.

НИКТО, КРОМЕ НАС, НАЗОВЕМ НЕКОТОРЫХ

Ох уж эти лозунги! Чем больше их ретранслируют, тем ...лучше: лозунг — «горячая шапка», заноза, свидетельство неблагополучия, или наоборот — благополучие, правда, лишь маскировочное благополучие. И в какой-то момент понимаешь — «никто, кроме нас», не вернет из забвения тех *никто* из лозунга «никто не забыт».

Вот, к примеру, утренняя фраза смоленского радио 13 февраля 2012 года, анонс одной из статей местной газеты. Звучит приблизительно так: «“Никто, кроме нас!” — знаменитый лозунг десантников родился 70 лет назад на смоленской земле, в ходе боев воздушно-десантной опера-

¹ Федоров А.Г. Авиация в битве под Москвой. М.: Наука, 1975. С. 257.

² Там же. С. 258. со ссылкой на: Архив МО. Ф. 35. Оп. 11290. Д. 146. Л. 37, 67.

ции под Вязьмой и Угрой». Ясно, что эти красивые и приятные кому-то слова о месте, дате и времени происхождения лозунга всяких документальных оснований, конечно же, не имеют. Где-то на полях войны фраза «никто, кроме нас!», возможно, звучала не раз. Однако смеем утверждать, что ни под «Вязьмой», а точнее Издепковом и Семлевым, ни на Угре или у Вертехова такую фразу — «Никто, кроме нас!» — десантники той зимой бы не сказали. Именно так, если в скромно обрывающейся фразе этого лозунга подразумевается завершение насчет боя, а не насчет отодвинуть другого локотком и героем выставить именно себя.

Убедительные подтверждения существуют — и тому, *кто* в действительности тогда выполнил основную боевую работу, и тому — что в книгах, публикациях о десанте *и о нынче* о тех недесантниках, кто сделал основную часть попавшего в отчеты десанта, нет почти *ни слова*.

Вот характерный пример. Обстоятельная, позднесоветского времени, книга о 4-м ВДК, о его коротком, но героическом пути. Нигде больше, но уж здесь-то упомянуты шедшие с десантом в бой партизаны. Но ведь как упомянуты:

«Мастерски, по-десантному, в Савино и Дязлево 9 февраля были уничтожены штабы 5-й танковой дивизии и 13-го моторизованного полка противника. В этом бою особенно отличились рота старшего лейтенанта Страхова, взвод лейтенанта Ерохина и партизанский отряд Зарубина. Бесшумно сняв часовых, взвод В.Е. Ерохина ворвался в расположение фашистов. ...Гитлеровцы ...не оказывая большого сопротивления, в панике бежали в Семлево. Минометная рота огнем преградила им путь, а рота Страхова завершила разгром. Только убитыми противник потерял свыше 1500 человек, в том числе генерала»¹.

¹ Громов И.И., Пизунов В.П. Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное издательство, 1990. С. 129—130.

Все гладко? 1500 убитых («мастерски»...)! Ладно, не о том речь. Взвод Ерохина снял часовых. Минометная рота — заградогонь, уже за деревней. Рота Страхова — «завершила разгром», значит, тоже уже за деревней. Так вот теперь зададим вопрос: а кто сделал штурмовую работу в деревне? Снявший часовых взвод Ерохина? О иных участниках боя в деревне по существу ни слова. Если 1,5 тысячи только убитых, то изначально в гарнизоне врага было побольше. Они что, от взвода Ерохина в панике побежали в Семлево? Правильный ответ: бжгать в панике могли только увидевшие перед собой атакующие сотни и сотни. Не взвод Ерохина, и не две роты десантников, подкючившихся к бою только после перелома... Сотни и сотни не указанных офицерами-авторами процитированного отрывка. Допустим, возразят: еще вскользь отряд Зарубина (правильно бы — Саратовского и Зарубина) упомянут. Вскользь. В том-то и дело. О сделавших «немастерски», «не по-десантному» главную работу в том бою, как и в любых других, вскользь упоминать негоже. Восполним пробел:

«...Бой под дер. Дяглево. Разгромлен радиобатальон, батальон связи, зенитный дивизион. Взятые трофеи: орудий — 3, пулеметов станковых — 5, пулеметов ручных — 7, винтовок — 160, раций — 14. Сожгли до 250 машин».

Таковы скутые строчки отчета «О подготовке и боевых действиях партизанского отряда, действовавшего с 8-й ВДБ». Это, конечно, не «убитыми... свыпше 1500 человек», но к бою в деревне имеет гораздо большее отношение: 12 пулеметов партизанами явно были взяты не у бегущих в панике к Семлеву. Равно как и 160 вражеских винтовок — явно не подобраны партизанами с 1500 убитых («мастерски, по-десантному») немецких солдат. Если бы немецкая 5-я танковая дивизия в каждом таком Дяглеве теряла по 1,5 тысячи солдат, уважаемый читатель, не дайте соврать, продержалась бы она под Вязьмой хоть неделю?

...С тех пор как капитан Зарубин с лейтенантом Саратовским пошли с собранными окруженцами в первый зимний бой на деревню Комово, партизанский этот отряд шел на острие наступления десантников, принял участие во всех зимних и весенних боях 8-й воздушно-десантной бригады:

— бой под Комово, где партизанским отрядом убито до 70 немцев;

— бой в Савино — убито 80 немцев;

— бой за Мармоново, партизанами убито 32 немецких военнослужащих;

— уже упоминавшийся нами бой под Дяглево;

— бои в районах Поляново и Семлево;

— бои в Сакулино, Бекасово, Афонасьево, Заболотье, Перстенки;

— бои за станцию Угра, Вознесенье, Буду, Бол. и Мал. Мышенки.

Указанные выше названия деревень, цифры вражеских потерь по большинству боев отражены в отчете комиссара отряда от 5 сентября 1942 г. Есть и о трофеях, но не приводим, дабы не утомлять читателя. Цифры убитых солдат и офицеров противника, конечно, округленные, но в них как-то больше верится, чем в «свыше 1500» на один бой.

Для того чтобы более объективно оценить роль добровольцев-недесантников в боях 8-й ВДБР, нужно соотнести численность десантных и «партизанских» сил, объединенных «под знаменами» комбрига-8 А.А. Онуфриева и комиссара этой бригады И.В. Распопова. О десанниках известно следующее: в основном районе сбора группы 2-го батальона 8-й ВДБР к утру 28 января из 648 десантировавшихся было собрано 476 человек. А в отношении «партизански»-добровольческих сил как это сделать? Первый вариант: открываем советских времен книгу, читаем:

«...Беседа с населением, И.В. Распопов понял, что если объявить призыв, то можно пополнить личный состав батальонов и сформировать партизанский отряд. <...>

Несколько позже было доложено, что из числа бывших командиров и бойцов, оставшихся в окружении, и местной молодежи призывного возраста начато формирование партизанского отряда численностью 740 человек и столько же призывается на пополнение бригады»¹.

Вот так: десантников 476, а недесантников — аж 740 и «столько же ...на пополнение бригады»!

Однако к процитированному сразу возникают вопросы. Первое — хронологическая странность. Батальонный комиссар И.В. Распопов с А.А. Онуфриевым оказался на Смоленщине 29 января, установили связь с батальонами лишь 30 января 1942 г. Исходя из процитированного нам предложено верить, что — благодаря комиссару Распопову и информировавшему его «местному населению» — никак не раньше 30 января *начато формирование партизанского отряда* (причем, кем начато и кем о том доложено — не сообщается). Но 30 января (в 1-й день их командования операцией десантировавшихся) у Распопова и Онуфриева хватало забот и без того. Однако нам известно, что уже 2 февраля отряд Зарубина пошел с десантом в бой. Так что же, за единственный день 1 февраля 1942 г. И.В. Распопов с А.А. Онуфриевым и услышали донесение, что «начато формирование партизанского отряда», и убедились в возможности завтра же послать отряд в наступательный бой?!

Второе. Как это? — «*начато формирование партизанского отряда численностью 740 человек*». Понятно было бы одно из двух: или «начато...», или уже «740». Откуда у доложивших осведомленность, что будет именно 740 бой-

¹ Громов И.И., Пигунов В.П. Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное издательство, 1990. С. 126.

цов, и никак не меньше? Из подобных распоповским «бесед с населением»? Поразительно для безвластной, полуоккупированной территории. «Имена, явки, пароли, адреса» (и опять же, все это за день 1 февраля!), к вечеру — отряд. Лихо!

Отдельным пунктиком: «...и столько же призывается на пополнение бригады». И это при том, что и своих-то больше чем 4—5 сотен собрать вовремя в единую группу оказалось невозможно!

Можно еще прочесть, как «...было запрошено разрешение на призыв для формирования партизанского отряда и пополнения бригады», как «...майор Маслов передал одобрение генерала Глазунова инициативы командования бригады»¹. В общем, создана стройная версия, по которой командование 8-й ВДБР (находясь с высадившимися, повторим, с 30 января) инициировало формирование партизанского отряда, как и пополнение собственных подразделений, и успешно этим поруководило. Действительно, резолюции где-нибудь да ставились, одобрения высказывались! Поучаствовали, поруководили.

Со слов тогдашних десантников писал о них книгу (1978) и журналист А. Лукашенко. «Перлы» вполне узнаваемые: «...Вооружались за счет трофеев. Ведь по приказу командира бригады начальник вооружения В.Ф. Козинец выделил партизанам для начала лишь несколько немецких автоматов»². Несудивительно, автоматы — для самого ответственного дела, т.е. кому вместо тебя пойти под пули. Так на ж тебе — «для начала». Начало у «партизан» Мельникова было в осеннем лесу под Деревенщиками. Где тогда была 8-я бригада? И почему, кстати, «лишь несколько немецких»? — что-то не густо...

¹ Громов И.И., Пигунов В.П. Указ. соч. С. 126.

² Лукашенко А.И. Указ. соч. С. 42.

Но есть, однако, и иные источники информации. Комиссар партизанского при 8-й ВДБР отряда выжил не только в зимних и весенних, но и в летних боях 1942-го. Когда он составлял свой отчет о пройденном им за год войны на Смоленщине, ему хватало о чем написать — и побед и поражений (не только с 8-й ВДБР) хватало с лихвой. Так что о январско-февральских событиях приврать, приукрасить в не относящихся к боям деталях смысла автору отчета не было. Читасм отчет. Перед нами — совсем не та война, не тех людей, не комиссаров с зарплатой, не авторов советских книжек:

«...стало известно, что в нашем районе будет выбрасываться десант, на основе этого были даны указания руководителям групп организовать прием десантников[,] и нужно сказать, что несмотря на бурю, пургу, все группы работали неплохо и этим самым спасли не одного бойца.

Принимая десантников, в это же время мы обеспечивали их боеприпасами и питанием. Передали им более 30 тыс. патронов, 10 тысяч мин и несколько минометов.

27.1.42. я со штабом переехал в дер. Иваново, здесь объединил все группы в отряд, в котором насчитывалось уже до 800 чел. Отряд сразу же совместно с 8 В.Д.Б. приступил к боевым действиям. Бой под дер. Комова, 4 дня...»

Прорезается правда-матка. Командир и комиссар 8-й ВДБР А.А. Онуфриев и И.В. Распопов — с 3-й попытки — наконец-то оказываются во вражеском тылу на Смоленщине, и что же видят? Своих, десантников, кот заплакал — около 500. Кого же Онуфриеву и Распопову повести в бой против псмецких 9-й и 4-й танковой армий (ведь в жуковском приказе: *не допустить отхода противника от Вязьмы...*)? Ответ не из советских книжек: тех, кто встретил десант, собрал, обогрел, накормил, вооружил — да и сами будучи вооруженными, численностью до 800 чел., готовы пойти в бой! И таковой бой, — тяжелый, многодневный бой под Комо-

вом и Дмитриевской, — добровольцы проводят, открывают десантной бригаде дорогу на Вязьму. Но в советские книги, естественно, попадает не этот бой, а «одобрение генерала Глазунова инициативы командования бригады».

Поскольку в «Никто, кроме нас» «никто» не должен быть забыт, назвать бы стоило их всех. Не наша вина, что спустя 7 десятилетий такая задача невыполнима. Однако вот хотя бы некоторые участники, лишь неполный список командно-начальствующего состава отряда «партизан» при 8-й ВДБР (с 11.2.1942 г. отряд возглавил полковник Ф.П. Шмелев):

Первый командир отряда — лейтенант И. Саратовский (погиб в бою за Дяглево).

Комиссар отряда — старший политрук Мельников П.А.

Помощник начальника штаба — лейтенант А. Гусев (погиб под д. Денисово).

Адъютант — старший сержант Алксонин.

Командир 1-го батальона отряда — старший лейтенант И.З. Харитонов.

Командир 2-го батальона отряда — капитан Зарубин.

Комиссар батальона — политрук Чекалин.

Комиссар батальона — старший политрук Приставкин (погиб под д. Денисово).

Командир роты — лейтенант Макаренко (погиб под д. Перстенки, видимо, Перстенки).

Командир роты — воспитанник 2-го ранга Солнцев.

Командир роты — старший лейтенант Б. Данилов.

Командир роты — старший лейтенант Мясницкий.

Командир роты — лейтенант Ростовский (погиб под д. Дяглево).

Зачем приводим этот список? Чтобы небезразлично прочитавший видел, что были такие батальоны и роты, были те, кто ими командовали и погибали. Чтобы «Никто не забыт» стало реальностью хотя бы на 1 %. Во-вторых, так легче представить, что вокруг каждого из этих людей были десят-

ки других, деливших с ними боевую судьбу в неизвестных
ныне, но тогда и там славных их операциях. Пусть данью
памяти им станут хоть эти строки.

КПД ДАЖЕ ГЕРОЕВ ДЕСАНТА БЛИЗОК К...

Были и десантники-герои в том «вяземском» десанте. Героями им пришлось стать потому, что они пытались следовать тому способу ведения войны, которому их учили по науке, в мирное, предвоенное время. Действовать самостоятельно, инициативно, решительно, все подчинив выполнению поставленных задач. Удалось ли им это, и насколько? Каков, так сказать, их КПД (коэффициент полезного действия) в соотношении с задуманным в штабах? Да мал КПД, близок то ли к нулю, то ли похлеще. Эффект десантирования в данном случае оказался размыт множеством отрицательно сказавшихся и организационных просчетов, и здешних обстоятельств. Отвратительная постановка дела со связью. Распыленность десантированных групп. Боев с момента высадки еще не было, однако когда дошло до самых главных дел, до того, ради чего десантировались, — народу оказалось крохи. Мороз, снега, создающие трудность ориентировки бесконечные леса, рожицы, болотца. Отсутствие координации действий с находящимися по соседству частями своей же Красной армии.

Само понятие «коэффициент полезного действия» к оценке боевых результатов может быть, конечно, условно применено лишь в тактическом и оперативном контексте самой операции. Но если взглянуть на итоги боевых действий шире? Мы не о «сковывании сил противника» и подобных виртуальных штучках позднейших отбеливателей истории, мы о реальности итогов боев. КПД со знаком минус? Ведь одни минусы.

Вот, например, свидетельство командира «3-го батальона», а точнее — командира в тот момент боевой группы из

состава 3-го батальона 8-й бригады, Андрея Георгиевича Кобец:

«14 февраля вокруг нас запылали деревни. Полностью были сожжены 14 деревень: Андросово, Еленовка, Евдокимово, Яковлево, Пустошки и ряд других деревень, где население оказывало нам поддержку в питании, передавали сведения о противнике, за что мы сердечно благодарили их за поддержку»¹.

Война без жертв, в том числе без ущерба мирному населению, не бывает. Но сожжение противником деревень было не сопутствующей боям случайностью, а продуманным методом достижения результата: выключить группу А.Г. Кобец из дела, заставить ее уйти из этого района. И действительно, именно этим методом немцы своего добились. Спустя буквально неделю, 22 февраля 1942 г., командование 3-го батальона 8-й ВДБР приняло на свой страх и риск, не имея связи с командованием, решение на выход из предписанного района куда-либо на соединение с «бригадой», на деле же — с любыми антифашистскими силами. А.Г. Кобец так описывает сложившуюся ситуацию и принятие решения:

«После того, как немцы сожгли вокруг нас деревни, продуктов питания у нас никаких не осталось и десантники 7 дней ничего не ели, измученные частыми переменами своего места нахождения... Не имея связи с бригадой, мы с комиссаром М.И. [так] Здановским приняли решение выйти из боя, зная, что без приказа отходить нельзя, но мы приняли на себя ответственную задачу, спасая личный состав»².

Верное решение приняло командование батальона? — да. Но за спиной уходившей этой группы остались пепели-

¹ Кобец А.Г. Шла война народная / «Военно-исторический архив». 2009. № 11 (119). С. 94.

² Кобец А.Г. Шла война... С. 95.

ща 14-ти смоленских деревень. Планомерно уничтоженных врагом, но ведь вследствие именно длительного нахождения здесь десантников. Группа А.Г. Кобец к моменту начала этих боев, на вечер 30 января, насчитывала 131 человека. Допустим, каждый из них полезное сделал, учтем всех. Получается, за боевую работу каждого, приблизительно, десятка десантников этой группы реальная «оплата» — одна исчезнувшая русская деревня. Нормально???

В расплату за авантюру Г.К. Жукова (теперешнего «Маршала Победы»!) и Ставки ВГК погибли не только деревенские строения 14 деревень. Погибли и люди, не имевшие к войне никакого отношения. А.Г. Кобец в воспоминаниях об этом, естественно, скромничает: *«немцы сожгли вокруг нас деревни, продуктов питания у нас никаких не осталось»*, а куда жители подевались — ни слова. Однако на деле задачей карателей было не сжечь деревни, а именно истребить население. Постройки же воспламенялись лишь частью, от подрывов гранатами в ходе расправ. Приведем пример — деревня Пустошки, упомянутая А.Г. Кобец в перечне сожженных 14 февраля за помощь десанникам. Когда сюда через несколько дней пришли беловцы, по свидетельству комполка-170 И.Г. Фактора, они увидели вот что:

«...мы освободили деревню Пустошки. Никого из жителей мы здесь не встретили. В покинутых домах тишина. Хлевы пусты, никакой нигде скотины. Даже кошки и собаки исчезли.

“Что же здесь случилось?” — задавали мы себе вопрос. В конце улицы, среди груды щебня и мусора, воронка от разорвавшейся бомбы была заполнена трупами расстрелянных, очевидно жителей этой деревни. В одном из погребов мы обнаружили тяжело раненную женщину — Плескову Марию Ивановну и ее дочь, шестнадцатилетнюю Сашу, случайно оставшихся в живых. Они и рассказали нам о трагедии их деревни.

— Фашисты заподозрили жителей в связях с партизанами. Всем мужчинам приказали собраться на улице. Среди них были шестидесятипятилетний Петр Ильич Ильин, шестидесятилетний Петр Харламович Харламов, пятидесятишестилетний Степан Зверев и его сын пятнадцати лет Иван Зверев. Все они были тут же, на улице, расстреляны. Женщин и детей, скрывшихся от обстрела в погребах, фашисты забросали гранатами. Когда стали отступать, побили весь скот, птицу и все забрали с собой».

Плескова, говоря беловцам о «партизанах», ничего не знала, получается, о десантниках — по гранатный взрыв от врага в расплату за десантников получила и она. Исследование документов по летней 1942-го операции «Ганновер» предоставляет нам свидетельства той же самой «тактики» оккупангов: гранатные взрывы, пули вдогонку убегаящим. Так что М.И. Плескова ничего не придумала, И.Г. Фактор ничего в ее словах не исказил. Так что же, оправданы жертвы? Что же десантниками сделано?

Точных сведений о результатах диверсионной работы 3-го батальона 8-й ВДБР нет, правда, сам командир вспоминает о 8—11 подрывах железнодорожного полотна, уничтожении не менее трех вражеских групп — в бою под Евдокимово и в перестрелках с охраной железной дороги. Было и несколько обстрелов и повреждений транспорта на Московско-Минском шоссе. Все перечисленное в сумме, оценочно — от 50 до сотни убитых и раненых солдат и офицеров противника, несколько единиц автотранспорта, дрезина, цистерна с горючим... Для ста тридцати бойцов, может быть, немало. А для всего состава батальона, десантированного для этих действий? Кстати, приведем формулировку этой полученной задачи от 30 января 1942 г. словами самого комбата: «...перерезать шоссе и железную дорогу в районе Еськово — Березняки, не давать возможностей противнику отводить войска из-под

*Вязьмы»*¹. Кто бы ни озвучил эту задачу, — как не узнать в этих абсолютно оторванных от смоленских тогдашних реалий словах «мысль»-самовнушение Георгия Константиновича Жукова: немцы, понимаете ли, уже отходят от Вязьмы! Вот вы (хоть и сто тридцать, курам на смех) и перережьте... и шоссе... и железную дорогу, и преградите... войскам из-под Вязьмы.

Не оправдали они надежд «Великого Жукова». Не преградили путей «отвода войск», сцепившихся у Вязьмы с кавкорпусом П.А. Белова. Зато помогли вражескому командованию своевременно оценить новые тенденции в развитии обстановки на этом направлении. «В районе южнее шоссе, на участке между гг. Вязьма и Дорогобуж, вновь сброшены парашютисты-десантники...», — уже строки за 31 января оперативной сводки Главного командования сухопутных войск вермахта подтверждают внимательное отношение в высоких германских штабах к происходящему на этом участке.

...Еськово, перерезав тем самым железную дорогу, десантная группа взяла с опозданием — лишь 6 февраля. Сил удерживать хватило на один день боя, 7-го. Это максимум, что смогли. И опоздание со взятием Еськово, и смехотворно краткий период удерживания этого пункта имели принципиальное значение: именно со 2 по 7 февраля и ударная группа 33-й армии, и кавкорпус П.А. Белова вели наиболее активные, основные действия на ближних подступах к Вязьме. Атакующим город нужна была помощь не сотни человек, а бригады десанта. Хотя бы бригады...

Замышляя «операцию», наши генералы хотели как лучше, а получилось вполне анекдотично: представьте, стоят в какой-то момент несколько десантников на Московско-Минском шоссе западнее Вязьмы, и формально в этот

¹ *Кобец А.Г.* Шла война... С. 92.

момент окружена вся группировка немецко-фашистских войск, отступивших из Подмосковья. Перерезана их единственная коммуникация в тыл. Ну и что? Этих десантников всего несколько человек — из сотен и тысяч¹, из всех десантных батальонов, бригад и корпусов Красной армии — в главном месте (завязывавших эдакий «Вяземский мешок», исторически имевший шанс выглядеть противовесом позору Вяземской катастрофы 1941-го). Вот уж воистину «Никто, кроме нас!» История вершится дважды... Второй раз в виде фарса.

С определением «КПД» героев десанта получается вот что: с 7 февраля 1942 г. лишь диверсии. Достижений же, сопоставимых с недолгой попыткой удержать Еськово и железнодорожную будку, — никаких. Связи с командованием 8-й ВДБР ее 3-й батальон не имел, и в этой связи особенно показательное совпадение: приняв решение «на соединение с основными силами бригады» и уходя на юго-запад со своим отрядом из района 22 февраля 1942 г., комбат А.Г. Кобец еще не знал, что в полдень буквально следующего дня — 23 февраля — именно сюда (откуда десант уходит) выйдут эскадроны 41-й кавдивизии, возьмут Яковлево. И вечером вследствие огневого противодействия и перевеса сил противника отойдут назад, ведь немец здесь не первый день действовал против десанта, против 3-го батальона. Группа десантников ст. лейтенанта Д.В. Фоменкова, правда, вышла к деревне Березки, на позиции кавалеристов — но Фоменков вел раненых, уже не вояк... Оставшаяся же из группы А.Г. Кобец «нераненная» часть десантников, уйдя с участка 41-й кавдивизии, вышла позже к конникам 1-й гв.. Так что ни рвущиеся к железной дороге беловцы, ни остатки 3-го батальона 8-й ВДБР представления друг о друге не

¹ Федоров А.Г. Указ. соч. С. 255: в составе 4-го ВДК перед высадкой насчитывалось около 10 тысяч парашютистов.

имели, ходили, что называется, по разным дорожкам... Что наблюдаем в действиях советских частей? — классическое бездарное тыканье пальчиками по очереди вместо одного сильного удара кулаком. Разве такое можно называть операцией?..

3. СЕМЛЕВСКИЙ ПРОВАЛ

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРЕКИ БЕЛОВУ

Была война, и были приказы, директивы, радиограммы, оперсводки. Поскольку в послевоенное время взыскательному, любознательному гражданину «с улицы» обратиться к ним было невозможно, требовались книги. Вот и появились в послевоенные десятилетия книги-постскриптум, — после написанного в войну, — описания боевых событий, расстановка точек, а если удастся, то и восклицательных знаков. Оставил такую книгу и генерал-полковник П.А. Белов.

Ничего секретного сегодня по вяземским 1942-го (в частности — семлевским) событиям в общем-то нет. Все ясней ясного. После неудачи в попытке штурма Вязьмы иного выбора у командования Запфронта не было, как решить дилемму: 1) либо разрешить 1-му Гв. КК перейти к жесткой обороне, подобно группе М.Г. Ефремова дожидаясь подхода армий — в первую очередь 50-й — с юго-востока; 2) либо изыскать возможность силами 1-го Гв. КК надежно перерезать вражеские коммуникации западнее Вязьмы, выйти на соединение с войсками Калининского фронта, с 11-м КК. Обороняться той зимой, с учетом установки на реванш И.В. Сталина, да еще западнее Москвы, да с учетом настроения таких фигур как Г.К. Жуков, — не приходилось. Для того и было с 1 февраля 1942 г. принято решение об объединении сил фронтов под руководством единого главкома Западного направления Г.К. Жукова, задача и Калининского и Западно-

го фронтов заключалась в скорейшем совместном разгроме противостоящей вражеской группировки. Потому был избран более активный из вариантов действий — наступать. Чтобы частям П.А. Белова наступать навстречу 11-му кавкорпусу успешно, следовало обеспечить свой фланг не только от Вязьмы, но и с запада от теперешнего района дислокации 1-го Гв. КК, от районного центра Семлево. Требовалось Семлево взять.

Описано многое, а среди прочего и мотивы принятия решения на штурм райцентра Семлево, самым его непосредственным организатором П.А. Беловым. Казалось бы, *post scriptum* начертан, и баста. Однако после представленного Беловым по семлевским событиям неизбежно требуется *post scriptum* № 2. За что на семлевских улицах, на обочинах дорог окрест райцентра гибла масса людей? За «запасы продовольствия», как то объясняет П.А. Белов? За «безопасность с фланга» их же самих? Конечно нет. Гибли за более важное. Впрочем, обо всем по порядку.

Принципиален вопрос: кто и во имя чего инициировал штурм райцентра? Вариантов два: либо П.А. Белов, либо его начальник, главком Г.К. Жуков. Если первое, то это локальная затея, импровизация, «местная самодеятельность», если второе — важный элемент стратегической операции, провал которого мемуаристам хотелось бы завуалировать. У Г.К. Жукова с его «отсутствием излишней самокритичности» ответа не найдем. П.А. Белову в мемуарах отмолчаться нельзя, но начинает он свою версию изложения семлевских событий словно бы издалека. А это важный индикатор, — так сказать, трамплин перед прыжком через беспочвенность. Итак:

«...По распоряжению командующего Западным фронтом в мою группу были последовательно включены воздушно-десантный отряд капитана Суржика, 250-й воздушно-десантный полк и 329-я стрелковая дивизия. Вначале все

эти войска имели свои задачи в тылу противника и подчинялись другим штабам, некоторые — непосредственно штабу фронта. Но как только они попадали в тяжелое положение, их сразу же подчиняли штабу корпуса и на нас возлагалась особая ответственность за их спасение.

Нечто подобное произошло и с 8-й воздушно-десантной бригадой. Она была подчинена мне 6 февраля, когда нас разделяли крупные силы противника. Пришлось помочь десантникам вырваться из окружения. 13 февраля я впервые говорил по телефону с командиром этой бригады...»¹.

Уже один этот, процитированный здесь, отрывок дает основания усомниться в генеральской объективности и искренности. Начнем с того, что части и соединение (точнее, два полка 329-й СД), перечисленные перед упоминанием 8-й ВДБР П.А. Беловым, находились до марта 1942 г. никак не в более тяжелом положении, чем собственно группа Белова. Да, в тылу врага, но не более того, — как и 1-й Гв. КК. Наоборот, вовлеченные в орбиту именно беловского управления, все они в феврале оказались почти в эпицентре боев за Вязьму, а отряд Суржика и того хлеще — в пограничье Семлевского и Издешковского районов, под Бекасово, как раз на острие удара, о котором пойдет здесь речь. Такое вот, по Белову, «их спасение».

Второе. «*Нечто подобное произошло и с 8-й воздушно-десантной бригадой*». 6 февраля десантников отделяют от частей Белова *крупные силы противника*. Проходит неделя — и у десантников никаких проблем! А почему? Белов разьясняет: его части оказались под Семлевым, чтобы *помочь десантникам вырваться из окружения*, и вот 13 февраля 1942 г., после «вызволения» 8-й ВДБР и прокладки к десантникам линии стационарной телефонной связи П.А. Белов *впервые говорил по телефону с командиром*

¹ Белов П.А. За нами Москва. М.: Воениздат, 1963. С. 209.

этой бригады. Следуя этой версии событий, получается, что с 6 по 13 февраля генерал Белов «спас» десантников, а потом, для надежности, решил разбить уже изолированный от основной вяземской группировки семлевский гарнизон врага. Деталей произошедшего за неделю 6—13 февраля Белов-мемуарист избегает. Ведь тогда окажется, что всю эту неделю десантники успешно наступали на Вязьму, а беловцы с 3 февраля толклись в капустинском лесу, так и не взяв после Капустино ни единого здесь пункта. Десантники, взяв на Старой Смоленской дороге Дяглево, вошли в локтевую связь с беловской конницей 41-й КД. Вот и вся беловская «помощь десанникам вырваться из окружения».

Восстановим же хронике «досемлевских» событий. Глядишь, прояснится одно из белых пятнышек советской историографии Великой Отечественной. Ведь в период, предшествующий штурму райцентра Семлево, по соседству с ним происходило не что иное, как развитие жуковского многоколонного наступления на Вязьму, с трансформацией изначального замысла.

Второе февраля. На ближних с юга подступах к Вязьме ведут бой части 33-й армии, 1-го гв. кавкорпуса Западного фронта. Северо-западнее (и даже западнее) Вязьмы, в 12 км от нее, ведут бой части 82-й кавдивизии полковника Н.В. Горина из состава 11-го кавкорпуса Калининского фронта. В этот же день, не ожидая разметанных авиаторами по Смоленщине, отставших своих десантированных групп и одиночек, начинает продвижение к Вязьме с юго-запада 8-я воздушно-десантная бригада подполковника А.А. Онуфриева (основные ее силы) с партизанским отрядом Зарубина.

3—7 февраля 1942 г. Ударная группа 33-й армии оттеснена от Вязьмы на расстояние 15 км от города. 1-й гв. кавкорпус приблизился с юго-запада к Вязьме на рубеж в 6 км от города. Дивизии 11-го кавкорпуса ведут бои на автомагистрали Москва—Минск на участке Черново (ныне Черное, 17 км

западнее г. Вязьма) — Высоцкое. Десантная группа А.А. Онуфриева (8 ВДБР) с партизанским отрядом Зарубина, действуя из района Комово, выдвинулись на подступы к районам Сакулино, Гвозденково (27—28 км юго-западнее г. Вязьма). 6 февраля 8-я ВДБР А.А. Онуфриева подчинена командующему 1-го Гв. КК генерал-лейтенанту П.А. Белову.

7 февраля 1942 г. генерал-лейтенант П.А. Белов приказал командиру 8-й ВДБР А.А. Онуфриеву овладеть Гредякино, перехватить здесь железную дорогу. По овладении районом Гредякино бригаде надлежало войти в связь с частями как 75-й КД (группы Белова), так и с частями 11-го КК.

8—10 февраля 1942 г., выполняя приказ генерал-лейтенанта П.А. Белова, десантно-партизанская группа А.А. Онуфриева с боями овладевает населенными пунктами: Асташово, Беломир, Гвозденково, Савино, Мармоново, Семеновское, Дяглево. Действия же трех других советских ударных групп-колонн под Вязьмой положительных результатов не приносят.

Обратим внимание на существо упомянутого выше приказа Белова Онуфриеву от 7 февраля 1942 г. Бригаде Онуфриева в соответствии с этим приказом приходилось самостоятельно, без чьей-либо фланговой поддержки, пройти по занимаемой противником территории расстояние в 20 км, вбивая зимним бездорожьем клин к Вязьме. «Авторское право», так сказать, ноу-хау на подобные операции легко узнаваемо. Конечно же, растущий в «Маршала Победы» Г.К. Жуков, у него тогда и не такое было мыслимо: ударная группа 33-й армии между Юхновско-Вяземским большаком и железной дорогой Вязьма — Калуга идет к Вязьме не 20, а 55 км; вне большаков то восточнее, то западнее железнодорожной линии Вязьма — Брянск движется 75 км к Вязьме 1 Гв. КК; аналогичным образом 11 КК западнее железнодорожной линии Вязьма — Ржев идет к Вязьме вне большаков 120 км (считаем от Чертолино — Мончалово).

Действия десантников Онуфрисва по линии Сакулино — Гредякино предполагали продвижение в сужающейся (острием клина к Вязьме) полосе между железной дорогой Вязьма — Смоленск и Старой Смоленской дорогой. Была у советских генералов некая мода на наступления «с целью раскола неприятельского фронта», именно так говорится о наступлении начала февраля 1942 г. с востока на Вязьму в исследовании под общей редакцией тогдашнего начальника Генштаба РККА Б.М. Шапошникова¹. Рисуя красивые красные клины на картах в высоких штабах, их обитатели имели основания без страха предъявить «работу» хозяину Кремля. Неважно, что гладкость на бумаге оборачивалась на местности лесами, болотами, забытыми с суворовских времен заснеженными оврагами на окраинах атакуемых деревень. Так вот что кроется за фразой Белова-мемуариста: «...как только они попадали в тяжелое положение, их сразу же подчиняли штабу корпуса и на нас возлагалась особая ответственность за их спасение!» «Попадение в тяжелое положение» наступало в момент получения из штаба фронта приказа о наступлении. «Спасение» же могло быть лишь в случае достижения приказанного сверху. «Спасение» не от немцев: не пройдет и месяца, как Павел Алексеевич Белов (5 марта) сам ознакомится с жуковской угрозой: «Вы, кажется, забыли, что бывает за невыполнение приказа»².

9 февраля группа Белова, будучи контратакована в районе Пастуха у Вязьмы, теряет этот пункт, а с ним и надежду атаковать город. 10 февраля подразделения группы Онуфрисва безуспешно пытаются в направлении Вязьмы атаковать Дроздово, Песочню, Старое Поляново. В этот же день

¹ Шапошников Б.М. Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 549.

²Цит. по: Грамов И.И., Пизунов В.П. Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное издательство, 1990. С. 148.

противник, пытаясь на этом (последнем!) участке перехватить инициативу, контратакует десантников у Полянова.

11 февраля 1942 г. ни М.Г. Ефремова, ни П.А. Белов, ни А.А. Онуфриев не имеют оснований сообщить командованию Запфронта что-либо утешительное и обнадеживающее. Всем, включая Г.К. Жукова, ясно: наступление на город выдохлось. Прорыв в город сорван. Но что же делать? Карта подсказывает — десантники Онуфриева контролируют лесной район южнее Сапегина. А чуть севернее десантников части 11-го кавкорпуса ведут бои на автомагистрали Москва — Минск в районах Андросово, 1,5 км южнее Мишино (14 км западнее г. Вязьма). Раз не удалось объединить усилия кавкорпусов и десанта в районе Гредякино, Белову следует воспользоваться выступом-плацдармом группы Онуфриева севернее р. Осьма для выхода на соединение с 11-м кавкорпусом Соколова. 11 февраля Г.К. Жуков информирует А.А. Онуфриева о движении к Дяглево частей 1-го Гв. КК (т.е.: держитесь, удержите Дяглево!). А уже 12 февраля 1942 г. П.А. Белов при личной встрече с командованием 8-й ВДБР сообщает им об изменении комфронта задачи для 1-го Гв. КК: теперь не город Вязьма, железнодорожная станция Семлево!

Вот оно — то самое «спасение» мемуаров Белова. Аксиома зимы 1942-го проста: в лесах выжить легче, чем на задымленном снегу пустыря городской окраины, безразлично какой — старорусской ли, холмской, ржевской или хоть этой, к примеру, вяземской...

Это потом, после войны в мемуарах Павел Алексеевич напишет, как *«пришлось помочь десантникам вырваться из окружения. 13 февраля я впервые говорил по телефону с командиром этой бригады...»* А пока, 12 февраля 1942-го, вовсе не с героическими усилиями пригласив в штаб корпуса руководство бригады, обсуждали с Онуфриевым и Распоповым совсем иное. К 11-му кавкорпусу массой частей лесной

тропинкой не пройти. Справа Поляново, слева Семлево. Поляново не взять, проверено, причем не только десантниками, но и самими беловцами в боях на линии Михалево, Мишино, Новос Поляново. А что касается села Семлево — кто знает? Ведь оно фактически (исключая западную сторону) в нашей блокаде. Десантники (+ «партизаны»-окруженцы) доказали способность к успешным ночным штурмам. Ворваться в Семлево реально. Вот этот «орешек» и предстояло грызть совместными усилиями. В ближайшее же время.

ШТУРМ СЕМЛЕВО

Итак, буквально в 4 км юго-западнее Дяглево — райцентр Семлево. Там враг, не питающий иллюзий относительно миролюбия советской кавалерии, десантников и партизан. Немецкая пехота, покинув теплые дома, занимала позиции на окраине. Улицы патрулировали танки, их здесь было не меньше пяти. Баня, здание райисполкома, иные каменные здания в селе были превращены в очаги обороны. Немцев в гарнизоне — около двух батальонов пехоты, артиллерийские и минометные подразделения, танки. Предстоял штурм. «Или грудь в крестах, или голова в кустах!»...

План штурма был нехитрый: одновременный почной удар по поселку силами десантной бригады (8-й ВДБР), двух кавдивизий (75-й и 1-й гв.) и двух лыжбатов (112-го и 114-го). Десантники должны зажать северо-восточную окраину, 75-я КД со 112-м ОЛБ — восточную окраину, а 1-й Гв. КД и 114-му ОЛБ предстояло ворваться в Семлево с юго-востока. Начало атаки — 00.00 14 февраля 1942 г.

После усиленной минометной обработки северо-восточной окраины Семлева с этого направления в поселок ворвались десантники. Кавалеристы к рубежу предстоявшей атаки выдвигались с опозданием, с атакой запаздывали. Однако ночью полки и лыжбаты все же успели ворваться-

ся на восточную и юго-восточную окраины районного поселка, стали с уличным боем медленно продвигаться к его центру. Утром последовали вражеские контратаки. Немцы спешно подбрасывали в поселок подразделения из соседних пунктов. В результате врагу удалось в этот труднейший для него день удержать райцентр в своих руках.

15 февраля 1942 г. выступившие с севера на поддержку семлевского гарнизона части 106-й пехотной дивизии прорвали заслоны советских подразделений в районе Мармоново и вышли к Семлево. Гарнизон, таким образом, был деблокирован, что означало решительный перелом в пользу обороняющего поселок противника.

Восточнее райцентра Семлево, обеспечивая правый фланг атакующей группировки, тяжелые бои в районах Дяглево и Иваники 15 февраля вела 41-я кавдивизия. Люди гибли, за атаками следовало отражение контратак, продвижение вперед почти отсутствовало. Хуже того: противнику удалось решительной атакой отбросить кавалеристов из Дяглево.

Подчеркиваем, Семлево штурмовали с 14-го, Дяглево (и о том ниже скажем подробнее) бойцы 41-й КД удерживали еще 15-го. В мемуарах П.А. Белов¹ дописался до того, что не только события по 13-е февраля, но и сам последующий штурм Семлево представил как «помощь десантникам вырваться из окружения», — так сказать, вторую серию этой благородной акции. Не просто процитируем (+ подчеркнем ключевое), а сопоставим цитируемое с действительной хронологией событий.

Белов: *«В Дяглеве парашютисты установили связь с 41-й кавалерийской дивизией. Казалось, с 8-й воздушно-десантной бригадой все теперь благополучно».*

И по Белову, и в действительности это произошло 13 февраля 1942 г. Белов, сразу же далее по тексту: *«Но уже на следующий день противник снова овладел деревней Дяглево».*

¹ Белов П.А. Указ. соч. С. 209.

На «следующий день» это получается — 14 февраля 1942 г. Но в действительности-то — 15 февраля! Случайна ли ошибка?

Далсе, Белов, сразу же далсе по тексту: *«Парашиютисты опять были отрезаны от корпуса и попали в тактическое окружение. Тогда я решил оставить на участке Селиваново, Стогово, Забново в качестве прикрытия 329-ю стрелковую дивизию и 250-й воздушно-десантный полк, а главные силы вернуть на Семлево, чтобы помочь 8-й воздушно-десантной бригаде».*

Теперь мы можем ответить на вопрос, случайно ли спутал мемуарист даты. Признай он, что не уже на следующий день (считая от 13 февраля), а 15-го противник овладел Дяглево, пришлось бы признать, что десантники 14-го вовсе не из-за их «окружения» штурмовали Семлево с кавалеристами. И что накануне штурма они передали свой участок обороны кавалеристам, вовсе не будучи «окружены». Так зачем же П.А. Белову-мемуаристу понадобилась столь избирательная забывчивость? Ответ: оправдать каким-либо благородным мотивом самоубийственный для беловцев семлевский штурм. Сам погибай, дескать, а товарища выручай. Не в мемуарах, а в 1942 году П.А. Белов знал лишь одно: командование фронта уйти из-под Вязьмы так просто и быстро не разрешит. Не до Вязьмы, так хоть закрепиться у нее надежнее требуется. Взять бы райцентр!

16 февраля стало окончательно очевидно, что продолжение атак в Семлево уже не принесет группе Белова ничего, кроме дополнительных неоправданных потерь. Штурм поселка был прекращен, последние подразделения покинули поселок.

В боях на улочках районного поселка Семлево группа генерал-лейтенанта П.А. Белова была совершенно обескровлена. Скрупулезные в подсчетах немцы, 16 февраля, по оперативной сводке группы армий «Центр»: «В Семлево до

сих пор потери русских насчитываются в 580 убитых»¹. Почти шесть сотен — и это только убитыми, и только в самом райцентре. Фактически именно здесь окончательно перестала существовать та зимняя беловская конница, которой боялся враг под Тулой и Калугой. Очень многие из действительно лихих кавалеристов, действительно гвардейцев первой военной осени и подмосковной зимы, легли здесь навечно.

ДЯГЛЕВСКИЙ ИЗЛОМ

Удачная, победная боевая операция, если она проводилась подразделениями разных соединений и разных родов войск, рождает чувство фронтового содружества, закаленной в огне дружбы, — и в том числе веру во взаимную поддержку в последующих боях. Но если по вине одних гибнут вторые, если горечь потерь не компенсируется хотя бы отчасти взятием населенных пунктов, возникает уже никакая не дружба, так что и применить такой термин можно лишь в кавычках: «дружба». Батальоны 8-й ВДБР, прекрасно выполнив в боях за Семлево свои задачи, о кавалеристах П.А. Белова благоприятного впечатления из этой совместной операции не вынесли. Более того: остатки 8-й воздушно-десантной бригады в последующие недели и месяцы смоленской эпопеи имели веские основания ненавидеть беловцев. Причина проста и страшна: гибель по вине беловцев сотен десантников.

Произошло вот что. Освободив Дяглево, десантники перед штурмом Семлева были сменены в этом пункте подразделениями 41-й кавдивизии. Противник — в целях деблокирования его гарнизона — с северо-востока, вдоль Старой Смоленской дороги атаковал советский заслон в Дяглеве. Закипели бои. 14 февраля 1942 г. кавалеристами был отражен первый

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 560.

вражеский натиск силою до 2-х рот из районов Песочня, Нов. Поляново. Когда вражеским лыжникам самостоятельно не удалось отбить Дяглево, на поддержку им немецким командованием были высланы танки. 15 февраля — в тот же день, когда 106-я ПД прорывалась (и прорвалась) к семлевскому гарнизону с севера, — вторая группа, от Вязьмы через Дяглево, также рвалась на выручку блокированным батальонам в Семлево. Атаки следовали за атаками:

— рота лыжников атакует на участке 2-го эскадрона, атака отбита;

— две роты лыжников при поддержке 6 танков атакует по Старой Смоленской дороге, продвижение их остановлено;

— рота с 4 танками атакует на участке 1-го эскадрона, атака отбита;

— повторная атака на позиции 2-го эскадрона, от которого по последнему донесению комэска Кириченко осталось к этому моменту 14 человек...

Полк потерял в ходе отражения вражеских атак до полусотни бойцов и командиров только убитыми, столько же ранеными. После тяжелейшего боя остатки 170-го кавполка И.Г. Фактора оставили деревню. В бою были убиты командиры 2-го и пулеметного эскадронов полка Н.С. Кириченко и И.М. Рубец. Малочисленная группа 2-го эскадрона и пулеметного эскадрона погибла, на ее участке немцы проплыли вперед и заняли центр деревни. На милость врага был оставлен (хотя кем? — погибшими!) размещавшийся здесь госпиталь 8-й ВДБР с примерно двумя сотнями раненых. Часть раненых бойцы Фактора в ходе боя успели вытащить за пределы деревни. Над оставшимися в госпитале разгоряченные боем германские солдаты тут же устроили бойню. Многие израненные, беззащитные бойцы-десантники погибли бессмысленной и ужасной, небоевой и пегеройской смертью. Кому повезло в момент расправы уцелеть — попали во вражеский плен. Произошло это не вследствие чьей-то трусости. Можно ли сказать, что вследствие

чьей-то расхлябанности, растерянности и безответственности, чьих-то нераспорядительности и равнодушия? Вряд ли. Но рассуждая формально, со стороны, все просто: как не крути, а конкретику шагов по спасению, эвакуации раненых — если того потребует боевая обстановка — командованию 170-го кавполка и тыловым службам 41-й КД следовало продумать заранее. Не продумали, не предполагали, многие не уцелели и сами... Это их проблемы!

Комиссар десантной бригады И.В. Распопов решительно потребовал от П.А. Белова наказать виновных в произошедшем с ранеными десантниками. А виновен кто? Командир части. И мало кого в трибунале трогало, что в конце дятлевского боя находившиеся рядом с командиром полка политрук Иваницкий с комиссаром полка Тихоновым уже лично вели по приближавшимся немецким лыжникам огонь из станкового пулемета, — никого иного здесь уже не осталось. Нераспорядительность, приведшая к тяжчайшим последствиям... Фактор получил сравнительно небольшой, с учетом реальных обстоятельств боя, но неизбежный «срок»: 5 лет лишения свободы, однако с отбытием на фронте (была и такая, специально в годы войны введенная в законодательство, санкция). Показательно, что с того времени орденов ни в рейде, ни какое-то время после И.Г. Фактор — имея реальные заслуги — не получал.

НАВСТРЕЧУ СОКОЛОВУ: НЕ ВЫЖДАВ И МЕСЯЦА

11-й кавкорпус Калининского фронта сквозь январские снега, мороз, зимнее бездорожье лесной глуши шел долгими ночными переходами на юг. Шли из-под Ржева строго на юг, куда-то к Вязьме. Потом, после войны, это будет считаться составной частью Ржевско-Вяземской наступательной операции 1942 г. Но в тот момент это было никакой не частью: шли в одиночку, если не считать двигавшуюся следом (и остановившуюся у Сычевки) 39-ю армию. К Вязьме в январе 1942 г.

кроме 11-го кавкорпуса никто из советских войск пока что не выдвинулся. Авангард войск 33-й армии, переправившись на правобережье р. Воря, только-только вступал в пределы Смоленщины (в ее нынешних границах). До Вязьмы ему было еще порядочно — целых 55 км. 1-й гв. кавкорпус П.А. Белова в конце января пытался преодолеть Московско-Варшавское шоссе, но это в 70-ти км от Вязьмы, в пределах нынешней Калужской области. 26 января 1942 г. на ближних подступах к Московско-Минской автомагистрали 11-й КК овладел селом Сережань, деревнями Леонтьево и Желудково. В ночь на 28 января 1942 г. внезапным ударом подразделений 24-й КД была взята д. Якушкино — непосредственно при автомагистрали Москва — Минск.

А теперь, в феврале, не выждав и месяца с ночи первых выстрелов у магистрали, главком направления Г.К. Жуков «прозрел»: Вязьму, оказалось, надо не брать, а окружать! Мы ничего не путаем. Ведь речь не о поставленной в начале февраля Г.К. Жуковым обоим корпусам задаче штурмовать Вязьму, а о попытке создания горловины именно к району расположения ближайших частей 11-го кавкорпуса. Вернее, Жуков-то не совсем сам «прозрел», но теперь — после провалов атак к городу — вынужден был стерпеть инициативу П.А. Белова. И вот 17 февраля 1942 г. П.А. Белов — с одобрения фронтového командования — готовит свои части к наступлению в северном направлении для перехвата линии железной дороги на участке ст. Семлево — д. Реброво. В его дневнике появляется запись:

«17.2.42 г. дер. Моксино. После обсуждения в штабе принял решение о наступлении завтра вечером на север, на участок железной дороги: станция Семлево — Реброво, чтобы соединиться с 11-м кавкорпусом Соколова и, подчинив его себе по указанию штаба фронта, совместно наступать на Вязьму с запада»¹.

¹ Цит. по: *Успенский В.Д. Поход без привала: документальная повесть.* М.: Воениздат, 1977. С. 286.

Отсюда, из этой дневниковой записи П.А. Белова видно — цель все та же, прежняя жуковская: соединение сил корпусов и — Вязьма! В основе замысла не какие-то самолюбиво-карьерные мечты Белова, а уже разъясненные ему «указания штаба фронта» (подчинить Белову кавкорпус иного, Калининского, фронта мог лишь главком направления Г.К. Жуков). Если даже о прямом указании речи пока не шло, то в жуковских радиограммах как минимум намек на перспективу включения 11-го кавкорпуса в группу Белова был. Понятно и другое, что и для командования фронта, и для самого Белова подобная авантюра была вынужденной: Семлево не взяли, но что-то надо делать, не останавливаться же! Все по-жуковски: сразу же понятный вражескому командованию замысел, толчея на узком участке множества не столько частей и соединений (обескровленных уже), сколько их начальников, безотлагательность — завтра же. Перейти в наступление кавдивизиям и десантным батальонам надлежало вечером 18 февраля. Есть в «решении» от 17 февраля и еще одна не беловская, а чисто жуковская черта: идти предстояло по трупам прежних наступлений, по местам прежних боев.

Дело в том, что буквально за неделю до беловского «решения» территория северней и северо-западнее райцентра Семлево была в руках партизан и десантников 8-й бригады. Пройти с фронта Сакулино — Дроздово (не ударить, а именно пройти) на подступы к железной дороге 10—14 февраля труда бы не составило: леса тянутся и по правобережью речки Денежки, и в долине речки Хица. Притом что с опушек у Мармонова до железной дороги — 6 километров. Но тогда к железной дороге — на Бекасово и Починок — десантников никто не посылал. Приказано было двигаться к Вязьме параллельно железной дороге. Теперь же, после потери Дяглева и Мармонова, после тяжелых потерь и ослабления своих дивизий в боях за Семлево, П.А. Белову приходилось изыскивать на карте участок для начала нового наступления

где-нибудь западнее. И это ничего, что теперь, из-под Изборова, до железной дороги было больше 10 км, что деревень на пути аж десяток взять предстояло. Утратив голову, по волосам уж не тужат!

18 февраля 1942 г. подразделения 2-й гв. кавдивизии ворвались в Изборово¹. Взятые в этой деревне среди трофеев 2 шестиствольных немецких миномета свидетельствуют: беловцев на этом участке уже ждала «полноформатная» оборона боевых германских частей, а не сонная горстка местных полицаяв.

К исходу суток 19-го, в ночь на 20 февраля ударная группировка овладела пунктами Гвоздяково, Сакулино, Артемово и Кузнецовка. Первоначальный успех не сулил, однако, легкого развития наступления. Впереди предстояло с боями очищать от противника множество деревень («спасибо» загодя привлечшему на этот участок врага 3-му батальону 8-й ВДБР!). Наступление шло на сравнительно узком участке, ширина своеобразного «языка» вклинения составляла не более 4—5 км. На восточном, правом фланге ударной группировки долиной речки Хица продвигалась на север и северо-восток десантная группа А.А. Онуфриева (8-я ВДБР, влитые в эту бригаду батальон 214-й ВДБР и остатки двухбатальонной группы И.А. Суржика из 201-й ВДБР, отряд полковника Шмелева) — здесь для перехвата железной дороги предстояло взять деревни Болото, Афонасово, Бекасово, Реброво и Починок. Атакуя на центральном участке в северном направлении, ударная группировка на подступах к железнодорожной линии должна была разбить гарнизоны в Евдокимовце, Верхних и Нижних Березках, в Яковлевце и Пуштошке. Западнее противник удерживал Заболотье и Верх-

¹ По тексту наградной документации полковника В.Д. Васильева — победный бой кавалеристов за Изборово датирован 19 февраля 1942 г.

нее Никулино, за эти пункты шли бои, к северу от них — занятые врагом деревни Панасье, Артемово, Лысая Горка.

Десант с партизанами овладел населенными пунктами Афонасово и Болото, затем в ночь на 21 февраля 1942 г. советские десантные группы ворвались в деревню Бекасово и постепенно очистили ее от противника. Отсюда до железнодорожной линии оставалось пройти всего-то чуть более 2 километров, и авангардные подразделения преодолели это расстояние. На одном из участков полотна железной дороги было подорвано и разобрано. Десантники в эти же сутки атаковали расположенные непосредственно южнее железной дороги населенные пункты Реброво и Починок. Здесь немецким частям 5-го армейского корпуса пришлось к утру 22 февраля отражать несколько сильных атак. И ведь удалось отразить! На следующий день после серии вражеских атак в Бекасово советские подразделения группы Онуфриева оставили эту догоравшую деревню.

Попытка пятибатальонной группы подполковника А.А. Онуфриева (8 ВДБР) прорваться навстречу частям Калининского фронта дорого обошлась десантникам. По итогам этих боев батальоны И.А. Суржика и В.П. Дробышевского были вследствие огромных потерь расформированы¹, оставшиеся в живых влиты в другие батальоны.

ИСКУПИТЬ «ВИНУ» ДЕЛОМ: РЫВОК НА ЯКОВЛЕВО

Оказаться на пике успехов «Ржевско-Вяземской операции» довелось 41-й кавдивизии, действовавшей чуть западнее десантников. Именно этой, вовсе не гв. дивизией, а точнее, ее 170-м кавполком была достигнута основная

¹ *Громов И.И., Пигунов В.П.* Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М., 1990. С. 146.

цель войск левого крыла Западного фронта на этом направлении — перехвачена железнодорожная линия из Вязьмы на Смоленск. Подчеркнем, достигнут этот успех только что «проштрафившимся» в Дяглеве кавполком. Что ж получается — «штрафники»? Выжившим под Иваниками и Дяглево предстояло искупить «вину».

Победы достигли не в одночасье, оплатили ее в боях кровью. И победы ли? Ведь как насчет перехвата автомагистрали, допустим, спросят, — слабо им оказалось? Не слабо. И на магистраль разведгруппами вышли, и севернее. Да не 170-го кавполка вина, что враг прорвал фронт южнее — на участке «конногвардейцев» 1-й Гв. КД, окружил авангардную *негвардию* и заставил срочно выходить из кольца. Короче говоря, хлсбнули вдоволь. А победа... Была она, конечно, — пусть краткая, но была. Пусть для генеральского отчета победа, а для себя лишь приговор дожидаться огня с подошедшего германского бронепоезда. Но на карте-то бронепоездов нет! Равно как и моментально каменеющих на морозе кровавых брызг... А вот красная стрела на карте — есть.

Теперь обо всем по порядку.

В проведенных 20 февраля боях конникам удалось вытеснить противника из Березок и Евдокимова. Западнее и севернее Березок простирался лесной район, позволявший (как прежде и 3-му батальону 8-й ВДБР именно здесь) выдвинуться непосредственно на железнодорожную линию и перерезать ее. Правда, в этом последнем, кульминационном в операции рывке предстояло взять и закрепить за собою деревню Яковлево.

21 февраля 41-й кавдивизией занята деревня Пустошка (Пустошки, Пустошкино), в этот же день разведчики 1-го эскадрона 170-го кавполка выдвинулись к деревне Яковлево и установили расположение его огневых точек в этом пункте.

Удар на Яковлево требовал подготовки, там предстоял особый бой. Непосредственно севернее деревни железная

дорога, оживленно эксплуатируемая противником, важнейшая артерия снабжения. А значит, успех атаки — только начало: подавай взрывчатку и патроны. Пока же, 22 февраля наиболее ожесточенный бой конникам, как ни странно, пришлось вести у Реброва. Действия эти были взаимоувязаны с атаками десантников 8-й ВДБР.

23-го пошли на Яковлево. Согласно оперативной сводке № 55 Генерального штаба Красной армии, 41-я кавдивизия овладела деревней Яковлево к 12.00 23 февраля 1942 г. На железной дороге к северу от Яковлево взяли железнодорожную будку. Здесь и чуть восточнее, до еськовской казармы, до подхода бронепоездов успели разобрать три сотни метров полотна.

Казалось бы, что тут думать! — киньте все силы именно к этой тресклятой будке. Однако фронта — километры и километры, притом что бойцов в первой линии *единицы*. Это в оперсводке Генштаба Красной армии красиво: «*Опергруппа Белова ...частями 41 кд к 12.00 23.2 овладела районом Яковлево*». А вот совсем не та война, не генерально-штабная, не оперсводочная:

— Завертяев (командир отделения), И.С. Морозов, Вогянов, Хоряков, П. Кузнецов,

— В. Проппин, Дьяконов, К. Шорохов, А. Соколов, Д. Широкополе,

— И.П. Морозов, Крылов, Куликов, Гомов, Подберезин,

— Богатов, А.П. Сидоров, Киселев, Федоров,

— командир отделения Петров, Травкин

— и, наконец, Кундиков!

Вот, пожалуй, и весь тот лучший цвет Красной армии, кому Родина доверила в решительнейший момент «Ржевско-Вяземской» наступательной операции окончательно сдавить горло отошедшей от Москвы группировке вермахта. Биться в Яковлеве с бронепоездами.

Из дневниковых записок генерал-лейтенанта П.А. Белова:

«23.2.42 г. ...с обоих флангов действуют немецкие бронепоезда и протреливают подступы к рельсам. Ночью пытались соединиться с Соколовым...»

Из спасенного С. Речкиным дневника эскадрона:

«23/II-1942 года. Наступление на дер. Яковлево. На этой жел. дор. отличились в бою: Морозов Иван П., первый вошел в деревню и из-под сильного огня вывел взвод без всяких потерь».

Кому «соединиться с Соколовым», а кому — уйти живыми...

В этот же день высланные командиром 170-го кавполка к северу от Московско-Минской автомагистрали разъезды старших сержантов Тройницкого и Крутого пытались установить местонахождение частей 11-го КК. Подразделений противника на пути следования конных разъездов к деревням Высоцкое, Желудково и Кулешово (две последних на освобожденной 24-й КД 11-го КК территории), как ни странно, встречено не было. Это еще не все странности. Удивительно, но ни сами разведчики обоих разъездов не встретили подразделений 11-го КК, ни местные жители в деревнях севернее поссе ничего толкового о действиях советских частей в этом районе им не сообщили. Рассказывали, правда, что где-то ближе к Вязьме идут бои, что в Никулино и Осташково красноармейская конная разведка приехала, но чья, откуда — не знают. Вот такие-то смутные сведения о соседях, о войсках Калининского фронта услышал командир беловского кавполка 41-й КД. Может статься, жители хитрили — не накликают бы беды на свой дом и деревню? Но ведь не с одной же старухой, явно, конники разговаривали. Сговорились и утаили результаты разведки? Ладно бы один разъезд, ладно бы трое, но чтоб два разъезда, чтоб 14 человек бойцов, прошедших зимний военный

ад, — не верится в такое. Более вероятно, все здесь правда. От 70-го кавполка 11-го КК оставались если не «рожки да ножки», то такие же небольшие группы, как и у самих беловских кавалеристов. Учтем, что еще за 12 суток до 23-го, еще 10 февраля 1942 г. *вся* 24-я КД насчитывала в строю 250 (!) бойцов¹. На магистрали они временами постреливали, и эффективно. Но как можно говорить о рубежах битвы, об операции с задачей окружения и уничтожения всей ржевско-вяземской группировки врага? Заметьте, подобное имеет место не в марте—апреле, а уже в феврале 1942 г. — в том самом месяце, когда Г.К. Жуков назначен Главкомом Западного направления, для решения именно указанной задачи назначен. И вот это назовите Ржевско-Вяземской операцией, более того — ее кульминацией!

24 февраля 1942 г. вражеские части обрушили на оборонявшие Березки остатки эскадронов 41-й кавдивизии сильнейший артогонь и неоднократно бомбили наше расположение. К вечеру вражеская пехота постепенно подтянула к деревне свои пулеметные расчеты, навязывая нашим долгий, вязкий огневой бой — предсказуемо проигрышный для советской стороны, ведь у конников боеприпасов было не густо. Не стихала пальба и в тылу, у Изборова и Сакулино, где немец также уверенно продвигался вперед. Возникла угроза окружения подразделений всех наших частей в березкинском выступе. После подтверждения сведений о взятии противником Сакулина генералом П.А. Беловым было направлено распоряжение выводить части ударной группировки из пока что неоформленного, но уже возникшего «котла» окружения. Действия в эти дни 2-й и 1-й гвардейских кавдивизий ждут исследователя. Нам же удастся восстановить картину

¹ См.: *Игнатова А.* Бои за автостраду в тылу врага // «Политинформация», № 7, 1984. С. 23 со ссылкой на: ЦАМО. Ф. 1085. Оп. 14311. Д. 4. Л. 36.

дальнейших действий северной части ударной группировки. Комдив-41 М.И. Глинский приказал командирам своих полков начать в полночь марш по многокилометровой дуге — на юго-запад, затем на юго-восток. Действия были скоординированы с командованием 8-й ВДБР таким образом, что после отхода из Бекасова бригада должна была сосредоточиться в Березках и пойти в ночной прорыв совместно с конниками. Идти предстояло двумя колоннами: западная — 168-й и 172-й кавполки, восточная — 170-й КП, штадив-41, 8-я ВДБР и подчиненные ее командованию партизаны.

Дождавшись темноты, полки стали выходить из полуокружения. Шли под пулюгнем, впотьмах, иногда по целинику — в общем направлении на юг. Впереди продвигались разведчики, сориентированные командованием на возможность встречи с заслонами окружающих вражеских групп. Изредка случайные пули цепляли лошадей. Людям в ту ночь, судя по эскадронным запискам, повезло больше. Шли лесами по маршруту Березки — Лысая Горка — дома у поворота Старой Смоленской дороги юго-западнее Беломира. Понесли в ходе прорыва потери лишь замыкавшие восточную колонну подразделения десантников, — вражеские танки обстреливали их на большаке. К рассвету наши части вышли из выступа, спрямили тем самым фронт и в первой половине дня 25 февраля 1942 г. закрепились вдоль Старой Смоленской дороги в районах участка Бушуково — льян. [ой завод], что севернее д. Станице.

Накал боев постепенно спадал. Будут впереди ночные переходы, будут многие бои и утраты. Погибнут Сидоров, Хоряков, Шорохов, Петров. Не пройдет и месяца, а будут уже ранены Широкополе, Крылов, Травкин, Богатов, Гомов, Федоров, Подберезин, Куликов. 11 марта под Никольским на талый снег упадет и Кундикив.

Командира полка (остатков полка) Фактора впереди ждала сравнительно добрая судьба, если о таковой вообще

можно рассуждать в применении к фронтовому кошмару 1942—1945 гг.

Жизнь — любопытная штука,
Коли над ней поразмыслить.
Могут тебя повесить,
Могут же — и повесить...

... Несмотря ни на какие приговоры Военного трибунала, именно Иосиф Фактор вскоре станет у генерала П.А. Белова командиром кавполка с показательными номером и наименованием: Первого гв.!

4. САФОНОВСКИЙ ПРОВАЛ У МОСТА НА ДНЕПРЕ

Семлевские и последовавшие февральские бои со всей очевидностью показали — группировка генерал-лейтенанта П.А. Белова более не способна к самостоятельному решению каких-либо наступательных задач. Черета провалов — у Вязьмы, Семлева, Яковлева — превратилась в безотрадную систему без единого сколь-нибудь впечатляющего результата. Группа Белова в надежде хоть где-то перерезать ключевые вражеские коммуникации неумолимо перемещалась все западнее. На счастье, там, западнее, партизаны как нельзя кстати вдруг взяли Дорогобуж. А раз так, то именно здесь, в районе Дорогобужа, командование группы рассчитывало найти союзников в лице успешно действовавших партизан. И не просто формальных союзников, а боеспособные отряды, — более боеспособные, более инициативные, более расторопные и знавшие местность, чем беловские дивизии. Немаловажно, что офицеры-окруженцы в местных партизанских формированиях были заинтересованы в «самореа-

билитации» перед советским военным командованием не в меньшей степени, чем сам П.А. Белов с его штабом. Понимал это командующий корпусом. Понимали необходимость опоры на партизанский ресурс и в штабе Запфронта. Успех партизан во взятии Дорогобужа следовало закрепить и в военном, и в пропагандистском смысле. Знамя регулярной Красной армии, а не кого-то там, должно развеяться над любым освобожденным советским городом. И вскоре в Дорогобуж перебрасывается 1-я гвардейская кавдивизия.

В иных теперешних книгах не наблюдается ясности в обосновании перехода лучшей, как заявлял сам Белов, кавдивизии 1-го Гв. КК в Дорогобуж. Дивизию оторвали от остальных сил корпуса, надолго оставили в отдаленном к западу районе, зачем? А.В. Исаев¹ почему-то вот как видит цель прибытия 1-й Гв. КД в Дорогобуж: «1-я гвардейская кавалерийская дивизия была направлена в Дорогобуж с задачей прикрывать наступление от возможного удара с юга». В одном предложении этот автор умудрился дать основания аж к трем нашим возражениям. Чье «наступление»? На Сафоново наступали совместно с партизанами эти же кавалеристы. Не написано же «частью сил прикрывать..., частью наступать...». Да и как это — «...прикрывать наступление»? Прикрывать можно фланг или тыл. И почему «с юга»? Ведь тыл дорогобужской советской группировки был надежно — причем вдалеке, в 27—28 км южнее Дорогобужа, — прикрыт с юга партизанским полком им. 24-й годовщины РККА. Иное дело — с севера, где немец от Дорогобужа всего в 6 км. Вот здесь-то беловцы и бились, пытаясь поначалу наступать. Просим не А.В. Исасва, а Вас, уважаемый читатель, читать, привиская иногда для собственной оценки написанного и карту местности.

¹ Исаев А.. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 137.

1-й гв. и без «прикрываний» было ради чего ехать в Дорогобуж. Прибытие регулярных частей Красной армии имело важнейшее политически-пропагандистское значение и в Дорогобужском, и в соседних — более западных районах Смоленщины. Беловцы самим фактом своего здесь появления свидетельствовали местному народу: советское государство не рассыпалось и более того — наступает. Местные партийные комитеты использовали это для мобилизации населения на снабжение партизан и беловцев требуемым имуществом и продовольствием, а также для восстановления вертикали советского административного управления на освобожденной территории. Было кавалеристам чем заниматься под Дорогобужем и в боевом смысле. Переходя после множества неудач в места, где победу празднуют другие, хочется и самим не ударить в грязь лицом. Притом штаб фронта не снимал с командования 1-го Гв. КК прежде поставленной задачи: перерезать основную артерию снабжения 4-й танковой и 9-й полевой армий противника. Овладеть участком Московско-Минского шоссе, а тем более надолго закрепиться на нем, — для П.А. Белова было нереально. Но, по крайнсей мере, войска его группы могли бы существенно воспрепятствовать бесперебойному снабжению вражеских частей ржевско-вяземской группировки, ударив по железнодорожной линии Смоленск — Вязьма. Простейшую идею подсказывала сама карта этого района: вот он — мост на Днепре! Не город, не райцентр, даже не село. Ночной рейдовый набег и взрыв, всего-то делов... Хоть бы и фоска, но козырная.

И уже в этот же день, 1 марта, генерал П.А. Белов с бригадным комиссаром А.В. Щслаковским в радиограмме командующему Западным фронтом сообщают о плане ближайших действий:

«В ночь на 2 марта 1942 г. ударная группа корпуса занимает исходное положение в районе с. Какушкино (12 км юго-

западнее пос. Издешково) и в ночь на 3 марта 1942 г. делает набег для разрушения железнодорожного моста на Днепре»¹.

2 марта 1942 г. предназначенные к нанесению удара войска группы Белова готовились к наступлению [Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 643], выдвигаясь освобожденной партизанами территорией поближе к объекту набега. В ударную группу вошли две кавдивизии — 2-я гвардейская и 41-я, одна воздушно-десантная бригада — 8-я. Ночью выступили. Как следует из оперативной сводки № 63 Генерального штаба Красной армии за 3 марта 1942 г., группа Белова в течение ночи со 2 на 3 марта своей ударной группировкой продолжала наступление в направлении на Владимирское и к 10.00 3.3 занимала положение: 41 КД передовыми частями вышла на рубеж Городнянка (правильно: Городянка) и лес северо-восточнее этого пункта; 8 ВДБР вышла в район Плещеево — Зимняк; 2 Гв. КД вышла на рубеж Ляльково — Данилово [Битва под Москвой. Хроника... С. 651]. При чтении этих строк оперсводки невольно рождается впечатление эдакой операции: дивизии и дивизии, выходы на рубежи...

С 1-й гв. кавдивизией понятно: она 3 марта продолжала занимать город Дорогобуж и частью сил выдвинулась в расположенные немного севернее деревни Воронино, Халлево — для обеспечения прикрытия подступов к городу от вполне возможного контрнаступления противника². Она не столько наступала, сколько гарантировала защиту Дорогобужа — и потому занималась не фарсом.

На правом фланге действовали эскадроны 41-й кавдивизии. Там, где на теперешней карте живописная надпись «ур.

¹ Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сборник документов и материалов. М.: Московский рабочий, 1977. С. 119.

² Битва под Москвой. Хроника... С. 657.

Бесова Сторожка», в лесном массиве юго-западнее деревни Воронцово в утреннем сумраке готовились к бою сабельники 1-го эскадрона Шорохов, Сидоров, Травкин, Богатов, братья Морозовы. Для Шорохова и Сидорова этому дню предстояло стать последним в жизни. Остальные из названных бойцов в этот день будут ранены, распишутся кровью на задымленном снегу окраины деревни Воронцово. За что? — за одну строчку в оперативной сводке Генштаба: *«41 кд передовыми частями вышла на рубеж нп Городнянка и лес северо-восточнее этого пункта...»* Воронцово расположено в 4 километрах юго-восточнее станции и райцентра Издешково, на окраине обширного поля густозаселенного района райцентра. Понятно, что атака на Воронцово имела для штаба опергруппы Белова чисто демонстрационный смысл: пусть противник в Издешкове отвлечется на защиту подступов к самому этому поселку, а мы тем временем...

А вот как понять развертывание, например, 2-й гв. кавдивизии под Ляльково — Данилово? Эти два пункта, в километре друг от друга, на карте местности читатель обнаружит на восточном побережье Днепра ровно посередине между теперешним пос. Верхнеднепровский и объектом той операции, железнодорожным мостом на Днепре. В 10 километрах от моста! Зачем здесь, в отрыве от других соединений наступающей к мосту группы находилась дивизия? Прикрыть левый фланг группы? — но от кого, ведь южнее партизанский край, освобожденный Дорогобуж. Описывая задачи соединений, совершавших этот «набег», П.А. Белов в мемуарах *«За нами Москва»*¹ в отношении 2-й Гв. КД крайне немногословен: *«На левом фланге наступала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия без одного полка, посланного пополняться людьми в Дорогобуж»*. А зачем наступала, какие задачи имела? — ни слова. Да так, на заснеженную

¹ Белов П.А. За нами Москва. М.: Воениздат, 1963. С. 213—214.

долину Днепра полюбоваться. Быть упомянутыми в беловском донесении командованию фронта: оперируем, понимаешь ли, шевелимся, выходим на рубежи!

Из привлеченных к операции войск лишь 41-я кавдивизия своими остатками выполнила, насколько могла, поставленную ее задачу. Дивизия, взяв к утру под свой контроль Городянку и Безменово, разведывательно-диверсионной группой младшего лейтенанта Суворова (командира взвода разведки 170-го КП) вышла к железной дороге в районе станции Митино и произвела несколько подрывов железнодорожного полотна на различных его участках. Это означало: с востока, от станции Семлево, к днепровскому железнодорожному мосту германскому бронепоезду теперь было не пройти. Тем, кто у Днепра, многим спасли жизни и дали шанс «поработать» у моста без оглядок, уверенно.

Но к чему же всё в итоге у Днепра для группы Белова свелось? Что произошло в нужное время, в нужном месте — у железнодорожного моста на Днепре? Подрывники десанта подошли к мосту ровно настолько, чтобы залечь под огнем из «вдруг оказавшихся» у столь значимого объекта вражеских ДЗОТов. Посмотрели, посмотрели ... и повернули восвояси.

Так чего же стоили все эти выходы на некие рубежи дивизий и бригад?

«Копногвардейцы» 2-й Гв. КД не вышли на железнодорожную линию западнее днепровского ее моста. Именно они, допустив выход с запада к мосту вражеского бронепоезда, сорвали выполнение задачи 8-й ВДБР. Десантники, как свидетельствует П.А. Белов¹, понесли большие потери. Да и эти потери непонятны: диверсионно-штурмовая группа у моста не так уж многочисленна, да и не бронепоезд, а ДЗОТы ее остановили. А батальоны 8-й ВДБР где и зачем, раз не у моста, «подвернулись» бронепоезду? О потерях же

¹ Белов П.А. За нами Москва. М.: Восницздат, 1963. С. 214.

«конногвардейцев», с участка наступления которых и действовал в направлении моста бронепоезд, Павел Алексеевич почему-то вообще не сообщает. Логика подсказывает единственный ответ: бой всерьез вел у моста десант. Беловская кавалерия «подставила» 8-ю воздушно-десантную бригаду под огонь бронепоезда, опять — как и в Дяглево — заставила десантников 8-й бригады умыться кровью!

НА ДЕРЕВНЮ «ДЕДУШКЕ»

«Молодцами хоть мост мости», — сообщает Владимир Даль одну из русских поговорок. Очень актуальная для красных, для советских генералов поговорка. Но была еще другая, и очень уместная в нашем анализе событий: «Не чортъ тебя несъ на худой на мость». Появление беловских частей у днепровского моста — авантюрный, но не случайный ход Белова.

За странными на первый взгляд упоминаниями выдвижения войск оперативной группы П.А. Белова к берегам Днепра завуалирована очередная полноформатная наступательная операция этой группы. Целью операции был не мост. Подрыв моста был запланирован как важная цель, но лишь одна из ряда частных целей операции. Операция проводилась с общей задачей перерезать железнодорожную линию Смоленск — Вязьма и надежно закрепиться на ней. Кроме прочего, группировке сил генерала П.А. Белова предстояло овладеть железнодорожной станцией Дорогобуж, это ныне станция выросшего здесь в послевоенный период города Сафоново. Добавим, что обширный район севернее Московско-Минской автомагистрали у Сафонова на линии приблизительно (назовем оставшиеся на современных картах) Дроздово — Беленино был также в партизанских руках и тянулся аж до соприкосновения с частями Калининского фронта у г. Белый, т.е. до основной неоккупированной

территории страны. Выход на соединение с партизанами северной части Сафоновского района означал бы равное окружению блокирование основной коммуникации войск 9-й полевой и 4-й танковой армий врага.

В отличие от операции по овладению городом Дорогобужем, на этот раз успех операции определялся и инициативой генерал-лейтенанта П.А. Белова, и его прямыми приказами. В этой операции впервые проявляется новый полководческий почерк, так сказать, присущий П.А. Белову с этого времени на Смоленщине: минимум привлекаемых к боям своих регулярных частей, в отличие от партизан, на коих и возлагаются Беловым главные, масштабные, требующие риска и больших потерь задачи.

Именно командир корпуса П.А. Белов приказал партизанам совместно с 1-й Гв. КД овладеть железнодорожной станцией Дорогобуж (современная ст. Сафоново), и овладеть как можно скорее. Это очень характерно для кавалерийских генералов с их багажом опыта Империалистической и Гражданской войн: «...лихим кавалерийским наскоком...» Почему бы не приказать людям, коих в глаза не видел, взять райцентр на главных коммуникациях трех вражеских армий? При том, что ни имен командиров, ни состава их сил, ни оснащённости, ни вооружённости, ни степени боевой подготовки их не знаешь! Почему бы и не приказать, если находишься в 41-м км от города Дорогобужа, аж в 50-ти км от намечаемого к штурму поселка Сафоново?!

Однако те, кому светили не ордена, а жерла германских орудий, обязаны были мыслить иначе. Местное, дорогобужское руководство партизан предполагало действия в направлении пос. Сафоново лишь в рамках и в развитие комплекса успешных локальных боевых операций. Подчеркнем, — не иначе, как при успехе первоочередных операций. В частности, буквально через день после взятия города Дорогобужа, до каких-либо известий от Белова, 17 февраля, командова-

ние только-только возникшей партизанской группы «ДЕДУШКА» приказывает:

1. Бывшему партизанскому отряду «Дед» под командованием тов. Киселева выбить в район Издешково, оседлать линию жел. дороги, идущей [из] Смоленска [на] Вязьму, разрушить ее и не дать возможности противнику продвигаться в сторону Смоленск — Вязьма и обратно.

2. Бывшему отряду «Дедушка» под командованием тов. Попенко выбить в район [станции] Вышегор, оседлать линию железной дороги и не дать возможности проникновения противника из Смоленска в сторону Вязьмы.

3. Бывшему отряду «Ураган» второй батальон оставить в гор. Дорогобуж и занять оборону северной его окраины. Первому батальону под командованием тов. Осокина выбить в район д. Морозово и занять линию обороны, не дать возможности противнику просачиваться из поселка Сафоново на Дорогобуж.

При выполнении настоящего приказа бывшими отрядами «Дед» и «Дедушка» первому батальону идти в атаку противника на поселок Сафоново и выбить противника из последнего¹.

Анализ текста данного приказа, конечно, позволяет делать критические замечания в отношении как стиля, формулировок документа, смысловых пробелов, так и существа приказа. Мог ли один-единственный 1-й батальон прежнего отряда «Ураган» взять станцию Дорогобуж и лежащий на высоте непосредственно севернее ее районный поселок Сафоново? А тем более удержать до подхода подкреплений? Да и предполагалась ли таковая поддержка подкреплениями, на которую нет и намека в приказе? Ведь силы прежних отрядов «Дедушка» и «Дед» тем же приказом определены к

¹ Цит. по: Первая партизанская / Сост. Юдин Н.Ф. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 142.

наступательным ударам в направлениях Вышегор и Издешково; остается лишь угаровский батальон «Урагана», но и он не может покинуть Дорогобуж — не для того брали... Исходя из сказанного очевидно: слова о партизанском штурме Сафонова в приказе от 17 февраля 1942 г. очень могли остаться лишь декларацией намерений «Дедушки» к продолжению активных наступательных действий. Но другое дело — при успехе на железнодорожных перегонах восточнее и западнее Сафонова (препятствие к атаке бронепоездов и подвозу резервов пехоты врага). Изоляция германского гарнизона при внезапном ударе по нему даже небольших сил вполне могла, как и в Дорогобуже, привести к успеху партизанской штурмовой затеи. Пусть к непродолжительному, пусть к частичному, но успеху.

Пока партизанским руководством в Дорогобуже выработывалось решение по наступлению на Сафоново, размышлял о том же самом и генерал-лейтенант П.А. Белов. Очень своевременно — для Белова — взяли партизаны Дорогобуж! Как раз в момент семлевского провала 1-го гв. кавкорпуса. Уйти почти всей группировкой под Дорогобуж Белов не посмел бы, а вот оказаться причастным к тамошним успехам звание, должность и практические возможности генералу позволяли. Ничего пока не зная о положении дел под Дорогобужем, Белов тем не менее спешит... Один из беловских кавполков уже идет маршем — Старой Смоленской дорогой — к Дорогобужу. Командует этим полком майор П.И. Зубов, пользующийся у генерал-лейтенанта весьма заметным доверием. В тогдашней терминологии — он типичный «порученец». И не только «порученец», ведь уже весной Белов проведет именно Зубова на генеральскую должность командира дивизии (во 2-ю гвардейскую кавдивизию). Так что вполне применим и термин «выдвиженец». Для выдвижения необходимо быть на виду у более высокого командования, действовать желательно особняком в отдалении от основных

близких сил, причем на важном, привлекающем постоянное внимание командования армий и фронтов участке. У Белова и Зубова таким участком стал Дорогобуж. Участок заведомо непроигранный в тогдашней ситуации, более того, сулящий новые успехи, победы, реляции...

Утром 19-го лейтенант Антонов — беловский офицер связи — привез от П.А. Белова в Дорогобуж некое подобие приказа, выполнявшее скорее роль одновременно рекомендательного письма, неожиданной письменной благодарности, дипломатической декларации о дружбе и сотрудничестве, удостоверения личности и протокола о намерениях. Можно сказать, письмо на деревню «Дедушке», — и не важно какому, ведь Белов имел пока лишь смутное представление о «товарище Ураганове», к коему и обращался. Данная деталь показывает: опирался исключительно на слухи деревенских жителей, — ни штаб фронта, ни партизаны не окрестили бы А.Т. Калугина (не бравшего, кстати, Дорогобуж) «товарищем Урагановым». Но вне зависимости от адресата врученная Зубову бумага Белова играла роль пробного шара в игре: главное начать, а там разберемся, обстановка покажет...

Командиру партизанского отряда Ураганову, действующему в районе Дорогобужа:

1. За овладение Дорогобужем Вам и всему личному составу вашего отряда объявляю благодарность.

2. Согласно директиве Военного совета Западного фронта, ставлю вам задачей как можно скорей овладеть станцией Дорогобуж, разрушить ее и не допустить движения поездов. Кроме этого, не допустить движения противника по автомагистрали, что севернее железной дороги.

3. Частью сил удерживать Дорогобуж.

4. Объединить под вашим командованием партизанские отряды вокруг Дорогобужа.

(...)

6. Дополнительно посылаю небольшой конный отряд на ваше усиление.

7. Доносите мне один раз в сутки¹.

Итак, «*небольшой конный отряд*», а вернее 11-й КП майора П.И. Зубова из 1-й гв. кавдивизии, прибыл уже днем 19 февраля 1942 г. в район Дорогобужа. Белов партизанам, что называется, мягко стелет: «*небольшой конный отряд...*», исключительно с благой целью — «*на ваше усиление*», дескать, не напрягайтесь, мы тут так себе, с красшку... Зубов, осведомляясь об «Ураганове» для передачи приказа, узнает немало интересного. Сразу же в штаб корпуса скажут посыльные. Сорок верст не крюк, дело того требует. И вот уже через сутки, 21 февраля, «*прояснившийся*» адресат «Дедушка»-В.И. Воронченко читает поданную майором П.И. Зубовым бумагу совершенно иного рода, о вдруг «*прояснившихся*» намерениях генерала Белова:

«Настоящим предписываю вам немедленно войти в подчинение уполномоченного от командующего Западным фронтом командира 11-го кавалерийского полка майора Зубова и выполнять его боевые приказы и распоряжения».

Вот те, бабушка (точнее «Дедушка»), и Юрьев день! Вот и «*небольшой конный отряд на ваше усиление*». Майор П.И. Зубов набирает баллы. Но это лишь первая задача. Вторая — продемонстрировать своим прибытием подтверждение заинтересованности генерала П.А. Белова положением дел у Дорогобужа. Но есть и третья задача, немаловажная — под видом усиления штурмовой партизанской группировки стимулировать партизанское руководство на исполнение наступательного замысла по Сафонову.

¹ Цит. по: Первая партизанская... С. 147, со ссылкой на: ЦАМО РФ. Ф. 639. Оп. 2754. Д. 7. Л. 4—5.

ПРОВАЛ ШТУРМА СТАНЦИИ ДОРОГОБУЖ

22 февраля 1942 г. В.И. Воронченко и П.И. Зубов совместно¹ отдают приказ о наступлении: беловцам и партизанам предстоит наступать и овладеть д. Семеново, станцией Дорогобуж и поселком Сафоново. Констатируем: уже с 22 февраля П.А. Белов и Г.К. Жуков «воюют» за Сафоново. Хотелось бы пояснить: «несут ответственность за операцию», — да нельзя. О какой ответственности генералов Запфронта первого военного года шла хоть раз речь?! Хозяева страны и РККА не спрашивали, начиная с позорного октября 1941-го, с момента пенаказывания за Вяземскую катастрофу Запфронта И.С. Конева, ни с кого из них. А черные бугорки на заснеженных полях не спросят, — перед теми шапки снимать не генералам, а в боях уцелевшим...

В советской стране рапорты о славных достижениях и победах старались приурочить к праздничным датам. В первый военный год «грех» было бы упустить такую возможность 23 февраля: как-никак 24-я годовщина образования Красной армии! Ударили...

По замыслу операции, к железнодорожной станции, к поселку Сафоново намечалось прорваться двумя группами: с юго-запада, от мантровских лесов (отряд С.В. Гришина, отряд десантников, часть сил 11-го кавполка) и с юго-востока, от небольшого лягушкинского леса (1-й батальон 1-го партизанского полка, комбат В.В. Осокин). Деревню Семеново — вражеский форпост на дорогобужско-сафоновском большаке — атаковать частью сил 11-го КП во взаимодействии с партизанскими группами Семенова и Федонина. На самом правом фланге отряд Киселева, рассматриваемый «Дедушкой» в качестве батальона 1-го партизанского полка (бывший отряд «Дед»), должен был выйти к железнодорожной линии, обеспечить фланг наступающих с направления

¹ Первая партизанская... С. 170.

Издешково, Вязьма. Противник располагал бронепоездами, угроза их атак была вовсе не надумана, ради того они здесь и курсировали.

Штурмовые группы партизан 1-го и 2-го батальонов 1-го партизанского полка выпли непосредственно к станции Дорогобуж. Начался штурм. Многие из пристанционных построек были очищены от противника. Партизанам удалось захватить здание бывшего клуба железнодорожников. Однако первый успех был шаток — поселок Сафоново, что непосредственно севернее станции, одним рывком было не занять. Трбовалось время. Но время работало не в пользу атакующих. И тут-то с востока, со стороны Издешкова, в район боя вышел вражеский бронепоезд. «Батальон», а вернсе, по-старому, отряд Кисслева «Дед», возложенных на него задач не выполнил. Командование «батальона» (именно в кавычках) затеяло в эти дни — в худших советско-бюрократических традициях — волокиту по выяснению обоснованности подчинения этого отряда «Дедушке» и офицерам-представителям корпуса П.А. Белова.

Самое время для выяснений! Комиссару 1-го Гв. КК А.В. Щслаковскому пришлось лично вмешаться в «разбирательство» по отряду Кисслева, устанавливая виновность «Деда» в срыве всей операции. А пока — на станции Дорогобуж за самостоятельность и амбиции одних расплачивались под огнем бронепоезда совсем другие.

...Вследствие изменения в соотношении огневого обеспечения сражающихся с подходом бронепоезда, учитывая понесенный расход боеприпасов и затянувшийся характер боя, партизанам не оставалось иного решения, как покинуть район станции Дорогобуж. Именно названная сумма факторов повлекла такое решение. Не было никакой паники, и свидетельство тому — партизаны при отходе заминировали и взорвали у станции мост, прервав тем самым на несколько дней движение по железной дороге.

К югу от Сафонова партизанские группы и один из зубовских эскадронов вели безуспешный бой у дорогобужско-сафоновского большака за деревню Семеново (4 км западнее теперешнего пос. Верхнеднепровский). Обороняющиеся прекрасно понимали значение этого пункта не только в цепи своих укрепленных узлов собственно для обороны, но и в качестве плацдарма для атаки на Дорогобуж. И 23 февраля, и в последующие дни Семеново так и осталось в немецких руках.

Восточнее центрального участка боев, т.е. восточнее оси Дорогобуж — Сафоново, 1-й партизанский батальон старшего лейтенанта В. Осокина 1-го полка «Дедушки» овладел районом Кулево и 24 февраля 1942 г. в течение дня отбивал здесь вражеские атаки.

На левом фланге атакующей станцию группировки партизанский отряд С.В. Гришина «13» (таково его название) в течение дня вел с переменным успехом бои с врагом за д. Петрово. Взятие, отступление под артогнем, повторное взятие Петрова к вечеру 23 февраля. Вопрос о необходимости длительного упорнейшего боя за эту деревню требует поверхностного исследования. Здесь же отметим: задачей, поставленной «Дедушкой» отряду Гришина, было (по опубликованному на сей день) не овладение д. Петрово, а штурм станции Дорогобуж. Хоть с неба свались, но будь там вовремя, ведь действия требовалось координировать с соседями. Другой вопрос, мог ли С.В. Гришин выйти к станции с юго-востока не через Петрово? Теоретически — да, где-либо в дефиле Петрово — Погорелово, Петрово — Демьянково, тем более если до рассвета. Но это только теоретически. На пути вполне возможным было наткнуться на заслоны, засады, небольшие гарнизоны врага в Анисимово, Гридино, Грибово. Да и пройди партизаны незамеченными отсюда к самой станции Дорогобуж, гарнизон д. Петрово неизбежно ударил бы в тыл после первых же звуков боя за станцию, от которой до Петрова лишь около 3 километров. Исходя из

этих соображений, бой за Петрово был необходим — хотя бы с целью сковать его гарнизон на время штурма партизанами станции. И именно так следовало определить задачу отряду С.В. Грипина. Но подобное бы означало запрограммированную Воронченко — Зубовым констатацию оторванности, психологической слабости атакующих станцию. Непределенность на их стыках с фланговыми группами и отрядами влекла тактическую растерянность, реальную угрозу быть отсеченными без какого-либо боя. Ведь в 2-километровом дефиле д. Петрово — с. Толстое (ст. Дорогобуж) немецкая пехота с запада прошла бы без единого выстрела.

Еще 27 февраля 1942 г. бои продолжались, шли рапорты о понесенных немецкими подразделениями потерях, но тактического успеха советской стороне эти действия так и не принесли. К концу февраля всем стало понятно — с юга Сафоново и ст. Дорогобуж не взять. А если и взять, то лишь после предварительного разрушения железной дороги, после выключения из «игры» германских бронепоездов. Требовалась соответствующая операция.

Генерал П.А. Белов уже 1 марта 1942 г. в радиограмме командующему Западным фронтом поспешил откреститься от провала сафоновского наступления. Г.К. Жуков среди прочего был проинформирован о следующем:

«Наступление партизан по овладению ст. Дорогобуж успеха не имело, но немцы потеряли 200 человек, наши потери — 15...»¹

Жукова, после его оплаченной десятками тысяч судеб ельнинской 1941-го «победы» (как и последующих), такими (15 чел.) потерями было можно разве что удивить: халтур-

¹ Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сборник документов и материалов. М.: «Московский рабочий», 1977. С. 119 со ссылкой на: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 193. Л. 410—411.

ный подход к делу плюс очковтирательство вместо реальной операции! У Белова погибших — единицы, даже двух десятков не набралось. Но, возможно, о потерях беловская фраза лишь отвлекающая, сглаживающая «острый угол» — чтоб не точка, а хоть что-либо после запятой. Ведь главное в другом, в начале, подчеркнем: «*Наступление партизан ...успеха не имело*». Читай, командующий: это не я, это — партизаны операцию провалили! Ни присланный Беловым в Дорогобуж уполномоченный от командующего Западным фронтом майор Зубов — с его босвыми приказами и распоряжениями партизанам, ни участвовавший в наступлении 11-й кавалерийский полк. А уж сам-то Белов — и подавно!

В 9—12 км южнее станции Дорогобуж немцам удалось остановить продвижение подразделений 1-й ГВ. КД на рубеже населенных пунктов Мухино — Комарово — Симоны — Струково. Чуть восточнее вдоль большака в направлении Дорогобужа теперь обозначился «язык», выступ линии фронта вплоть до удерживаемой немцами д. Семеново, откуда фронт поворачивал на Коровино и далее к занятым партизанами и кавалеристами селу Кулево, деревням Бибишки и Тушново. За каждый из этих пунктов периодически вспыхивали бои, немцы контратаковали. Поначалу, в феврале — начале марта, сил для кардинальных действий немцам не хватало.

Чтобы решительно переломить босвую ситуацию в свою пользу, сафоновской вражеской группировке требовалось в первую очередь выбить советские подразделения из ближайших к Сафонову и ст. Дорогобуж сел и деревень, срезать выступы линии фронта. Выступов здесь было два: юго-западнее Сафонова — в деревне Мантрово, юго-восточнее Сафонова — в селе Кулево.

15 марта 1942 г. немцы крупными силами — до двух батальонов пехоты — атаковали район Мантрово, что в 8 км юго-западнее станции Дорогобуж. От Мантрово, однако, до

железнодорожной линии Смоленск — Вязьма не более 5 км, и установление контроля над этой деревней и ее окрестностями резко снизило бы опасность советских диверсий на указанной коммуникации. По существу, в обеспечении безопасности функционирования железной дороги и были основной смысл нахождения на данном участке немецких стационарных гарнизонов и сил 11-й танковой дивизии. Парадоксально для нас, но вполне естественно для штакаора П.А. Белова — ближайшую к железнодорожной линии и Москва-Минской автомагистали деревню здесь удерживали на свой страх и риск только партизаны. Причем небольшими силами. Здесь оборонялась лишь 7-я рота 2-го партизанского полка «Дедушки». Беловцев здесь не было ни эскадрона.

7-я рота отбила атаки на Мантрово 15 марта. Были отбиты атаки и на следующий день. Но конкретика войны измерима не только количеством сражающихся людей, их нервами и пролитой кровью. Измерима она и боевым оснащением, наличием боеприпасов и возможностью их своевременного поступления в боевые порядки. А если бой идет не час и даже не сутки? Сколько нужно патронов? Где взять бинтов на десятки раненых? Кто заменит на передовой позиции вышедших из строя? — а заменить надо срочно, через 3—5 минут вражеской атаки будет поздно... Потеряв убитыми и ранеными 38 человек, после трех суток боя партизанская рота из Мантрова отошла. Немцы, конечно, потеряли в атаках народу побольше, но своего ведь все-таки добились.

Следующий важнейший для судьбы сафоновского участка наступательный бой вражеские части 5-го армейского корпуса провели несколькими днями позже мантровских событий — 21 марта 1942 года. На этот раз целью локальной операции было взятие села Кулево (оперативной значимости этого района для противоборствующих сторон мы выше касались). Старинное село, крупный населенный пункт по сравнению с окружавшими маленькими деревеньками.

Преступная целесообразность войны. небольшие деревни позволяла немцам выжечь, ведь в условиях зимне-весенней кампании конфигурация фронта в первую очередь основывалась на возможностях крова и обогрева фронтовиков. Кулево — 53 двора на предвоенной карте — сжигать было бы и кропотливо, и невыгодно: оставление здесь гарнизона позволяло бы надежно контролировать как проходящие вблизи от села рубеженский и дорогобужский большаки, так и железнодорожную ветку на город Дорогобуж, что всего в километре к западу от Кулево. Кроме того, приближалось половодье, и советские подразделения неизбежно оставили бы плацдарм в междуречье Днепра и Вопца, а значит, именно кулевский участок, что между долиной Вопца и названными большаками, единственный имел в перспективе важное значение на подступах к железной дороге восточнее райцентра Сафоново и его станции, с имперских времен именуемой «Дорогобуж». Повышенная значимость района Кулево для немцев не расценивалась для себя равным образом ни штабом опергруппы Белова (штабом 1-го Гв. КК), ни штабом 1-й гв. кавдивизии этого корпуса. Вероятно, читателю не сложно и самостоятельно — по аналогии с Мантровом — ответить на вопрос, кто в эти дни с советской стороны оборонял Кулево. Да, регулярных частей РККА здесь не было. Мы лишь конкретизируем: оборонительный бой за село пришлось вести 1-й роте 1-го партизанского полка группы партизанских отрядов «Дедушки».

Бой за село Кулево 21 марта 1942 г. шел девять часов. Кулево партизанам пришлось оставить, отступить. Конкретика боя определима скупыми цифрами: партизанская рота потеряла в том бою 20 человек убитыми, 28 ранеными. Многие десятки, если не сотни человек, потеряли атаковавшие село немецкие подразделения.

21—22 марта произошел решающий бой за Семеново. Подразделения 3-го гв. кавполка ворвались в деревню, вели

там долгий уличный бой, но постепенно были окружены противником и вынуждены прорываться с боем из деревни. Семеново осталось в руках противника.

25 марта 1942 г. немцы добились стабилизации восточного участка фронта своей сафоновской группировки: беловский 5-й гв. кавполк 1-й Гв. КД оставил деревни Бибишки и Тупшево, отошел в район Федуркино. На следующий день немцы ударили уже на западном участке противостояния, где с боем овладели д. Богданово. 6-й гв. кавполк закреплялся, отражая атаки врага, на рубеже Нагибино — Дьяконово. Немецкое командование имело основания отметить скромный успех: теперь был обеспечен фланг семеновской группы, Семеново перестало быть выступом фронта. И хотя поближе к Дорогобужу немцам подойти не удалось, продвижение на 2 км и выравнивание линии фронта означало сведение отныне на ноль любой советской угрозы группировке станции Дорогобуж и поселка Сафоново.

Этими событиями и завершилась очередная попытка П.А. Белова перерезать коммуникации вяземской группировки противника. Операция группы П.А. Белова по овладению районом станции Дорогобуж провалилась, как и все прежние удары по вяземской группировке врага. Генерал П.А. Белов в феврале 1942 г. последовательно прошел от Вязьмы на запад вдоль железной и шоссейной дорог половину расстояния до Смоленска. Пытался атаковать железнодорожную линию в любом возможном к тому районе — и везде терпел поражения.

К западу от станции Дорогобуж удобного для очередного наступления района уже не было. Железная дорога через Ярцево, Кардымово проходила к Смоленску в значительном удалении от берегов Днепра, от освобожденной партизанами территории. Бои у Семлева и Сафонова показали: кавкорпус не способен, взламывая оборону врага, продвинуться на требуемые 15—20 км, а тем более закрепиться на важных

коммуникациях. Больше «копногвардейцы» всем корпусом на Смоленщине ни разу не наступали. Правда, летом пошли спасаться всем корпусом. Но тогда уж стало не до славы — быть бы живу.

КТО ВИНОВАТ КОНКРЕТНО

Сафоновская операция была не первой и, к сожалению, не самой последней штурмовой операцией на Смоленщине зимы—весны 1942-го, — когда пытались брать города и райцентры. Впереди был штурм Ельни — такой же по результату, такой же по бездарности организаторов во фронтовом звене. И ведь где инициатива была местной, партизанской — взять райцентры удавалось. А вот где инициаторами, координаторами и контролерами выступало командование Западного фронта, а конкретнее, — комфронта Г.К. Жуков и оперативный отдел штаба фронта, — почему-то все шло, как говорили партизаны, «кордебалстом». Неужели случайное совпадение? Перед нами дилемма: 1. Либо повернув задом исаевскую книжку об «оболганном Маршале Победы» (2012) прочесть в том месте, что посмевиший критиковать Жукова бросает «тень и на само советское прошлое», а значит — лучше помалкивать. 2. Либо вспомнить своего деда, с июля 1941-го по сентябрь 1943-го в кавалерии на Западном, жуковском же фронте, несмотря на несколько ранений (а в ноябре 1942-го аж тройное) не выслужившем ни медалишки, а только итоговую путевку осенью 1943-го в штрафбат с концами, — и плюнуть, извините, на рекомендации. Приглядеться к организации дел главным на Западном фронте 1942 г. «посыльщиком» и поделиться этим с равнодушным к вопросу читателем.

И потому есть смысл подробнее поговорить о главной причине неуспеха сафоновского боя, о виновниках провала станции Дорогобуж и поселка Сафоново.

Как мы уже отметили, помешал партизанам закрепиться и добить противника подошедший с вяземского направления к станции бронепоезд. И подойти он смог сюда в решающий момент потому, что полотно железной дороги восточнее станции Дорогобуж подорвано не было. А штурмующие рассчитывали на иное. Приказ на проведение операции предусматривал, среди прочего, и перехват вражеских коммуникаций восточнее станции Дорогобуж. Ладно бы попытались, не получилось, тогда на нет и суда нет. А ведь получилось хуже, подлее и глупее.

Если у тебя есть радиостанция, толковый радист и выход на связь со штабом Западного фронта, то наполеоновскими амбициями при желании к тому можно дать ход. Радисты появились на рубеже января—февраля 1942 г. Некоторые партизанские вожаки, ничего не теряя, сразу же пробовали приобрести и использовать «подвязку повыше» в собственных целях. Штаб фронта не отказывал, но жестко, по-феодалному, объявлял правила дальнейшего сотрудничества.

Характерный пример того, как люди из ближайшего окружения комфронта Г.К. Жукова «приручали» партизан, находим в книге Г.С. Амирова¹. Этот пример тем ценнее, что относится именно к тому же периоду начала 1942 г., да и фактически к тому же району, — сформировавшемуся вскоре в Дорогобужский партизанский край. Итак, после того как радист батальона Ф.Д. Гусзидлова в феврале 1942 г. заявляет в радиоэфире о существовании батальона, районе его дислокации и готовности к активным действиям, в надежде на ответ из штаба Западного фронта, там с ответом не затянули:

«Вскоре пришел ответ на нашу радиограмму. Он гласил, что Отдельный партизанский батальон, как все партизан-

¹ Амиров Г.С. Непокоренная земля. Алма-Ата: изд-во «Казахстан», 1975. С. 71.

ские отряды Смоленщины, подчиняется только “хозяйну” — командующему Западным фронтом, что группа радистов придается нам...»

В результате Отдельный партизанский батальон Ф.Д. Гнездилова, переросший скоро в полк, с февраля по апрель подчинялся фактически лишь штабу фронта. Но это был действительно полк, причем полк, превосходящий — по оценке посетившего его в марте командира кавполка И.Г. Фактора — иные беловские. В полк благодаря умелой дипломатии Ф.Д. Гнездилова, Г.С. Амирова и П.А. Паненкова удалось объединить *все* отряды и группы, действовавшие на всходско-сельнинском направлении. А что было бы, если бы аналогичную автономию, благодаря рации и позиции Запфронта, получили действующие здесь же различные «отряды» численностью от роты до батальона? Псевдоуправляемая анархия, толкание локтями и шероховатости с соседями. А тем более, если соседи предлагают сходить под пули. В случае с отрядом В.А. Киселева к востоку от Дорогобужа так и получилось.

В средневековой Европе было умное правило: вассал моего вассала — не мой вассал. В сталински-советской иерархии было иначе: самый зубастый может перекусить любого, что послабее. При этом самое интересное происходит между теми, что «послабее»: де-факто они в равном положении, и если умело направить гнев владыки не на себя... Киселев так и поступил. Он не только не признал полномочий командира полка майора П.И. Зубова, равно и власти «Дедушки»- В.И. Воронченко, но и срочно радировал о них в штаб фронта в исключительно невыгодном для указанных лиц свете. «...Барин нас рассудит». Наступил момент истины. Однако, момент истины оказался не моментом справедливости *Хозяина*-«барина», и лишь прибавил анархии, откровенно абсурдируя всю зыбкую систему управления со стороны Белова дорогобужским повстанчеством. Радиограмма,

отражающая позицию в конфликте главкома Г.К. Жукова, стала для П.А. Белова хлесткой и обидно-бессмысленной до идиотизма пощечиной:

«Тов. Белову.

В отряд Киселева явились майор Зубов и какой-то командир партизанской дивизии Воронченко, именующие себя представителями штаба Западного фронта и дающие Киселеву задания, противоречащие приказу главкома. Штаб фронта никаких представителей не посылал к Киселеву. Главком приказал:

- 1. Донести, что вам известно об этих командирах.*
- 2. Киселеву приказано их до выяснения арестовать.*

Голушкевич Казбицев».

О подобных радиограммах, уважасмый читатель, не ищите в книгах, воспевающих ныне «Маршала Победы». Да и в советские годы было то же самое, и вот именно потому-то сам П.А. Белов, — несмотря ни на что, — привел-таки ее в своих мемуарах.

Анализ процитированного текста полученной Беловым радиограммы рождает вопросы. Первое. О Киселеве в штабе фронта почему-то знают, а о Воронченко — о «каком-то командире партизанской дивизии», взявшей вместо этого фронта город Дорогобуж, — делают удивленные глаза, более того: ...арестовать! Вот это по-нашенски! «Командир батальона» арестовывает пытающегося послать его в бой командира своей же дивизии — Жуков повелел! Вот и отбивай с такими райцентры.

С такими Киселевыми.

И с такими командующими фронтами.

Второе. Майора П.И. Зубова, за три дня до того явившегося в Дорогобуж с полномочиями представителя штаба (не кавкорпуса, подчеркиваем, а) Западного фронта, начальник оперативного отдела генерал-майор Голушкевич, правда, не велит «каким-то», но и не признает, ведь: ... что вам известно

об этих командирах, так ставится вопрос перед Беловым. Может быть, Белов мистифицировал полномочия Зубова перед дорогобужцами, а Запфронт был не в курсе дел? Но ведь само дело, представляемое Зубовым, как лакмусовая бумажка — взять станцию Дорогобуж, и это превыше всего: Зубов предлагает Киселеву не отсидеться, а перехватить важнейшую на ржевско-вяземском выступе коммуникацию врага. И что же? Окрик из штаба фронта: да кто они такие, *«дающие Киселеву задания, противоречащие приказу главкома»*?!

Но Киселев все-таки не рассчитал — он поставил, среди иного, под сомнение и сопровождающие действия Воронченко решения бюро Дорогобужского РК ВКП(б), а это уж слишком! В «разработку» вопроса по киселевской субординации партийцы и штаб Белова включили нужных лиц. Авторитетнейшей в подобной ситуации фигурой на тот момент являлся бригадный комиссар А.В. Щелаковский — комиссар беловского корпуса, — и он разобрался по Киселеву «от и до», выявив и разбив аргументацию, создав предпосылки, само собой, и по кадровому решению в отношении В.А. Киселева, по определению дальнейшей судьбы его партизан. Командование фронта мягко отказалось от продолжения поддержки Киселева, радировав Белову что-то неслыханное о необходимости задерживания вредящих делу подозрительных лиц.

Мудрых советчиков у рядового Воронченко перед штурмом Сафоново не оказалось, приходилось полагаться на непроверенных, по существу, командиров и их отряды. На войне и мелочь иногда играет ключевую роль. «Подозрительных лиц, вредящих делу», дорогобужским партийным вожакам и штабу Воронченко следовало бы выявить до привлечения их к совместной боевой операции. Не только навести справки и вести переписку, а лично познакомиться, посмотреть, что у него в голове и в душе, узнать о имеющейся у Киселева радиосвязи со штабом фронта и учесть это на перспективу. А так — подлинное проявление жуковско-ки-

селевского тандема было материализовано в германском бронспоезде, не жалевшем снарядов.

Потом, конечно, «недоразумение» было нивелировано, разобрались, утрясли, наказали. А вот упоминаний В.А. Киселева в дальнейшей боевой документации полка и всего соединения больше не было. Не доверяя полноте сообщаемого с советских времен книгах о дорогобужских партизанах, проверяем по документам «Дедушки»: на составленной в марте 1942 г. детальнейшей «Схеме управления партизанского отряда “Дедушка” за подписями начальника главного штаба “Дедушки” Иванова и комиссара главного штаба Богунова, где указаны и отдельные партизанские батальоны издешковского участка, — ни отдельный батальон “Дед” (допустим и такой) в составе 1-го полка, ни иной батальон под командованием В.А. Киселева в составе 1-го полка не обозначен». Само собой, фамилии Киселева среди состава батальонов и спецподразделений соединения на указанной «Схеме управления...» нет.

Станция Дорогобуж и районный центр Сафоново остались в немецких руках. Отопедная из-под Москвы германская войсковая группировка окружена не была и получила от главкома Жукова 23 февраля 1942 г., сама того не ведая, неплохой подарок: возможность биться на востоке Смоленщины и рядом у Ржева еще целый год — до марта 1943 г.

НЕ ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК

Пока Советское государство неуклопе занималось попытками самоспасения любой ценой за счет народа («Мы за ценой не постоим!»), германские государственники постигали природу своего главного, настоящего врага. Ветцель, начальник отдела колонизации имперского министерства по делам оккупированных восточных областей, бил в точку, когда в замечаниях к плану «Ост» писал: «Речь идет не только о раз-

громе государства с центром в Москве. ... Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ...»¹. Разгромить русских как народ! Сказано не нами — врагом. О Великой войне Советского Союза мы знаем. А как насчет Великой войны русского народа (а может быть, с больших букв: Русского Народа) — настоящей-то войны, именно так и определяемой нашим противником войны? В этой глупейшей затее служителей фюрера пришлось не постоять за цену уже им самим, германским офицерам и солдатам.

Степан Огурцов, 65-летний старик из села Кулево, к 1942-му пережил и помнил многое. Генералу армии Г.К. Жукову, что называется, в отцы годился. Один из людей старой России, до всяких революций проживший большую часть жизни. Были войны. Бывал голод. Бывало безвластие. Но никогда еще Степану пока не случалось увидеть, как бодренькой деловитой походочкой к родной его усадьбе приближаются цепями солдаты чужой армии. Германцы — недобитые, недоученные Российской империей четверть века назад. Советское государство с его армией хозяйничать врагу здесь, на русской земле, позволило. А чтобы защитить твой дом и тебя, старик, сейчас здесь будут погибать молодые ребята, добровольцы-партизаны, роющие у тебя на глазах траншею в талом мартовском снегу. Было это утром, 21 марта 1942 года.

Партизан в Кулеве было мало — одной ротой сотни и сотни метров не прикрыть. Старик попросил у бойцов винтовку, хорошо известную ему мосинку, и к ней патронов. Уж свой-то дом, договорился он с партизанами, Огурцов будет держать сам. Долгих тут разговоров не было, заговорили винтовки и автоматы. Первая же немецкая цепь на подходе к дому Огурцова захлебнулась в крови после внезапных метких выстре-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. В 6 т. Т. 2 (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.). М.: Военное издательство, 1961. С. 345.

лов. Пытались обойти — безуспешно, опять потери. Стрельба не стихала, русские держались упорно, от этого дома даже под пулеметным огнем почему-то не отошли. Зажигательными пулями немцы избу подожгли. Тогда русский «снайпер» перебежал от сильного жара в сторону и опять встретил атакующих смертельными выстрелами. Пришлось приостановить атаку этого участка, ждать поддержки артиллерийского орудия. А стрельба продолжалась, к догоравшему дому подойти так и не удалось. Только после сосредоточенного артогня по усадьбе убитый осколками русский старик упал в снег. Снег зашипел под горячим винтовочным стволом.

Иосиф Джугашвили вынужден был в тот страшный год произнести: у нас в резерве Гинденбургов нет! В «переводе» на простонародный язык мысль эту надо понимать так — коль генералитет РККА гениальности не проявил, поставив страну на грань поражения, то придется за победу в этой войне платить народной кровью.

...Немцы же, у которых-то Гинденбурги были, хороня убитых после боя в Кулевсе, имели основания плакать не из-за досаждавшего им Г.К. Жукова и подобных советских «Гинденбургов». Они-то знали: гораздо страшнее генералов РККА — сражавшиеся за Родину. ...*Русские как народ*... Те, кому уходить из дому было и некуда, и не по душе. Как тот кулевский старик, навсегда остановивший на подступах к своему дому 17 молодых германских парней.

5. ПРОВАЛ ДЕБЛОКИРОВАНИЯ АНДРУСЕНКО

Дивизия полковника К.М. Андрусенко, 329-я стрелковая, полями Подмосковной битвы и в последующей «Ржевско-Вяземской операции», да и позже, в мае—июне 1942 г. по Смоленщине прошла такой уникальный боевой путь, что уж о ней-то и писать бы книги. Но победы 329-й «положили

под сукно» в результате не ее командирских оплошечек и коллективного малодушия, но ее последовавших поражений, ее расплаты за авантюризм генералов. Мы обязаны хотя бы вкратце рассказать о первой трагедии в судьбе этой дивизии, первой ее гибели. Март 1942-го.

4 марта 1942 г. в ходе масштабного наступления двух вражеских группировочек, ударивших по флангам вяземского выступа опергруппы П.А. Белова, противнику удалось отрещать, окружить советские части этого выступа. Перечисление множества населенных пунктов, коими в этот день смогли овладеть германские части, наводит на мысль о беспроблемном их продвижении после первоначального прорыва советской обороны. Во-первых, следуя тексту оперативной сводки № 64 Генерального штаба Красной армии на 8.00 5 марта 1942 г., в немецких руках оказались: Горки, Никольское, Селище, Юрино, Папоротное, Колодезное, Старые Нивки. Взгляд на карту позволяет существенно дополнить указанный список скромничающих советских генштабистов. Ведь выйти от Старых Нивочек с запада, от Никольского с востока к району Юрино можно не иначе, как овладев (помимо указанных) следующими деревнями: Малое Жуково, Жуково, Холм, Шипково, Нов. Моксина, Типино, Сидеряты. Вот тогда в этом лесном районе, где зимой так важны дороги между деревнями, образуется единая цепь, с центральным звеном в Юрино. Вот тогда среди звеньев такой цепи оказываются и перечисленные оперсводкой Генштаба Никольское, Селище, Юрино, Папоротное, Колодезное, Старые Нивки. Длина такой цепи — иными словами, расстояние, пройденное 4 марта боевыми группами врага на участке Старые Нивки, Никольское, — не менее 18 километров. И это за один зимний (самое начало марта) день¹, в незнакомой местности, причем в

¹ Пусть не поверим оперсводке, но даже и за 2 дня — очень недурно!

«иссисто-болотистой местности»), которую так любили упоминать в академических изданиях советские оправдыватели тогдашних наступательных успехов Красной армии. А вот немец прошел. И окружил!

5 марта 1942 г. немцы, не оглядываясь на труды и усталость прежнего дня, времени тоже даром не теряли. Скупое сообщение в суточном оперативном донесении с этого участка действий 4-й танковой армии гласило: *«За линией фронта наши войска продолжают теснить находящиеся севернее реки Озерна части противника»*. То есть немец не только срочно прорезал амбразуры в баньках и сарайчиках занятых накануне деревушек, но и брал новые деревни, все более сдавливая «котел» окружения. Знали или не знали о том П.А. Белов с комфронта Г.К. Жуковым, но срочно требовались контрмеры. И они были незамедлительно предприняты.

Основным участком предстоящего наступления частей 1-го Гв. КК и 8-й воздушно-десантной бригады был командованием кавкорпуса избран 6-километровый отрезок линии вновь возникшего фронта, представляющий собой цепочку деревень и сел, занимаемых немцами на старинном юхновско-дорогобужском тракте: Тишино, Сидеряты, Селище, Никольское, Переходы. Как видим, учитывая и отминусовав отрезки собственно деревенских улиц, деревни через каждый километр. Первая декада марта, фактически зима. Немцам в этих условиях не требовалось даже покидать сельские постройки, междервенские дефиле были прикрыты плотным огнем. Причем огнем прицельным: 500 метров для пулеметов и минометов — приемлемая дистанция.

Кто-то возразит, допустим, — раз автор такой умный, как насчет предложения альтернативного варианта? Вариант есть, здесь же: только одна деревня Тишино плюс лесной участок северо-западнее ее. Давняя аксиома: что русскому добро, то немцу смерть. Так вот, в Тишино уже нет тракта, он уходит

на юго-запад у Сидерят. Это раз. Западнее и северо-западнее деревни Тишино сравнительно глухой лесной участок. Только одна плохенькая лесная дорога уходит к Городку, скорее на север, чем северо-запад. Это два. Меж деревушками — более двух километров. Это три. Ночной бой (если немцы вообще зимней ночью в том лесу оказались бы) усилиями половины от реально привлеченных Беловым к операции сил дает выход в лесной район Нов. Моксино — пос. Нов. Петраково, т.е. к окруженной группировке Андрусенко — Солдатова. Мы на тогдашней карте это видим. Белов с его штабистами, планируя операцию, — не видели. Погнали стандартно-советски: в лоб на пропилены амбразур в баньках и сарайчиках деревенских окраин. Ворвались в Сидеряты, есть сведения, что ворвались и в Городок. А под Тишино, что между обоими указанными пунктами, умылись кровью... Остановимся-ка на этой деревне чуть поподробнее.

Решительность, внезапность, быстрота — гарантии успешности наступления. Но есть и иные важнейшие условия атаки: разведать район предстоящего удара, диспозицию и систему огня противника, дать ориентиры для подразделений на местности, довести конкретику задачи до каждого. Если позади марш — дать бойцам хотя бы минимальный отдых перед атакой. Однако в Красной армии, где с авральным приказом зачастую соседствовала угроза расправы за его неисполнение, было не до «либеральничанья» и мягкотелости — точнее, не до азбучных истин тактики. Вот и в беловском кавкорпусе на Смоленщине подобного не наблюдаем. Результаты — соответствующие. Характерный пример — 41-я кавдивизия, 5—6 марта 1942 г. 5 марта дивизия еще в Безлипицах (12 км южнее райцентра Издешково). В ночь — 22 км марша, переход в д. Мамолки Семлевского района. Утро 6 марта не приносит отдыха — очередной марш, 18-верстный персход под Тишино. Это не все: дальше в этот же день, 6 марта, подразделения 41-й кавдивизии

дважды безуспешно атаковали деревню Типино. Вернее, было две попытки наступления, состоящих каждая из целой серии атак под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника. Части были вынуждены к исходу суток занять оборону в лесу на подступах к деревне. Отсыпаться бойцам пришлось под огнем. Так было не только с 41-й, например, 2-й гв. пришлось теми же дорогами и в тот же срок выйти еще восточнее, к деревне Крутая. Результаты последующих атак таковы же, что и у 41-й.

Обстановка же требовала не поспешно-бестолковых, но срочных и эффективных действий. 6—7 марта 1942 г. частями 329-й дивизии и десантниками были оставлены село Покров (на картах послевоенных лет именуемое Восток) и деревни Мипинка, Шимаево, Панфилово. Суточное оперативное донесение немецкой стороны от 6.03.1942 г. свидетельствует об атаках окруженных в восточном направлении — к ефремовской армии. Полковник Андрусенко, видимо, не питал иллюзий относительно «перспектив карьеры» в случае выхода к генералу Белову. Для П.А. Белова пехота К.М. Андрусенко была таким кукушонком, обузой. Наличие пехоты в составе кавалерийской группировки П.А. Белова сковывало его, лишало его возможности манипулировать перед командованием фронта обоснованиями быстрых перемещений, при провале в каком-либо районе предлагать к таковым скачкам в другой район очередные планы-проекты. Пехота по всему Запфронту в тот период вгрызалась во вражескую оборону либо уже окапывалась. Белова такое докладывать пока не устраивало. В марте 1942-го он, видимо, все еще оставался по стилю мышления, по осмыслению своей роли на 99 % кавалерийским генеральчиком-комкором, не желая замечать нового положения: тульские и калужские городки удачного рейда позади, на Смоленщине — вязкая война, и ты уже волей-неволей не только комкор. Ведь территория, командные нити на которой в твоих

руках, соотносима с половиной Запфронта. Впрочем, любому подчиненному Г. Жукову генералу головокращение от успехов не грозило в любом случае. А здесь, когда немец срезал вяземский выступ и снял угрозу советского штурма Вязьмы, тем более. Кто-то был должен ответить...

Полковнику Андрусенко в атаках к Ефремову — к еще недавно своей армии — не повезло, да и не могло повезти. Противник был готов и к такому, восточному варианту атак. Военная судьба капризна — как говорится, вход рупь, а выход — два. Так было в 1942-м с войсками многих прорвавшихся вперед, но затем отсеченных немцами наших армий.

Деблокирующим частям П.А. Белова первые дни и ночи атак надежд на быстрый успех не принесли. Ни 6-го марта, ни на следующий день отчитаться о деблокировании частей Андрусенко и Солдатово командованию 1-го гв. кавкорпуса не пришлось. Взятие 75-й кавдивизией 7 марта деревни Шишково годилось лишь для заполнения пустоты в оперсводке — Шишково, что в 3 км севернее Путьково, расположено (было, теперь его нет) вне основного района боев, отделено от него озерно-болотистой низиной в несколько километров. Выход от Шишково на северо-восток заперся укрепленным вражеским узлом Юрино. Требовались успешные действия на совершенно ином, более восточном участке — от Тишино до Переходов.

На третий день боев, 8 марта, 8-я ВДБР овладела д. Переходы. Фронт противника здесь прорван по существу не был. Немцы лишь отошли на северный берег речки и заняли позиции вдоль дороги Никольское — Крутая. Однако теперь долетавшие до окруженных звуки боя под Переходами служили ориентиром для предстоящих действий.

9 марта 1942 г. западнее Переходов, в районе села и бывшей господской усадьбы Никольское наконец-то, невзирая на сильный минометный и пулеметный огонь врага, стали просачиваться первые группы выходящих из окружения. Шли

в прорыв ложбиной вдоль ручья с характерным для происходящего названием Матерушка. К утру 10 марта из окружения пробилось в общей сложности около 200 человек бойцов и командиров 329-й дивизии. В это же утро в ходе сильной контратаки противнику удалось вернуть под свой контроль район д. Переходы, существенно ухудшив положение и окруженных, и деблокирующих советских подразделений.

11 марта бои продолжались, части несли потери. Однако дожидаться продолжения выхода из окружения сколь-нибудь значительных групп уже не случилось. По скудным строчкам боевого дневника одного из эскадронов 41-й кавдивизии можно сделать вывод, что руководство 1-го гв. кавкорпуса 12 марта отказалось от продолжения операции по деблокированию остатков окруженной части группировки. Передовые подразделения были в этот день сняты с занимаемых позиций, отведены. Немцы ежедневно били из тяжелых орудий по занимаемым эскадронами «сопкам», т.е. лесным взгоркам, и каждый день боя стоил потерь и потерь. Выйти из близкого огневого боя, ослабить взвинченность и внимание к лесу солдат противника, чем упростить возможный выход оставшихся, — это было, видимо, единственное верное в той обстановке решение, раз уж надежных «ворот» для выхода окруженных групп не создали.

Сколько ж народу в итоге всех этих боев вышло из окружения?

Открываем перестроечных уже времен (времен «гласности», 1985 г.) книгу «Подвигам жить в веках»¹, находим интересное:

«В течение 11—13 марта гитлеровцы предприняли шесть атак с танками на позиции десантников в районе населенных пунктов Никольское — Переходы, но сбить их

¹ Воробьев М.В., Усов В.В. Подвигам жить в веках. Смоленск: Моск. рабочий, Смолен. отд., 1985. С. 71.

с занимаемых рубежей не смогли. Из окружения в распоряжение кавкорпуса вышло тогда почти полторы тысячи бойцов и командиров».

...Полторы тысячи! Почти... Сносок на архивный или иной внушающий уважение источник, естественно, не приведено. А вот для сравнения строки воспоминаний участника тех событий, комиссара отряда (приказом от 9 марта 1942 г.) «Северный медведь» Георгия Ивановича Афанасенкова, март 1942 г.:

«После этого генерал-лейтенант Белов дал приказ выйти на север в район Фатова Завода, в общем на место, где расположилась 329-я стрелковая дивизия. Эта дивизия была сильно потрепана, людской состав — батальон, не больше».

К середине марта 1942 г., а именно 14 числа, остатки 329-й дивизии, в том числе ее командование, были отведены в глубину территории партизанского края и сосредоточились в районе Желтоухи — Селипка — Потапово — Воропово¹. Немного восточнее, в районе деревень Таганки, Руднево и Малая Елсика, к этому времени был расположен 250-й воздушно-десантный полк, если можно считать полком несколько десятков человек.

Командир дивизии К.М. Андрусенко с военкомом Д.П. Сизовым, естественно, пошли под трибунал. «...Могут тебя повесить, могут тебя и повесить...»: командир же десантного полка Л.Н. Солдатов, раз уж от его полка теперь остались рожки да ножки и командовать по существу нечем, был назначен новым комдивом-329. Генеральская логика П.А. Белова понятна. Виновный в провале «выявлен». В то же время боевые, авторитетные офицеры были в группе на вес золота. Что ж! — одному кнут, другому пряник, глядишь, среднеарифметическая справедливость и изображена.

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 717.

6. УГРАНСКИЙ ПРОВАЛ

ОБСТАНОВКА ТРЕБОВАЛА ОПЕРАЦИИ

Железнодорожную станцию Угра на линии Вязьма — Брянск ныне на карте найти несложно. Теперь при этой станции располагается многолюдный поселок, муниципальный центр одного из районов Смоленской области. Угранский район Смоленщины объединил в послевоенные годы территории двух прежних здесь районов — Знаменского и Вхотского.

В военные годы пристанционный поселок Угра был, конечно, не так многолюден. Вокруг станции в те годы было несколько самостоятельных населенных пунктов, о расположении которых не узнать по теперешней карте. Денисково, Троицкое, Красная Поляна — цепочкой с востока на запад по южному контуру современного поселка Угра. Сеньютино — на северном берегу Угры у железнодорожного моста, чуть западнее — Новое Петрово. Остальные деревни и села, за которые весной 1942 г. не раз лилась кровь, на карте 1: 200 000 указаны.

...Кровь лилась под этими деревнями той весной не раз и не два: бои в марте, бои в первой декаде апреля, бои в конце мая. Про май с операцией «Ганновер» отдельная история, а вот о событиях окружения вражеской группы «Хаазе», как и о тех днях, когда выступ от Вертехова к станции Угра буквально занозой впивался в освобожденную партизанами и десантом территорию, речь предстоит вести здесь, чуть ниже.

Начнем с начала: почему эта глава названа Угранский провал? Потому, во-первых, что в современных войнах не бывает просто событий, просто боев — бывают операции. А у боевых операций есть цели, есть поставленные в приказах тактические первичные и дальнейшие задачи, есть определяемый вышестоящим командованием состав под-

разделений, частей и соединений, привлекаемых к осуществлению данной операции. Есть, наконец, руководящее операцией лицо, тот, кто отвечает за ход и результаты ее осуществления.

И если в мемуарах военачальника пишется о боях подчиненных что-либо невнятное, клочками, в одну-две строчки — читай между строк! Так обстоит дело и с мемуарами¹ генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Белова в части угранских боев, когда то на одной странице, то после, урывком, пишется:

С. 226: *«Значительная часть наших сил вела наступление на станцию Угра и прилегающие к ней деревни Русаново, Денисково, Вознесенье и Сениотино. ...Бои за станцию Угра приняли затяжной характер».*

С. 228: *«К этому времени мы уничтожили противника на станции Угра, захватив большие трофеи, в том числе тридцать пять вагонов со снарядами».*

Тридцать пять вагонов! Вот это хеппи-энд! А Белов-то, Белов... так, между делом, вскользь. Мало ли у него таких побед? Вот это масштаб личности. Но попробуем рассудить критично:

1. Про наступление на Угру автор упомянул, не имел морального права обойти молчанием.

2. Упомянул, но больно уж кратенько, датировок и конкретики боев не привел.

3. Однако мимоходом указал результат — и не какой-нибудь, победный!

Да, потом под Угрой были еще бои, и сам П.А. Белов² вдруг признаст-таки операцию: *«операция еще не закончилась...»* Но почему основной период угранских наступательных боев опергруппы Белова вообще не отражен в

¹ Белов П.А. За нами Москва. М., 1963.

² Белов П.А. Указ. соч. С. 228.

книге генерала? Ответ понятен: операция, своевременно не достигшая поставленных целей, — провал. Такова аксиома, знакомая любому офицеру, хоть и не любимая нашими мемуаристами-генералами той войны.

Люди погибли. Атаки захлебнулись. Бои «приняли затяжной характер», т.е. задача осталась не выполнена. Она не отменена, но результаты остаются неутешительны, надежды на перелом в ситуации нет. Что же прикажете изобрести в оправдание перед потомками? Рождается схема:

— Начало: *...вела наступление...* (упомянул — да. Какие претензии?)

— Развитие: *...приняли затяжной...* (два слова и — молчок! Так надо...)

— Итог: *...мы уничтожили противника...* (и в том числе 35 трофейных вагонов снарядов «до кучи» в пейзаж победы, красота!)

Так разве ж это провал? — спросит читатель. Допустим, кто-то и добавит: да у генерала просто краткость — сестра таланта, просто скромность, — украшающая мужчину. Просто немного затянувшаяся операция. Вот здесь стоп. Извиняемся за сравнение с операцией медицинской: прооперирован некий нарыв. Но если послеоперационный участок тканей вовремя не заживает, а потом и прорвись вдруг гипсом, что сказать о враче? На Угре именно таким образом и вышло, тянулось-тянулось, а потом внезапно прорвалось. Немцы, натюрлих, прорвались. Это произошло уже в апреле. Проведи же успешно Белов в марте свою наступательную операцию, до такого бы финала дело не дошло. Так что провал, как ни крути, а Угранский провал, по-другому произшедшее не назвать.

Что же до сути замысла на операцию, таковую П.А. Белов вовсе не скрывает¹:

¹ Белов П.А. Указ. соч. С. 226.

«В этом районе мы окружили вражеский гарнизон ...и намеревались уничтожить его. Он угрожал нашему тылу, а также флангу нашего соседа, 4-го воздушно-десантного корпуса».

Тем, кто не верит в сам факт планомерного, инициированного командованием 1-го гв. кавкорпуса начала этой операции, а значит, и координации штурмовых действий штабом кавкорпуса, а значит, и ответственности П.А. Белова и его окружавших за судьбу штурма, сообщаем: приказ № 022 командованием 1-го гв. кавалерийского корпуса на проведение боевой наступательной операции по уничтожению угранской группировки противника был отдан 14 марта 1942 г. Вечером того же дня вышеозначенный приказ был доведен до командования войсковых и партизанских частей, привлеченных к проведению данной операции.

Кто подписал приказ? Чей полководческий гений потрудился над планом операции, над дальнейшей координацией действий отрядов и соединений? Короче, кто в ответе? Секретов нет:

*«ком. 1 Гв. КК генерал-лейтенант Белов,
военком бригадный комиссар Щелаковский.
Нач. штаба майор Вашурин».*

Именно так это выглядит в оригинале документа.

«МАСТЕРСКИ, ПО-ДЕСАНТНОМУ!»

Любая провальная боевая операция той войны позже имела все шансы либо подвергнуться умолчанию, либо из раза в раз быть лакируемой и через десятилетия выглядеть совершенно иначе, чем «в режиме реального времени». К тому же авторы советского времени в 99 % были лицами заинтересованными, работали в рамках задания или же личной установки, что в обоих случаях далеко от объективности. А зачастую такой источник, за неимением иных, ста-

новится основой новых изысканий, однажды сообщенное способно позже кочевать из книги в книгу десятилетиями. Вывод отсюда таков: доверять даже хронологически более поздним, даже вроде бы более полным, содержащим детали источникам — без учета личности, рода деятельности авторов опасно. Ниже рассмотрим один из примеров, наша же тема, Угра, 1942-й.

На самом закате советской эпохи, в 1990 г. появилась книга «Четвертый воздушно-десантный». Авторы — бывшие офицеры этого корпуса, фронтовики. Правда, не участники той, весны 1942 г. десантной эпопеи, но вдруг это не важно? Приятно читать о боях десанта книги участников той войны, где «мастерски, по-десантному» раз за разом советские атакуют и побеждают. Тем более, если такая книга оказывается полнее, содержательнее в описании событий, которых другие авторы почему-то касаются лишь вскользь. Конечно, текст пополюе вызывает доверие. Рождается «история». Вполне может стать частью «истории» Великой Отечественной, именно в силу смкости описания (за объем цитаты извиняться не предполагаем, ибо случай исключителен, задача оправдывает), например, такос:

«20 марта в 2 часа ночи батальон капитана Карнаухова, удачно преодолев минное поле, внезапно атаковал противника и овладел станцией Денисково и во взаимодействии с батальонами Поборцева и партизанами Шмелева в ночь на 21 марта атаковал станцию Угра. Разгромив вражеский гарнизон, они захватили склад с боеприпасами. Утром 21 марта 12 вражеских бомбардировщиков нанесли удар на Денисково, и при поддержке огнем артиллерии и минометов противник пехотой атаковал станцию. Отразив атаку, десантники во взаимодействии с кавалеристами 21 марта в 10 часов утра штурмовали населенный пункт Угра и освободили его, открыв путь к 4-му воздушно-

десантному корпусу, ранее десантировавшемуся в район западнее Юхнова»¹.

Издано в самом конце советской эпохи, то есть на «книжную» неосведомленность в оправдание авторов цитаты не соплещься. Этот текст, и особенно его завершающее многословное предложение, приводят в недоумение. Сказанное авторами-ветеранами после слов об овладении «станцией Денисково» хронологически противоречит и всем иным публикациям, и оперативным документам военного периода. И не только хронологически: парадно-десантное «Никто, кроме нас!» оттирает локотком в сторону в действительности штурмовавших Угру партизанскую группу Анатолия Суворова и еще две штурмовых группы батальонов полка В. Жабо. Да и само собой то и дело возникают вопросы:

— как это *«удачно преодолев минное поле»*? Вот местный партизанский отряд «Северный медведь», где уж с местными жителями-«проводниками» проблем точно не было, это самое минное поле, приступив с 12.00 19 марта, еле-еле преодолел лишь к исходу суток 21 марта, причем теряли при взрывах и людей, и множество лошадей. А «десанты» — как заговоренные!

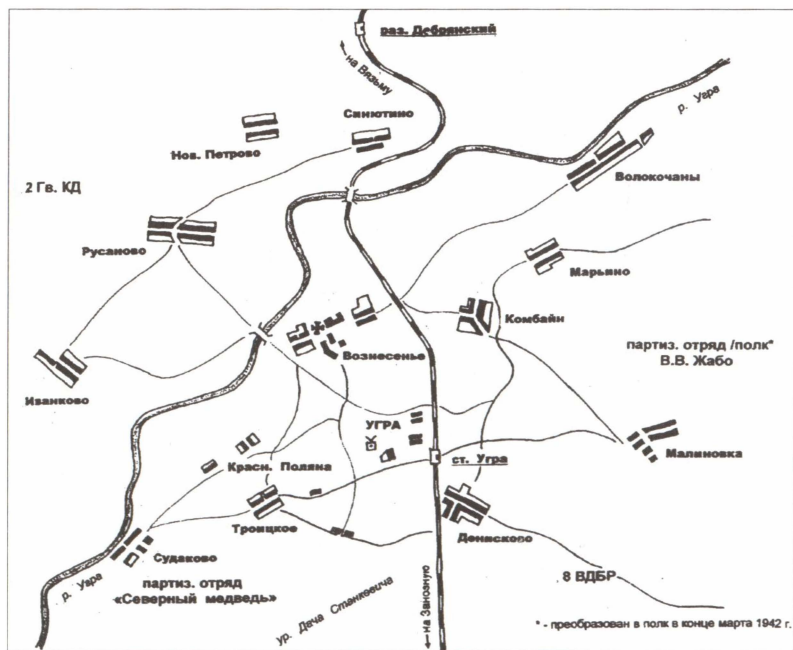
— ладно, допустим, все-таки *«удачно (!) преодолев минное поле, внезапно атаковал...»* Стоп! Как это внезапно? А вот в это уже верится труднее: на то они и мины, чтоб никакой внезапности после первого, хоть и единственного даже взрыва уже быть не могло;

— *во взаимодействии с кавалеристами 21 марта в 10 часов утра штурмовали населенный пункт Угра и освободили его...* Ну как? Чувствуем радость и гордость... и это ничего, что генерал Белов о такой «мелочи» вовремя штабу Запфронта не доложил, — видимо, поскромничал генерал.

¹ Громов И.И., Пизунов В.П. Четвертый воздушно-десантный. М.: Воен. изд-во, 1990. С. 150.

Начальник Западного штаба партизанского движения Д.М. Попов, 1942 г.

Район боевых действий у станции Угра, март—апрель 1942 г.

Бой партизан за деревню

Район боевых действий у города Ельня, март—апрель 1942 г.

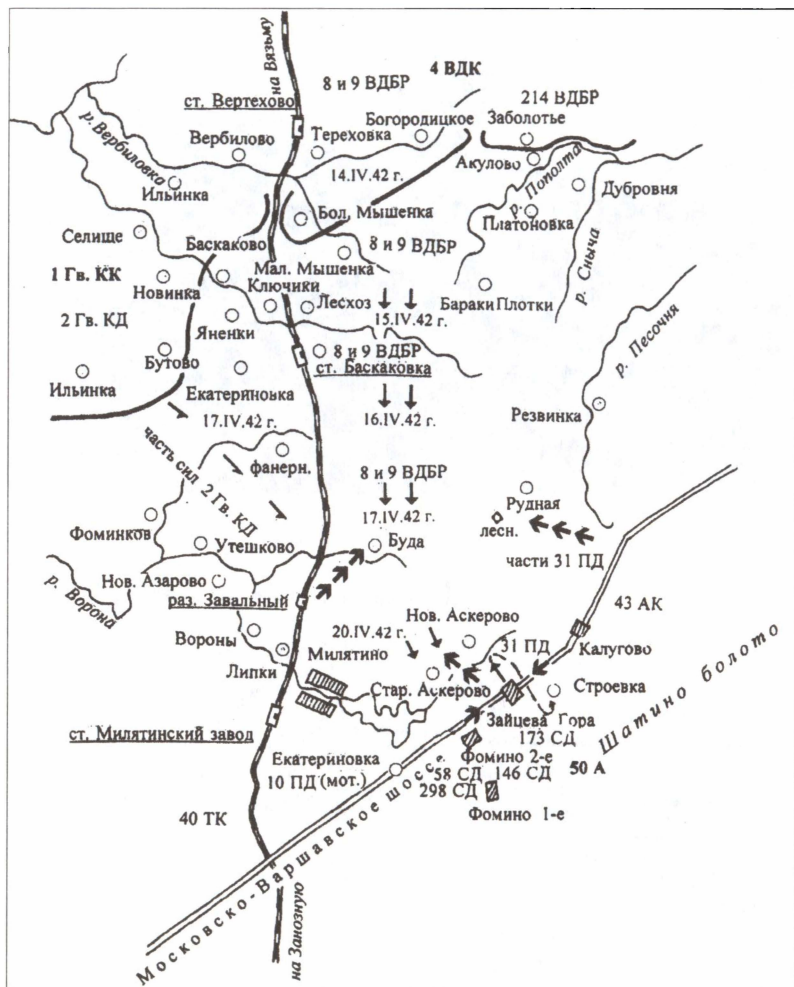
Наша правда. Бейтесь до смерти!

**ПУСТЬ ВДОХНОВЛЯЕТ ВАС
В ЭТОЙ ВОЙНЕ МУЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
НАШИХ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ!**

И. СТАЛИН

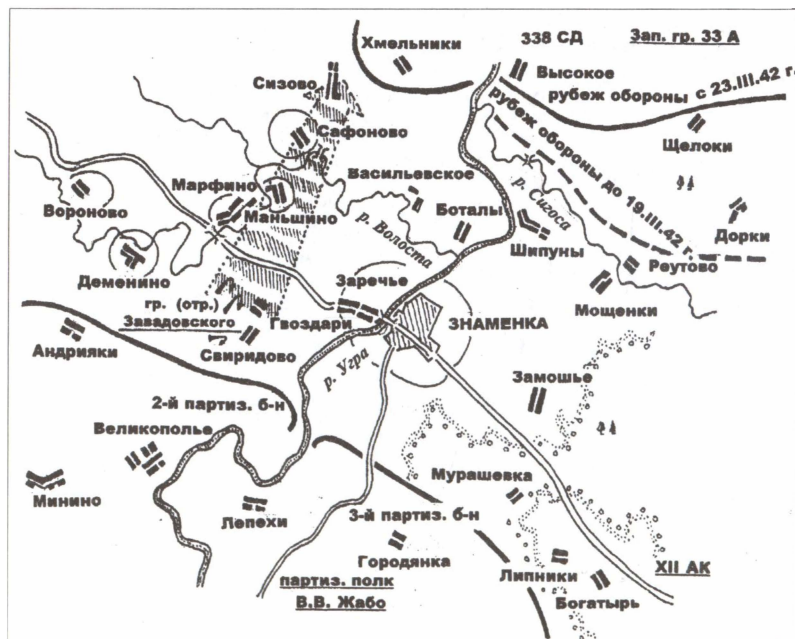
Плакат художника В. Иванова

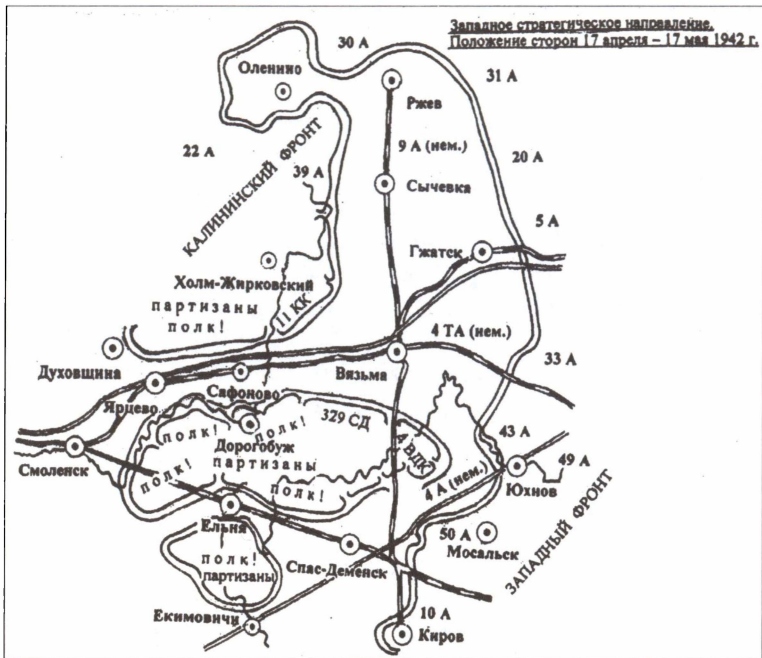
Боевые действия 14—20 апреля 1942 г. в районе села Милятино

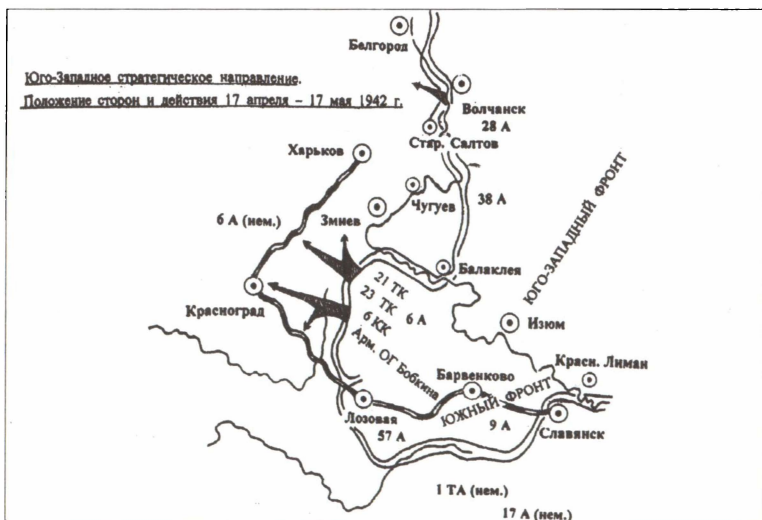
Офицеры и бойцы ВДВ

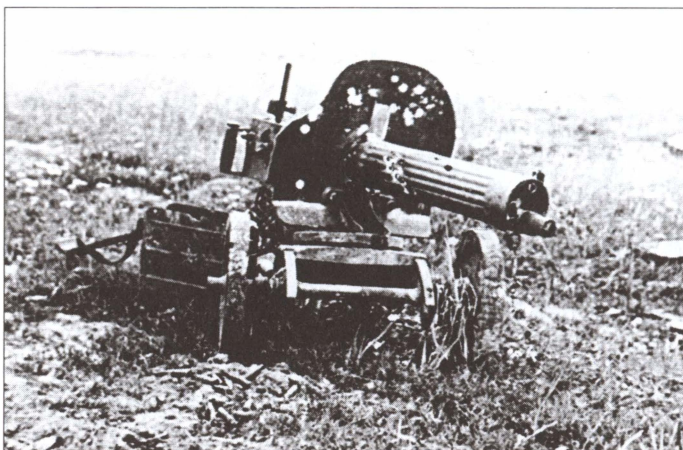

*Район боевых действий группы М.Н. Завадовского 26—30 марта 1942 г.
у города Ельня, март—апрель 1942 г.*

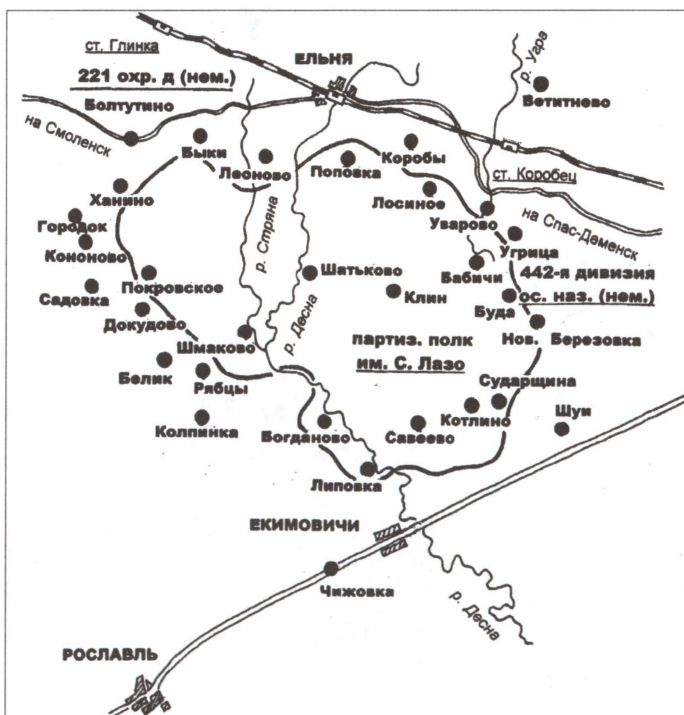

Сравнительный анализ театра боевых действий у Смоленска и Харькова весной 1942 г.

Пулемет Максима, поврежденный вражескими пулями

Район боевых действий партизанского полка им. С. Лазо

Медсестра и раненые бойцы-партизаны

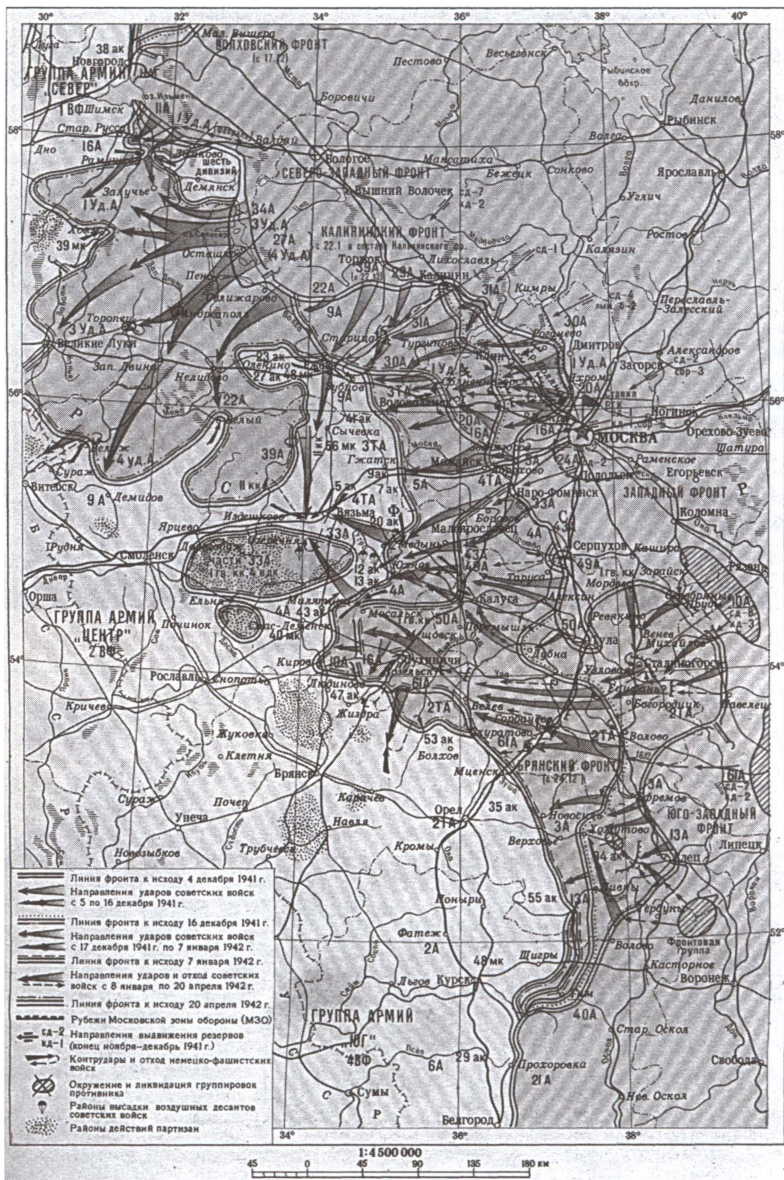
Парад партизан Смоленщины, 1943 г.

Советская кавалерия в атаке

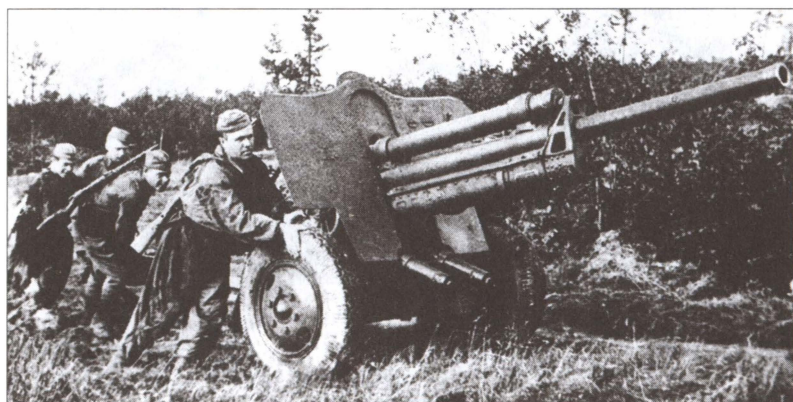
Немецкие пленные

Контрнаступление под Москвой и общее наступление Красной армии на Западном направлении 5 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.

Танк КВ-1

Транспортировка орудия на огневую позицию

Руины в Ржеве

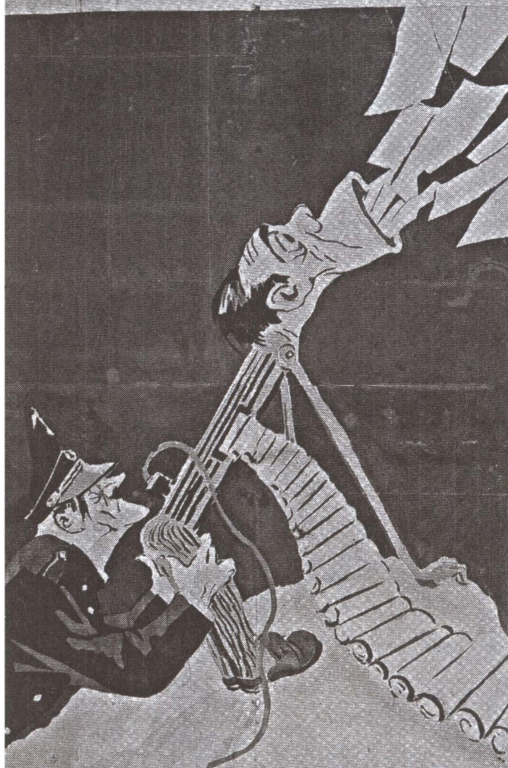
Бой в городе

Красноармейцы контратакуют

ОКНО
ТАСС № 625

„БРЕХОМЕТ“

УБИЙЦЕ-ГИТЛЕРУ, ХОТЬ ПЛАЧЬ,
НЕ СКРЫТЬ ВОЕННЫХ НЕУДАЧ
У РЖЕВА И ПОД СТАЛИНГРАДОМ,
И ВОТ, ЧТОБ ОБМАНУТЬ НАРОД,
ОН ИЗОБРЕЛ СВОЙ „БРЕХОМЕТ“,
КОТОРЫЙ ВРАКИ СЫПЛЕТ ГРАДОМ.
МАШИНКА БРЕШЕТ ВО ВСЮ ПРЫТЬ,
НО ПРАВДЫ ЕЙ НЕ ЗАГЛУШИТЬ, —
У ДОНА ПРАВДА ГРОМЫХАЕТ,
ОНА НАД ВОЛГОЮ СЛЫШНА,
ГРОХАЕТ В АФРИКЕ ОНА —

Карикатура на Гитлера и Геббельса

Только вот одно покоя не дает: кроме парадно-показушного «Никто, кроме нас!» есть заросшее быльем забвения «Никто не забыт». И это приходится исправить!

Начинаем разбираться. Во-первых, любому знакомому с картой местности и расположением деревень и сел, удерживаемых на Угре противником еще даже в апреле 1942 г., понятно, что авторы процитированного отрывка, И.И. Громов и В.П. Пигунов, либо карты местности не видели, либо «не ведали, что творят», когда написали, как десантники... *штурмовали населенный пункт Угра и освободили его, открыв путь к 4-му воздушно-десантному корпусу*. Почему? Потому, что Денисково (не «станция Денисково», как ошибочно сообщают эти авторы, а деревня рядом со ст. Угра), откуда атаковали десантники позиции вражеской угранской группировки, — так вот это Денисково расположено юго-восточнее Угры (теперь ее юго-восточная окраина), т.е. основные силы 4-го ВДК были за спиной атакующих десантных батальонов. Другими словами, 8-й бригаде «открывать путь» себе же к 4-му ВДК следовало никак уж не повернувшись к нему спиной, ударом на север-северо-запад. Так может быть, они не себе, а кавкорпусу П.А. Белова путь к 4-му ВДК открыли? Тоже нет. Ведь оставшееся в марте неосвобожденным село Вознесенье продолжало разделять 1 Гв. КК и главные силы 4-го ВДК. Да и зачем Белову этот «путь», если южнее у него итак были к 4-му корпусу широкие «ворота» от Вертехова до Троицкого? Это видно по карте. Да кто на нее из читателей парадных книг глядит?

Обращаемся к мемуарам П.А. Белова, внимательно читаем скудные упоминания об Угре. И оказывается, если и скромничал П.А. Белов, то лишь потому, что просто в 20-х числах марта нечем хвастаться было. Белов краток: *Бои за станцию Угра приняли затяжной характер*.

Не скромничали, конечно, и исправно исполнявшие должностные обязанности работники штаба 1-го гв. кав-

корпуса, своевременно отчитывались командованию Зап-фронта. Тем более, если было о чем с радостью отчитаться. Что подтверждается, например, извлечением из оперативной сводки № 91 Генерального штаба Красной армии, на 8.00 1 апреля 1942 г.:

«Группа генерала Белова, 8 вобр и отряд Жабо в ночь на 31.3 овладели ст. УГРА и населенным пунктом УГРА. Положение остальных частей группы оставалось без изменений».

Получается, «мастерски, по-десантному» Угру заняли наконец-то лишь десятком дней позже указанного авторами книги «Четвертый воздушно-десантный». Да и основную роль в штурме 31 марта сыграли, как оказывается, не мастера из десанта. К этому мы еще подойдем. А что скрыто за усиленно прославляемой в связи с деяниями десанта датой 21 марта 1942 г.? Нас ведь уверяют: не партизаны, а «десантники во взаимодействии с кавалеристами 21 марта в 10 часов утра штурмовали населенный пункт Угра и освободили его». Строками из журнала боевых действий партизанского отряда «Северный медведь» возразим (выделение чертой. — А.П.), — вот кому 21 марта 1942 г. пришлось оплатить «удачу», славно расписанную в книге о десанте:

«Во время атаки на западную окраину ст. Угра были обнаружены минные поля. Соседа справа — 8 ВДБ — не было. Согласно боевому приказу, часть отряда отошла на ранее намеченные позиции. Выход совершался под перекрестным огнем противника. Потери понесены в основном на минных полях пр-ка и при выходе из боя. Убито 32 чел., ранено 21».

Как знать, может, славное освобождение Угры десантом 21 марта 1942 г. потому и порадовало читателя таких книг, как «Четвертый воздушно-десантный», лишь в 1990 г. А ведь у каждого из десятков по вине десантных комбатов (кто знает, может, кого и повыше) погибших и раненых пар-

тизан остались родственники, потомки живы. И живут потомки тех партизан не где-нибудь, а очень может стать — в той же самой Угре... Памятник в Угре стоит не им. ... Десанту!

ВИНОВАТ, И ТАК 8 РАЗ ПОДРЯД

Невольно вспоминается из песни: *«Лежат все двести, глазницами в рассвет... Генералы все долги свои отдали... И не помнят этой роты...»* Ладно бы генералы, с ними понятно. Жаль, не только генералы. Штампы, отбеливающие генералов (а заодно и их войско) «неслаженностью» шедших под пули других, живут и поныне. Вот что необъяснимо. Приходится полемизировать.

Странно выглядит формулировка объяснения неудачи первого пгтурма, высказанная уже в наше время М. Севериным¹ (в соавторстве с А. Ильюшечкиным): *«...все ночные атаки были отражены противником, и не в последнюю очередь из-за неслаженности действий партизанских отрядов между собой и с действиями 2-й гв. кавдивизии»*. И это при том, что — словами этих же исследователей (меняем лишь расположение двух завершающих слов) — *«...попытку уничтожения окруженного противника... предпринял... Белов»*. Как же так? — как попытка, так Белова, а как неслаженность, так партизанских отрядов? Причем ...с действиями 2-й гв. кавдивизии. А почему не наоборот? Почему не штаб, устанавливающий общее для подчиненных частей время атаки, в ответе за неслаженность?

Почему «конногвардейцы» упомянуты где-то вдовесок, в стороне? У них, значит, слаженность? С самими собой, понятное дело, не с партизанами же. Предоставим в таком

¹ Ильюшечкин А.А., Северин М.С. Решающий момент Ржевской битвы. М.: Яуза : Эксмо, 2010. С. 142.

случае слово авторам книги «Угранский набат», один из которых — Л.Ф. Муханов — кос-что знал о той операции, участвуя в ней, в 1942 г. был как-никак комиссаром полка В. Жабо. Вот где о слаженности «конногвардейцев» предостаточно:

«...Казалось, еще один бросок — и станция перейдет в руки наступающих.

Но в этот момент выяснилось, что кавалеристы не нанесут удар в назначенное время, так как лед на Угре сильно подтаял, и они не смогли форсировать реку. План операции строился на полной согласованности действий. Поэтому заминка на одном из направлений отразилась на остальных. Гитлеровцам удалось удерживать станцию; завязались затяжные бои, длившиеся до конца марта»¹.

Лед подтаял! У ефремовцев на той же Угре и через три недели не подтаял, когда в середине апреля пришлось уходить. Немцам пришлось миногнем его разбивать на пути атакующих. У беловцев лед подтаял задолго до ледохода, очень внезапно! А как насчет хотя бы беглой оценки карты командирами-«конногвардейцами» при подготовке к операции? — можно подумать, на карте Угры не показано! Или кроме окрестностей Вознесенья оценить лед было по соседству негде? Шалишь: партизаны на Угре и выше и ниже по течению. Или некому? Инженерную проработку маршрутов операций той весной во 2-й Гв. КД вели превосходно, подтверждающие карты в ЦАМО РФ сохранились. Так что у «конногвардейцев» лед подтаял *согласованно*. Жаль, вон партизаны, так сказать, подкачали!

Хорошо, у нынешних исследователей хоть о «слаженности» с 8-й ВДБР ни слова. Чувствуется двойной стандарт оценок. И акцент ответственности за «неслаженность» явно

¹ Макаренко Я.И., Муханов Л.Ф. Угранский набат. М., 1980. С. 107—108.

смещен на партизан. Другими словами, именно партизаны ударили не вовремя. По логике, атакуй они раньше, упрека бы не заслужили: отвлекли бы противника, облегчив атаку «конногвардейцам» на другом участке. Значит, трусливо запоздали? Отсиделись? Эх, хорошо бы ответил исследователям командир 6-й роты «Северного медведя» лейтенант Яков Иванович Коновалов. *Лично водивший роту в атаку, он всегда бывал в самых опасных местах, увлекая бойцов своим вдохновенным порывом. Вышел из строя, только получив до 8 ран,* — сообщается о его действиях в том штурме в документации отряда, запись за 24 марта 1942 г.

Но если не отсиделись партизаны, не опаздывали с атакой, то, значит, они-то ударили вовремя. В чем же тогда их «неслаженность»? Кто не атаковал вовремя? Раз не кавдивизия, не десант, то партизаны Жабо? — так и скажите. Однако ответа не предложено. Только намек: *...из-за неслаженности действий партизанских отрядов между собой.* Партизанских отрядов, как мы знаем, здесь было только два: «Северный медведь» и отряд майора Жабо. «Северный медведь» не упрекнешь. Значит, Жабо спутал карты? А Жабо не от Белова приказ имел? Да главное даже не в этом: локтевой связи у «Северного медведя» с отрядом В. Жабо нет. Взглянем на карту. Итак:

— левофланговая от «Северного медведя» 2-я гвардейская кавдивизия — но у нее в задаче не станция Угра, а населенные пункты северо-западнее;

— правее, т.е. юго-восточнее «Северного медведя», в атаку на станцию Угра — подчеркиваем, именно так в соответствии с определенным в приказе штаба 1 Гв. КК, — шла 8-я ВДБР. Вернее, должна была пойти. Но, как видим, по каким-то причинам своевременно не атаковала.

При чем же тут отряд Жабо? О какой неслаженности действий «Северного медведя» с отрядом майора В. Жабо может идти речь?! Это первое.

И второе — о самих инициаторах «неслаженности». Объяснения «неслаженностью» партизан — это для не знающих реальной тогдашней механики управления в кавкорпусе П.А. Белова. Дело в том, что командование кавкорпуса не ограничивало своих командно-распорядительных функций лишь общим приказом на операцию. За таким приказом обязательным образом следовали так называемые *частные боевые приказы* штаба 1-го Гв. КК. Рассылались штакомором такие и на Угре. В частных приказах как подготовительные действия, так и время атак устанавливаются не в датах, а в часах и минутах. Соответственно, под контролем штакаора и своевременность выполнения задач, для чего имеются офицеры связи и посыльные. При штабе корпуса действовали дивизионы связи и разведывательный. В кавкорпусе Белова задания экстренной связи и контроля за ходом боя (параллельно ведут и рекогносцировку, и разведку) часто выполняли командиры разведки, лично знакомые П.А. Белову сорвиголовы, особо ответственные задания — помощник начальника разведотдела штаба корпуса майор П.Н. Пох. Но это в экстренных случаях. А обычно операция готовилась штакомором загодя, и извещали командование бригад, дивизий и партизанских отрядов не в последний момент. Короче говоря, организация управления боем со стороны штакаора Белова в «Угранской операции» была такова, что требовала не согласований между соседями, а просто своевременного автономного исполнения каждым соединением или отрядом полученного приказа штакаора. И партизаны — не исключение.

Резюмируем: «неслаженность» — никак не на совести офицеров штаба Белова. Не на совести и партизанского руководства. Ошибается любой, склонный считать тех партизан неким полуанархичным сбродом, способным разве что срывать график осуществления совместных с иными частями боевых операций.

«...проводится выход подразделений на исходные позиции. Исходное положение для атаки занято своевременно в срок, указанный в боевом приказе штаба 1 Гв. КК — 23.10».

Это не наша выдумка. Это пример реальной записи тех дней в журнале штаба партизанского отряда «Северный медведь». Так выглядит на практике отражение исполнения партизанами частных приказов штабкора П.А. Белова. Правда, не всем известное отражение. Особенно избегающим упоминать реальную роль беловской кавалерии и батальонов 8-й бригады десанта в том трагичном штурме ночи на 21 марта.

ДОЛГИЙ И КРОВАВЫЙ ШТУРМ УГРЫ

Кровавый — это понятно. Некроваво в той войне, а тем более в штурмах весной 1942-го, — не получалось. Но почему долго? Казалось бы, речь следует вести только о последней декаде марта 1942-го. Однако заметим, Белов еще в начале марта предполагал брать Угру, подчинив для того комдиву-75 М.Э. Москалику здешние партизанские силы, — кончилась затея пшиком. Действительный хронологический отсчет боевых событий операции по штурму Угры следует вести все-таки и не с последней мартовской декады, а еще с 14 марта 1942 г.

Изданный П.А. Беловым боевой приказ № 022 уже к вечеру 14 марта был доведен до командования частей и партизанских формирований. Важнейшее в приказе: к утру 18 марта 1942 г. железнодорожная линия от ст. Угра на юг должна быть блокирована на участке ур. Дача Станкевича — Денисково. Цель прозрачна: в перспективе штурм станции Угра.

Частным боевым приказом штаба 1-го Гв. КК от 18 марта было определено время начала атаки на станцию: 24 часа

20 марта 1942 г. Показательно, в пгтабе корпуса прекрасно понимали, какой «орешку» придется разгрызать, ведь на подавление артминогнем, огнем из станковых пулеметов огневых точек противника на направлениях предстоящей атаки нашим подразделениям предоставлялось аж двое суток — 19 и 20 марта. Это в книжках — советских и постсоветских — вольно писать о то ли «батальоне», то ли 700—800 абстрактных солдатах и офицерах неизвестно чего. Но в действительности род войск, к которому принадлежали военнослужащие группы «Хаазе», был худшим подарком для штурмующих: инженерно-саперные части. Наши это знали.

19 марта артиллерия отряда «Северный медведь» в 12 часов начала обстрел района здания школы при станции Угра. В этом здании находился один из вражеских штабов. Имущество штаба на 6 подводах было отправлено немцами в село Вознесение. Понимали ведь — это лишь первые залпы, а в финале от здания школы вполне может мало чего остаться. КП указанного партизанского отряда в этот день был выдвинут в деревню Судаково. Впереди — Красная Поляна и Троицкое, а до станции Угра от Судаково — лишь около 4 километров. Разведчики штурмовых групп уже в этот день пошли вперед, рискуя своей жизнью. Трое человек из них уже в этот день, 19-го, погибли, подорвавшись на минах окружавших Угру минных полей.

В течение суток 20 марта роты отряда «Северный медведь» медленно пробирались минными полями к станции. 8-я воздушно-десантная бригада, находясь где-то в лесном массиве к югу от станции, откровенно бездействовала, что нашло подтверждение и в записях журнала боевых действий отряда, и в реально произошедшем кровавом «подтверждении»: видя, как партизаны упорно, невзирая на подрывы, ползут минными полями к станции, немцы повели перекрестный огонь 1) от Вознесенья и 2) из района Денисково (такое вот измерение громовски-пигуновских строчек: «20 марта в

2 часа ночи батальон капитана Карнаухова... овладел станцией Денисково»). Одно из двух: или 20 марта десантники не овладели Денисково, или и овладели и сдали назад, да так, что ни немцы, ни партизаны этого не заметили.

«Северный медведь» чуть позже 11 часов вечера 20-го вышел на определенный беловским приказом рубеж, в ночь на 21-е вел бой на подступах к Угре и, вследствие потерь и отсутствия поддержки соседей, остановил атаку по приказу своего командования.

Вспоминая тот бой, комиссар отряда «Северный медведь» Г.И. Афанасенков сообщает о непростом и опасном для него лично выборе: хладнокровно сзади смотреть, как гибнут десятки твоих бойцов, или же взять на себя ответственность за их спасение, пойти к ним под пулями и отменить губящий их приказ:

«...Погиб почти батальон. Причем, когда мины рвались, то немцы постарались окружить нас. Автоматчики немецкие выехали и чуть не отрезали целый батальон. Я решил вывести этот батальон, потому что соседи наши не действуют. Поехал, и чуть меня не расстреляли, пуля попала в кобур, но я своей цели достиг, и, таким образом, батальон был выведен».

Нет, не отбежали, перекрестились и забыли. Война — тройная ответственность. Поэтому отходили с таким же, а то и большим риском, чем шли в атаку. Ведь назад пришлось еще и отгаскивать с поля боя раненых: *Раненых мы всех вывезли, ни одного человека немцам не оставили.* А потом, улучив момент, когда немецкое внимание к участку отгремевшего боя снизилось, оставленные при отходе на поле два пулемета вытащили также в свое расположение.

Невзирая на степень, скажем так, боевой активности десанта, партизанский отряд «Северный медведь» и 21, и в последующие несколько суток марта продолжил бой за станцию Угра и окружавшие постройки. Немец тоже не отсиживал-

ся — при первой же возможности в паузе между боями производил дополнительное минирование подступов к станции.

Очередной штурм Угры начался в ночь под 23 марта 1942 г. Более всего мешали продвижению советских атакующих групп огневые точки противника в школе на западной окраине станционного поселка Угра, а также в церкви и на колокольне села Вознесенье. В частности, с колокольни вели огонь 2 крупнокалиберных пулемета и легкая пушка. Сосредоточенным огнем из имеющихся в распоряжении отряда «Северный медведь» двух 45-миллиметровых пушек и из 50-миллиметровых минометов партизаны смогли подавить огневую точку в церкви, серьезно повредили здание школы. Однако из каменного подвала школы, из окружавших школу траншей немцев выбить не удавалось. Узел сопротивления у школы дважды был партизанами окружен, но последний рывок — последние полсотни метров до школы — осуществить было невозможно: вражеские пулеметчики уходить отсюда не планировали, патронов им хватало, отступить было некуда. 50 метров... Командир, политрук и еще несколько бойцов 2-й роты партизан рванулись вперед к школе хотя бы на пару десятков метров — для получения возможности забросать пулеметчиков гранатами. Результат вполне очевиден: сам Коновалов — командир роты, комиссар и шесть бойцов упали в этом рывке израненными. Остальные распластались на земле и стали отползать назад. Примерно так же завершались партизанские атаки на каменные здания угранских райсоюза и пекарни. Сорвались не только лобовые атаки, но и попытки обойти и окружить эти здания — немцы хорошо поставили систему перекрестного пулеметного огня. Бой шел в течение всего дня 23 марта, к исходу которого партизанские роты, исключая боевое прикрытие, были отведены в деревню Судаково.

В ходе боев 20—23 марта 1942 г. на западных подступах к станции Угра партизанским отрядом «Северный медведь»

были понесены тяжелые потери: погибли 32 партизана, 76 было ранено, 10 человек выбыло из строя вследствие обморожения, 5 человек пропало без вести. Бои эти убедили командование кавкорпуса: успешный штурм Угры с юго-запада невозможен. После разгрома 329-й дивизии надлежало сохранить хотя бы еще остававшуюся в распоряжении Белова *пехоту* — «Северный медведь». Приказом № 23 штаба 1 Гв. КК от 24 марта 1942 г. основные силы отряда отводились в район Теплушки, Воропоново — да-да, именно в район дислокации остатков 329-й стрелковой дивизии.

РАБОТА НАД ЧУЖИМИ ОШИБКАМИ

Созданный в марте 1942 г. на базе партизанского отряда 1-й Особый партизанский полк майора В.В. Жабо вел эпизодически оборонительные бои на северном и восточном фасах своего участка фронта. Велась диверсионная работа на большаке Юхнов — Вязьма. Наступать серьезно, — по приказам далеких, индифферентных к твоей судьбе начальников, — партизанам Жабо пока не приходилось. Но того потребовала обстановка, возникшая в результате затянувшегося противостояния опергруппы Белова с боевой группой «Хаазе».

Не сказать, что Владимир Владиславович Жабо в течение марта 1942 г. под Угрой наделал со своими подчиненными ошибок. В самом первом общем штурме Угры, запланированном в ночь с 5 на 6 марта, партизаны Жабо не преуспели. Атаки, по существу, не состоялись. В предшествующий штурму день поступила информация о развитии событий в районе Юхнова, Красная армия Юхнов освободила. Прошел слух о начале большого отступления всей Юхновской вражеской группировки. Через три-четыре дня немцы уйдут к Спас-Деменску. Так зачем идти под пули? Решили подождать... А днем 6 марта штакор отменил приказ о штурме Угры.

Вторая общими силами операция по штурму Угры, 20—24 марта, для партизанского полка майора В.В. Жабо также прошла без громкой славы. Приблизившись к восточным окраинам станционного поселка, бойцы Жабо встретили такой же плотный, как и другие штурмовые подразделения на своих участках, пулеметный огонь. Обнаружили такие же заминированные участки. Одним словом, не продвинулись. Но поскольку задача осталась не выполнена, майору Жабо успокаиваться «на достигнутом» не приходилось.

Из всех советских сил, задействованных в этом районе, именно для партизанского полка Жабо взятие станции Угра и окружавших ее пунктов представляло наибольший интерес. Действительно:

— овладение районом станции Угра для полка Жабо означало снятие угрозы всему западному фасу своей обороны;

— взятие Угры и окрестных пунктов позволяло командованию ОПП высвободить для применения на иных участках либо в резерв силы всего 5-го своего батальона, вынужденного покуда оборонять участок Будневка — Горячки;

— и, наконец, уничтожение угранской группировки врага повлекло бы с собой территориальное слияние «мешка» ОПП и двух бригад 4-го ВДК с основной территорией Дорогобужского партизанского края, чем снижало риск возможного окружения ОПП и десантников, если бы немцы попытались разрезать восточный выступ Дорогобужского партизанского края встречными ударами вдоль железнодорожной линии Вязьма — Занозная.

Бои 20-х чисел марта 1942 г. показали бесперспективность попытки ворваться в поселок Угра с западной стороны, где скопление каменных зданий было превращено противником в крепкий узел обороны. Южнее станции — почти то же самое. Денисово, в какой-то момент боев занимавшееся десанниками, к концу марта снова находилось в руках вра-

га. Еще хуже дела обстояли севернее Угры. Здесь советским частям не удалось даже овладеть Сениутино и подступами к железнодорожному мосту на Угре, не говоря уже о том, чтобы приблизиться к Вознесенью, к станции и поселку Угра. Оставалось надеяться на удар с востока, на майора Жабо, на связанных с его полком подпольщиков станции Угра.

Майор Жабо прекрасно понимал, что штурмовать в лоб, ночью, не очень-то знакомую местность вокруг станции, как то было прежде — обречь дело на провал. Поскольку Особый полк В.В. Жабо особых заслуг, а следовательно, и допущенных собственных ошибок под Угрой не имел, Владимиру Владиславовичу приходилось провести, образно выражаясь, работу над чужими ошибками. И он это сделал, сделал качественно:

1. Была проведена агентурная разведка района предстоящего штурма — подступов к станции и железнодорожному вокзалу.

2. Определена и проработана возможность предварительного проникновения в станционный поселок диверсионно-штурмовой группы с целью удара в спину обороняющимся; определены состав, командование этой группы и ее проводимые в тылу противника, места скрытного сосредоточения на территории поселка до момента удара.

3. Определено количество, состав и командование штурмовых групп для нанесения фронтального удара по прорыву в поселок Угра и на станцию.

4. В расположенной неподалеку бесплодной на тот момент деревне Горячки личным составом штурмовых групп проведены учебно-тренировочные бои, отработаны элементы уличного боя, ориентировки и взаимного оповещения, согласованных действий по уничтожению вражеских огневых точек.

5. Определены участки предстоящих атак, порядок вступления штурмовых групп в бой, маршруты движения, объекты штурмовых действий.

Диверсионно-штурмовую группу, предназначенную ударить по врагу с тыла, возглавил лейтенант А. Суворов. При помощи утранских подпольщиков Ф. Кузнецова и Т. Сергеева группе Суворова удалось в темное время суток пройти мимо немецких боевых дозоров в район станции, скрытно расположиться в ожидании начала атаки с внешнего фронта. Эту атаку — главный удар по восточной окраине станции — майор Жабо поручил осуществить двум штурмовым группам: 1) капитана М. Малькова, 2) старшего лейтенанта С. Пантелеева.

Штурм начался почти на рассвете. Партизанские подразделения вышли на ближайшие подступы к станции и вокзалу, где были скованы активным противодействием немецких огневых точек. Пулеметы, бившие по партизанам с водонапорной башни, бойцам из группы Михаила Малькова удалось подавить интенсивным автоматным огнем. Внезапно для противника вступила в бой группа Анатолия Суворова. Это, безусловно, в столь ответственный момент боя сыграло свою роль: для контратаки по группе Суворова врагу не хватало сил, большинство подразделений гарнизона уже были связаны оборонительным боем у станции. Вскоре вокзал и центр поселка Угра были в руках партизан. В результате боя на станции партизанам достались три полевых орудия, три зенитных пушки, 35 вагонов снарядов. Среди трофеев и множество военного имущества: парашюты, маскхалаты, лыжи. Кроме того, удалось взять уцелевшими склады с горючим. В штурме окраин поселка Угра наряду с ОПП майора В. Жабо приняли участие, по отрывочным упоминаниям в советских источниках, десантные и кавалерийские подразделения, а также группа партизанского отряда «Северный медведь», действовавшая из района Троицкое. Все эти силы играли в штурме Угры второстепенное значение. Главная роль в успехе штурма Угры принадлежит, бесспорно, партизанам полка Жабо.

На плечах отступающего противника штурмовая группа С. Пантелеева ворвалась на окраины села Вознесенье. Однако немцы прочно закрепились у церкви и колокольни. Здесь располагалась и минометная батарея, и, конечно же, пулеметчики. Взять Вознесенье, сбросить немца в пойму Угры, расстрелять на льду остатки группы «Хаазе» так и не удалось...

САМ ПОГИБАЙ, ТОВАРИЦА ВЫРУЧАЙ

Практически без какой-либо паузы после событий дней угранского штурма последовала очень своеобразная, крайне редкая в истории войн операция. Ее характеризует «челночность», это, как ни парадоксально, — наступление ради последующего отступления. Но ...отступления с освобожденными из вражеского окружения своими частями. Именно такой смысл вкладывало германское командование в боевую операцию, проведенную в период со 2 по 12 апреля 1942 г. Цель: деблокировать окруженные опергруппой Белова остатки боевой группы «Хаазе», с последующим отводом их в тыл, в район Милятино.

Помимо основного удара вдоль железнодорожной линии на север, вражескому командованию требовалось обезопасить основание прорыва. А значит, предстояли удары по советским подразделениям восточнее и западнее железной дороги. Общая задача осложнялась легкостью для советского командования угадывания по карте замысла операции: ударь сугубо на север к группе «Хаазе» — русские подбросят резервы, организуют пулеметные засады у железнодорожной насыпи, на лесных просеках сделают завалы и минные поля, навяжут изматывающий лесной бой в той же, к примеру, Даче Станкевича, и тогда пиши пропало! Вот почему следовало изначально атаковать на максимально широком фронте, посеять неопределенность в видении

картины боя советскими командирами, сковать боем по возможности все находившиеся здесь советские части.

Сначала части немецкой 131-й пехотной дивизии XLIII армейского корпуса ударили по деревне Акулово — ключевому пункту обороны в центре участка фронта советского 4-го ВДК. Ударили в «красноармейской» же манере — в ночь: анархия ночного боя гораздо предпочтительнее для атакующих. Однако советские десантники 214-й ВДБР держались крепко в течение ночи и даже днем, и овладеть районом Акулово противнику удалось лишь к исходу суток 3 апреля 1942 г. В этот же день в 5 километрах западнее — на полпути расстояния от Акулова до Вертехова, советские десантные подразделения были вынуждены оставить под напором врага село Богородицкое. К северу отсюда — сплошной лес до Преображенска и до Денискова, фактически до станции Угра. Потеря Богородицкого существенно осложняла положение 4-го ВДК, чрезвычайно осложняла взаимодействие десантников со 2-й гв. кавдивизией 1-го Гв. КК на стыке их участков обороны. Да и собственно для 2-й гв. кавдивизии ничего хорошего теперь ждать не приходилось: весь восточный фас фронта дивизии на участке Ключики — Бол. Мышенка — Тереховка теперь становился опаснейшим участком обороны. Части дивизии итак располагались выступом к станции Баскаковка, не удержись эскадроны под Большой Мышенкой — и полуокружение могло превратиться в нечто худшее.

Однако задачи окружать и разбить советскую 2-ю Гв. КД противник не имел — надлежало только оттеснить советские части к западу от линии железной дороги Занозная — Вязьма. Именно это и было осуществлено в последующие дни. В ходе боев 5 апреля 1942 г. противнику удалось овладеть деревнями Ключики, Яненки, Бутово. На следующее утро, 6 апреля, продвинувшись на северо-запад еще около 2 километров, германские подразделения овладели дерев-

ней Баскаково. Севернее до речки Вербиловки — сплошной лес. Об уверенной советской обороне Большой и Малой Мышенки, что на выступе восточнее железнодорожной линии, теперь речи идти не могло. 7 апреля подразделениями 2-й Гв. КД эти деревни были оставлены. Передовые подразделения вражеской пехоты вышли на подступы к станции Вертехово, деревням Вербилово и Тереховка. Атаки немецкой пехоты на пункты вдоль железной дороги поддерживал огнем бронеспозд. 8 апреля рубеж по речке Вербиловке, а также Тереховка и Вертехово — последние пункты на прямом пути к району блокированной группе «Хаазе» — были немецким 82-м пехотным полком взяты.

На восточном участке фронта начавшейся операции после 3 апреля несколько суток немецкая 131-я ПД вынуждена была отражать атаки 214-й и 9-й воздушно-десантных бригад. Бои шли за деревни Бородино, Пречистое, Новинская Дача. Существенных изменений в конфигурации фронта здесь не произошло. Уже 8 апреля немецкие части продолжили с этого участка намеченное наступление под станцией Вертехово. Действуя из района Богородицкое в северо-западном направлении, германская пехота в ночь на 9 апреля 1942 г. вышла на подступы к деревушке Жуковка (2,5 км северо-восточнее станции Вертехово) — единственному населенному пункту на участке Вертехово — Преображеск. Наступивший день ознаменовался для 131-й ПД взятием Жуковки, и это означало создание надежного прикрывтия с востока основания выступа к группе «Хаазе».

Постепенно в эти дни противником был выстроен и устойчивый фронт защиты выступа к группе «Хаазе» к западу от железнодорожной линии. 9 апреля 1942 г. в руки противника перешла деревня Вербилово (2,5 км юго-западнее ст. Вертехово), чем для него существенно улучшалось положение у станции Вертехово. Бои со 2-м и 8-м гвардейскими кавполками шли у Ильинки и Селища. О каком-либо советском

контрударе на этом участке в условиях постоянного нажима немецкой пехоты рассуждать не приходилось — не пришлось бы отступать бы за Угру, что всего в 5 км за спиной. Для советского командования было со всей очевидностью ясно: немец на всех интересующих его участках планомерно достигает своего. Оставалось продолжать обороняться, стараясь не допускать паники и сопутствующих вражеским фланговым и подрезающим ударам значительных потерь.

Таким образом, после недели активных наступательных боев вражеское командование имело все основания с удовлетворением констатировать: «ворота» с юга к боевой группе «Хаазе» открыты. Оставалось лишь подойти к ней и спасти, вывести ее.

10 апреля 82-й вражеский усиленный пехотный полк, продвинувшись на север вдоль железной дороги, достиг участка Денисково — Троицкое. Но последний значимый для судьбы операции бой был пока впереди. Ведь отсюда до села Вознесенье, — до группы «Хаазе», — всего-то около 3-х километров. Еще один рывок — и группа «Хаазе» будет высвобождена из советских тисков. Медлить было нельзя, и в этот же день 82-й полк атаковал партизан в Троицком. Бой был ожесточенным, но к вечеру немцам удалось овладеть и Троицким, и лесопильным заводиком западнее. Вечером 10-го, к ночи на 11 апреля 1942 г. вражеские солдаты группы «Хаазе» праздновали свое второе рождение. К ним пробилась! Германская армия и в этом глухом лесном уголке доказала: верность принципам взаимовыручки и боевого братства — для немецких солдат и офицеров не пустые слова. Что ж, согласимся и дополним: умели они воевать, и что немаловажно, умели действовать скоординированно, доверяя решениям своего командования, веря в оправданность таких решений в безумно-безнадежной, на первый взгляд, военной обстановке.

11 апреля 1942 года немецкая боевая группа «Хаазе», в несколько сотен бойцов, покинула окрестности станции Угра и

была вдоль полотна железной дороги отведена на юг, в район крупного села Милятино, ныне Калужской области. В последующие день-два арьергарды немецких подразделений постепенно отошли с возникшего в ходе наступательных боев угранского выступа. Сепютино, деревни и села у станций Угра и Вертехово снова перешли под контроль советских частей. Однако этого не скажешь о деревнях округи станции Баскаковка, и не правы авторы, утверждающие, что якобы возникло даже более удобное, чем прежде, положение для беловского наступления в южном направлении. 13 апреля силы охранения 43-го армейского корпуса планомерно отошли на линию Мал. Мышенка — Баскаково. Оставленные в ходе боев в начале апреля деревни Яненки, Баскаково, Малая Мышенка стали в скором будущем словно костью в горле десанту и особенно беловцам, когда тем было приказано двинуться к Зайцевой Горе на соединение с 50-й армией.

Смеем поспорить с утверждениями некоторых авторов, сгущающих на ослабление сил угранского участка опергруппы Белова в результате выделения из их состава отряда Завадовского в помощь 33-й армии. Ослабили... Ослабил главком Г.К. Жуков с его якобы крайне несвоевременными указаниями Белову насчет операции в помощь группе Ефремова... О какой же успешной обороне такими ослабленными силами района станции Угра в начале апреля могла пойти речь, когда немцы решили прорваться к своей группе «Хаазе»? Более того, оказывается, *...немцы, реагируя на пассивность сил советской опергруппы, сковывавших их боевую группу «Хаазе», приступили к разработке операции по ее деблокированию*¹. Дескать, русские у Вознесенья выдохлись, сидят, значит — слабы, так почему бы их не отеснить. А как насчет необходимости для противника сна-

¹ Ильюшечкин А.А., Северин М.С. Решающий момент Ржевской битвы. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 145.

чала рассечь *непассивные* советские силы внешнего фронта обороны под Баскаковкой, Вертехово и Богородицким? Это первое. Второе, насчет пассивности под Угрой: там к концу месяца остались не отличившиеся дерзостью в прежних боях, — кавалерия, батальон полка Жабо и десант. А вбившие с юго-запада клин к станции роты «Северного медведя», они-то где? А их, весь отряд «Сверный медведь», — превращать их в новую 329-ю стрелковую дивизию, — отвел отсюда в тыл П.А. Белов! Численность отряда в тот момент — около 9 сотен человек, это почти в полтора раза больше всего отряда М.Н. Завадовского, направляемого для прорыва к ефремовцам. «Северный медведь» был отправлен Беловым именно в эти дни из-под Угры в потаповский лес, и вели они потом какие-то разведки под Шишково в Семлевском районе. Других дел не было, там тихий участок фронта. Так зачем Белов столь «своевременно» убрал с Угры самых боеспособных? Это разве не ослабление *сил советской опергруппы, сковававших их боевую группу «Хаазе»*?! Ослабление, причем самим П.А. Беловым. И гораздо более сильное, чем формирование из части этих войск сводного отряда полковника Завадовского.

Теперь вернемся ко вроде бы не числящимся среди пассивных *сил советской опергруппы*, тем, что на внешнем фронте блокады угранской группы «Хаазе». Есть в действиях штакора и лично П.А. Белова малоизвестный факт, составляющий по-иному взглянуть на внезапный успех врага в апрельском прорыве через Вертехово. Напомним, именно район Вертехово — важнейший участок деблокирующей группы «Хаазе» вражеской операции. Именно овладение Вертехово позволяло немцам без боев лесным районом Дачи Станкевича вдоль железнодорожной линии быстро подойти к группе «Хаазе». От Вертехово для противника кратчайший путь с юга к группе «Хаазе», кроме того, именно Вертехово — центральный пункт горловины для выведения

группы «Хаазе» с выступления. Любопытный читатель, пожелавший узнать о положении дел на вертеховском участке до апрельских боев, нашел бы из книг советской эпохи очень немногое. Вот, вероятно, единственный пример упоминания собственно Вертехово: *«28 февраля... противник двинул... Под воздействием... огня эшелоны ушли назад. То же повторилось 1 и 2 марта. После длительных боев гитлеровцам все же удалось занять Вертехово, но ненадолго!»*. Без конкретики датировки и частей, однако раз *ненадолго* — это про апрельскую операцию. Кто-то скажет — в постсоветские годы пробел восполнен. Да, но для нас важна именно странная поверхностность советских формулировок — как индикатор. И в данном случае то же самое, начинаем разбираться и — срывает. Станция Вертехово, взятая и закрепленная за собой отрядом «Северный медведь» на рубеже февраля—марта 1942 г., удерживалась подразделениями этого отряда весь период до конца марта. В начале апреля здесь уже оказались вместо подразделений «Северного медведя» совершенно другие части и подразделения, им и довелось попытаться держать Вертехово ...недолго. Немаловажный психологический аспект на войне, имеющий множество подтверждений: кто взял пункт, кровью заплатив и победив, тот держит зубами, до последнего патрона, ведь это «свое», и друзья погибшие — тут рядом, под словым лапником в воронках... А вот смена частей на обороняемом участке, да еще перед самым вражеским ударом — не к добру. Сменившим здесь неизвестная, «неродная» местность, непонятны ни конфигурация линии фронта, ни угрожаемые направления возможной вражеской атаки, ни оборонительное значение того или иного участка с учетом, например, прохождения дорог в свой тыл. Система организации обороны оставляет желать лучшего и восстанавливается далеко

¹ Воробьев В.М., Усов В.В. Подвигам жить в веках. 1985. С. 89—90.

не сразу. Следствие — неизбежное качественное ослабление обороны данного участка. Так вот, генерал П.А. Белов со своими штабными помощниками не придумали ничего лучшего, как заменить державшие месяц Вертехово подразделения отряда «Северный медведь» своими конниками, и это на оси кратчайшего пути удара к группе «Хаазе», и это всего за несколько дней до немецкого здесь удара, и это на стыке с 4-м ВДК. В рамках выполнения приказа командования 1-го Гв. КК 3-я рота отряда «Северный медведь» по состоянию на 25 марта 1942 г., сдав 2-й гв. кавдивизии свой участок обороны под Вертехово, выступила в глубину тылового района, на Зевыкино (9 км западнее села Хватов Завод). Роте предстояло пройти от Вертехово около 30 км — ровно столько, сколько от этой станции до участка предстоящего удара отряда Завадовского под Знаменкой. С той разницей, что не на северо-восток, а на северо-запад, в тыл.

Так разве формирование отряда Завадовского решило судьбу апрельских босв на линии Вертехово — станция Угра? Разве *«Из-за образования еще одной ударной группы и без того слабая группировка партизан и кавалеристов вокруг группы “Хаазе” ...была еще больше ослаблена»*?¹ Бывает, целостность конструкции зависит от одного болта — в нужном месте надлежаще закрепленного. Рота, конечно, — не много, но ее, как тот болтик, убрали из-под Вертехово зря. «Знатоки» в своих книгах почему-то не уточняют, когда подразделения беловских кавполков перед вражеским деблокированием группы «Хаазе» расположились в Бол. и Мал. Мышенках, в Вертехове? За сколько дней до сдачи ими врагу этих пунктов? Располагаем документальным подтверждением, что за два (Б. и М. Мышенки), три (Вертехово) дня. Это, что ли, назвать неослаблением, усилением обороны участка? Да в случае стремительного вражеского

¹ *Ильюшечкин А.А., Северин М.С. Указ соч. С. 145.*

удара «конногвардейцы» единственной в тыл дороги для отступления не нашли бы, не ознакомились они еще толком с местностью. Давайте теперь кивать на вынужденное для Белова «ослабление ослабленных». Жуков с Булганиным виноваты. А сам-то Белов — ни при чем?!

П.А. Белов снял с обороны и вывел с фронта отряд «Северный медведь», конечно, не предвидя обострения боевой обстановки на Угре. Немцы захватили врасплох. Не зная о действительных целях противника, советское командование расценивало активные наступательные действия милятинской группировки как попытку отрезать от группы Белова 4-й воздушно-десантный корпус. Именно так, в частности, описывает происходившее и сам генерал П.А. Белов¹:

«Десять дней, со 2 по 12 апреля, продолжались бои, достигавшие крайнего ожесточения. Немцы стремились во что бы то ни стало отрезать от нас и уничтожить парашютистов. Дело дошло до того, что мне пришлось ввести в действие резерв группы, 6-й гв. кавалерийский полк подполковника Князева. С помощью резерва удалось наконец отразить наступление гитлеровцев».

Приятно, конечно, отчитаться перед молодым поколением: мы наступление отразили. Читай — победа, очередная победа! На деле же — совсем не та война, что в мемуарах.

Как свидетельствует текст дневниковых записок П.А. Белова, лишь после получения 11 апреля 1942 г. известий о выводе немцами своих сил из района станции Угра на юг Павел Алексеевич сделал наконец верный вывод о целях противника в той операции: *«Я делаю вывод, что страхи Казанкина об опасности со стороны гарнизона немцев близ ст. Угра напрасны, и что противник проводил частную операцию по освобождению окруженных гарнизонов в Вознесенье и Сениутино».* Именно такой, подлинной своей

¹ Белов П.А. За нами Москва. С. 228.

цели — враг достиг. Потому части группы Белова и смогли «наконец отразить наступление».

Заметим: понятную П.А. Белову с 11 апреля 1942 г. цель вражеской операции он в мемуарах читателю не афиширует и сознательно искажает. Не «мы тогда считали, что...», а конкретно и однозначно: «*Немцы стремились ...отрезать от нас и уничтожить парашютистов. Почему так — мотив понятен: раз эту псевдоцель противник не достиг, значит, мы, сорвав его планы, победили. В мемуарах, естественно, для советского читателя победили. А как победили? 6-й гв. кавполк помог: мне пришлось ввести в действие резерв группы, (...) С помощью резерва удалось... отразить наступление!*» Вот тут стоп, — врать, так меру знай. Ведь люди жизнями платили, и никакого не из резерва, а многострадальные фронтовики поредевших эскадронов 2-й гв. кавдивизии. Именно они остановили врага, не откатились к Дворищу и Роше, не пустили немцев к берегу Угры. 6-й гв. кавполк беловского любимца А.В. Князева в боях здесь совершенно не участвовал — с 8 апреля по приказу П.А. Белова этот полк имел задачей лишь «...занять рубеж по реке Угра в тылу 2 Гв. КД, в том числе надежно закрепить Выходы».

Хуже того! Именно неучастие 6-го гв. кавполка в боях повлекло с собой вражеский успех в этой локальной операции. Именно так, но обо всем по порядку. Казалось бы, командир 6 Гв. КП подполковник А.В. Князев при описании апрельских событий упомянут в мемуарах в позитивном ключе по причине беловской враждебности командовавшему 2-й Гв. КД полковнику В.Д. Васильеву. Подтверждения таковой есть в дневниковых записях П.А. Белова (например, от 9 апреля 1942 г.). Логика рассуждений генерала, допустим, такова: Васильева героем в книге не распишу, и все тут. Но раз «победа», значит, кого-то надо... Князева! Однако нет — таково лишь поверхностное объяснение. На самом деле «Князев» — индикатор к поиску. Упомянув на

Угре Князева, Белов думает не только об этом славном командире. Немножко — и о ...себе. Исследование деталей событий приводит нас к неожиданному выводу, что птичка (вражеская группа «Хаазе») выпорхнула из клетки именно вследствие ошибочного решения П.А. Белова о применении подразделений 6-го Гв. КП.

Проанализируем-ка дневниковые записи П.А. Белова в части 6-го гв. кавполка:

«8.4.42. ...Сегодня был у меня командир 6 гв. кп Князев, он находится в моем резерве с полком, причем полк по сравнению с другими численно большой. Не имея уверенности в выполнении задачи 2 гв. кд, я приказываю Князеву занять рубеж по реке Угра в тылу 2 гв. кд, в том числе надежно закрепить Входы.

10.4.42. От командующего фронтом получил частное распоряжение (приказание) перехватить железную дорогу севернее Вертехово¹ якобы для прикрытия "оголенного" фланга 4 ВДК. Для этой задачи назначил 4-й эскадрон 6 Гв. КП.

11.4.42. ...донесение от командира 6 гкп о движении до 600 человек немцев с обозом и даже небольшим поездом по полотну железной дороги от ст. Угра на юг».

Получается следующее: «численно большой» полк Князева основными силами оставлен Беловым на западном берегу Угры, в тылу. На перегон Вертехово — Угра для перехватывания железнодорожного полотна Белов отправляет всего-то один эскадрон. Этот эскадрон, подойдя 11 апреля к железнодорожному полотну, наблюдает спокойный отвод немцами в тыл остатков группы «Хаазе». В бой не вступают: один эскадрон против 600 человек — маловато.

Выплы П.А. Белов на железную дорогу не эскадрон, а два, да хотя бы с парой орудий — поездили бы немец-

¹ Описка в первоисточнике, правильное написание — Вертехово. — Примеч. авт.

кие обозники с поездом вдоль насыпи! Ведь комфронтом Г.К. Жуков *перехватить железную дорогу* требовал, а не эскадронам для вида, для галочки «отбыть номер». И что, перехватили? Ответ находим во вражеском суточном оперативном донесении штаба Группы армий «Центр» за 11 апреля 1942 г.:

«XLIII ак: усиленный 82 пп вышел к ж.д. станции непосредственно севернее пп Верблювка. Группа «Хаазе» сосредоточена в лагере Милятино»¹.

Иными словами, XLIII армейский корпус отчитывается: деблокировавшие «Хаазе» силы без проблем отошли к Вертехово, сама же спасенная группа «Хаазе» — уже в безопасности, под Милятино, в спокойном германском тылу.

Здесь уже на В.Д. Васильева не кивнешь, — сго 2-я Гв. КД южнее, здесь она не при делах, — да и погибшего комполка-6 А.В. Князева в мемуарах крайним не назначишь. Что осталось генералу? — славить в мемуарах и 6-й гв. кавполк, и свою с ними «победу»: *«...мне пришлось ввести в действие резерв группы, 6-й гв. кавалерийский полк подполковника Князева. С помощью резерва удалось наконец отразить наступление гитлеровцев».*

Так победа ли у группы Белова хоть на этот раз? Чей выигрыш? Чьи цели были достигнуты в тех боях?

1. Сравним линию фронта до и после боев операции деблокирования «Хаазе». Спровоцировав немцев на деблокирующую группу «Хаазе» наступательную операцию, отдали ряд деревень у Баскаковки. Тем самым существенно ухудшили свои позиции на главнейшем для собственных перспектив направлении — юго-восточном, к 50-й армии.

2. Немцы спасли группу «Хаазе», использовали эти силы в дальнейших своих операциях. Не что иное, как следова-

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 895.

ние ставшему классикой принципу русского фельдмаршала М.И. Кутузова: оставить территорию, но спасти армию!

3. Успех наступательной операции свидетельствовал немецкому командованию: Белова и Казанкина не только контратаковать и останавливать, но и бить удастся. Удастся последовательно, день за днем, взламывать оборону кавалеристов и десантников, продвигаться в нужном направлении. Следовательно, при надлежащем обеспечении подобная операция в будущем вполне может достичь и цели рассечения, окружения и уничтожения советских частей в данном районе.

НУТРО УГРАНСКОГО «ОРЕШКА»

А теперь, уважаемый читатель, прощу принять скромный сюрприз. Вдовесок ко всей главе об угранском провале войск П.А. Белова, автор считает необходимым упомянуть о возможной разгадке подлинной подопки угранского «орешка». Почему П.А. Белов стремился взять станцию и окружающий район, мы (с его слов) уже разобрались: оперативный плацдарм для отсечения ОПП В. Жабо и 4-го ВДК от группировки Белова следовало ликвидировать, и еще — трофейные снаряды раздобыть. Вот чего мы еще не касались, так это вопроса: зачем не м ц а м понадобилась вся эта заваруха? Почему они так яростно и так долго дрались за этот небольшой клочок земли?

Итак, только факты:

1. На перерезанной советскими частями и партизанами, т.е. временно бесполезной для немцев железнодорожной ветке ими почему-то удерживается район одной из станций. Севернее — «русские», советские. Южнее станции не лучше — полотно железной дороги 8 километров проходит по абсолютно глухому лесному району. В феврале этот участок также перерезают партизаны, вернуть и контролировать его

в условиях русской зимы и послезимья невозможно. Блокада? Да. Однако немецкий гарнизон на Угре это мало волнует. Они остаются!

2. С момента перехвата советскими партизанами 24 февраля 1942 г. железнодорожного перегона Вертехово — Угра (блокирования тамошнего гарнизона) начинаются с юга, извне района окружения, остервенелые, не считаясь с потерями, попытки восстановления немецкого контроля за этим участком дороги. Повторяем: не считаясь с большими потерями, и так раз за разом. Солдат не жалели!

3. В районе станции Угра — тыловом, далеком от «большого фронта» районе — почему-то находится не маленький пристанционный гарнизончик, а зачем-то целая группировка, удерживающая помимо самой станции еще и несколько населенных пунктов западнее. Не вокруг станции, а именно западнее. Центром удерживаемого района является отнюдь не железнодорожная станция, а почему-то село Вознесенье!

4. Район станции Угра и села Вознесенье занимают подразделения не охранных дивизий, не тыловых служб фронтовых (танковых и пехотных) дивизий, не отведенные в тыл на отдых и пополнение с фронта части, и даже не полиция. Кто же? — почему-то невесть зачем именно сюда прибывший инженерный полк. Об этом в советских книгах, как и позднейших, нет ни строчки. А вот Г. Афанасенков прямо говорит: *«На Угре стоял немецкий инженерный полк»*. Вряд ли кто-либо найдет нам более компетентную в данном вопросе фигуру (с советской стороны), чем комиссар партизан, день за днем гибнувших на его глазах в боях с этими немцами. Полк инженерный!

5. Инженерный полк превращает окрестности села Вознесенье в настоящий укрепрайон: мощные минные поля, расчистка окрестностей от деревьев и кустарника, стандартный набор фронтовых укреплений, ряды колючей проволоки и еще раз мины. В целях крепкой, долгой (несмотря на блокаду, голод, отсутствие авиаплощадок) обороны!

6. Инженерный полк отбивает все советские попытки овладеть селом Вознесенье, — даже когда была уже потеряна группой «Хаазе» станция Угра, немцы уходят от железной дороги, отступают в Вознесенье и продолжают стойко удерживать окрестности церкви в этом селе, в Вознесенье!

7. В первые теплые дни, не раньше и не позже, на деблокирование группы «Хаазе» с юга выступает специальная штурмовая группа — усиленный (82-й) полк. К этой операции привлечены и части соседних участков, сотни и тысячи идут под пули, берут деревню за деревней, гибнут десятками, раненых сотни. Ради 5—6 сотен группы «Хаазе»? Солдаты опять не жалеют!

8. Пробившись наконец к окруженным, их немедленно выводят из района вознесенского «котла» и оставляют без какого-либо советского нажима и Вознесенье, и весь только что вбитый клин, захваченные пункты Сениутино, Троицкое, Вознесенье, Угра, Денисково, Комбайн, Марьино, Жуковка, Бол. Мышенка, Тереховка, Вертехово и Вербилово немцев больше вовсе не интересуют. Все делалось ради вывода из окружения группы «Хаазе»!

9. Группа «Хаазе» отводится именно по полотну железной дороги, причем *с обозом и даже небольшим поездом*. Лес Дачи Станкевича, если взглянуть на предвоенную карту, почти параллельно железнодорожной линии пересекают просеки — хочешь от Троицкого можно выйти на насыпь просеками на полпути к Вертехову, хочешь в полукилометре-километре от железнодорожной насыпи идти на юг належке, не заблудитесь: цепочка довоенных рощистей, в долине р. Маковка у насыпи сплошная вырубка шириной в километр меж основной и объездной железнодорожными ветками, южнее сразу же Вертехово — лес оставлен позади. Но немцы идут не напрямик от Троицкого, а со станции Угра. Лезут повыше — на насыпь, где их видней советским пулеметчикам, и отходят единой многосотенной колонной, охраняющей обоз и поезд!

Каждый из вышеперечисленных пунктов можно и даже неизбежно должно бы завершать вопросом: зачем? Зачем затея в сотни новых убитых и раненых — для вывоза десятков раненых «Хаазе»? Это к вопросу о поезде, если бы в нем везли именно раненых, а не груз. Поезд в данной обстановке, если уж речь о раненых, — самое кошмарное средство их транспортировки: идет по насыпи, чтоб виднее для «русских», заметные и привлекающие издали внимание параметры вагонов, невозможность маневра, в случае подрыва насыпи по ходу движения — остановка и ожидание... полной катастрофы, ведь в случае атаки и под обстрелом из окружающего леса раненых с насыпи из вагонов аккуратненько и молниеносно не навывтаскиваешь. Да и куда? — за ближайшими кустами «русские», партизаны Д. Крылова или полк А. Князева. Констатация: поезд был необходим не для крайне рискованной транспортировки раненых. Да и не целый поезд для таковых понадобился б. И обоз интересен: уцелевшим остаткам группы «Хаазе» после 10-и недель кровавого и голодного ада блокады больше думать не о чем, как о барахле из 4 деревушек? Да таких деревушек и в своем тылу полно, если выйти, если спастись. Не то. Ответ: поезда не хватало, оставшесся приходилось тащить обозом. Поезд и обоз везли нечто важное. Более важное, чем жизни солдат группы «Хаазе» и 82-го усиленного полка в придачу. Более важнос, чем десяток деревень вдоль железной дороги меж двух советских корпусов! Более важное, чем два с половиной месяца угранских боев!!!

Вся сумма обстоятельств угранских событий и связанных с этим вопросов находит-таки объяснение. Неожиданное, но ставящее все на свои места. Возможно, подсказка содержится в одной из публикаций авторитетного общероссийского периодического издания уже в XXI веке¹. Подроб-

¹ Тихонов Д. Кто похитил клад Наполеона? // Труд. № 168. 2003, 11 сент.

но пересказывать и комментировать сообщаемое в указанном источнике не станем, предмет выходит за рамки нашей работы. Но выборочно, пожалуй, процитируем:

«...на берегу реки Угры, рядом с селом Вознесенье, находится кладбище, называемое Курганниками. На нем хоронили французских гвардейцев, почему-то застрывших здесь после войны 1812 года. (...)

А перед Великой Отечественной войной в этих местах появился странный немец по фамилии Мозер, выдававший себя за представителя известной фирмы. Как выяснилось позже, был он классическим шпионом и являлся сотрудником абвера. (...)

В 1942 году он снова оказался здесь и, возглавив специальную команду саперов, занялся поисками.

— Однажды Мозер, — рассказывает Никитин, — посетил наш дом в городе Гжатске, где мы в то время жили, и похвастался: клад обнаружен в нескольких метрах от камня — памятника наполеоновскому гвардейцу. (...)

Так разоткровенничался перед журналистом «исследователь из Красноярска, живший во время Великой Отечественной войны в Смоленской области». О том, почему беседовавший с абверовцем про золотишко житель Смоленщины 1942-го оказался позже в Красноярске, гадать не будем. Но отметим словно нанизанное на единую красную нить: абвер, село Вознесенье, саперы (упомянутый Афанасенковым инженерный полк!), 1942-й, золото найдено...

Зыбкая почва гаданий и предположений нам мало приятна. Однако, поскольку документов такого рода никто напоказ не выложит, допускаем следующее. Сотрудники одного из отделов абвера после капитуляции Франции (июнь 1940 г.) получают там доступ к информации по «объекту». Местность «объекта» оккупировается лишь в октябре 1941-го, в предзимье под ноги вермахту не лезут: поработать можно и после взятия Москвы. Однако шаткость во-

енной обстановки зимой заставляет спешить. Прибывают в Россию, создают вокруг «обьскта» мини-укрепрайон. Саперам Мозера и группе «Хаазе» нельзя было уйти из Вознесенья раньше первого тепла, раньше апреля, когда земля начинает позволять работать с ней невзрывными методами. Когда задание было выполнено, для *груза* потребовалась железнодорожная ветка и сопровождение в несколько сотен человек. Командующий Запфронтом Г.К. Жуков накануне отхода «Хаазе» отдает П.А. Белову «*частное распоряжение (приказание) перехватить железную дорогу севернее Вертерхово*» (дневниковая запись Белова за 10 апреля 1942 г.). П.А. Белов и его любимец А.В. Князев направляют сюда лишь часть сил 6-го гв. кавполка, и те «отбывают номер», наблюдая движение вражеского поезда и обоза. Непустых поезда и обоза.

Предоставляем читателю возможность самостоятельно прочесть о Кремле и старой Москве, о прошедшей по ним и по Смоленщине далекой теперь — двухвсковой давности — войне. О растянувшемся на десятки верст при отступлении обозе Великой армии. Вот тогда можно будет более основательно оценить весомость произошедшего на Угре в феврале—апреле 1942-го.

7. ЧТО ПРОИЗОШЛО В ЕЛЬНЕ?

Главу о мартовском (1942) штурме Ельни, аналогично многим прочим главам нашего повествования, мы имели бы все основания назвать «Ельнинский провал», ведь Ельня в итоге осталась за немцами. Но поскольку штурм Ельни осуществлялся только партизанскими силами, как и в случае со штурмом Дорогобужа — город был-таки взят, за исключением двух-трех зданий. Казалось бы, не провал, а успех! И вдруг отошли. Почему? Нет, конечно, масштаб событий

таков, что никаких «вдруг» не было. И ворвались, и бились, и отошли не в одночасье. Попробуем разобраться в произошедшем.

ЧП РАЙОННОГО МАСШТАБА

К марту 1942 г., после сдачи немцами Дорогобужа и Глинки, в центре Смоленщины в руках оккупантов осталась из райцентров только Ельня. Вокруг советские партизаны. Но партизаны — разных партизанских полков, не имевшие (кроме руководства Западного фронта) никакого единого над собой командования. А как же П.А. Белов? Да, отданным ему 1 марта 1942 г. распоряжением главком Г.К. Жуков определил подчиненность именно Белову всех партизанских сил окружавшей 1-й Гв. КК местности. Однако, сообщая о том в мемуарах, П.А. Белов делает важную оговорку относительно тонкостей последующей субординации: *«Но крупные отряды, такие как “Дедушка”, имени Лазо и “ФД”, продолжали получать приказы и непосредственно из штаба фронта, что затрудняло руководство и вносило путаницу»*¹. Вспомним средневекковую Европу с ее веками выстраданным опытом. Аксиомой субординации было: «вассал моего вассала — не мой вассал». В сталинской стране Хозяин и его вассалы учебников истории то ли не читали, то ли не читали: зачем нам чь-то? своей истории наделаем! Подчиненный моего подчиненного — еще как мой подчиненный, дважды и трижды. Причем будем приказывать и тем и другим, не ставя в известность остальных. Больше братских могил? — ничего: лес рубят, щепки летят. И с такой-то философией пытались рулить огромной страной на самом крутом вираже...

Может быть, командование Западного фронта и без П.А. Белова, вместо Белова блестяще справлялось весной 1942-го с

¹ Белов П.А. За нами Москва. М.: Воениздат, 1963. С. 256.

руководством действиями смоленских партизан, с координированием их совместных операций? Никак нет. Главный, показательнейший пример — мартовский партизанский штурм города Ельни. Штурм провалился. Атаковавшие подчинялись... собственно говоря, никому. По сей день так и не опубликовано какого-либо приказа комфронта по штурму (1942) Ельни, с возложением командования штурмующей группировкой в районе ее предстоящих действий на конкретное лицо. А ведь шли в бой партизанские полки различной подчиненности, да и старших по званию в той обстановке среди партизан не выищешь, если кто и знаком с уставом РККА. Но генерал-лейтенант Белов партизанам в случае со штурмом Ельни, благодаря комфронта Жукову, получается, — *никто*. Белов руководил в эти дни совсем иным штурмом в совсем иной местности. Так что здесь сработало именно указанное П.А. Беловым исключение из правил. Белов не только не возглавлял атаковавшие Ельню силы, он даже не знал о составе группировки, штурмовавшей город. Его интересовала Угра. Учитывало основной беловский интерес тех дней и командование Запфронта, которое как-то и не посчитало нужным Белова о штурме Ельни толком уведомить. Белов даже не знал ни самого замысла, ни того, как предполагалось развертывание событий. 26 марта он радировал в штаб Западного фронта: *«Прошу разъяснить, почему "Дедушке" даются задачи не через меня, так как он подчинен Главкомом мне. Весь ли отряд должен действовать на Ельню или часть сил»*¹.

Ладно, Белов выполнял иную задачу. Так назначили бы иного — того же генерал-майора В.К. Баранова или, например, полковника М.Э. Москалика. Это, так сказать, из «здесьних». Были спецы и в штабах Запфронта и его армий, взять хоть подполковника Н.Н. Архангельского, прекрасно

¹ Юденков А.Ф. За огненной чертой. М.: Восниздат, 1966. С. 168—169.

показавшего себя позже в организации и координации партизан на Брянщине. Нет! Пусть кто захочет, тот в Ельне и воюет. Да, именно так. И это потому, что первоначальная инициатива на данную операцию партизан исходила вовсе и не от самого командования фронта. Оказывается, в «волшебной» сталинской стране можно (и ой как нужно!) было *подсказывать* лобастым звездам, что делать на следующем этапе. Жукову подсказали... нет, не военные, — штабных смертников в РККА не было. Посоветовать насчет штурма главкому Г.К. Жукову смогли себе позволить лишь партизанские лидеры, причем из гражданских, из ельнинских чиновников внутрирайонного уровня. То есть те, кому Ельня была нужнее. Дав подобное разрешение, Жуков ничем не рисковал. В состав частей Запфронта партизанские полки в тот момент не входили. Так что раз сами напросились, сами в случае неудачи и погибнут.

Если перейти к деталям, предыстория ельнинских событий такова. Ближе всех к городу — подразделения партизанского полка им. С. Лазо. Именно этот полк, именно его руководители проявили наибольшую заинтересованность в овладении райцентром. В характеристике командира и комиссара полка С. Лазо есть малозаметный, но принципиальный штрих: в отличие от руководителей иных крупных партизанских формирований центра Смоленщины только эти двое были из местной (районного уровня) предвоенной политически-хозяйственной элиты. Командир лазовцев — председатель Коробецкого сельского совета, комиссар — 2-й секретарь Ельнинского районного комитета комсомола. Это немаловажно, — не стоит закрывать глаза на такие «мелочи», как субъективная мотивация лидеров. *Роль личности в истории*, иными словами — личностные установки, интересы и мотивы лидеров массы — не на пустом месте были признаваемы авторитетами марксистской истории и философии. И если попробовать взглянуть на ситуацию глазами

командования лазовцев, то она выглядит очень понятно: год назад ты в районе был на одной из нижних ступеней муниципальной иерархии, хотя немного и известен. А ныне, когда под твоей властной рукой две тысячи вооруженных человек, ты в силах пройти по райцентру настоящим хозяином. Пусть в военном контексте, но полным хозяином.

Отличие и особенность полка «С. Лазо» от иных здешних партизан: к моменту подготовки удара на Ельню в этом полку находилось двое советских офицеров — они были специально прибывшими сюда представителями штаба и политуправления Запфронта: капитан М.М. Осташев и батальонный комиссар А.И. Разговоров. Регулярно производились сеансы радиосвязи со штабом Западного фронта. У полка им. 24-й годовщины РККА никаких подобного рода представителей не было. Не было, соответственно, и инструмента властного воздействия на соседей. Зачастую инструмент подобного рода превращается и в инструмент интриг. Так вышло и здесь. Как показывает анализ произошедшего, представители Запфронта не оказались нейтральными «свидетелями и судьями» по неблагоприятным итогам операции, они откровенно прикрыли лазовцев, сваливавших и в войну и после вину за провал на «Годовщину». Забегая вперед, отметим два интересных факта. Первое: в состав специальной комиссии, расследовавшей причины неудачи штурма г. Ельня, входил один из представителей штаба Запфронта при полку С. Лазо — старший политрук М.М. Осташев, выводы этой комиссии возлагали основную вину за провал на командование полка им. 24-й годовщины РККА. Услуга ли, заслуга ли это М.М. Осташева перед командованием полка им. С. Лазо — судите сами. И просим здесь обратить внимание на второй факт: хотя представители штаба Запфронта подчинены вовсе не руководству полка С. Лазо, и оценивать их работу должно бы штабу фронта, почему-то именно М.М. Осташев (инструктор 8-го отдела политуправления Запфронта) удостаивается летом от лазовских руководи-

телей представления к ордену, и не какому-нибудь, а Красного Знамени! Была летом у лазовцев изумительная возможность, когда ордена — десятками, причем не расписывая индивидуальных заслуг и дат подвигов, а так — номером эдак 27-м в списке тех, кому «Красное Знамя». Какой был список, такой Жуков и подписал. И Остапеву орден прошел. Допустим, очень заслужил, вот и отблагодарили... Но ведь перед кем заслужил, именно те и похлопотали!

У нас, как и у любого нечиновного исследователя в РФ, крайне ограничен документальный массив для объективной характеристики организации и организаторов штурма Ельни. Но в этом пункте нам вольно или невольно помогает свидетельство лазовского комиссара, детально разъясняющего эти обстоятельства. Объем цитаты, надеемся, оправдан:

«Накануне штурма Разговоров в телеграмме в штаб фронта высказал соображение, что для оживления боевой деятельности полка имени Сергея Лазо было бы целесообразным отдать ему приказ на занятис Ельни. Командование поддержало это. (...) ...командование фронта по рекомендации Разговорова одновременно приказало партизанскому полку имени 24-й годовщины РККА и полку народных мстителей Глинкавского района (одним батальоном) оказать нам поддержку.

Согласовав с Разговоровым, штаб полка имени Лазо издал приказ, в котором определялись задачи не только наших батальонов, но и соседних полков во время атаки на Ельню. Но это были самостоятельные партизанские части, формально наш приказ не имел для них силы закона, а связаться с ними и разработать совместный план мы не могли. Учитывая это, Разговоров откомандировал в полк имени 24-й годовщины РККА капитана Осташева, который и должен выполнить эту миссию, а также координировать действия партизанских отрядов»¹.

¹ Юденков А. Ф. Указ. соч. С. 157—158.

Вот кто, оказывается, заварил «ельнинскую кашу». Субъекты таковы:

1. Командование партизанского полка имени С. Лазо. Инициировали штурм в беседе с представителем политуправления Запфронта А.И. Разговоровым.

2. Батальонный комиссар А.И. Разговоров. Озвучивает перед штабом Запфронта мысль о необходимости и возможности штурма Ельни, якобы «...для оживления боевой деятельности полка имени Сергея Лазо...».

3. Командование Западного фронта. Если верить лазовскому комиссару, командующий войсками Запфронта Г.К. Жуков издает приказ на штурм Ельни, причем с «Лазо» приказано участвовать в штурме и соседним партизанским полкам.

Так-так-так... С рецептом и инициаторами понятно. А кто же оказался в ответе за ельнинскую операцию, за ее ход и результаты? Те ли, по логике, кто именно «заварил кашу»? Нет. Опибется тот, кто укажет на кого-либо из вышеуказанных субъектов, так сказать, ельнинской истории. Большие начальники в нашей стране никогда не виноваты! В рецепт командного авантюризма входят: бездарность, равнодушие, отстраненность, изначальное перекалывание ответственности на плечи проявивших инициативу. Но здесь и разрешение (даже «приказ») действовать, — авось что получится. Кончалось провалами. А они *заранее* не виноваты... И с Ельней получилось именно так.

КОНКРЕТИКА ШТУРМА ГОРОДА

В бой на Ельню шло семь партизанских колонн, у каждой были руководители. Вот все семь нянек кашу и варили... Семь штурмовых колонн, привлеченных к штурму Ельни, таковы:

1). 1-й батальон полка им. С. Лазо. Командир — старший лейтенант В.И. Медведченков.

2). 4-й батальон полка им. С. Лазо. Командир — батальонный комиссар И.И. Черкасов.

3). 5-й батальон полка им. С. Лазо. Командир — старший политрук И.Е. Майоров.

4). Сводная колонна рот из состава 1-го и 2-го батальонов полка им. 24-й годовщины РККА. Руководит ими комиссар этого полка.

5). 3-й батальон полка им. 24-й годовщины РККА. Командир — В. Мехоношин.

6). 1-й батальон глинковского (3-го) полка из состава соединения «Дедушки». Командир — капитан В.П. Плешкевич.

7). 3-й батальон глинковского (3-го) полка «Дедушки». Командир — Н.К. Юрков.

Обратим внимание: ни командир полка «Глинка» С.И. Иванов, ни командир полка им. С. Лазо В.В. Козубский — которому, кстати, и было формально приказано руководить всей операцией — пойти со штурмующими в город не поспешили. А вот комиссар полка им. 24-й годовщины РККА Г.С. Амиров пошел. Пошел бы и командир этого полка, но не мог, будучи болен. По свидетельству партизан полка, в последующие дни и он находился в районе боев.

Как ни странно, по сию пору внятного, последовательного, хронологически определенного, детального изложения партизанского штурма Ельни в литературе нет. Это и неудивительно: участники событий из разных полков («партий») публиковали в послевоенные десятилетия удобную себе и своей «партии» версию. А потом? Потом, да и теперь, неучаствавшим прояснить дело уж тем более трудно. Внимание к деталям обычно способствует установлению истины по делу. Но когда дело делается тысячами людей, в городе, в течение нескольких суток, когда главное — ночами и без лишних свидетелей, когда приказания все устно и документальных приказов не отдается (не сохраняется), когда сон лишь урывками

и счет дней теряется, когда впервые вражеские самолеты и танки имеют задачей уничтожить именно тебя, а ни патрон, ни гранат не осталось... Вот и в мартовской Ельне 1942 г. все сложнее. Мало того, что у семи нянек дитя без глазу, так еще и у всякого Федорки свои отговорки!

В представленной на сей день хронологии ельнинских событий много путаницы. Казалось бы, убедительны даты штурма, отраженные в документации (оперативных донесениях) штаба группы армий «Центр». Немцам ни к чему было что-либо подгонять под ту или иную устраивающую кого-то версию. Деловая обеспокоенность именно в тот момент, который опасен. Конкретика принятых мер и достигнутые результаты. Однако и здесь вера исследователя не стопроцентна: если с началом партизанской операции все достоверно, то о благополучном для немецкого командования завершении событий ему можно бодро отчитаться десятком часов, а то и сутками позже (утреннее оперативное донесение штаба ГА «Центр» за 28 марта), чем реально отошли из города партизанские арьергарды. Основные события ельнинского штурма произошли с вечера 22 марта по ночь на 27 марта 1942 г.

Проще всего было атаковать город с юга — из района д. Селиба, и северо-запада — от Чанцово. Эти пункты, в 2—3 км от Ельни, занятые партизанами без излишних хлопот, позволяли ворваться в город одним рывком. И ворвались! Еще до полуночи 23 марта севернее железнодорожной линии, вдоль нее в город вошли подразделения 3-го батальона глинковцев. А севернее, в нескольких сотнях метров от 3-го, повел бой за кирпичный завод 1-й батальон глинковского полка. Не без боя, но все же ошеломленные натиском, немцы вскоре оставили территорию завода, отошли к центру города. Тем временем с юга и юго-запада, по Смоленскому большаку и от Селибы, в город вступили лавовские батальоны. Возможно, это произошло чуть позже,

чем атака батальонов глинковского полка, ведь те никакого боя лазовцев не слышали, потому и закрепились в районе кирпичного завода. Можно говорить о несогласованности действий полков уже в ходе атаки на городских окраинах. Однако, так или иначе, партизаны и в атаке с южного направления застали противника врасплох.

Решительные штурмовые действия партизан в городе требовали флангового обеспечения — изоляции вражеского гарнизона от сильных группировок, способных прийти ему на помощь. Западнее Ельни одна из рот 5-го батальона полка им. Лазо перехватила Смоленский большак у д. Петрово. Сложнее пришлось выполнять аналогичную задачу к юго-востоку от города. Здесь первой штурмовой ночью 2-й батальон полка им. С. Лазо (П.П. Симуховича) повел бой за Данино и взял эту деревню на ближних подступах к Ельне. Частью сил батальон выбил немцев из д. Рябинки, немцы бежали. «Калужский» (Спас-Деменский) большак на участке Ельня — Самодурово, как и требовалось, был партизанами 2-го батальона перехвачен. Уже после завершения операции, на «заседании совета отряда» (именно так названо это в соответствующем протоколе) в полку им. С. Лазо, представитель политуправления Западного фронта А.И. Разговоров особенно отмечал боевую работу батальона Симуховича: *«хорошо действовал 2-й батальон — это замечательный пример...»*

Слаженность, мужество и отвага в атаках батальона П.П. Симуховича неоспоримы. Однако кроме субъективных обстоятельств отметим и очень важное объективное условие, повлиявшее на успешность атак в первую ночь штурма: до атакуемых деревень Данино, Самодурово, Рябинки батальону с занимаемого рубежа Стар. Шевелево и лес западнее требовалось пройти лишь 4 километра.

Совершенно иные, крайне неблагоприятные условия имелись для начала операции батальонами полка

им. 24-й годовщины РККА. И любое обвинение этого полка в несвоевременности первой атаки — лишь показатель предвзятости, уход от правды. Штурмовая группировка полка им. 24-й годовщины РККА вечером 22 марта 1942 г. начала выдвигаться к городу двумя колоннами. Северная колонна с командованием полка следовала из д. Некрасы на Клемятино, Юрьево, Ярославль. Южная колонна была сформирована в д. Холбни, вечером выступила поротно на запад, к Ельне. Посмотрите на карту: от Холбней южной колонне до Ельни 20 километров! Столько же и от Покровского северной колонне. Даже не добавляем к этому учет отрезка от Некрас (откуда двинулись штаб полка и штабная рота) до Покровского, это 15 километров. Речь даже не о «мелочах» — о дальнем расстоянии, снегах и морозе, усталости после такого марша. Речь о ресурсе времени. Марш штурмовых рот совершался в темное время суток, и никакого иного варианта действий быть не могло. Даже в случае своевременного оповещения командования полка о начале операции, выступи батальоны днем 22-го, — риск срыва операции вдесятеро выше: агентура врага (в экстренных условиях под Ельней ею применялась ракетная сигнализация), видимость партизанских колонн для вражеской авиаразведки, вероятность быть обнаруженными у небольших гарнизонов окружавших Ельню деревень, а значит — увязнуть в бою, поднять по тревоге ельнинский гарнизон.

Лишь к утру 23 марта 1942 г. роты полка им. 24-й годовщины РККА вышли на рубеж атаки непосредственно восточнее, северо-восточнее города. И ни лазовцы, ни кто-либо еще в подобных условиях добраться раньше того не успели бы. Командный пункт штурмовой группировки «Годовщины» — д. Гречино, или же Гричаны, ближе к основному оборонительному рубежу 1-го батальона. Артиллерийская группа полка в длительном переходе зимним бездорожьем отстала от пехоты. Но вышедшим к городу стрелковым под-

разделениям следовало не мешкать, ключом к успеху была внезапность.

Несмотря на усталость, без проволочек роты развернулись в цепи и пошли на город. Штурмовые группы полка с ходу ворвались в Заречье (обособленный восточный район Ельни), быстро вытеснили небольшие вражеские группы из этого района. Был захвачен немецкий госпиталь. Чуть позже к северо-востоку от Заречья одна из рот установила свой контроль над территорией винзавода. Подоспевшая наконец артиллерийская группа полка заняла огневые позиции в Князевке, 1 км восточнее Ельни. Утром она начала уничтожение огневых точек врага в городе, чем позволила пехоте существенно продвинуться вперед. 2-й партизанский батальон Г.Г. Ковалева, наступая в южном направлении, перерезал т.н. «Калужский» большак, вышел к линии железной дороги, где вступил в локтевую связь с подразделениями лазовского полка.

Атаковали город и батальоны полка имени С. Лазо, в ходе боев занявшие льнозавод, больницу, высоту «Городок», территорию МТС, здание военкомата с прилегающими улицами. Когда, в какой период все это происходило, читателю советской историографии абсолютно ясно: в первую же ночь штурма. Однако для исследователя событий, попытавшегося создать и проанализировать хронологическую схему-таблицу штурма с привлечением различных (архивных в первую очередь) источников, — время главных успехов лазовцев в Ельне вполне может оставаться и под вопросом. Есть странное и в мемуарах. Например, А.Ф. Юденков в одной из книг сообщает, что 4-й батальон полка им. С. Лазо от высоты «Городок» дальше *«продвигаться не стал, опасаясь перебить бойцов полка имени 24-й годовщины РККА»*¹. Что-то не верится в светские любезности: « — Извольте по-

¹ Юденков А. Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 161.

жаловать», « — Нет-нет, только после Вас...» Не та обстановка. Позвольте, и это ведь в самом начале штурма! Когда «Годовщины» в городе еще не было.

Атаки полков на город были разновременными. Слабость оккупационного ельнинского гарнизона привела к постепенному его вытеснению партизанами из большинства районов этого небольшого города. Лишь к исходу вторых суток боев ельнинский гарнизон противника получил реальную помощь извне. Из сообщения коменданта тылового района при штабе 4-й немецкой армии, включенного в утреннее оперативное донесение штаба ГА «Центр» за 25 марта 1942 г.:

«Группа “Табленц”: В результате упорного кровопролитного боя полицейской роте, поддержанной штурмовым оружием, удалось ворваться в г. Ельня с востока и в 2 час. 00 мин. в ходе ожесточенных уличных боев установить связь с гарнизоном в северо-западной части города»¹.

Однако немцам удалось лишь усилить свою городскую группировку, перелома в течение боя еще не произошло. Подразделения 5-го батальона полка им. С. Лазо в ночь на 26 марта контролировали в городе район севернее железнодорожного переезда у здания МТС². Передовые группы батальона вели бои за район оккупационной комендатуры и нескольких прилегающих к ней зданий.

Еще 24 апреля 1942 г. появились первые признаки, мягко выражаясь, ослабления наступательного порыва подразделений полка им. С. Лазо. Вот свидетельство Г.С. Амирова: «...уже 24 марта мы узнали, что малочисленные подразделения Казубского, израсходовав полученные от нас боеприпасы и не добившись сколько-нибудь заметного успеха, не выдерживают яростных контрударов гитлеровцев и

¹ Битва под Москвой. Хроника... С. 779.

² Юденков А.Ф. Указ соч. С. 164.

начинают отходить; ...К вечеру остатки батальона лазовцев (около сотни партизан) были вытеснены противником в наши боевые порядки, и около тридцати фашистских танков и самоходок прорвались в город»¹. Кто-либо резонно заметит: напши «свидетеля», комиссар-то «Годовщины» — это ведь один из выставленных теми же лазовцами в качестве «крайних» за неуспех штурма. Хорошо. Приведем собственно лазовские свидетельства, правда, с трудом поддающиеся прочтению в ряде мест протокола обсуждения сльпинских босв от 28 марта 1942 г. Скромничающий почерк ведущего протокол вряд ли случаен, как и указание липь должностей вместо имен и фамилий. Итак, слово батальонному комиссару И.И. Черкасову:

«Ком-р 4 б-на. Задачу мы выполнили удачно. Комиссар шел с группой слева». На следующий день он отвел 2 группы и оголил левый фланг. Заречье мы все заняли. Отступать я не собирался. Ни один отряд не ушел, ушли утром. Нужно было держаться, не уходить.

Приятно было бы трем батальонам «Годовщины» узнать, что Черкасов, прибежавший к ним с сотней бойцов остатков батальона, тем самым и занял Заречье! Да уж речь о другом:

1. «Комиссар ... На следующий день он отвел 2 группы и оголил левый фланг». На следующий день (после первого дня штурма, после 23-го) — значит, 24-го. Так что хронология Амирова подтверждается.

2. «...ушли утром. Нужно было держаться...». Конкретно: ушли. Не временно отступили, не объединили, так сказать, усилия с полком 24-й годовщины РККА, не заняли, отойдя, новый рубеж, — а ушли, и точка. А утром (учитывая амировское «к вечеру остатки батальона лазовцев ...были

¹ Амиров Г.С. Непокоренная земля. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1975. С. 114.

вытеснены противником в наши боевые порядки ...») — значит, ушли бойцы Черкасова из города утром 25-го.

25—27 марта 1942 г. партизанские батальоны один за другим отошли из города. Кто по приказу полкового командования, а кто и нет. О батальонах полка «Глинка» речи здесь вообще не ведем — они оставили город гораздо раньше, поскольку в объяснение причин их отступления¹ в опубликованном к настоящему времени приведены лишь две: истощение боеприпасов и (главная) — отсутствие поддержки соседних полков в условиях вражеских контратак. В третий-четвертый день боя, когда за немцами осталось в городе лишь несколько зданий, такого бы не было. Значит, раньше. Да и А.Ф. Юденков сообщает, что «глинковцы после первого же сильного обстрела из минометов отошли на исходные позиции», т.е. отошли в Чанцево, покинули город². Возможно, не все отошли. Но ведь повод для лазовского комиссара смело написать в мемуарах об отходе глинковцев именно в первую же ночь — был.

Про собственно лазовский полк, что он «оставил город», — сказать именно в такой формулировке нельзя: батальоны порознь оставляли город, отходя в совершенно разных направлениях и разномоментно. Происходило это, видимо, хаотически, насколько сопровождалось решениями комбатов — гадать не будем. По приказу же командования полка, по их позднему свидетельству, город оставила лишь «часть сил 5-го батальона». Об этом еще поговорим.

¹ Представляется характерной позиция, определенная авторским коллективом под редакцией участника этих боев Н.Ф. Юдина в кн.: Первая партизанская / Сост. Юдин Н.Ф. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 241—242. Показательно, что авторы указанной работы избегают датировки, либо датировок побатальонно, завершения глинковцами боя за город.

² Юденков А.Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 161.

Подразделения полка им. 24-й годовщины РККА отошли из города не просто по приказанию командования полка, а с разрешения (подчеркнем) представителя штаба Западного фронта, уже упомянутого нами М.М. Осташева. И под контролем командования полка. Г.С. Амиров скупно сообщает: *«Командир полка Гнездилов, начальник штаба Рачков, начальник политотдела Абаев, секретарь партбюро полка Паненков и я отходили последними, вместе с артиллеристами и минометчиками»*¹. О себе комиссар полка «Геннадий» Амиров в изданной им книге скромничает, а ведь он, по свидетельствам последних ушедших партизан, под рев немецких моторов демонстративно добывался в одной из хат. Лишь на первый взгляд такое выглядит рисовкой, в действительности Амирову надо было чем-то маскировать свое присутствие в арьергарде в тяжелые, последние минуты главной той в его судьбе операции.

НАЧАЛО КРОВАВОЙ БОЕВОЙ «ДРУЖБЫ»

Когда город оставлен, приходится констатировать провал. Можно, конечно, подсчитать нанесенные врагу потери, говорить о психологическом значении такого дерзкого удара по врагу. Можно успокаивать себя тем, что это сегодня не получилось, а вот учтем этот первый опыт, и уж на следующий раз, очень скоро... Но это умопострсения, слова, а факт таков: штурм провалился.

Не претендуя на истину в последней инстанции, попробуем выяснить причины неудачи. Важно сличить свидетельства участников боев за Ельню. Только непредвзятая оценка каждого из таких свидетельств может способствовать определению как причин неудачи штурма, так и степени виновности тех или иных лиц.

¹ Амиров Г.С. Указ. соч. С. 115.

Рядовые партизаны полка им. 24-й годовщины РККА знали о привлечении к участию в штурмовой операции также сил из партизанского полка им. С. Лазо. Однако в ходе продвижения бойцов «Годовщины» уже по городу выяснилось, что полк Лазо не атакует. Николай Морозов вспоминал:

«В эту ночь, когда мы заняли Ельню, по-моему, никакой стрельбы не было. А когда мы шли[,] нам поставили задачу — что мы наступаем с одной стороны, а полк Лазо наступает с Мутищенских лесов. Таким образом [,] мы должны были быстро оседлать Ельню, но я стрельбы с другой стороны не слышал.

Говорят, что Лазо наступали днем позже нас. Почему была такая несогласованность, не скажу».

Обратим внимание на фразу — «Лазо наступали днем позже нас». То есть не 23, а 24 марта. Лазовский тогдашний комиссар А.Ф. Юденков и в годы войны, и в своих мемуарах «За огненной чертой» приложил немало усилий, чтобы выставить полк им. 24-й годовщины РККА виновниками ельнинской неудачи, однако шила в мешке не утаишь. Описывая в книге свои действия темного времени суток с 23 на 24 марта, Юденков совершает ошибку, проговариваясь перед внимательным читателем [интересное подчеркнем]: *«Ракетами я просигналил Казубскому, чтобы лазовцы выступили еще раз на штурм города, так как соседний полк пошел в атаку».* Получается, лазовцев к ночи на 24 марта в городе нет, — ведь они повторно должны выступить на штурм города!

Что поддержки полка им. С. Лазо действия «Годовщины» не нашли, подтверждает и независимый участник тех событий, сам противник. Согласно немецкому суточному оперативному донесению штаба группы армий «Центр» за 24 марта 1942 г., вражеское командование было встревожено именно натиском на гарнизон Ельни с востока и северо-востока — с участка полка им. 24-й годовщины РККА:

«Группа “Табленц”»: город Елья окружен со всех сторон. Разрозненно в город проникли вражеские группы с востока через р. Десна и с северо-востока. Гарнизоны наших очагов сопротивления вдоль железной дороги отведены. Не ослабевают натиск противника с востока. Пока удалось остановить атаку русских с северо-запада»¹.

Как видим, в ельнинских боевых событиях 24 марта 1942 г. командование группы «Табленц» вынуждено признать успех партизанских атак в Заречье и в целом по восток-северо-восточному фасу фронта, отражение атаки с северо-запада — это, как мы знаем, атака штурмовой группы партизанского полка «Глинка». А с юга, со стороны полка им. Лазо? — в немецком донесении о подобном ни слова. Лазовцы пытались атаковать город в следующий день — когда немцы имели возможность организовать оборонительный бой, направить требуемые резервы на этот локальный участок. Результат потрясает. Потери лазовцев в Ельнинской операции по сравнению с предшествовавшими боями были просто чудовищны: полк потерял до 170 человек убитыми и свыше 300 человек ранеными. Нетрудно догадаться, какая с этих дней началась «дружба» лазовцев и полка им. 24-й годовщины РККА.

Показательны в отношении этой «дружбы» описания мартовских 1942 г. событий А.Ф. Юденковым в его книгах. Например, взять книгу «За огненной чертой» (М., 1966):

— цитирование клевету на полк им. 24-й годовщины РККА радиogramмы В.К. Баранова от 9 марта 1942 г. (с. 158), — «...полк ...стоит на месте», мы еще вернемся к рассмотрению этого документа; но зачем эту лживую радиogramму публикует бывший комиссар полка «С. Лазо?»

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 772.

— аж две цитаты (с. 161—162) из документов Г.С. Амирова (комиссара полка им. 24-й годовщины РККА), но обе выгодны для принижения участия полка «Годовщины» в штурме, и даже для обвинений в ее адрес: 1) о моменте начала ею штурма (утро 23 марта), и 2) самокритика в отношении сложностей боя в городе.

Первого, — невозможности начала штурма полком им. 24-й годовщины РККА в полночь, — мы уже касались. Теперь о самокритике. Г.С. Амиров в цитируемом А.Ф. Юденковым отрывке пишет: *«Операция показала неподготовленность полка... Командиры батальонов не умели точно и своевременно установить связь с соседями и обеспечить взаимодействие подразделений»*. Вот так компромат! Заметим, в отношении лазовцев ни подобных цитат, ни критических мыслей у Юденкова в тексте книги не приводится. А разве батальоны полка Юденкова не должны были сказать то же о себе самих? Вспомним, как лазовцы батальон за батальоном по «принципу домино» от фланга к флангу посыпались из города, когда в него вошли немецкие танки. У лазовских комбатов, по А.Ф. Юденкову получится, не возникало проблем с тем, как *обеспечить взаимодействие подразделений*. Ведь о том у него ни строчки.

Что ж. Рукописи не горят. Восполним забывчивость комиссара лазовцев Юденкова цитатой из подписанного им же очень обстоятельного документа. Это «История создания и боевая деятельность отдельного партизанского полка им. С. Лазо», лист 63:

«Командовавший частью сил 3-го батальона лейтенант ДАНИЛЬЧЕНКО вынужден был отступить на территорию Глинковского района. 4-й батальон ЧЕРКАСОВА, видя[,] что поле боя оставлено соседом, имея перед собой танки противника[,] снялся без санкции полка и перебазировался на исходные рубежи. ...Глинковские силы также оставили

поле боя без предупреждения. Командованию полка ничего не оставалось сделать, кроме того, чтобы отвести часть сил 5-го батальона на исходные рубежи...»

Как видим, ельнинские бои обернулись для руководства полка «Лазо» уже не попытками координации действий своих батальонов, а отводом единственно еще подконтрольного им в Ельне, 5-го батальона. С такой ситуацией понятно, почему от своего кривого лица зеркало лучше перенаправить на соседа. По крайней мере, в мемуарах.

Итак, руководство партизанских полков теперь разделяла взаимная обида за произошедшее в Ельне. Но кроме оставшегося во вражеских руках города была в течение весны 1942-го у них еще одна головная боль, и немалая: контролируемый врагом спас-деменский большак. Сумма многих объективных обстоятельств вела к стабилизации ельнинского участка фронта. А возможно, еще играло роль и обстоятельство субъективное: нежелание партизанских лидеров ликвидировать этот фронт, слиться воедино, уйти по приказу из своих привычных деревень на новые рубежи обороны, в новые наступления, в чужие, незнакомые места? Это не мелочь. У партизан здесь были чуть ли не свои домашние кров и пища, договоренности с колхозным руководством, поддержка населения и у многих родня. Даже если, например, зацепит пулей — привезут к родным, не пропадешь. А где-нибудь под Спас-Деменском что, кто, с чем их ждали? Каждому району, каждой местности и даже волости в условиях оккупации были присущи свой микроклимат, свое особое доминирующее настроение. И не везде настрой населения был ностальгирующе-просоветским. Не факт, что ельнинских партизан по соседству встретили бы с хлебом-солью. Может быть, это лишь наши теперешние неприятные предположения? Для «24-й годовщины РККА» такие раскладки вполне подтвердились летом 1942-го на спас-деменской земле, в деревнях и на проселках, контро-

лируемых группой Хох-Бауэра¹, в состав которой входили русскоязычные подразделения. Знали, размышляли в штабе «ФД» весной 1942-го и о соседях-партизанах, и о соседях другого рода. Объединись территориально партизанские полки Казубского и Гнездилова — в новых острых ситуациях слынинский сценарий обязательно повторился бы. Сразу же нашлось бы кому упрекать за неудачу соседей.

Возникшая вследствие слынинского поражения напряженность между командованием партизанских полков требовала вмешательства независимого арбитра. А кому быть арбитром? — штаб фронта Г.К. Жукова с таким представителем как М.М. Осташев дискредитировали себя. Поясним: вина за провал в плане отвратительной предварительной организации штурма — целиком на них. Во-первых, почему штаб и командование Западного фронта на случай координации подобных операций не удосужились выслать в полк им. 24-й годовщины РККА специального представителя штаба, коему и следовало бы своевременно озвучить и контролировать здесь распоряжения и приказы командования фронта? Радиосвязь у «хозяина» (Жукова) с Гнездиловым ведь была, авиационная связь с 1-й Гв. КД у Белова (и штаба Запфронта, значит, пусть и «перекладными») была. Было и время для того — недели и недели февраля и марта. Лазовцам прислали аж двоих представителей штаба фронта, Гнездилову — ни одного, так Гнездилова и «назначили виноватым» за нерасторопность (только вот чью? — жуковского же штаба). Теперь взглянем на ситуацию глазами лазовских вожakov: командование полка им. Лазо не предлагало ведь Жукову вовлечь в дело штурма силы разной подчиненности, разных полков — он сам так распорядился. Ответственным назначил Казубского, а тот не имел никаких средств управ-

¹ Так в советских документах, однако, возможно, в действительности это Ф. Хохбаум.

ления иными полками. А мог ли не иметь к Жукову претензий (понятное дело, не озвучивавшихся) командир полка им. 24-й годовщины РККА? Представитель штаба фронта Остапцев свалился с приказом на участие полка в штурме буквально как снег на голову — за считанные часы до требуемого выступления, нельзя было успеть даже созвать и дожидаться комбатом. И это при том, что радиосвязью с полком штаб Запфронта располагал! Штаб «Дедушки», например, знал о предстоящей операции еще 16 марта, когда там и был издан приказ на ельнинскую операцию батальонам 3-го полка. Не могли командование и представительство фронта сами, так известили бы своевременно Гнесдилова эстафетой от «Дедушки» — уж за 5 дней 40 км проскакать выполнимо. Не было и этого. Другое дело — выставить потом виновниками за опоздание. Есть к делу организации штурма жуковско-лазовским тандемом вопрос и со стороны третьего участвующего партизанского формирования, «Дедушки». Получается ведь, что, определив в присланном в дивизию распоряжении начало атаки глинковских партизан на 22.30 22.Ш., их обрекли начать бой на 1,5 часа (22.30 вместо 24.00) раньше лазовцев. Зачем, кому выгодно? Уж не штабу фронта. А вот лазовскому командованию — да, Юденкову с Казубским. Ныне это называется — *подставили*. Такое же «только после Вас...», что и с 4-м лазовским батальоном, который «продвигаться не стал, опасаясь пересбить бойцов полка имени 24-й годовщины РККА». Вряд ли срок атаки глинковцев определен командованием фронта, им не до таких мелочей. Казубский... Если так, то Казубского ведь комфронта командовать в операции назначил! Суммируя, видим — после произошедшего в Ельне для партизанских полковых командиров нейтральной, авторитетной командной фигурой остался здесь лишь П.А. Белов. Поскольку боевые события обещали впереди еще не одну операцию у той же Ельни, требовалось некое стабилизирующее решение, и

принять его предстояло именно Белову. Он делает следующее: А) добивается одобрения командованием Запфронта объединения полков «Лазо» и «Годовщины» в группу (чуть позже — дивизию) с общим, из бсловцев, командованием «арбитражем»; Б) убирает в советский тыл командование «Годовщины», заменяя нейтральными, из другого боевого района, авторитетными вроде бы офицерами. Цель, как формулирует то (по вышесобозначенному нами пункту «А», о «Б» молчок) П.А. Белов — оптимизировать управление на ельнинском участке. Однако благие пожелания П.А. Белова остались лишь пожеланиями. Межпартизанский «водораздел» остался «водоразделом».

Ельня научила всех: рассчитывай лишь на себя. В «Истории создания и боевой деятельности отдельного партизанского полка им. С. Лазо» комиссар этого полка сделал по операции такой вывод: *«Нет сомнения в том, что полк им. С. Лазо[, действуя] только своими силами, гораздо легче справился бы с задачей овладеть городом Ельня. Здесь не только была бы исключена возможность проявления претензии на то, кем захвачен город [усматривается существовавший спор между командованиями полков Лазо и 24-й годовщины РККА: то есть «Годовщина» имела какие-то основания заявлять о захвате города именно ею]; в данном случае можно было довести до конца полную внезапность удара, положительные результаты которого получили лазовцы в течение короткой схватки в первую ночь».*

Конечно, такое рассуждение имеет весьма зыбкие основания. Ну так и захватили бы! «Довели до конца... внезапность...» бы! Налицо разочарование, недолгий поиск «помешавших». Так «помешавших», что возникли *претензии на то, кем захвачен город*. По Юденкову, кто-то (о бойцах ФД прямо не пишется) ночью сигнализировал лазовцам ракетами о готовности полка «Годовщины» к штурму (отвлекали нем-

цств, если вдуматься), — ага, ФД персд лазовцами виноват!¹ А если оставить подобные измышления-оправдывания, то напрашивается констатация: на командование лазовцев после ельнинского штурма впервые повеяло *ответственностью* перед властью. А оправдываться-то легче, указав на ближнего.

Немецкая группа «Габленц» в ужасные для нее дни победила. Победила дважды: отстояли «Родину Гвардии» (Ельню) и вдребезги разбили нейтральные прежде отношения между командованием окружавших город партизанских полков.

ДЛЯ СРАВНЕНИЯ — УДАЧНЫЙ ШТУРМ БАЛТУТИНО

Доказательством необходимости единого командования операцией как аксиомы успеха в разгроме крупных гарнизонов врага стал партизанский штурм крупного села Балтутино, что западнее Ельни, приблизительно на развилке идущего от Ельни большака — на юго-запад, к Почин-

¹ В действительности попытка А.Ф. Юденкова рассуждать о чьем-то ракетном сигнале, сбившем его и Казубского с толку, как причине неуспеха — рассчитана лишь на читающих бессистемно, на неподготовленного читателя. Если же обратиться к изданному под редакцией одного из участников штурма, Н.Ф. Юдина, сборнику — Первая партизанская / Сост. Юдин Н.Ф. М.: Моск. рабочий, 1983, С. 204, — то глинковский (из 3-го полка «Дедушки») «комбат Плешкевич еще вечером 22 марта, «помня о том, что в 22.30 будет дан сигнал от Казубского», ждет и дожидается *лазовских* (Казубского) сигнальных ракет: «...точно в условленное время в воздух поднялись две красные ракеты». Как после *своих*, первыми данных сигнальных выстрелов винить за таковое командование полка 24-й годовщины РККА, которому атаковать приказом назначено почему-то лишь через 1,5 часа, в полночь, — этого Юденков объяснить в своих отчетах и книгах не постеснялся.

ку, и на запад, к Смоленску. Здесь разгромили значительно превосходивший атакующих численностью гарнизон. Комбат-5 принимал личное участие в организации действий не только при выдвигании подразделений к объектам атаки, но и непосредственно на «поле» боя.

Операция началась около 9 часов вечера 4 марта 1942 года. В бой пошло 190 бойцов и командиров из состава 5-го батальона лазовцев. Командир батальона — старший политрук Иван Ефимович Майоров. Колонной в 30 с лишним подвод выехали по направлению на Балтутино. Морозило, скрипел снег под полозьями. Перед Новосельцами, в 3 километрах перед Балтутино, спешились. Заняв «ничейную» деревню Новосельцы, временно оставили здесь во 2-м эшелоне около 40 человек и одно орудие. Остальные глубоким снегом ушли вперед. Тащили на плечах 6 ротных минометов, боеприпасы к ним, пулеметы, диски и пулеметные ленты. Пулеметов хватало — 34 ствола.

Перед выходом на рубеж атаки штурмовой отряд был разделен на три отдельно атакующих группы — одна по Новосельцевской дороге, две — на флангах.

Разведчики вышли на большак у моста. Немецкий патруль был беспшумно уничтожен. В домах знакомых жителей на окраине разузнали расположение основных сил противника в деревне. Подошли тихо-тихо к этим избам и заняли удобные позиции для огня.

В балтутинском Заречье раздалась стрельба — атаквала первая фланговая группа. По этому сигналу основная группа перешла к действиям. Забросав занимаемые противником избы гранатами, ударили из пулеметов. Не предусмотрев пути отхода на случай подобной партизанской атаки, немцы гибли десятками. По улице бежать вперед навстречу пулеметам не рисковали, а перелезая заборы на задворки — становились легкой мишенью. Не ломали голов партизаны и в отношении полицейщины, били наповал всех. В самих домах организованного сопротивления партизаны нигде не

встретили, там остались лишь самые нерешительные из вражеских солдат. Прячущихся в подпольях изб, их моментально расстреливали. Пленных старались не брать, так и то в ходе боя их оказалось аж 86 человек!¹

Уже в центре Балтутино партизан в какой-то момент остановил женский визг и истерические выкрики по-немецки. Это была присхавшая навестить своего супруга жена, точнее, теперь уже вдова одного офицера. Успели остановить пытавшихся с ней разобраться. Решили оставить: пусть вернется в рейх и расскажет там впечатления о России...

Под утро, собрав трофеи и подсчитав количество перебитых немцев, партизаны покинули Балтутино. Только убитыми противник потерял не менее 217 человек. Остатки гарнизона отдельными группами в течение ночи отходили в единственно безопасном, западном направлении — на Разуваевку. Это тот же Старый Смоленский большак, как его называли под Глинкой, где когда-то считали свои последние военные версты наполеоновские солдаты корпуса Барагэ д'Илье.

НЕДООПЕРАЦИЯ «МЮНХЕН»

Старинный, скатеринских времен, если не раньше, Смоленско-Ельнинский транспортный тракт, а в просторечьи — большак. Двадцативерстовый участок западнее Ельни. Именно здесь разгорелись драматические события одной из весенних 1942 г. немецких деструктивных операций. Найдите о ней хоть что-либо в советской и постсоветской отечественной военной историографии. Ключки есть — в двух книжках, уже XXI века. Связной картины нет. Были бои, были сожжены деревни и села, гибли жители, гибли противостоящие вражескому натиску партизаны. Гибли и десятки, сотни вражеских солдат и офицеров. Немцы репились оплатить

¹ Юдеников А. Ф. Указ. соч. С. 147.

кровью нужный им результат, им требовалось обезопасить район Ельни и его коммуникации. Для советской же стороны это... Не гвардейская — хоть и на «Родине Гвардии», да и не операция, ведь операции — это когда армий и фронтов, а не народа. Так что... обычнойшая, реальная тогдашняя, «неизвестная» в советские годы и, естественно, позабытая теперь наглухо, подлинная та война.

Зима 1941/42 г. на полях центрального участка Восточного фронта преподнесла германскому командованию важный практический урок: обеспечение бесперебойного снабжения войск, как и обеспечение контроля над транспортными узлами и коммуникациями — единственный способ противостоять «анархии» войны в России, довести кампанию до требуемого финала. Одной из наименее надежных опор в каркасе системы снабжения тылов 4-й полсвой и 4-й танковой немецких армий стала Ельня. Уже в начале весны 1942 г. ситуация воспринималась в высоких германских штабах столь серьезно, что была одобрена необходимость ее скорейшего военного решения.

Возникновение крупных партизанских отрядов, их объединение под общим командованием, явно заметное взаимодействие партизан с находящимися здесь небольшими регулярными силами РККА стало для руководства армий и тыла группы армий «Центр» неприятным подарком. В феврале партизаны овладели райцентром Глинкой, перерезали здесь железнодорожную линию Сухиничи — Смоленск. Вернуть этот райцентр и участок железной дороги под немецкий контроль к марту не удалось. Во многом также стимулом к безотлагательному началу немцами операции западнее Ельни послужили и события партизанского налета на село Болтутино, которых мы чуть позже еще коснемся. И партизанский штурм Ельни в конце марта явился лишним доказательством правоты германских военачальников, принявших решение на операцию «Мюнхен». В Ельне немцам удалось удержаться. Но зыбкий успех надлежало закрепить.

Германская локальная наступательная операция под кодовым наименованием «Мюнхен» имела целью улучшить оперативное положение ельнинской охранно-полицейской группировки и, по возможности, продвинуться войсками от города в северном и южном направлениях, чем ослабить или даже раздробить партизанские группировки. Установление при этом контроля за соответствующей территорией существенно уменьшило риск военной и диверсионной угроз немецким коммуникациям в центре Смоленщины. Общее руководство операцией осуществлял командующий тыловым районом Группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф. К операции были привлечены боевые подразделения 221-й охранной дивизии и 442-й дивизии особого назначения, местные полицейские силы, а также танковые подразделения из состава 10-й и 11-й танковых дивизий.

На рубеже марта — апреля 1942 г. противник неоднократно пытался кардинально переломить на фронте борьбы с полком «Лазо» ситуацию, наступая вдоль Ельнинско-Жерелевского и Ельнинско-Рославльского большаков. Однако бои показали, что уж обороняться-то лазовцы умели. Так, 30 марта немецкая атакующая группа в Саушкино (2 км к востоку от Данино) была встречена засадой 2-го партизанского батальона. Потеряв 5 человек убитыми, немецкая пехота сразу отошла в Ельню. Через день, 1 апреля, действуя из района 3 км южнее Ельни, группа противника атаковала вдоль Рославльского большака в южном направлении. Бой под Данино был для партизан неуспешен, их погибло 10 человек, 6 было ранено. Части сил противника удалось продвинуться к деревне Поповка (6—7 км южнее Ельни). 3 и 4 апреля немцы на этом участке снова пытались наступать и обстреливали артогнем от Битяково деревни Моксаки и Филатки. Но овладеть районами Жегуновки и Поповки врагу не удалось ни в те дни, ни позднее. Полк «Лазо» рассечь не удалось.

В первые дни апреля 1942 г. шла напряженная, с переменным успехом борьба у большака и южных подступов к нему западнее Ельни. Тяжелая артиллерия работала здесь по позициям 4-го батальона лазовцев весь день 3 апреля. Опережая возможный со стороны противника удар, в ночь под 4 апреля 1942 г. роты 4-го батальона полка «Лазо» овладели деревнями Милесво, Щеплево и Леоново. Немцы предприняли контрмеры: 8 апреля частями 221-й охранной (пехотной) дивизии овладели населенными пунктами Леоново, Волково-Егорье, Озеренск, сняв тем самым непосредственную угрозу партизан движению от Ельни по большаку на Болгутино. В этот же день немецкие атаки последовали на Кукуево, Леоново и Щеплево. Кукуево, по донесению из группы «Шенкендорф» в штаб Группы армий, было занято. Ранним утром 9 апреля группой до 250 человек пехоты с 6 танками противник на участке Щеплево — Леоново продолжил атаки позиций 4-го батальона полка «Лазо». Немецкой атакующей группе удалось прорваться в Скоково и сжечь деревню. Понятно, что о местном населении никто из оккупантов не думал. Анализ тактики показывает — их и карателями-то не назовешь. Они просто уничтожали деревни. Группы по 2—3 танка подъезжали к деревушке метров на 300 и разбивали дома огнем. Затем, если стрельбы с развалин не начиналось, пехотинцы-факельщики довершали дело. Такая вот операция, и даже — «Мюнхен»...

Еще меньшего результата достигла в своих попытках обезопасить большаки 442-я дивизия особого назначения из состава сил 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии. Она действовала восточнее Ельни, — скорее вынужденно обороняясь, нежели наступая. В отчетах и донесениях, конечно, представлялось другое. Громкие слова о достигнутом 442-й дивизией опровергаемы иными фактами. Вот, к примеру, по суточному оперативному донесению за 10 апреля 1942 г.: *«в ходе поддержанной штурмовыми орудиями опе-*

рации ударной группы были сожжены на Починок Сух. и на 3 км юго-восточнее» (деревня Лосиное). Сожгли? Оказывается, не сожгли. 2-й батальон лазовцев вернулся в эти деревни и в апреле — мас успешно продолжал оборонять их. Спас-Деменский большак и после боев операции «Мюнхен» не раз подвергался ударам 3-го и 7-го батальонов полка «Лазо». Устиново, Пирятино, Уварово... Да и у самой Ельни — под деревней Рябики. Горловица немецкого коридора непосредственно восточнее Ельни вплоть до июня 1942 г. осталась постоянным местом боев. Ельня так и осталась прифронтовым (а может, и фронтовым) городом.

Однако, как бы то ни было, к середине апреля 1942 г. командование группы «Шенкендорф» формально — на карте оперативной обстановки — могло обозначать наличие контролируемого немецкой стороной коридора вдоль большаков по линии Болгутино — Ельня — Спас-Деменск. Коридор этот, разделявший партизан «Дедушки» и полка им. Лазо, западнее Ельни был не более десятка километров шириной. Проведенная фон Шенкендорфом операция надежно обезопасить от партизан движение на большаках так и не смогла. По-прежнему шли бои у самой Ельни — например, 12 апреля 1942 г. под Данино, под Селибой, у Волкова-Егорья. Аж в конце апреля 5-й батальон лазовцев выходил на большак под Харино, что на полпути меж Ельней и Болгутино. Для немецкого командования наличие этого коридора казалось несомненным успехом, для рядовых солдат все осталось как было. Хотя нет — к пулеметному огню партизан из засад теперь добавилась возможность погибнуть на минах.

РАЗБОР ПОЛЕТОВ, 1942 г.

Выше мы упомянули, что полк им. С. Лазо с атакой на Ельню явно запоздал. Часы — это много, чтобы выглядеть как случайность. Это и не расхлябанность — Ельня рядом,

да и с детства знали туда любую тропинку. И не животная трусость — лазовцам позади уже хватало боев. Попробуем предположить, что двигало при такой постановке дела руководством лазовского полка и Разговоровым? Наиболее вероятный ответ — прагматический расчет: ФД атакует и увязает в уличном бою, но и немцы отвлеклись от южного сектора, измотаны, мы подходим, атакуем с неожиданного для немцев направления и решительно добиваем, победа — именно благодаря нам. Более того: все ведь понимали, что «Годовщина», вынужденная в силу остапшевского приказа-указания выдвигаться к Ельне еще вечером, в светлое время, будет неизбежно обнаружена вражескими постами гарнизонов на линии Митьково — Ярославль (т.е. до выхода к городу). А следовательно, начавшийся здесь бой спровоцирует ельнинский гарнизон на выход из города для помощи этим силам гарнизонов. И тут-то с юга на город ррраз... Разговоров с курируемыми им лазовцами — победители!

Получилось как получилось.

С 31 марта по 4 апреля 1942 г. комиссией из 1-го гв. кавкорпуса было проведено «расследование» неудачного штурма Ельни. П.А. Белов в своих мемуарах свидетельствует, что на таковое был соответствующий приказ штаба Западного фронта¹. Именно «расследованием» это названо в воспоминаниях проводившим соответствующие действия Иосифом Фактором. Примечательно, что И.Г. Фактор был направлен исключительно лишь в один из участвовавших в штурме полков. Другие полки никем из беловцев с миссией «расследования» не посещались. Естественно, виновным в провале операции было назначено руководство партизанского полка 24-й Годовщины РККА.

Очень вероятно, что подобные результаты «расследования» были заранее инспирированы, запрограммированы

¹ Белов П.А. За нами Москва. 1963. С. 266.

людьми, направившими Г.И. Фактора с указанной миссией. В первую очередь речь об отношении к Ф.Д. Гнездилову генерал-майора В.К. Баранова. Комдив Баранов в тот момент — непосредственный начальник командироваемого для «расследования» И.Г. Фактора, командира в тот период 3-го гв. кавполка. Это раз. Второе: генерал-майор Баранов еще за две недели до штурма Ельни был крайне недоволен независимостью от него командира партизанского полка Ф.Д. Гнездилова — 9 марта генерал Баранов из группы войск генерала Белова радировал в Западный фронт:

«Партизанский полк Гнездилова с 26 февраля стоит на месте.

Мои приказы не выполняет, мотивируя, что задачу имеет от Западного фронта. Прошу Ваших указаний в отношении партизанского полка Гнездилова. Баранов»¹.

Откуда Баранову знать о февральских боях «ФД», если Баранов прибыл с кавдивизией лишь 1 марта? И прибыл, кстати, в Дорогобуж, а не под Ельню к Ф.Д. Гнездилову. И каким боком, извините, Баранов в Дорогобуже (фронтом на север) к Гнездилову у Ельни (фронтом на юг)? Между ними освобожденной от немцев земли — около 30 километров. Никаких совместных участков фронта, никаких совместных операций. Выпад В.К. Баранова против «ФД» — банальный навет. Причем, по указанному свидетельству А.Ф. Юденкова (имевшего ученую степень и доступ к документам в советских архивах), этот навет не был «зарублен» П.А. Беловым, а наоборот, через него-то и преподнесен командованию фронта!

Чем занимался генерал-майор В.К. Баранов со своей дивизией в начале марта 1942 г.? Дислоцировался в городе Дорогобуж и окрестностях. *Является самым боевым генералом вверенной мне группы войск*, — напишет чуть позже

¹ Юденков А.Ф. За огненной чертой. М.: Воениздат, 1966. С. 158.

о нем П.А. Белов, представляя к ордену. А партизан потрудимся реабилитировать мы, хотя бы теперь, спустя семь десятилетий:

«В первых числах марта наша разведка сообщила, что с фронта на отдых и переформирование прибыла немецкая воинская часть и расположилась в деревнях Щелкино, Вараксино. В ночь на 4 марта подразделения батальона окружили новый гарнизон противника, ночью ворвались в его расположение и полностью разгромили врага. Жалкие остатки противника в панике бежали в сторону Ельни».

Так вспоминает события начала марта 1942 г. командир в ту пору 1-го батальона оклеветанного В.К. Барановым партизанского полка старший лейтенант А.М. Литвиненко¹. Щелкино и Вараксино — не такие уж маленькие деревни, и не в глуши, а на прямой линии с фронта партизанского полка на город Ельню, в 14—11 км от нее. Более того, сдача Вараксино означала для врага выход партизан здесь на «Калужский большак», соединяющий Ельню со Спас-Деменском, ведь от Вараксина до большака — поле, по прямой ни единой деревни. Другими словами, уязвимость с этого момента единственной коммуникации противника из Ельни на восток. Учитывая, что на следующую ночь, с 4 на 5-е, западнее Ельни был разбит на Смоленском большаке немецкий гарнизон в Балгутино, можем себе представить обстановку для врага в Ельне: лишь две дороги, на обеих ждут партизанские пули. Так что партизаны свою работу на своем участке выполняли очень даже неплохо, вне зависимости от генеральских кляуз и наветов.

А что происходило 4 марта на фронте группы П.А. Белова? Их «успехи» в сравнении с партизанскими, что называется, *убьют кого хочешь*: 1) отступая, считали уцелев-

¹ Литвиненко А. Партизанская артиллерия // Знамя (Ельнинская районная газета), 1965. 26 декабря.

ших в безуспешно-катастрофических боях за днепровский железнодорожный мост; 2) юго-западнее Вязьмы именно в этот день были отсечены противником от остальных войск Белова 329-я СД и 250-й воздушно-десантный полк. Окружение этих сил означало скорую утрату занимаемого ими района, утрату здесь возможности любого наступления под Вязьмой.

Вссть о начале разгрома противником вяземского выступа группы Белова ошеломила не его одного. Главком Г.К. Жуков, ежедневно подписывавший подаваемые в Генштаб оперативные сводки по действиям войск Запфронта (и группы П.А. Белова в том числе), «вдруг» осознал пагубность самовольства Белова, выслав тому 5 марта 1942 г. грозную радиограмму:

«Почему вы, вопреки приказу Ставки и Военного совета фронта, ушли из-под Вязьмы? Кто вам дал право выбирать себе задачу? Задача определена моим приказом. Вы, кажется, забыли, что бывает за невыполнение приказа»¹.

Так что претензии у непредвзятого компетентного наблюдателя могли быть отнюдь не к партизанам. А в генеральских наветах (и интригах) здесь чисто субъективное: ненависть бессильного властителя. Аналогичная позиция, естественно, была и у командования корпуса — у Белова и Щелаковского: генерал-лейтенанту с бригадным комиссаром не может нравиться независимость какого-то лейтенанта (Гнездилов с 1941 г. пока так и был лейтенантом), да еще притом командира полка! И тем более успешно показавшего себя полка, занимавшего фронтом — в отличие от беловского кавкорпуса — десятки километров. Фактор попросту отработал заказанное, выбрав среди суммы обстоятельств

¹ Цит. по: Громов И.И., Пигунов В.П. Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное издательство, 1990. С. 148.

только нужное для обоснования обвинения Гнездилова. «Заказ» этот, извиняемся за распространенную ныне терминологию, настолько очевиден, что доказуем независимо от вышесказанного простейшим аргументом: И.Г. Фактор для «расследования» ездил только в партизанский полк им. 24-й годовщины РККА, в штаб «ФД» (Гнездилова), что в деревне Некрасы.

А как же насчет роли в провале привлекавшихся к штурму глинковских партизан? Никак: они ведь город не захватывали, да и ушли так быстро, что на проводившийся иными штурм это «не влияло».

А как насчет роли в провале штурма лазовцев, ведь именно им отводилась задача блокировать большаки, и Спас-Деменский тоже — по коему и подошли в город немецкие танки? Никак: они город ведь не захватили, а на нет и суда нет!

А вот «ФД», полк имени 24-й годовщины РККА — вы город брали, вы город не удержали, сами не отрицаете. Вы во всем и виноваты. Зачем ездить в другие полки? Абсолютно НКВДшно-прокурорское тех времен: признание — царица доказательств!

Почему так произошло? Все абсолютно понятно: генерал-майору В.К. Баранову было удобнее воевать не своей дивизией, а чужими руками — партизан. Их предстояло сделать послушным инструментом. Им следовало навязать жесткую вертикаль субординации — под Белова, под Баранова. И приказным порядком кинуть в наступательный бой до упора. О подобной установке комдива-1 В.К. Баранова, устраивавшей с некоторых пор и его пачальника А.П. Белова, свидетельствует (в сравнении с боевыми действиями полка 24-й годовщины РККА) общая картина занятости 1-й гв. кавдивизии в течение большей части весны 1942 г., до последней недели мая — до большого немецкого наступления. Слово «занятости» применяем неслучайно: бое-

выми действиями проживание дивизии на освобожденной партизанами территории не называть.

Партизаны полка им. 24-й годовщины РККА, за спиной которых отсиживались весной «конногвардейцы» 1-й Гв. КД В.К. Баранова, прекрасно видели происходящее. И во многом прав, что касается частей В.К. Баранова, боец 8-й роты полка «ФД» / 24-й годовщины РККА Михаил Мельников в своей простецкой констатации: *«Беловцы все находились в центре партизанского края, а не воевали с немцами. Они знали только забирать хлеб, фураж и коней. Они же были без обоза, только кони да клинки».* Подобное слышится и в характеристике беловцев Алексеем Макаровичем Голубковым, служившим в 1942-м старшиной истребительной роты 1-го батальона партизанского полка им. 24-й годовщины РККА:

«В это время здесь был Беловский корпус, который стоял как бы на отдыхе, в боях не участвовал. А мы держали оборону. А части Белова стояли внутри нашей территории, но ничего не делали, отдыхали. Какое их было количество — не скажу, больше конница. Они располагались в деревнях около Островщина — Мухино».

Конечно, не весь «Беловский корпус» стоял как-бы на отдыхе. Но насчет барановцев — правда.

Локальное привлечение полков и эскадронов к операциям партизан было, но кратковременное и большей частью безуспешное. Так, когда этим беловским частям пришлось время вступить здесь, у Дорогобужского большака, в бой — они побежали и сдали несколько деревень. Возникла угроза прорыва противника от Ельни на Дорогобуж. В.К. Баранов в конце апреля сдавал деревни, а полк 24-й годовщины РККА после их отбивал назад. Вот, например, строчки отчета Ф.П. Шмелева, сменившего «ФД», Гнездилова, на должности командира партизанского полка:

«...полк провел ряд кровопролитных боев под Ельней. Вернул ряд деревень, сданных 3 ПСП и Барановым, нанес

поражение двум батальонам противника, захватил богатые трофеи /трофеи сообщались сводкой/ и сорвал майское наступление противника на Дорогобуж».

Боеспособность своих кавалеристов П.А. Белов с В.К. Барановым имели неоднократно возможность оценивать и до апрельско-майских боев. И для себя негласные выводы, естественно, имели. Именно поэтому по прибытии в район Дорогобужа сразу же занялись не столько собственными боевыми операциями, а командно-штабными интригами, подмина под себя здешние партизанские формирования и их руководителей. Таковое снимало бы все прежние риски: успех партизан — наш успех, ведь мы номинальное командование, провал партизан — их провал, мы-то в Дорогобуже, не разорвемся! Именно так произошло и с ельнинской операцией.

Белов и его команда ждали лишь первого повода для отстранения Ф.Д. Гнездилова и Г.С. Амирова от командования полком. Ельнинская операция... провал? — что ж, отлично. Проведя формальное для приличия разбирательство, подвели некую базу для устраивающего командование корпуса решения. И вот это руководство полка им. 24-й годовщины РККА в последних числах апреля было отозвано в советский тыл.

Интересно, что Ф.П. Шмелеву и П.А. Мельникову — новым командиру и комиссару — приказом по войскам Западного фронта было приказано принять партизанский полк им. 24-й годовщины РККА еще аж 18 апреля 1942 г. Это показывает, что решение на замену командования партизанского полка было принято не по сумме каких-либо накопившихся недочетов в деятельности Гнездилова и Амирова, а исключительно как реакция на ельнинские события и возникшую в итоге неудачи конфликтную ситуацию. Сюда же следует добавить, что уже в поданном радиogramмой 10 апреля главкому Западного направления Г.К. Жукову наступательном плане П.А. Белов среди прочего предполагал:

«...3. Особой группе отрядов полковника Москалика оставить небольшие силы для блокировки Ельни, а главными силами наступать на Спас-Деменск»¹.

Это означает, что именно полку им. 24-й годовщины РККА (2-му и 3-му батальонам, ведь 1-й широким фронтом оборонялся у Ельни) предстояло ни больше ни меньше, как очистить — насколько получится — от немцев Спас-Деменский район Смоленской (ныне Калужской) области. И дело не в том, что двум партизанским батальонам разбить полторы, если не больше, регулярных дивизии — это нереально, смысл задачи был в содействии прорыву кавкорпуса на долгожданное для него соединение у Милятино с войсками Запфронта. Дело в другом: партизан, причем понимавших такое соотношение сил, надо было кому-то погнать в бой на Спас-Деменск железной рукой. Вместо Ф.Д. Гнездилова и комиссара — любимца партизан — «Геннадия» (так звали в полку Амирова) нужны были другие.

Найдите в действующей Красной армии, да еще 1942 кровавого года, такой полк, где с уезжающими командиром и комиссаром полка бойцы массой, провожая их, бегут на 200—300 метров, а кто повольнее — и дальше на километры. Именно так было с Амировым и Гнездиловым, навсегда уезжавшими из штаба полка по дороге в Асеевку...

...Летели не к теще на блины. Не представителю штаба Запфронта капитану М.М. Осташеву с командованием полка им. Лазо, а именно Гнездилову и Амирову предстояло держать ответ (перед Жуковым!) за провал ельнинского штурма. На командном пункте фронта эти двое резко выделялись из общей массы офицеров и генералов: трофейное оружие, хоть и перешитое, но германское обмундирование. Сдав автоматы, вошли к Жукову. Амиров описывает последовавшее:

¹ Белов П.А. За нами Москва. 1963. С. 230.

«Вот, оказывается, каков наш Хозяин, о ком с каким-то суеверным ужасом говорили пленные фашисты там, во вражеском тылу.

Началось детальное знакомство: где и когда кто из нас родился, в какой части служил, где воевал... Командующий фронтом интересовался составом, численностью, вооружением полка, морально-политическим состоянием партизан. И наконец, тот самый вопрос, который в Зиновию задавал генерал Белов:

— Почему не удержали Ельню?

Совершенно неожиданно для меня Гнездилов спросил:

— Товарищ генерал, а почему до сих пор не взят Смоленск? Ведь еще в марте Ставкой была поставлена задача освободить Смоленскую область, разгромить армейскую группу “Центр”?

Командующий крикнул: (...)»¹.

Рассказали, как и что произошло в Ельне. В отличие от посылавших В.К. Баранова и П.А. Белова с их «расследовавшими», Г.К. Жуков слушал, спрашивал, выяснял интересное. Ему ведь предстояло именно гнездиловскими партизанами разыграть еще не одну, судя по обстановке, боевую затею. Бои под Ельней и Спас-Деменском продолжались.

20 мая 1942 г. произошло два знаменательных, редких, если не исключительных, события. Первое — партизанский полк им. 24-й годовщины РККА был официально зачислен в состав войск Западного фронта. Второе событие закрывало вопросы по ельнинскому штурму к командованию этого полка. Гнездилова и Аморова по особому (лишь на 2 фамилии!) Указу ВС СССР ...наградили орденами Красного Знамени.

Покинув полк в начале мая, бывший командир полка Ф.Д. Гнездилов в июне 1942 г. отправлен на командир-

¹ *Амиров Г.С. Указ. соч. С. 136—137.*

ские курсы, в свой же полк ему вернуться не позволили. Вопрос был решен заранее, уже к моменту личной встречи Ф.Д. Гнездилова с командующим Г.К. Жуковым. В ходе этой беседы на КП фронта в Перхушкове Жуков после обсуждения сльнинской операции интересовался дальнейшей управляемостью полком без Гнездилова и Амирова. О возвращении их в полк не было речи.

Аналогичным образом поступили и с бывшим комиссаром полка им. 24-й годовщины РККА Г.С. Амировым. Несмотря на высказанное в штабе фронта желание вернуться в полк, Амирова ждала работа совсем в других партизански-диверсионных отрядах, совсем в других районах. Интересна деталь, сообщаемая Г.С. Амировым в книге «Непокоренная земля»: «...командиры рассудили ...направить... Амирова Г.С. — в распоряжение т. Щелаковского для работы среди партизан»¹. Комиссар беловского 1-го Гв. КК Щелаковский сделал в штабе Запфронта партизанскую карьеру? Нет, конечно нет. Возможно, штаб фронта ненавязчиво предлагал командованию корпуса (не Белову, а Щелаковскому, потому что Амиров относился в РККА не к командному, а к политсоставу) найти в кавкорпусе Амирову достойное место. И что же? — подтверждается весенняя предвзятость штабкора к партизанским вожакам. Партизанский комиссар пришелся А.В. Щелаковскому, что называется, явно не по вкусу. О том неоспоримо свидетельствует показательный факт. Ни в кавкорпусе, ни «среди партизан» левого крыла Запфронта Амирову места не нашлось. Осенью 1942 г. Г.С. Амиров с С.В. Лещинским были десантированы в лесах западнее Сычевки (север Смоленской области) в качестве командования не имеющего никакого отношения к 1-му Гв. КК диверсионно-«партизанского» отряда. Потом была страшная в тех краях, достойная особых книг, боевая зима на 1943-й. Уцелел.

¹ Амиров Г.С. Указ. соч. С. 138.

«ПРЕВОСХОДИЛИ ПАРТИЗАН В ТАКТИКЕ...»?

В руках — книжка 2010 г. издания. Среди прочего здесь и попытка, так сказать, разбора полетов — попытка сделать выводы, дать объяснения партизанской неудаче штурма Ельни. Попытка нового, собственного взгляда на те далекие события? Никак нет. Сужденья черпают из... прости-те, «забытых газет» от участников-ветеранов, к сожалению, в распоряжении исследователей, видимо, не имелось. А жаль. Следствие — репродукция давно набивших оскомину штампов, аккуратно когда-то созданных для припущения героизма *не получавших никакой зарплаты*. Вредные, противоречащие истине штампы:

«Но все-таки партизанские отряды... не могли на равных противостоять действующим против них немецким подразделениям, которые были намного лучше оснащены и превосходили партизан в тактике ведения боя. Результатом качественного превосходства противника стал скорый переход к нему инициативы действий, несмотря на то что он зачастую не обладал серьезным численным превосходством»¹.

Итак, немцы «превосходили в тактике», действовали решительнее и профессиональнее: «качественное превосходство противника». Выше мы описывали февральские бои у Дорогобужа, где о превосходстве в тактике ведения боя ярко свидетельствует соотношение потерь партизан и оккупантов. Бой под Новомихайловским — немцев 42 убито, 6 спаслось, из партизан 1 убит и 1 ранен. Бой под Быково — немцев 20 убито, из партизан 1 убит, 4 ранено. На севере Глинковского района аналогично: бой в районе Новый Плотавец — немцев 23 убито, 15 ранено, у партизан потерь вообще нет! Кто не верит — не упрекайте нас в фальсификации истории войны, сходите в архив. Но, быть может, это лишь под Дорогобужем и Глинкой

¹ *Северин М.С.* Решающий момент Ржевской битвы. М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 141.

так, а в Ельне почему-то иначе? Проиллюстрируем-ка это «качественное превосходство противника» без обладания «серьезным численным превосходством» именно в Ельне:

«Я стоял с пулеметом на углу винзавода. По большаку, со стороны железной дороги, на Заречье шло человек 40—50 немцев, видимо фронтовиков. Они были в сапогах, пилотках, шинелях. Лица были обвязаны шарфами, то есть внешний вид их говорил о том, что это люди с фронта. Теплых вещей у них не было.

Они подошли к нам метров на сто. Я хотел открыть огонь, но один казах, которого звали Иван Коккинаки, он был из военнопленных и жил в “зятях” в Истокках, он был с ручным минометом. С ним были 2-й и 3 номера — заряжающие. Он сказал мне: “ставь пулемет с другой стороны, а я буду бить в упор”. Фрицы подошли метров на 70—80. Первая мина упала между 3-м и 4-м немцами. Они шли по два человека, цепочкой.

Немцы залегли и начали перебегать в сторону винзавода. Тогда я открыл пулеметный огонь, и таким образом мы фрицей [так] перебили»¹.

Вот как в действительности выглядело «качественное превосходство противника», причем, заметьте, без обладания «серьезным численным превосходством» над «зятьком» Коккинаки и пулеметчиком-допризывником Колей Морозовым — всего-то на четыре-пять десятков солдат!

ПРО ОБЕЩАННЫЕ БЕЛОВСКИЕ ТАНКИ

Нмец, как видим, превосходил ни в какой не тактике. Так в чем же, почему партизаны отошли из города? Ответ прозаичен. Из воспоминаний участника ельнинских боев

¹ Сомневаемся в правдивости приведенных слов Н.А. Морозова сообщим: именно после подобной практики он, попав в регулярные войска РККА, заслужил три ордена Славы, — пулеметчиком!

Михаила Степина, партизана полка им. 24-й годовщины РККА:

«В это время немцы сосредоточились и начали бить ураганным огнем, пустили на шоссе два танка. Тогда командование дало приказ отойти от города и занять оборону на окраине Ельни. А я с группой бойцов не мог выйти с территории винзавода, так как подошли два танка на расстояние 20 метров и начали обстреливать винзавод. Мы отстреливались...»

Два танка переломили ход событий! Не наших причем, а никудышных в сравнении с советскими, немских два танка. Степин дополняет: один из этих танков, закидав гранатами, партизаны подбили. Второй, взяв на буксир подбитый танк, тоже покинул район винзавода. Но ведь вернутся, и тогда будут бить не с 20 метров, поостерегутся. Шла потихоньку вперед и немецкая пехота, та самая, по теперешним книжкам «зачастую не обладавшая серьезным численным превосходством». Степин невольно отвечает на таковое: *«Двое бойцов, из 6-ти, было ранено, но мы их забрали и потащили...»* Так что считайте сами, не раненых партизан лишь четверо оставалось. Но это в арьергарде, не успевших отойти с винзавода. Такие сцены были и в других частях города. Решение на отступление последовало из-за танков, будь они неладны, не наших танков! Кстати, а как насчет танков наших, хоть одного?

Прекрасный вопрос. Танки были. И в немалом количестве, ведь и сам П.А. Белов имел основания написать о «своих» смоленских танках следующее:

«...мы сформировали отдельный танковый батальон... В батальоне насчитывалось теперь более двадцати танков, среди них два тяжелых КВ и восемь Т-34.

Бойцы, партизаны и местные жители обнаруживали все новые и новые боевые машины, пригодные для ремонта. Восстановление танков продолжалось ускоренными тем-

нами. Представлялось совершенно реальным развернуть батальон в танковую бригаду»¹.

Действительно, из оставшихся с осени 1941 г. советских танков в РБД группы Белова вполне реально было скомплектовать и целую танковую бригаду. Множество танков оставили здесь советские танковые бригады, причем не одна и не две. Напомним, в октябрьских боях 1941 г. юго-западнее Вязьмы прекратили существование аж пять танковых бригад Резервного фронта: 144 и 146 ТБР (из состава 24-й армии), 145 и 148 ТБР (из состава 43-й армии), 147 ТБР (во фронтовом подчинении). 144 и 146 ТБР были разбиты у Ельни и северо-восточнее, где в 1942 г. действовал партизанский отряд «ФД» / полк им. 24-й годовщины РККА. 145 ТБР сражалась и прекратила существование в районе последовавших действий партизанского полка им. С. Лазо, южнее Ельни. 147 ТБР в начале октября 1941 г. дислоцировалась, — а значит, оставила танки — в «котле» у Дорогобужа. 148 ТБР пыталась противостоять врагу на Московско-Варшавском шоссе у села Шуи и северо-восточнее, отступала на северо-восток через Куйбышевский, Спас-Деменский районы и окончательно была разбита во Выходском районе, юго-западнее железнодорожной станции Угра. Суммировав эти факты, констатируем — за исключением 145-й ТБР, множество танков из 4-х других танковых бригад Резервного фронта остались к весне 1942 г. непосредственно на основной территории Дорогобужского партизанского края, на территории действий группы П.А. Белова и подчиненных этому генералу партизанских сил. Часть танков, конечно, восстановлению не подлежала. Но учитывая, что речь идет о четырех бригадах, — понятно: было что выбрать и послать в бой. Было бы горячее, и было бы кому повести

¹ В кн.: *Амиров Г.С.* Непокоренная земля. Алма-Ата: изд-во «Жазахстан», 1975. С. 6.

эти машины. Была бы инициатива командования группы. Привинчивали ведь ордена за взятые зимой города — «специалисты по штурмам», понимаешь. Последний штурм, уже февральский, штурм Семлево должен был генерала П.А. Белова и его окружение окончательно убедить: шашкой и лихим наскоком города на Смоленщине уже не взять, да что города, даже села! Должны были понимать роль танков в таких атаках. Понимали, на словах. Но на деле вышло иначе.

Кто-либо, пожалуй, мог бы здесь задать резонный вопрос: а как же с партизанскими танками у самого-то полка им. 24-й годовщины РККА? Ответим и на такое. В марте полк располагал первой восстановленной в селе Мазово тридцатьчетверкой. Но в Ельню пойти она не могла по обстоятельствам объективным. Для броска на Ельню танк прежде требовалось вывести от Мазова на левый, западный берег Угры. Путь к Ельне от брода д. Холбни был замкнут вражеским укрепленным узлом Семенково — Брынь, не говоря уже о размещенных ближе к городу гарнизонах. Мархоткинский же мост на Угре — единственный здесь в партизанских руках оптимальный пункт переправы транспорта, танков — был пока разбит и раньше завершения половодья ремонту не подлежал.

...А что касается 145-й ТБР (1941 г.), то ведь и ее танки могли сыграть роль в штурме Ельни. Лазовцы, наступавшие с юга на город, имели несколько этих машин. Однако в решающий момент в Ельне наших даже одного-двух танков — не было! «Можно было бы бросить в бой наши танки, но мы не хотели рисковать», — объясняет сам комиссар полка¹. «Прекрасно!» По логике А.Ф. Юденкова получается, что лучше рисковать сотнями жизней, чем бездушной сталью. Полк понес в Ельне самые большие потери.

¹ Юденков А.Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 166.

Теперь подробнее о собственно беловских танках. Иллюстрацией того, что и в наше время почти ничего конкретного о действиях танкистов П.А. Белова не известно даже специально исследовавшим тему, является, например, опубликованная в 2008 г. работа В. Гончарова о Вяземской воздушно-десантной операции¹. Указанный автор, непосредственно после описания мартовских 1942 г. боев событий и указания на документы от 24, 25 марта 1942 г. в локальном выводе, отмечает: *«Таким образом, наличие в немецком тылу крупной организованной группировки советских войск с артиллерией и танками (у Белова имелись даже отремонтированные тяжелые КВ), не только дезорганизовало коммуникации группы “Центр”, но и отвлекало значительные немецкие силы»*. Не отвлекаясь на «отвлекающие силы», констатируем: количество танков автором не указывается, вместо описания конкретного боевого применения танков ...они «имелись», об отремонтированных танках КВ сообщается в привязке к концу марта 1942 г. — по совпадению или нет, именно в интересные нам дни сльнинского штурма, 24—25 марта.

Вопрос: был ли у Белова пригодный для мартовского боя за Ельню хоть один «живой» танк? Вот что находим у П.А. Белова: «В конце марта три танка, один из них тяжелый, были готовы к боевым действиям», о чем тогда же и отчитался перед П.А. Беловым лейтенант В.М. Кошелев².

Штурм Ельни завершился 27 марта. «В конце марта» (беловское), конечно, можно понимать по-разному. Но это не 31 марта — Белова в то время в Дорогобужском районе не было, у Белова шли бои за станцию Угра, а танкоремонт-

¹ Гончаров Владислав. Вяземская воздушно-десантная операция // Десанты Великой Отечественной войны / Ред.-сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 318.

² Белов П.А. Указ. соч. С. 236.

ная мастерская находилась в дорогобужском Волочке, далсковато от штаба корпуса, и Кошелеву потребовалось бы время добраться и известить Белова. Возможен, но гораздо менее вероятен вариант извещения Кошелевым Белова через штаб 1-й Гв. КД. В обоих случаях дело это не легкое и не быстрое. В самую распутицу (после Евдокей ездит по да лакей) ни 35 верст по прямой до беловского штакора в Подлипки — Курганьс, ни 21—23 версты до барановского штадива в Яковлево — Дорогобуж за сутки не добраться.

Поскольку же речь идет не об одном, а о трех танках, смеем утверждать, что танки стали пригодны не единомоментно, не в одни и те же сутки. Как ни крути, а к 26—27 марта, ко времени отхода партизан из Ельни, один-два беловских танка уже были готовы к боевому использованию. И стояли они как раз там, где на Ельню бы им и пойти — в Волочке! Но не пошли. Как говорится, война — ... главное — маневры! Лейтенанту В.М. Кошелеву приоритетней было порадовать генерала П.А. Белова отчетом о готовности танков к боям, чем помочь в Ельне у винзавода М. Степину и трем его не раненым пока боевым товарищам-партизанам.

И вот после этого вернемся к упомянутому выводу В. Гончарова: *«...наличие в немецком тылу крупной организованной группировки советских войск с артиллерией и танками (у Белова имелись даже отремонтированные тягелые КВ) не только дезорганизовало коммуникации группы "Центр", но и отвлекало значительные немецкие силы. Это уже само по себе оправдывало решение на проведение операции без достаточного ее обеспечения, принятое в конце января командованием Западного фронта»*. Это про дни ельнинской-то операции. Оправдано ли такое «оправдывало» в XXI веке? Конечно. Ведь нынче нет ни Шведовых, ни Степиных, которым было бы что рассказать не видевшим войны, не глядевшим в жерла германским танковым орудиям на ельнинской улочке.

Так что же в действительности? Белов и его «кошмогвардейцы» свою роль в ельнинских событиях все же («прав» Гончаров!) сыграли — даже не участвуя в них. Но роль эта неславная. Предоставим слово участвовавшему в штурме партизану И.Д. Шведову:

«...мы ждали, когда подойдут танки от беловцев, а подошли танки немцев, и начался настоящий погром партизан».

Автор вышеприведенного высказывания, Игорь Шведов, в те дни, будучи помощником-секретарем военкома полка им. 24-й годовщины РККА, вел по поручению Г.С. Амирова записи в специальном дневнике (сданном позже Амирову при вылете того в советский тыл), записывал ежедневно все главное из звучавшего в штабе. Так что насчет танков от беловцев — не какой-нибудь уличный слухок. Шведов знал в деталях все чаяния, надежды, распоряжения и договоренности командования полка. Мастерские по восстановлению танков партизанами (Мазово) находились всего в 17 км от аналогичных беловских (Волочек). От партизанских деревень Курвости и Немерзи (тыловой район полка «24-й годовщины РККА») до Волочка и того меньше — 11 км. И те и другие «рыскали» на десятки километров по округе в поисках новых танков, инструмента и деталей. И несколько недель проходит в таком соседстве. Не знать о состоянии дел друг у друга партизанские и беловские ремонтники не могли. Знали. Знали, стало быть, и Гнездилов с Амировым (командование «24-й годовщины РККА»). Приказ на участие в ельнинской операции ими был получен с запозданием, оставалось исполнять. Свои танки из Мазово повести на Ельню не приходилось из-за отсутствия моста на Угре, но иное дело — беловские танки из Волочка: село располагалось прямо на Вяземско-Ельнинском тракте, исстари проложенном вне крупных переправ. ...*Ждали, когда подойдут танки от беловцев...* Надеялись на основе добрососедства

или уже договорились? Договариваться о привлечении непосредственно к ельнинскому бою кошелевских танков партизанским представителям приходилось, вероятно, уже 23—24 марта. Возможно, существовала еще до того предварительная договоренность — на уровне В.М. Кошелева, но явно никак не генерала В.К. Баранова, учитывая его мартовские наветы на партизанский полк. А лейтенант Кошелев самовольничать вне согласования с ближайшим беловским представителем (генералом!) не мог. Так кем же была предварительная договоренность аннулирована?

Восстанавливал танки, руководя специальной группой, бывший делегат связи 2-й Гв. ТБР лейтенант В.М. Кошелев на основании личного указания командующего корпусом Белова, ему и подчинялся. Ему и должен был доложить о выполнении порученного дела. Но, как говорится, до бога высоко, до царя далско. Приказывать лейтенанту могли и нашедшиеся поближе представители кавкорпуса. Кроме того, заявки Кошелева на авиационную доставку¹ из советского тыла ряда необходимых деталей и технического оборудования могли быть поданы и реализованы лишь при обращении В.М. Кошелева в штадив В.К. Баранова. Так что деятельность Кошелева в любом случае была под контролем кого-либо из офицеров штаба 1-й Гв. КД. По событиям ельнинской операции никого уже не спросишь, что и как. Но факт есть факт: ...Кошелева то ли послали, то ли сам он поехал не в Ельню, а рапортовать генералу Белову.

Павел Алексеевич Белов: *«...три танка ...были готовы к боевым действиям. Я поздравил Кошелева с этой побе-*

¹ Это не выдумка. В аналогичном порядке через собственную радиосвязь в тот же период заявки в штаб Западного фронта направлялись «инженером Гамбургом» (Г.Л. Гомбург) из танкоремонтной группы полка им. 24-й годовщины РККА, а ведь это неподалеку от мастерской Кошелева.

дой и назначил его командиром нашего первого танкового взвода»¹.

Славная «победа»! А теперь о тогдашней же непобеде, за которую впереди, в мае 42-го отвечать перед комфронта Амирову и Гнездилову. Итак, Амиров и Гнездилов ждали подхода танков из регулярных частей группы Белова. Предстояло с помощью этих беловских танков сделать последний рывок. Но беловцы не пришли, все обернулось отходом и кровью:

«...начался настоящий погром партизан. У нас погибло 27 или 37 человек, так как у нас все партизаны были в маскировочных халатах, а у лазовцев люди были без халатов и их погибло значительно больше, у них погибло около 300 человек».

Люди погибли из-за отсутствия маскхалатов? Это вторично. А в первую очередь — из-за отсутствия обещанной танковой поддержки в решающий момент штурма. Из-за отсутствия властного контроля над беловскими танкистами в деле обеспечения ельнинской операции со стороны их командования. Жуков виноват? Генерал армии Г.К. Жуков о лейтенанте В.М. Кошелеве как-то мог и не знать. Но не скажешь, что в 1-м Гв. КК не знали о штурме Ельни: приказом еще от 16 марта 1942 г. посланные участвовать в штурме глинковские партизанские батальоны входили в соединение «Дедушка», подчиненное генералу В.К. Баранову, у когото даже самолеты были для связи со штабом корпуса, с П.А. Беловым. Знал и лично Белов, вот из его радиогранмы Жукову 26 марта 1942 г., насчет «Дедушки»: «...*Весь ли отряд должен действовать на Ельню или частью сил?*»² Просто заинтересованы те генералы судьбой ельнинской операции были, мягко говоря, слабо. Ведь генерал-майор

¹ Белов П.А. Указ. соч. С. 236.

² Юденков А.Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 168—169.

В.К. Баранов у Дорогобужа «ждал свистка» на выведение дивизии к основным силам корпуса, ко Входам, Милятину. А генерал-лейтенант П.А. Белов именно в те самые дни в 75 километрах отсюда бесславно штурмовал Угру. У Нового Петрова генеральский бинокль был направлен на юго-восток. Там, за Угрой, за Варшавкой, свои — 50-я армия, Западный фронт...

8. МИЛЯТИНСКИЙ ПРОВАЛ

ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ?

Если взглянуть на карту местности с нанесенной на нее конфигурацией линии фронта на апрель 1942 г. в теперешнем смоленско-калужском пограничьи, мы обнаружим лишь один район, где у советских войск Запфронта имелась реальная возможность создать «ворота» в Дорогобужский партизанский край, в опергруппу Белова. Это район Калужских торфоразработок, место это легко найти на карте северо-восточнее Спас-Деменска по нынешнему выступу здесь к Варшавскому шоссе границы Смоленской области. Здесь находится Зайцева Гора — не только «гора»-высота 275.6 фронтовой карты, но и соседствующий с нею поселок, расположенный непосредственно на Варшавском шоссе. Лежащее к югу от шоссе большое Шатино болото позволило советским войскам приблизиться именно у Зайцевой Горы к этой важнейшей рокаде на минимальное расстояние. А ведь, как говорится, где тонко, там и рвется. Под Зайцевой Горой и западнее весной 1942 г. пытались рвать вражеский фронт не раз и не два.

Босвая обстановка на этом участке была под особым контролем и советских, и германских генералов. 50-я советская армия с абсолютно читаемым «жуковским» упрямством не раз и не два пыталась именно здесь расколоть вражеский

фронт. Любому вникшему в конкретику жуковских наступлений 1941—1942 гг. известно, что творческим вкладом будущего «Маршала Победы» в военное искусство была метода бесконечной долбежки одного-единственного участка с заранее понятной противнику целью. Именно так было под Ельней в 1941-м: северная и южная ударные группы, цель обоих — выйти на большак под Петрово и соединиться. Именно так же было севернее Юхнова в феврале—марте 1942-го: западная (М.Г. Ефремов) и восточная («северная» 43-й армии) группы, цель обоих — соединиться у д. Шеломцы. Было так и у Зайцевой Горы.

Мартовские атаки в направлении Варшавского шоссе войск 50-й армии серьезного успеха советской стороне так и не принесли. Очередной штурм немецких позиций на стыке 40-го танкового и 43-го армейского корпусов был запланирован командованием Запфронта на середину апреля 1942 г. На этот раз к участию во взламывании фронта противника предполагалось привлечь и десантно-кавалерийскую группировку корпусов Казанкина и Белова.

Для атакующих с севера советских сил командованием Западного фронта предлагалось под Баскаковкой и Милятином к переходу-переползанию-переплыванию «всего-то» полтора-два десятка верст. И на пути не только разливы талой воды и болотной жижи, а еще и невидимые среди них русла речек Хатиловки, Баскаковки, Бутовки и Завальни. Если же все это преодолеть-таки, то «благодаря уголку», избранный командованием фронта в качестве поля решающей битвы по северному фасу шоссе, выглядит ниже-следующим образом:

1. Западный участок. В районе предполагаемого выхода от разъезда Завальный в направлении к ближайшему участку шоссе частей 2-й Гв. КД: огромное по здешним меркам село Милятино, в 350 дворов, занимающее почти целый 2-километровый квадратик фронтовой карты. Село

рассказывает река Ворона, что само по себе представляет препятствие для наступающих. Долина этой реки пересскает, параллельно шоссе, и более восточный участок предстоящих боев.

2. Непосредственно от моста узкоколейной железной дороги (центр села Милятино) на 3,5 км в восточном направлении, отделяя атакующих от шоссе — озеро Милятинское, достаточно широкое (от 0,5 до 1 км) даже без учета весеннего разлива.

3. Восточный участок. В районе предполагаемого выхода батальонов 4-го ВДК в направлении к участку шоссе Тычек — Фомино 2 — Зайцева Гора: 4-километровое дефиле между озерами Милятинское и Бездон. Здесь же — выступающая как водное препятствие для атакующих долина реки Ворона, текущей из оз. Бездон в оз. Милятинское. Каждое из указанных озер имеет в долине Вороны пойменный участок приблизительно в 1 км. Центральный меж ними, более высокий 2-километровый участок по северному берегу Вороны замыкается для атакующих расположенными здесь по северному берегу двумя деревнями — Стар. Аскерово и Нов. Аскерово, удобными для размещения гарнизонов. Лес района выхода сюда десантных бригад отделен от этих деревень узкоколейной линией от оз. Бездон в западном направлении. Южнее этой линии на подступах к деревням Стар. Аскерово и Нов. Аскерово открытая местность с редким кустарником. В случае даже овладения 4-м ВДК обоими деревнями, в случае успешного форсирования реки Ворона и ее поймы — на пути атакующих, заслоняя собою шоссе, лежит господствующая высота местности — высота 275.6. Название прилегающей деревни, о чем мы прежде упомянули, подсказывает старинное имя этой высоты — Зайцева Гора. Ай да местность для побед! Куда ни кинь — всюду клин: там Тычек, тут Бездон, а посередине — она, родимая, Зайцева...

ЭХ, И ЗАЙЦЕВА Ж ТЫ ГОРА

Трусливость зайца вошла в поговорку, — так еще в XIX веке сообщал в своем известнейшем словаре знаток русской жизни Владимир Даль.

На карте нашей страны есть множество мест, в силу странной насмешки судьбы словно бы закодированных рано или поздно оправдать свое название. Сакральный аспект топонимики наиболее ярко проявляет себя в эпоху войн. Старые, вековечные названия начинают звучать как-то зловеще актуально. Особенно много подобных примеров нам преподносит, конечно, опыт Великой Отечественной на нашей территории. Погостье, что на киришской железнодорожной линии от Ленинграда (Санкт-Петербурга), в военные годы множит в своих окрестностях массу братских могил, оправдывая свое кладбищенски-погостное название. Новгородская деревушка Мясной Бор странным образом в битве 1942 г. становится с прилегающим к ней бором действительно «воротами в ад» для войск аж трех советских армий, долины речек Полисть и Глупица западнее этой деревни месяц за месяцем устилаются сотнями и тысячами погибших, и тем самым надолго становятся *мясным бором* буквально. Городишко Ржев своим именем вызывает ассоциацию бесчисленной военной *ржавчины*, оставшейся на десятилетия по всей дуге окружавшего его в 1942-м фронта. Долина реки Бойня в 6—7 км восточнее этого города совершенно случайно в августе 1942-го становится главным направлением взламывания вражеской обороны советскими частями на пути к Волге. В Вязьме генералы враждующих государств пыгаются и в 1941-м, и в 1942-м *вязать* узлы на мешках окружений, — кому удастся, а кому и нет. Ручей Рубежный на юге Смоленщины, о котором ныне очень мало кто знает, становится *рубежам*-Рубиконом в судьбах многих тысяч беловцев и десантников. А сколько таких ру-

бежей и погостов по всей старой Руси-матушке перепахано этой главной войной XX века?

В Барятинском районе Смоленщины, а с 1944 г. это Калужская область, «мистически звучащее» место — Зайцева Гора. 173-я СД и 108-я ТБР вечером 13 апреля 1942 г. овладели поселком Зайцева Гора. Ударили, совершенно не уязвывая начала своего наступления с действующим севернее 4-м ВДК, не говоря уже о кавалеристах П.А. Белова и партизанах. Вот и сам генерал Белов в своих мемуарах говорит о несогласованности:

«14 апреля из штаба Западного фронта было получено совершенно неожиданное сообщение: 50-я армия перешла в наступление и даже овладела Зайцевой Горой, в шести километрах от Милятина. Это сообщение показалось мне странным. Три дня назад армия еще не была готова к активным действиям, и вдруг самостоятельно, без согласования с нами, начинает прорывать оборону противника. Чем это объяснить?»¹

Обратим внимание: «...без согласования с нами...», «... совершенно неожиданное сообщение». О действиях 4-го ВДК 13—14 апреля 1942 г. П.А. Белов здесь же сообщает как о частных операциях по инициативе вовсе не фронтового командования. Либо генерал в мемуарах лукавит с целью приуменьшить или снять с себя ответственность за неудачу удара навстречу 50-й армии, либо между ним и командиром 4-го ВДК А.Ф. Казанкиным отношений субординации после 11 апреля (момента подчинения командования ВДК Белову) не возникло, и Казанкин 12—14 апреля так и не уведомил Белова о наступлении десанта на юг. И «хозяин» (Жуков) не уведомил? Поразительно, но высока вероятность того, что Белов с его штаком не знал к моменту взятия Зайцевой Горы не только об ударе 50-й армии, но и о приказе командующего 4-м ВДК Казанкина (о том ниже) десантникам от 12 апреля 1942 г. Да ведь формально-то

¹ Белов П.А. Указ. соч. С. 231.

за успехи и неуспехи Казанкина с 11 апреля 1942 г. был «назначен крайним» именно Белов.

А о чем невольно может свидетельствовать беловская фраза «...и даже овладела Зайцевой Горой...»? — Белову почти не верится в официальное уведомление от командования фронта. Констатируем: у Белова к середине апреля давно сформирована крайне низкая собственная оценка наступательных способностей и боеспособности в целом частей 50-й армии.

Подробно апрельские бои 1942-го в районе Зацевой Горы и западнее ее описаны М. Севериным и А. Ильюшечкиным в уже упоминавшейся нами работе¹, специально посвященной истории зимне-весенней кампании 1942 г. в этой местности. Патриотичность авторов, нашедшая воплощение в деле сохранения памяти о прошлом «Малой Родины», редкая нынче, безусловно достойна уважения. Но факты дают мало, важна их объективная интерпретация. В ряде мест упомянутой работы, по нашему мнению (и мы можем ошибиться), описываемое интерпретировано сугубо субъективно. В частности, результаты провального для 173-й СД боя 14 апреля за Зайцеву Гору преподнесены чуть ли не советской победой: «...На этот раз наши части лишь немного откатились назад, ожесточенно обороняясь и не позволив тем самым противнику осуществить прорыв, перехватив инициативу и полностью нивелировав успехи наших войск за предыдущий день»². «Лишь немного» немцам-то и было нужно — территориальная подконтрольность шоссе! «...Откатились ...обороняясь и не позволив ...осуществить прорыв...» Какие «прорывы» могли быть в головах у командования обороняющихся германских 43-го АК и 40-го ТК?! Единственная задача — контроль над рокадой.

¹ Северин М.С. Решающий момент Ржевской битвы. М.: Яуза, Эксмо, 2010.

² Северин М.С. Указ. соч. С. 206—207.

14 апреля 1942 г. частями 173-й СД 50-й армии район Зайцевой Горы оставлен противнику. Разумеется, «под давлением пехоты и танков противника». А в те годы и не могло быть иначе, особенно в отчетах и рапортах об очередной неудаче.

Зайцева гора... Заячье, что ни говори, название, небоевого, псевдоним. Именно здесь весной 1942 г. Красной армии выпал реальный шанс создать огромные проблемы отошедшей от Москвы германской группировке. Это название в связанных с ним боевых событиях оправдало себя не очень-то военному. Так что же, мистика виновата? Ведь *Зайцева* же, — со всеми вытекающими характеристиками. Однако, по народной пословице, заяц не трус, просто себя бережет! Вот так и с дивизиями да танковыми бригадами Запфронта. Кстати, патронов-снарядов не хватило, да мало ли чего. Оправдания всегда найдутся. Найдутся и примеры, когда одни героизмом платят за массовое малодушие и бестолковость остальных. И Зайцева Гора постепенно оказывается вовсе не «трусовой горой» — со всеми вытекающими из этого мемориалами.

Погибшим — честь и бессмертие, а бежавшим назад, в кусты и в Шатино болото — ни дна и ни покрывки этим геройским ребятам, ведь за каждым их заячьим скоком — в 20—40 раз большее расстояние по апрельским хлябям тех, что шли им на поддержку с севера. И не только это. Отход советских частей с шоссе — скромный вклад в фундамент летней 1942-го расправы врага над Дорогобужским партизанским краем, над народом сотен деревень центральной Смоленщины.

САМЫЙ БЕЗУМНЫЙ ЗАПЛЫВ

11 апреля 1942 года по распоряжению Военного совета Западного фронта 4-й воздушно-десантный корпус оперативно был подчинен генерал-лейтенанту П.А. Белову. Датировка этого события весьма недвусмысленно показы-

васт — командованию Запфронта именно теперь потребовалось консолидировать все силы к северу от Варшавского шоссе под единой командой. Приближались главные для всех этих войск события. Ответственность, — а для комфронта Г.К. Жукова весной 1942-го приоритетна была именно формально-закрепляемая им на ком-нибудь ответственность, — на Белове.

12 апреля 1942 г. командующий войсками Запфронта направляет в 4-й ВДК (вероятно, и в 1-й Гв. КК) боевое распоряжение о переходе этих войск в наступление на милятинском направлении. В этот же день командующий 4-м ВДК принял решение на наступление¹. Согласно принятому решению, корпус, удерживая занимаемый район, оставив в обороне левофланговую 214-ю ВДБР и выдвигая часть ее сил на рубеж Бараки Плотки — Акулово, наносил основной удар в южном направлении частью сил двух бригад (8-й и 9-й ВДБР) на узком участке к востоку от железнодорожной линии Вязьма — Занозная. В районе Нов. Аскерово и Стар. Аскерово предполагалось выйти на соединение с войсками 50-й армии Западного фронта и в дальнейшем действовать с нею совместно для закрепления пробитых в обороне врага «ворот».

И вот началась операция. П.А. Белов действовал в своейственной ему в этих краях манере: кавалерия с краешку. Знал или не знал Павел Алексеевич о планах 50-й армии и 4-го ВДК, но кавалеристы самого-то Белова уже 14 апреля очень сдержанно приступили к некоему подобию операции. Южнее смоленской деревушки Бутово есть в лесах болотце.

¹ См.: *Громов И.И., Пигунов В.П.* Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное издательство, 1990. С. 210. В ЦАМО РФ в выдаче для исследования даже описей фонда 4-го ВДК нам отказано якобы за несуществованием таковых, открытые же описи и дела входящих в корпус бригад «обрублены» по ноябрю—декабрю 1941 г.

Подразделения 2-й Гв. КД на этом участке в вечерне-ночное время выдвинулись к фанерн. (фанерному заводу, ныне Новомилятино). Не отличаясь громкими успехами по разгрому вражеских гарнизонов в поселках и деревнях, кавалеристы в последующие несколько дней продолжали продвигаться на юго-восток. По оперативной сводке № 110 Генерального штаба Красной армии Беловцы к исходу 18 апреля подошли к разъезду Завальный. К Милятино немцы Белова не пустили.

Основную же роль в наступлении, — восточнее кавалерии Белова, на главном направлении прорыва навстречу главным силам Западного фронта, — предстояло сыграть десантникам Казанкина. Официально в советской историографии моментом начала наступления 4-м ВДК указана ночь на 14 апреля 1942 г. Напрашивается вопрос: приказ десантникам отдан уже 12 апреля, а почему же целые сутки 13-го бригады бездействуют? Примечательный, крайне важный в судьбе всей операции день! День взятия Зайцевой Горы советской 173-й СД. А десант действует крайне вяло, словно чего-то ждет... Станция Вертехово в оперативной сводке № 104 Генерального штаба Красной армии указана среди освобожденных к исходу суток 13 апреля. Приказы в планшетках, цели определены, враг отходит... Вперед, что тут топтаться. Но далее почему-то следуют крайне робкие «победы». В течение дня 14 апреля расположенная с нею рядом д. Тереховка, и даже Бол. Мышенка, что 2-х км южнее, были десантниками заняты. Казалось бы, неплохое начало наступления? Однако по документам противника еще за сутки 13 апреля узнаем, что «...Сила охранения (обозы корпуса и части 34 ПД) севернее Баскаково отошли на линию М. Мышинки — Баскаково»¹. Получается, десант никак не атаковал, а лишь тихонько преследовал планомерно отступающего

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 908.

противника в фазе завершения им деблокирующей группы «Хаазе» операции.

И не только поначалу, не только 13—14 апреля наступление идет крайне медленным темпом.

— 15 апреля 1942 г. бригады десанта вышли лесным массивом на участок ст. Баскаковка — Бараки Плотки, основными силами находясь в 4 км юго-восточнее д. Мал. Мышенка.

— 16 апреля 1942 г. достигнутое бригадами положение можно определить как центр лесоболотного массива по линии фанерн. — Резвинка, т.е. 4 км севернее района Буда.

— 17 апреля 1942 г. в течение светлого времени суток десантные бригады сосредоточились в районе непосредственно севернее, северо-восточнее и северо-западнее Буда, после разведки атаковали гарнизон противника и к исходу суток овладели пос. Буда (5 км северо-западнее района Новос Аскерово).

Как видим, среднесуточные темпы продвижения 8-й и 9-й воздушно-десантных бригад в начальном этапе операции, с 14 по 17 апреля, — приблизительно 4,5 км в сутки.

Не били рекордов в плаванье-ползание по Богородицким болотам и немецкие подразделения. Так, по суточному дознанию за 16 апреля 1942 г. штаба группы армий «Центр» в 2.10 17 апреля о действиях на участке 131-й пехотной дивизии 43-го армейского корпуса сообщается следующее: «противник активно вел разведку. Наши дозоры из-за непроходимости местности за день продвинулись лишь на 3 км»¹. Три километра — не ахти. И все же дозоры сработали! Уже в тот же день, 17 апреля 1942 г., разведкой немецкой 131-й ПД в 2-х км западнее района Бараки Плотки была обнаружена одна из колонн советских подразделений,

¹ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 926.

выдвигавшаяся в южном направлении. И это при том, что в суточном оперативном донесении еще за 14 апреля 1942 г. штаба группы армий «Центр» (2.10 15 апреля) все там же, по району 131-й ПД указано недвусмысленно: *«Согласно перехваченной радиограмме следует ожидать наступления всего воздушно-десантного корпуса русских»*. Естественно, сумма подобной информации была достойна внимания как на уровне командования германского 43-го армейского корпуса, так и выше. И если удар по гарнизону Буды вечером 17 апреля был противником пропущен, то ломать голову с тем, какие силы его нанесли, немецким оперативщикам не пришлось. Достаточно было провести на карте стрелку из-под Бараков Плоток на Буду. Все ясно: «русские» десантники привлечены для помощи войскам Жукова, атакующим шоссе с юга.

Несмотря на безотрадность природных условий, требуемые боевой обстановкой действия противник предпринял очень своевременно. Только что взятая советскими десанниками Буда была на следующий же день, 18 апреля 1942 г., немцами возвращена под свой контроль. В это же время части немецкой 31-й ПД из района Старое Калугово атаковали заслоны 4-го батальона 9-й ВДБР на дороге у дома лесника (1,5 км юго-западнее Рудной, теперешняя граница Смоленской и Калужской областей). В боях погиб командир батальона капитан Д.И. Бибиков. Остатки батальона отступили на северо-запад.

Таким образом, после сравнительно «удачного» начала наступления части сил 4-го ВДК последовали неизбежные контрмеры противника. Действительная удача десанниками была упущена. Началось сдавливание наступающей на юг советской десантной группы с флангов. Кроме того, несколько суток крайне медленного продвижения были лишь подарком противнику в плане (первое) спокойного отражения им ударов 50-й советской армии с внешнего фронта и

(второс) подготовки позиций на аскеровских высотах фронтом на север.

Несмотря на крайне шаткое в оперативно-тактическом смысле положение десантных бригад после вражеских контрударов 18 апреля под Будой и Рудной, выполнение первоначально поставленной задачи продолжалось аж по 24 апреля 1942 г.! Бои шли на лесных опушках и небольших высотах к северу от Нового и Старого Аскерова. В бою погиб командир батальона капитан П.В. Поборцов. Воздушно-десантные бригады подвергались интенсивному артиллерийско-минометному обстрелу со специально по этому случаю подготовленных врагом позиций. Несли потери. День за днем и ночь за ночью не имели продовольствия, боеприпасов, возможности обогреться, высушить одежду и обувь, да и просто отоспаться не под хмурым апрельским небом.

Зачем же требовалась вся эта затея с выходом обесшленных в многодневном болотном скитании десантников к Варшавскому шоссе? Отвлечь хотя бы небольшую часть подразделений немецкой 31-й ПД с участка фронта под Стросвкой и Зайцевой Горой? Да. Однако все дело в сроках. Раз внезапности не было, не было к 20-м числам апреля уже и смысла в атаках на этом участке. Кризис советских атак с юга под Зайцевой Горой к 20-м числам миновал. Выйди десантники к деревням у шоссе 13—14 апреля — такая небольшая помощь могла оказаться решающим условием для закрепления тогдашней советской победы под Зайцевой Горой. И наоборот — удержи 173-я СД Зайцеву Гору до подхода десантников, допустим, до 18—20 апреля, — никаких шансов остаться в Новом Аскерове подразделения 31-й ПД не имели. ...Бы.

Прекрасно понимая бессмысленность запоздавшей 50-й армии «помощи», командующий войсками Запфронта разрешил группировке бригад 4-го ВДК начать отступление в прежде занимаемый ими район. А что еще оставалось?

Да, ударная группировка 50-й армии оказалась не на высоте. Да, шедшие ей навстречу с севера не успели, — если говорить о десанниках. И не смогли, — если говорить о кавалеристах 2-й гв. кавдивизии. Соответствующих приказов и поставленной кавалеристам задачи нам не прочитать. Журнала боевых действий и книги приказов дивизии того периода в обозреваемом нами информационном пространстве нет. «Описание боевых действий корпуса с приложением схем» — информация для обычного гражданина РФ, представьте, и ныне секретная¹. Но для командовавшего корпусом Павла Алексеевича Белова секрета не было. Задача была поставлена — взять не лес, а конкретные населенные пункты. Не взяли. И чем же это оправдать? Открываем беловские мемуары:

«Я считал, что надо пойти на риск, снять из района Дорогобужа нашу самую сильную в то время 1-ю гвардейскую кавдивизию с ее артиллерией и минометами...

...Одна за другой следовали контратаки вражеской пехоты и танков. А у нас не было больше резервов.

Сколько раз вспоминал я в эти горячие часы о 1-й гв. кавдивизии. Но вводить ее в бой штаб фронта запретил»².

Так вот в чем дело! Штаб фронта и командующий его войсками Г.К. Жуков не приняли очень гениальной идеи — гнать дивизию в распутицу за 70 километров (это лишь по прямой, по карте, а не проселками на местности). И это только до района развертывания. Дальше бы началось беловское «чудо». А может, словами из песни В.С. Высоцкого:

мы таким делам вовек не обучены.

...и кроме мордобития никаких чудес?! ...

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3465. Оп. 1. Д. 80 (коробка 25012).

² Белов П.А. Указ. соч. С. 232.

«ЛОШАДИ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ, А ПАРТИЗАНЫ ШЛИ»

Павел Алексеевич Белов рассуждал о возможностях 1-й гв. кавдивизии абсолютно отвлеченно от тогдашних болотно-апрельских реалий. Коннице на покрытых разливом лежнях ветровалов было разве что ноги ломать — и себе и коням. Да и без того движение с конями по болоту — для незнающего тропы затея гибельная. Война на болоте, а тем более весеннем болоте, имеет специфику. Медленное продвижение многосотметровой цепочкой. В случаях неизбежного временами падения, подскользывания, завязания — ржание коней. При обнаружении противником — высокая вероятность скованности в маневре, в определении тактики предстоящего боя, быстром развертывании подразделений в босвой порядок. Потери. А упасть в ледяную воду даже с пустяковым ранением, а перевязку сделать, а выбраться — ой-ой-ой. Кавполк, если он, конечно, не разбитый, а идущий в наступление, — это не группа всадников. Это еще и обозы. Это и минимальное артиллерийское обеспечение. Другими словами, телеги и пушки по Богородицким болотам тащить тоже предстояло — и не генералам, естественно. Чтоб учитывать подобное генералам, не надо быть семи пядей во лбу. На то он и генерал, что за плечами у него собственный опыт прежних войн, причем сравнительно удачный для него опыт. Мы, нынешние, без личного опыта страшного лихолетья 1914—1920 гг., можем хотя бы прочесть, к примеру, записки поручика Сергея Мамонтова о подобных действиях в одном из болот под Харьковом. Завершает описание ужаса своего болотного скитания поручик таким признанием: *«Впоследствии иногда мне снилась черная вода с отражением месяца и качание камышей кругом... и дрожь*

*пробирала»*¹. Советский же читатель, причем и в предвоенные времена, был знаком с весьма известной повестью А.П. Гайдара (Голикова) «Школа» (1930 год), с эпизодом о болоте под Выселками:

«— Тут кони ни вплавь, ни вброд. Чисто чертова каша.

— Но! — подбодрил Федя, искусственно улыбаясь. — расхлебаем и чертову!

Вода, кое-где покрытая паутиной утренного льда, заливала за голенища сапог. Невидимая тоненькая настилка колебалась под ногами. Было жутко ступать наугад, и казалось мне, что вот-вот под ногой не окажется никакой опоры и я провалюсь в вязкую, засасывающую ямину».

Как видим, маневры, тем более с конями, по болоту даже в несколько сотен метров оставляли у преодолевших подобное препятствие жуткие воспоминания надолго. И это если живы оставались, и ...если надолго здоровья оставалось.

Генералу армии Жукову и генерал-лейтенанту Белову читать подобную литературу вряд ли был досуг. *Искусственно улыбающийся Федя* был в Красной армии не исключением из правил — милятинская операция подтверждает, что многие именно такие Федя доросли к 1941—1942 гг. в РККА до больших чинов. И Жуков и Белов в прежние войны были кавалеристами. И вот наступили времена «реализации опыта»: Г.К. Жуков посылает вперед гибельным беспутьем всех — и десант, и кавалерию, без разбора. П.А. Белов сетует на невозможность кинуть в гибельное дело лучшее из своих «конногвардейских» соединений.

Так что уж на кого-кого, а не на кавалерию следовало генералам возложить надежды. Одной из главных ударных единиц в той операции были, само собой, повстанцы, — шел на Зайцеву Гору незначительный в советско-постсоветской

¹ *Мамонтов С.И.* Походы и кони (Записки поручика). М.: Вече, 2007. С. 212—216.

литературе партизанский отряд полковника Ф.П. Шмелева. «Лошади не выдержали, а партизаны шли», — пишет в отчете о тех событиях П.А. Мельников, комиссар партизанского отряда при 8-й бригаде десанта. А как же без этого отряда 4-му ВДК, после стольких совместных-то боев. «Никто, кроме нас!», правда, полковник Шмелев с комиссаром отряда старшим политруком Мельниковым не говорили, однако (что ценней) правдивые воспоминания оставили. С пройденным и пережитым этими людьми сравнится разве что лишь апрельский 1942 г. выход из окружения группы 378-й СД по топям болот на Гажьих сопках, что за новгородской речкой Глушица в районе действий 59-й и 2-й Ударной. Но и тем было полегче: шли единожды, а здесь и туда, в бой, и назад с усталостью, без отсыпки, без передышек. И тех, что на Глушице, немец не добивал минобстрелом. Здесь, в милятинских болотах, аккомпанемент был.

П.А. Мельников описывает особенно запомнившуюся тяжесть отступления от Варшавки:

«После проведения многодневных жестоких боев за деревни Буда, Ново- и Старо-Аскерово перед партизанами стояла задача проделать маневр. Снег под влиянием теплой погоды растаял наполовину. В лесу образовались большие площади, тянувшиеся по несколько километров, покрытые водой. Но это была не просто вода, а вода, перемешанная со снегом, и напоминала [она] кашу. По такому пути партизанам пришлось пройти десяток километров. Но идти не просто, а зачастую по пояс в ледяной воде и неся на себе раненых. И вот вспомнишь этот переход, невольно вспоминается один куплет из старинной песни /автора не помню/: “Среди лесов дремучих разбойники идут, в своих руках могучих товарищей несут”».

Песенку эту на мотив, видимо, «Марусеньки» упоминал и бывший позже заместителем командира шмелевского

полка Г.С. Митрофанов. Балалаешная эта мелодия со множеством варьируемых народом куплетов играла у партизан роль то ли походной песни, то ли шуточного гимна. Запомнилось комиссару П.А. Мельникову, однако, и невеселое, нешутливое, военно-безнадежное своей убийственностью дело — святое дело: сам погибай, а товарища выручай. Им нельзя было бросить раненых! Вода по пояс — километрами, и удержать нельзя, и бросить, временно даже для передышки положить нельзя, вода...

...Немец кидал мины, в ледяной воде мешал двигаться валежник, невидимые под водою бревна, заставлявшие плюхаться в воду с переносимыми ранеными. Поднимались и в промерзающей мокрой одежде шли и шли дальше. Вышли. Предстояла еще не одна боевая затея.

Привет танкистам и пехоте 50-й армии!

Привет десанникам, продолжавшим бригадами и корпусами отсиживаться в дальних тылах.

Привет и Вам, родной товарищ Сталин!!! Мы еще живы, да кому это важно?

«В ЭТИХ БОЯХ, В РАЗЛИВЕ ПО ШЕЮ...»

Любителям поиска правды по мемурам т.н. Маршала Победы, Жукова Георгия Константиновича, вряд ли удастся в них прочесть про апрельское деблокирующее группу Белова наступление. Да еще чтобы *«В этих боях, в разливе по шею в воде бойцы...»*. Когда приходится атаковать по шею в ледяной воде — тут ведь не полководческим гением попахивает. И о такой операции лучше перед публикой помолчать. Но правда, если уж сильно поискать, находится и без Жукова. Эта правда — других свидетелей, а вернее, другого рода участников войны, другого рода творцов Победы. Один из таковых — Жирков Пантелей Филиппович. Не вызолочен орденами на парадных портретах. Он лишь партизан полка,

того самого, что в 1942-м, в 24-ю годовщину РККА — имени ее и вместо нее же.

Вспоминая в послевоенные годы те события, Жирков в статье не лезет, не знает ничегошеньки о том, что тот партизанский натиск был выполнением части общего замысла действий левого крыла Западного фронта. Ему и в голову не приходило, что это решение принято в более высоких штабах, чем их полковой: *«В апреле 1942 года командование полка решило к 1 мая идти на соединение с регулярными частями на Заячьей Горе»*, — наивно сообщает Пантелей Филиппович. А кто в 1940-х годах из тех, что не при больших звездах, мог знать о минувших операциях больше, вне своего полка, где ты сам свидетель событий? Но привлекают внимание две детали жирковского текста. Первое: ...к 1 мая... Знакомо, не правда ли? В советской стране победы старались приурочить к праздничной дате — порадовать начальство. Так кто же был над партизанами прямым начальством, чтобы его «радовать» целым наступлением на широком участке? Генерал Белов разве? Конечно нет: не Белов, а сам «Хозяин», как представляли штабисты Запфронта Г.К. Жукова в радиограммах Гнездилову и Амирову. *Заячья Гора* и шоссе! Это не беловский район и в течение февраля — апреля 1942 г. предмет головной боли совсем других генералов. Вот это, собственно, вторая показательная деталь: соединиться с войсками 50-й армии Западного фронта не могло быть ни партизанской, ни беловской отсечкой, такое мог приказать только фронт, только командование Западного фронта. Нижестоящие штабы, естественно, дублировали таковой приказ в части своего участия. Подтверждение подобному нашему предположению об исходящем именно из штаба Западного фронта приказе партизанам (подчеркиваем: партизанам) можно, при желании, обнаружить-таки даже в литературе: *«20 апреля 1942 года наш полк, выполняя приказ штаба фронта, повел наступле-*

ние на гарнизоны фашистов, расположенные в населенных пунктах Лазки, Лазенки и других», — свидетельствует не кто иной, как сам тогдашний комиссар полка 24-й годовщины РККА¹. Приказ штаба фронта... Обратим здесь внимание на дату: 20 апреля 1942 г., т.е. в первый из дней кульминации боев десантников 4-го ВДК под Зайцевой Горой.

И еще о Заячьей (точнее, Зайцевой) Горе: почему именно о ней вспоминает партизан, если к ней-то предстояло идти десанту? Полку «24-й годовщины РККА» приходилось наступать западнее, к Спас-Деменску. Значит, услышанное партизаном Жирковым насчет Зайцевой Горы, как главной цели операции — подтверждает: в штабе партизанского полка знали о том, что главные дела будут под Зайцевой Горой. Поэтому, озвучивая вроде бы нелепую задачу удара на город Спас-Деменск, своим партизанам говорили о Заячьей Горе: мы идем помочь, и как только там войска соединятся, нам же станет легче. Понимая такое, люди пошли бы на смерть в боях за спас-деменские деревушки. Вот что за фразой о Заячьей Горе. И они пошли:

«Во 2-й половине апреля... батальоны полка вели бой под Спас-Деменском, атакуя по ночам гарнизоны регулярных немецких войск 4 армии немцев. Там же было разгромлено несколько немецких штабов, штаб и штабная батарея 66 артполка немцев. В этих боях, в разливе по шею в воде бойцы-партизаны проявляли чудеса героизма. (...) До Спас-Деменска оставалось 8—9 километров. С фронта наступление 50 армии прекратилось, немцы бросили против нас огромное количество танков и артиллерии».

Пантелей Жирков в приведенном отрывке его рассказа о том апреле ничего сверхнеизвестного, казалось бы, не сообщает. Разве что у П.А. Мельникова — по пояс в ледяной

¹ Амиров Г.С. Непокоренная земля. С. 130.

воде, а у П.Ф. Жиркова — иной раз и *по шею в воде*. Но ведь в его же рассказе и:

— *к 1 мая идти на соединение...*

— *на Заячьей Горе...*

— *с фронта наступление 50 армии...*

Жирковская констатация заставляет взглянуть на панораму апрельских событий шире, чем рывок на узеньком участке (известный по советским книгам встречный удар на Зайцеву Гору). Жирков, сам того не замечая, вдруг «включает» в состав участвующих в операции кроме 4-го ВДК не только 2-ю гвардейскую кавдивизию и партизан лейтенанта Григорьева, но и гораздо западнее воюющий партизанский полк имени 24-й годовщины РККА.

Сравним результаты ударов советских сил, задействованных в операции.

50-ю армию невозможно охарактеризовать иначе, как армия-провокация. Внезапно для всех соседей и командования фронта взяв Зайцеву Гору, закрепиться и удержать этот пункт не смогла, но привела в движение механизм очередного большого советского наступления. Руководство Запфронта кидает в дичайший дальний заплыв по апрельским болотам десантников 4-го корпуса, подхлестывает кавалерию П.А. Белова и партизан. И вот они поплы расхлебывать «победу» 50-й армии.

Теперь о 4-м ВДК. Временной победой 4-го ВДК в наступлении было взятие лесозавода Буды, что северо-восточнее села Милятино. И все. Потом Буду сдали. Скитания по болотам не в счет.

Далее. 2-я гвардейская кавдивизия из кавкорпуса П.А. Белова. Ее результаты — ни одного взятого населенного пункта, бои с невнятными результатами под Фанерным заводом, под разьездом Завальный. Возьми они этот разьезд, оседлай рядом дорогу Милятино — Буда, и вражеский контрудар по 4-му ВДК на Буду не состоялся бы, корпус имел бы шанс за-

крепиться под Аскерово, у самой Зайцевой Горы. Но ничего подобного не произошло. Ограничившись подрывами железнодорожного полотна, отступили. По существу, никаких результатов. Стрельба и скитания по лесу не в счет.

А вот участие в наступлении партизан полка имени 24-й годовщины РККА. Были разбиты германские гарнизоны и взяты несколько деревень: Высокое, Александровка, Юдино, Лазки. Продвинувшись ночным маршем к крупному селу Лазенки, что на Восточно — Спас-Деменском большаке, диверсионно-штурмовая группа полка разбила гарнизон села и штаб немецкого 66-го артиллерийского полка. Потери противника — 79 убитыми, 5 взято в плен. Почему же из Лазенок потом отступили, почему здесь не закрепились? В скоротечном бою отбили у врага даже тяжелые орудия. Да вот беда: артиллеристов не оказалось! А тут силища, как посмотришь на эти пушки. Дали кое-как 15 выстрелов. Но ведь артиллерийская дуэль, если она скоро здесь начнется, требует уже не самодеятельности, а знания целой науки, серьезных боевых навыков. Иначе смерть. Но артиллеристы Западного фронта — где угодно, да только не здесь. Не удосуживался Запфронт прислать из всех своих сотен и тысяч офицеров хотя бы горстку снарядов. А вот задачу партизанам поставить — плевое дело, какая уж тут наука!

9. ПРОВАЛ ДЕБЛОКИРОВАНИЯ ЕФРЕМОВА И ЕГО ГИБЕЛЬ

ПРОВАЛ ЗАВАДОВСКОГО

Михаил Николаевич Завадовский после расформирования его 57-й кавдивизии возглавил в беловской группировке сводную группу, или отряд, как именует это формирование в мемуарах П.А. Белов. Этому отряду предстояло на основании частной директивы штабору из штаба Запфронта

решить важную задачу — пробиться к окруженной группе М.Г. Ефремова и спасти ее, дать ей возможность выйти из тесного «котла». Реши группа Завадовского такую задачу, и полковник уже одним этим вполне был бы достоин вписать яркими буквами свое имя в историю зимне-весенней кампании 1942-го на Западном стратегическом направлении. Однако о полковнике Завадовском вряд ли помнит широкая публика.

Группировку генерала М.Г. Ефремова от батальонов 1-го Особого партизанского полка В.В. Жабо отделял сравнительно небольшой вражеский «коридор» вдоль большака Юхнов — Знаменка — Вязьма. В наиболее узкой части ширина немецкого «коридора» — приблизительно 8 километров.

Замысел операции был чрезвычайно прост: ударом от Великополья в направлении Маньшино проломиться через вяземский большак всего-то в 3 верстах от райцентра Знаменка. В дальнейшем наступать в направлении Сизово, севернее которого соединиться с передовыми подразделениями Западной группы 33-й армии М.Г. Ефремова. Однако простота замысла в данном случае вряд ли граничила с гениальностью:

— действовать предстояло на участке Заречье — Свиридово — Деменино, где первые наступательные бои партизаны вели еще в конце января 1942 г. (т.е. о внезапности речи не шло);

— даже в случае успеха взламывания вражеского переднего края в районе Свиридово, Гвоздари атакующим предстояло столкнуться с неизбежной контратакой резервов противника непосредственно при выходе к большаку Юхнов — Знаменка — Вязьма (т.е. увязнуть в боях);

— даже в случае успешного отражения предстоящих вражеских контратак и преодоления большака участок прорыва был бы слишком узок (2 км) как для его длительного

удерживая, так и для вывода частей 33-й армии, расширить же его было бы крайне проблемно: непосредственно восточнее — укрепленное противником Заречье, окраина райцентра Знаменка, северо-западнее же — удобнейший для противника рубеж по реке Волость с деревней Марфино у моста на большаке. Простреливать и контратаковать двухкилометровый участок враг мог достаточно эффективно.

Но все указанное блекнет перед дальнейшей задачей: неизбежно преодолевать реку Волость, впадающую здесь у Знаменки в Угру, штурмовать деревни Николаевка, Сафоново, Сизово, Васильевское. Группа Ефремова — Западная группа войск 33-й армии — ни один из этих пунктов за февраль—март и не думала брать, так несужто усиленному кавполку беловцев удастся?

Кстати, поподробнее, — что за силы были предназначены П.А. Беловым к операции по деблокированию сфремовцев и, что еще интереснее, кто реально из них пошел под пули? Обычно сообщается о 2-м гвардейском кавполку 2-й Гв. КД и части сил (батальоне) из партизанского полка В. Жабо. Однако в отношении кавалерии это не совсем точно.

Начнем с того, почему генерал-лейтенант П.А. Белов определил к проведению данной операции именно 2-й гв. кавполк. Поверхностный ответ очевиден — потому что этот полк, находясь в тот период у Бабепок и Годуновки, был попросту ближе к району Знаменки, к участку предстоящей операции. Однако разница в расстоянии невелика, десяток верст для любого кавполка — не труд, могли поручить и другим. А вот что интересно — именно во 2-й гв. кавполк только что были влиты эскадроны 170-го кавполка, показавшего не раз уже высокую в сравнении с другими боеспособность. Именно этим полком 41-я КД и успешно действовала на Варшавке, и вышла под Яковлево на железную дорогу Вязьма — Смоленск, и совсем недавно, в марте, встречала десятки пробившихся окруженцев 329-й СД. Короче говоря,

известные П.А. Белову «специалисты» по прорывам важных дорог и деблокированию теперь входили именно в состав 2-го гв. кавполка.

Теперь о подходе к решению вопроса о составе атакующих на уровне командования 2-го гв. кавполка. Взглянем на вещи трезво, — вероятно, и комполка-2 рассуждал следующим образом. Если в твой полк волею судьбы только-только влиты сотни бойцов из расформированной дивизии, а тут приказ наступать, кого ты в первую очередь пошлешь на смерть: своих, кто с тобой не один месяц делил все выпавшее на долю, чудом уцелев до сегодняшнего момента, или этих, незнакомых, неизвестных тебе людей? Стоит ли ломать голову командиру полка, если командование корпуса не куда-то, а именно в твой полк прислало этих людей. На пополнение. Вот их и веди вперед. Вернее говоря, пошли их...

Есть в подтверждение и, так сказать, применение аналогии — уместное, поскольку речь о том же наступлении и том же самом кавполку. В одной ли цепи с «конногвардейцами» (из 41-й не гв. кавдивизии), или без таковых (детали вряд ли теперь узнаем), но в качестве главных ударников в бой за Свиридово пошли ...партизаны приданного кавполку Колединского партизанского отряда. Был и такой отряд — из д. Коледино Семлевского района. Почему мы смело говорим «главных»? Потому, что те, кто гибнет в уличном бою за деревню, — вот они и есть главные участники этого боя. И короткий штыковой удар — их, они ударники.

В течение вечера и всей ночи с 24 на 25 марта 1942 г. кавалерийские подразделения 2-й Гв. КД выдвигались из деревни Годуновки походными колоннами по маршруту Таганки, Мал. Еленка, Субботники, Городище, Луги. В 9 часов утра прибыли в Луги. Днем через Бол. Еленку выдвигались поближе к участку предстоящего наступления. Бойцы с жадностью впитывали отрывочную информацию из бесед со здешними жителями и партизанами о последних боях и

обстановке на этом участке. Ведь уже назавтра-послезавтра с реалиями этой боевой обстановки предстояло ознакомиться на практике.

26 марта 1942 г. в течение суток подразделения сводной группы полковника М.Н. Завадовского сосредоточились в районе Манино, Великополье, где проводили подготовку к наступлению. В ночь на 27 выступили.

27 марта 1942 г. весь день под Заречьем и деревней Свиридово шли ожесточеннейшие бои. Немецкие оборонявшиеся подразделения на деле доказали, что в феврале—марте относились здесь к противодействию партизанам как к серьезной фронтовой работе. Была отлажена система пулеметного, артиллерийского и минометного огня в случае советских атак. Атаки отбили. Десятки кавалеристов и партизан погибли. К примеру, один только Колединский партизанский отряд потерял в этот день убитыми в бою 14 бойцов. Выйти к большаку не смогли.

28 марта в течение суток немцы наносили бомбовые удары по атакующим подразделениям группы Завадовского и партизан полка Жабо. К юхновско-вяземскому большаку советские подразделения в этот день так и не пробились, увязнув (а возможно, и сознательно укрываясь от вражеских авиации и заградогня) в рощах и перелесках под деревней Свиридово. До большака отсюда более 2-х км, что означало для противника возможность продолжения бесперебойного использования этой коммуникации. В ночь на 29 марта 1942 г. советские атаки в направлении Свиридово, Маньшино, Сизово были отражены. 29—30 марта подразделения группы Завадовского были выведены из боевого соприкосновения с противником, отведены к деревне Манино, к селу Великополье. Наступление — если не имитация для галочки — выдохлось, не принеся никаких позитивных результатов. Конечно, для выживших и тем более погибших под артиллерией и бомбардировкой у Свиридово это было совсем

не имитацией, а частью судьбы, может быть — главным в судьбе. Уж кому-кому произошедшее не выглядело главным событием в судьбе, так это «отцу-командиру» горе-отряда, полковнику М.Н. Завадовскому! Как говорится, кому война — а кому мать родна. Вот что пишет об этом П.А. Белов в своих фронтовых записках, т.н. походном дневнике, запись 4 апреля 1942 г.:

«Появился с докладом о роспуске отряда полковник Завадовский. Он очень доволен своим назначением на должность командира 18 гв. сд и полетит на ту сторону фронта на самолете. Однако я высказал ему свое недовольство безуспешными действиями отряда и понесенными при этом большими потерями».

Я другой такой страны не знаю, где после столь «успешного» командования, как в случае с Завадовским, распекаемый начальством человек был искренне счастлив и получал очень неплохую должность. Под знаменами Завадовского от 57-й кавдивизии остались рожки да ножки, несколько десятков людей в строю. Это равносильно слову «разбита». Расформирована. Потом командование сводным отрядом: и сами умылись кровью, и группе М.Г. Ефремова делом доказали — рассчитывайте лишь на себя. Но это ведь их проблемы, тех, кому самолетом в советский тыл не лететь. А что ж Михаил Николаевич? *Он очень доволен своим назначением на должность...* Из кавалерии в пехоту, из армии в гвардию, из окружения в советский тыл. Это не принципиально, не так ли? Главное — есть где развернуться, есть где очередную пользу Родине принести.

Безвестные партизаны, бойцы и командиры отряда приказ пытались выполнить, не удалось. Но теперь и П.А. Белов, и фронтовое командование могли, «сохранив лицо», с полным на то основанием сказать генералу М.Г. Ефремову: мы Вас (Вашу группу) не предали своим безучастным отношением. А раз с опергруппой Белова объединиться про-

блемно, так рассчитывайте теперь лишь на свои силы, причем ориентируясь на прорыв в восточном направлении, к армиям Западного фронта — 49-й, 43-й и, кстати, к своей же собственной, 33-й.

БЕССИЛИЕ АРМИЙ ЗАПФРОНТА

Нельзя сказать, что «вот ефремовцы — герои, а остальные... разве сравнить?» Ефремовцами, хотелось бы кому-то или нет, приходится считать и те дивизии 33-й армии М.Г. Ефремова, что к Вязьме не уходили, отрезаны не были и продолжали действовать в составе основной группировки Западного фронта. Продвижение их в конце зимы и весной 1942 г. было недостаточным для перелома ситуации на вяземском направлении. То же в равной степени относится и к войскам соседних армий Западного фронта. Они тоже пытались пробиться к Вязьме, помочь попавшей там в отчаянное положение группе М.Г. Ефремова, но оказались бессильны.

С февраля по апрель 1942 г. основной задачей войск 43-й армии, действующих северозападнее города Юхнов, было одно-единственное: «расчистить» от врага коридор к ушедшей на запад ударной группе 33-й армии. То есть взломать фронт противника, специально созданный им для блокирования этой группы. Бесконечные советские атаки достигали успеха обычно при одном из двух условий: ночной удар одновременно с нескольких направлений — или изматывание обороняющихся с надламыванием их воли длительностью боя на морозе, с непрерывным продвижением советской пехоты ползком вперед на десятки и сотни метров. Когда возникало опасное положение, а исправить его контратакой было практически некому, немцы отходили. Первоначально основным направлением наступления 43-й армии была ось Захарово — Шеломцы (8 км западнее деревни Захарово). Шеломцы так и не взяли — ни в фев-

рале, ни в марте, ни в апреле. Деревню Березки на р. Воря взяли 6 марта, а лежащее немного южнее Бочарово — лишь 20 марта. Дальше немцы на этом участке не пускали. Тогда внимание армейского командования было перенесено на участок южнее. В конце марта т.н. Южная ударная группа 43-й армии попыталась решительно прорвать фронт вражеской обороны на слиянии Угры и Вори, у деревни Малое Устье. 26 марта 53-я стрелковая дивизия взяла Малое Устье, 29 марта была взята Красная Горка. 30 марта бой шел в Большом Устье, это уже на западном берегу Угры.

К моменту начала активных действий Западной группы 33-й армии по прорыву на восток, к середине апреля 1942 г., линия передовых позиций наших частей 43-й и 49-й армий, т.е. линия основного фронта к востоку от указанной группы М.Г. Ефремова, проходила с севера на юг следующим образом. Противник занимал по речке Уйка пункты Шеломцы, Гуляево, Шлыкovo, передовые позиции в лесу восточнее названных, а также юго-восточнее, в районе Ваулепки. Весь восточный берег реки Воря в нижнем ее течении, а также деревни Березки и Бочарово, расположенные непосредственно на западном берегу сильно меандрирующей реки Воря, были в ходе долгих боев уже заняты нашими подразделениями. Ближе к устью Вори немцы отошли от узкого выступа в меандре у деревень Александровка и Мал. Устье. Далее, непосредственно южнее устья на Угре реки Вори, нашими частями был занят и стойко удерживался в качестве важного плацдарма район деревни Большое Устье. Обратим внимание, немецкой стороной в документах этот пункт именовался Малое Устье — это не ошибка, а данные наших дореволюционных карт, принятые за основу немцами. Еще южнее, у впадения в Угру речки Собжа, у Косой Горы, линия фронта проходила по Угре. Южнее наши войска занимали небольшой павловский плацдарм, и дальше линия фронта снова пролегала по Угре к Южнову, приблизительно до устья Рессы.

Таким образом, наиболее удобными, ближайшими районами для окруженных сил Западной группы 33-й армии для выхода из окружения были плацдарм на Воре и плацдарм в районе деревни Большое Устье. Выход на павловский плацдарм — это северо-восточнее д. Стененки — был менее приемлем, поскольку требовалось пройти вдоль фронтовых позиций врага еще несколько километров. Растущий с каждым днем разлив Угры существенно осложнял выход к нашим частям на иных участках линии фронта.

Вероятно, самым страшным, главным днем проверки на стойкость немецких солдат участка фронта в устье Вори стал день 6 апреля 1942 г.

С 7 по 12 апреля 1942 г. части 43-й армии, пытаясь атаковать позиции противника на участке Бочарово — Красный Октябрь, не добились совершенно никаких положительных результатов. 11 апреля немецким бомбардировщикам удалось без каких-либо проблем разбить навсденный нашими саперами по весеннему льду мост в полутора километрах южнее Большого Устья. Энтузиазма «атакующей» пехоте 43-й армии это явно не добавило.

Советская аксиома из довоенных времен бестселлера «спасение утопающих — дело рук самих утопающих!» — осталась аксиомой и на войне. Окруженным под Вязьмой ефремовцам, как и прежде, предстояло рассчитывать лишь на свои силы.

ПРОРЫВ ЕФРЕМОВЦЕВ НА ВОСТОК

О последних днях ефремовской группировки литературы нынче хватает. Но авторы опубликованного топчутся на фактологии, словно стыдясь пойти дальше, предложить выводы. Давайте уж самостоятельно оценим ситуацию, желательно с привлечением топографической карты местности, хотя бы 2-километровки. И на этот раз не ради той самой фактологии, а ради оценки «субъективной стороны»

командования — ради понимания профессионального уровня принимаемых командармом М.Г. Ефремовым решений. Итак, документы и констатации.

11 апреля 1942 г. Ефремов в шифротелеграмме начальнику тыла Западного фронта генерал-майору Виноградову: «[...] Вы довели до невозможного состояния — всюду здесь танки врага рыскают, и погода плохая». Ефремова, что, — довел до «рыскающих танков врага» и плохой погоды начальник тыла Западного фронта? Оценим и стиль речи, и соответственно — стиль и формулировку мысли профессионально военного человека, причем не в частных беседах, а вполне официально: *вы довели..., всюду здесь..., рыскают...* Повеселились бы немцы, перехватив хоть одну из подобных телеграмм. А может, и перехватывали? Да плевать на немцев. И на вас, господа тыловики... Но ведь и работа оперативщиков штаба — для командарма, судя по таким высказываниям, имела в тот момент нулевое значение. Почему? — Первый вариант: крайне низкий профессионализм. Попробуем представить немецкого командующего армией, голосащего: «тут всюду русские танки!» Удастся такое представить лишь как исключение, где-нибудь о разгромах 1945-го. И в связи с этим второй вариант объяснения в отношении М.Г. Ефремова: истерика плюс паникерство. Шок, спровоцированный внешними факторами. Действительно, именно накануне направления указанной шифротелеграммы — 10 апреля 1942 г. — немцы ударили решительно, пошли вперед и за день очистили половину удерживаемой ефремовцами территории. Ефремов ясней ясного знал: удержать противника теперь даже на удобном рубеже реки Угры не получится. Вот причина эмоционально-психического срыва. Справился ли командарм со своим настроением в последующие дни?

13 апреля 1942 г. Ефремов в 9 часов утра в шифротелеграмме в штаб Западного фронта сообщает: «Тов. Жукову.

[...] 2. Организирую прорыв на участке Реутово, Щелоки, Дорки, Беляево и Буслава в ночь на 14.04.1942 г.». Указанные деревни — практически все занятые немцами по южному фасу окруженной группы пункты, перечисленные в соотношении с картой в остро-зигзагообразной, за исключением последнего отрезка, последовательности. Такое впечатление, что М.Г. Ефремов либо сознательно дал в штаб фронта совершенно расплывчатую в пространстве информацию, либо просто прочитал с карты названия всех занимаемых немцами с юга от группы Ефремова деревень. Реально прорыв был осуществлен в районе 2 км западнее д. Буслава. При чем тут Реутово, Щелоки, Дорки, Беляево? Не доверял своим шифровальщикам? Боялся радиоперехвата? Плевать (извиняемся) хотел на Жукова? Скорее последнее. Тот, действительно, был не помощник. Так сообщил бы с таким успехом проще: иду куда-то на юг. Низкий профессионализм, неприемлемое для лица такой должности равнодушие к реальностям местности. И опять же, надлом психики: «...на участке Реутово...» (целых 3 км от переднего края в глубь немецкого тыла), «...Щелоки...» (скачок взглядом по карте на 3 км на север, к переднему краю), «Дорки...» (опять скачок глаз по карте на юг, назад в немецкий тыл, почти к Реутово), «...Беляево...» (еще раз скачок взглядом по карте к фронту группы). Такой вот участок, товарищ Жуков! Разберись ты в нашем замысле, скоординируй действия войск. Участок прорыва Реутово — (Щелоки —) Дорки означает выход частей в лес севернее деревни Богатырь, сразу за которой — фронт партизан полка Жабо, составной части огромного партизанского края: *идем к партизанам, Запфронт отдыхает...* Абсолютно иное — участок Беляево — Буслава: прорыв куда-то под Слободку, за которой никаких партизан, а значит: *идем к Запфронту*.

И вот последовавший рывок к фронту: группа Толстикова овладела 16 апреля высотой 179.5 и, наступая к Мосе-

снки, слилась с группой Кучинева (подразделениями 338 и 160 СД), к 16.00 16 апреля 1942 г. эта группировка овладела Мосеенки и Жары, причем — по отчету Толстикова — «человек 15 наших бойцов ворвались в Жары, разогнали находившихся там немецких обозчиков». Жары — последний населенный пункт немецкого тыла на пути к линии фронта. Толстикова с группой в 10 человек реально пересек линию фронта в Павлово, и поэтому вполне приходится верить, что выпало им именно так, а не с большим немецким сопротивлением. Значит, и вся группа Ефремова (1000—500 человек) прошла бы там, где смогло пройти 15. Но Ефремов днем 16.04 был у Мал. Виселево, атакуя Костюково. Варианты:

— не знал (желал ли знать?) расположение частей 43 А в районе Большое Устье и южнее (а для кого они отгрызали с 29 марта этот плацдарм?);

— не верил в прорыв своей группы на наиболее вероятном направлении, т.е. южнее Городец (предполагая подготовленность к отражению атаки немцами этого участка);

— был подавлен и отстранен, а реальные приказы отдавали не очень-то военные — стоявшие рядом комиссары типа Владимира или особист Камбург.

На карте читается планировавшаяся штабом Ефремова ось движения от Нов. Михайловки: Ключик — Костюково — Некрасово. Форсировать Угру в лоб на деревню — не зная обстановки в Костюково (кровь! + подавленность выживших), идти дальше уже без внезапности для врага, причем несколько километров — это разумно? Дальше, у Некрасово — отнюдь не плацдарм, а форсировать р. Ворю, все еще в зоне огня противника, то же — и в 2 км севернее, у д. Вавуленки. Причем именно по западному берегу Вори немецкие солдаты из 17-й ПД и окопались, отбивая все атаки с востока. Два форсирования по весеннему льду под огнем врага, да еще 4—5 км между ними. О чем думал генерал?

Что прорыв через Костюково на Некрасово — не наш вымысел, подтверждается фактами. Сержант Щуковский, между прочим, из охраны генерала Ефремова, пробился в ходе боя в Костюково на восток и перешел линию фронта¹. Лейтенант Качалин в этом же бою попал в плен уже на восточном берегу Угры. Десяткам, если не больше, пришлось умыть кровью потрескавшийся лед и пойму Угры у Антипова рва. Немецкая 17-я ПД отбила атаки в Костюково, а подошедшие с юга другие части откинули ефремовцев с дороги Хохловка — Большое Виселево.

НИЧЕГО ВНЯТНОГО И ПОНЫНЕ

С момента отражения врагом натиска ефремовского авангарда на участке Костюково — Хохловка организованные действия единой группировки М.Г. Ефремова следует считать завершенными. Если к Угре на участок Костюково — Городец вышли более-менее единой многосотенной массой, то все, что происходило с окруженными дальше, шло уже вне каких-либо приказов войскам командования группы и личного контроля командарма. Подчеркнем: рвавшуюся из окружения единую группировку М.Г. Ефремова не разбил противник. Она в какой-то момент просто окончательно распалась. Спасались, кто как может. Шли спонтанно возникшими группами, руководствуясь собственными предпочтениями и собственным анализом быстро меняющейся обстановки.

Такова же была оставшаяся при командарме группа в несколько десятков человек. Ее действия интересны не только связью с судьбой командарма, но и проявленной в маршруте растерянностью, массой тактических ошибок —

¹ *Капусто Ю.Б.* Последними дорогами генерала Ефремова: По следам вяземской трагедии 1942 года. М.: Политиздат, 1992. С. 128.

несмотря на присутствие в ее составе высоких командно-начальствующих лиц. Причиной трагичности судьбы группы — вовсе не расторопность и боевитость врага, нет: усталость, психический надлом. Отупение, в последнюю минуту переросшее в равнодушие к собственной судьбе.

И это было не только настрасие одного лишь Ефремова, спровоцированное, например, его ранением. Находившийся, если ему верить, в группе командарма Анатолий Сизов увидел, как застрелился М.Г. Ефремов, затем слышал еще несколько выстрелов: *«Рядом с ним у сосны сидел мертвый комиссар (...). У соседней сосны — еще три командира. И они были мертвые. Теперь Толя понял, что значили те выстрелы»*¹. Впрочем, не будем забегать вперед.

Отупение комначсостава и их безразличие к происходившему подтверждается и анализом конкретики обстоятельств последних суток действий группы командарма. Обязательно с картой. Только с конкретикой хорошей карты местности, причем того времени, можно разобраться в произошедшем, но крайней мере, достичь принципиальной констатации.

Достоверно известное место, где находился командарм М.Г. Ефремов 15 апреля 1942 года — лес севернее Новой Михайловки (район в 4—5 км северо-восточнее крупного поныне существующего села Слободка). Здесь же, около километра к северо-востоку от Нов. Михайловки — существовавшая в 1942-м деревушка Ключик. Так вот, направление дальнейшего движения группы командарма М.Г. Ефремова — единственное, что может свидетельствовать о намерении командарма. От Нов. Михайловки часть группировки попыталась пройти на северо-восток через Угру в районе Костюково. Безотносительно к тому, был или не был сам командарм здесь, на берегу Угры, важно, что этот вариант не сработал, вражеский огонь и разлившаяся Угра

¹ *Капусто Ю.Б.* Указ. соч. С. 122, 124.

сорвали этот замысел окруженных. Осталось ли после этой неудачи намерение прорваться на «Большую землю»? Если да, то и к чему сводилось соответствующее решение? Здесь приходится разбить весь полусферический участок от Нов. Михайловки (северо-восток/восток/юг/юго-запад) на сегменты. Разбивка — по занятым противником тогдашним населенным пунктам, отделяющим группу от советских войск основного фронта. Ясно, брать деревни в последнем рывке незачем, предпочтительнее идти между ними. Вариантов для планомерного выхода М.Г. Ефремова к советскому переднему краю оставалось всего два:

— удар на восток лесным районом в дефиле деревень Хохловка, Жары: выход к 43-й армии на ее плацдарм у д. Бол. Устье;

— удар на юго-восток в дефиле деревень Жары, Тарасовка: выход к 49-й армии на ее плацдарм у д. Павлово.

Любые другие направления удара — южное, юго-западное — к советским позициям основного фронта не выводили, более того, были губельны в связи с прохождением именно здесь самого густозаселенного участка вяземско-юхновского большака. Именно здесь вплотную друг к другу два крупнейших местных села: Слободка и Климов Завод. М.Г. Ефремов и прежде-то отверг прорыв на юг к партизанам через этот большак в более лесном районе западнее. Три километра между крупнейшими селами, а прежде — прикрывающая этот отрезок выхода к большаку деревня Горнево. И что же? Ефремов идет именно сюда!

Исследователи истории ефремовской катастрофы, подходя к необходимости описания этого последнего рывка группы командарма, либо скромненько умолкают, либо вдруг теряют способность ко внятным объяснениям:

— В.Д. Шерстнев, книга «Командармы» (2006), с. 207—208, полностью избегает описания скользкого момента: ни-

какого поворота от Угры, от участка Рупасово — Бол. Виселево на юг решительно не описывается, и точка!

— С.Е. Михеенков, книга «Армия, которую предали» (2010), с. 242: «После неудачной попытки пересправиться через рску Угру у деревни Костюково группа командарма отошла к деревне Жары. Здесь-то, в сосняке, и произошел тот последний бой, который провел генерал Ефремов...» Наблюдаем искажения. Во-первых, не к Горнево, не к Тарасовке, а именно «к деревне Жары», то есть якобы гораздо восточнее, к самой восточной, последней вражеской деревне перед линией фронта. Вроде как к фронту, не от него. В три километра «неточность», а в результате — вместо южного восточное направление, полное искажение значения действительного маршрута. Во-вторых, формулировка предполагает как бы временный отход («...отошла...», и все тут), а не смену направления маршрута. Это к вражескому большаку-то «отошла»? Зачем «отошла», исследователь не уточняет. Может, для отдыха, к вражеским гарнизонам под бок? Улыбаться не приходится. Все проще: «отошла» — единственный способ не сказать *направилась*. Иначе пришлось бы отвечать — зачем *направилась*. А это уже вопрос не для ответа.

Попытка пройти на восток была, правда, не к деревне Жары, а от д. Ключик на Городец. Согласно воспоминаниям в одном из писем С.Д. Митягину бывшего офицера связи штаба 113-й СД А.П. Ахромкина, группа командарма следовала из района д. Ключик на северо-восток 600—700 м до некоего поля, а далее 200—300 м этим полем. Если ориентировались верно и пройденное расстояние передано А.П. Ахромкиным верно, то отсюда М.Г. Ефремову до линии фронта оставалось лишь 2 километра! Никакой тут немецкой системы обороны на пути прорывавшихся не было, ни отдельных хотя бы огневых точек, кроме как в самом Ключике. Но неподалеку оказались три вражеских танка.

И что? И побежали ...не вперед, а к ближайшим кустам, к речке.

Получается, бежали от трех танков не на восток, не продолжив любой ценой выполнение задачи, — а куда угодно, лишь бы подальше от этих танков. Вряд ли это паническое бегство происходило по приказанию М.Г. Ефремова. Последовавшее показывает, что от попытки выхода на восток не отказались. Но, не остыв и суетясь, решили безотлагательно искать другой участок. И как следствие — самоубийственный крюк на Горнево. И это привело Ефремова к гибели.

НА ДВУХ ТАБУРЕТКАХ

Правда одна. Патриотизм в душах тоже — один. Но откуда историю войны подменяют ее мифографией, святую силу патриотизма будут пытаться направлять «в нужное русло». И как следствие, есть два патриотизма: один — в грязном, простреленном и прогоревшем местами фронтовом бушлате. Второй — брякающий небоевыми, с фальшивой позолотой медальками. Возлагающий раз в год цветы под прицелом телекамер. Пишущий красивые книги о красивой истории. В советские годы это годилось. Но наше время среди множества «завоеваний демократии» имеется-таки плюсик: появилась возможность увидеть часть документов недавней истории. То есть появилась правда фронта, и не зарисовочная, как в советской литературе. И на Форуме Истории в рассмотрении дел Второй мировой войны «свидетелям» прежней версии на двух табуретках уже усидеть сложновато. Ведь появилась и требует своего места особая и, видимо, ключевая свидетельница — Правда Фронта. И мало дать ей слово, ее свидетельство надо вдумчиво и объективно оценить. Вот здесь приходится оставить игру в красивый патриотизм.

С ефремовцами, с их святой жертвенностью, обреченностью и последовавшим поражением — с ними более-менее

понятно, выработана схема популярного объяснения. Голод, полевые условия месяцами, причем зимой и ранней весной, недостаток обеспечения, сильный и грамотный противник. Но... героизм, мужество, несгибаемость, верность долгу сфремовцев и самого командарма. Плюс в последнее десятилетие добавлено: жаль, безграмотность (или как еще назвать?) и равнодушие (жуковская жесткость) высшего командования. И все? Исследователи тех событий, ныряя в анализ произошедшего, неизбежно выявляют полное бессилие армий основной линии Запфронта. И это умолчать нельзя, приходится пытаться как-то объяснить. С позиций традиционно-советского псевдопатриотического трамплина удастся, мягко говоря, слабо. А других объяснений нет, ведь пришлось бы говорить правду. Вот и выдвигают полуобъяснения, например, Владимир Мельников в книге «Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова», при рассмотрении двухмесячного топтания на Угре 43-й армии:

«Как могло такое получиться? Два месяца целая армия, при поддержке авиации и артиллерии, пыталась пробиться к окруженным и не смогла. А голодные, с одними винтовками и автоматами, почти без боеприпасов, бойцы и командиры 33-й армии десятками проходят к своим войскам через насыщенную оборону противника!

Сложно, очень сложно ответить на этот вопрос.

Сказать о том, что армия не вела здесь активных боевых действий, — ни в коем случае нельзя... Жесточайшие бои, очень большие потери, а результата нет никакого. И причина здесь одна: не умели мы как следует воевать, не умели»¹.

Не умели-то — конечно, не умели. Но смущает мельниковское словечко «мы». Кто это — «мы»? Сам же автор цитаты противопоставляет успех прорывавшихся из окру-

¹ Мельников В.М. Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 638.

жения ефремовцев топганию 43-й армии, сам же сгрудил и тех и других в одну кучу, в «мы». Это как и со знаком вопроса о Жукове в заглавии этой книги В. Мельникова. Сказал бы прямо: да, есть такая профессия — посылать других на смерть. На то и пятиконечные пентаграммы — печати Сатаны — в петлицах и на погонах. Жуков — не исключение. И никаких вопросов.

Юлия Капусто приводит свидетельство ефремовского подполковника И.К. Кириллова о том, что «мы» там были разные, были и умевшие воевать:

«Позже Кириллов скажет: “Сорок третья к нам пробивалась. Шли напрямик — не прошли, а потери большие. Зато лыжники — батальон целый — искали брешь и проскользнули в кольцо, не потеряв ни одного человека”»¹.

В завершении своей книги В.М. Мельников почти буквально повторяет фразу из концовки данной книги Ю. Капусто:

— Капусто (1992 г.) — *помните ...особенно тех, о ком не сказано здесь ни слова.*

— Мельников (2009 г.) тоже — *...помнить ...в первую очередь тех, о ком здесь не сказано ни единого слова.* Вот мы и помним, что были не какие-то (по Мельникову) неумелые «мы», а те пропедшие к группе Ефремова лыжники, о коих В. Мельниковым — в отличие от Ю. Капусто — в объемной и детальнейшей, специально посвященной ефремовцам книжице не сказано ни единого слова.

Так что дело не в уменьши-неуменьши воевать, а в желании изыскать возможность выполнить задачу. У 43-й и 49-й армий — «поги не казенные», пусть 33-я сама себя и спасет. Большинство из непроглоченных Угрой и уцелевших за спинами погибших в атаке Большого Устья — острого желания выполнить задачу явно не испытывали. То же и на других участках. Вот и вся правда.

¹ Капусто Ю.Б. Указ. соч. С. 222.

ПОДВИГ ТРЕТЬЯКОВА

По прочтении апрельских ежесуточных отчетов войск армий Западного фронта в полосе действий по деблокаживанию западной группы 33-й армии возникает впечатление о немцах, как о некоем заговоренном «великом и ужасном Гудвине» из детской сказки. Так ли это на деле?

Начальник артиллерийского снабжения 160-й стрелковой дивизии майор А.Р. Третьяков с небольшой группой из состава сфремовской группировки в ночь на 18 апреля 1942 г. удачно преодолел линию фронта и вышел из окружения. Причем вышел именно там и именно тогда, где и когда должны были выйти на соединение с Запфронтом главные силы сфремовцев — южнее деревни Большое Устье, это район непосредственно к югу от устья на Угре реки Воря. Мы имеем в виду не задачи в предшествующих приказах войскам армий, а конкретику обстоятельств, сложившихся к 17 апреля 1942 г. в районе движения на восток колонн сфремовских частей и подразделений. Анекдотично, несмотря на трагичность, выглядит объяснение майором Третьяковым о последовавшем отчете мотивов своих самостоятельных действий в попытке пересечь линию фронта и выйти к советским позициям: *«имел отмороженные и опухшие ноги, двигался с трудом, догнать другие части не смог...»* А ведь «не догнав» к фронту вышел!

Группа майора Третьякова, подойдя поближе к немецкому переднему краю, в течение светлого времени суток вела наблюдение за противником, выявила расположение огневых точек и общий характер построения вражеской обороны на этом участке. Когда стемнело, поползли вперед, преодолели немецкие проволочные заграждения и через некоторое время были встречены разведгруппой из состава сил 43-й армии.

Непосредственно передний край противника представлял собой пулеметные точки на расстоянии нескольких сотен метров одна от другой, местами позиции автоматчиков и «кукушек». И это на основном участке возможного встречного прорыва частей 33-й и 43-й армий — между Большим Устьем и расположенной южнее деревней Жары. Третьяков в отчете подтверждает, что последний раз видел командарма Ефремова в лесу у д. Ключик, о каких-либо ранениях Ефремова не сообщает. От Ключика до «третьяковского участка» — 2,5—3 километра. Пойди командарм М.Г. Ефремов с группой в несколько сотен человек от деревни Ключик хоть черепашьим шагом на восток, он на участке действий Третьякова к нашему переднему краю тоже бы прорвался. Но этого не произошло. Не вышли почему-то здесь и другие, сравнительно многочисленные группы ефремовских комдивов, да и многие мелкие, подобные третьяковской, группы.

Что линия фронта на участке предстоящего ефремовского прорыва в середине апреля 1942 г. стала почти фиктивной, подтверждают, как ни странно, даже немецкие тогдашние фронтовые документы — донесения о боевых действиях. Например, из суточного немецкого донесения в штаб группы армий «Центр», в 3.00 14 апреля 1942 г.:

«12 АК, 268 ПД: С наступлением темноты противник ворвался в лес 1,5 км ЮЗ от Малое Устье. Предпринята контратака. Сильный огонь по переднему краю обороны.

Положение серьезное, т.к. наши части понесли большие потери, истощены и не способны отразить сильные атаки»¹.

Не способны отразить сильные атаки... Немцы писали это не для наших разведчиков или историков, — для себя. Значит, это правда.

¹ Битва под Москвой. Кн. 2. С. 908.

«ЗАСЛУГА» ЖОРОВА?

Выше нами рассмотрены обстоятельства последних боев группировки М.Г. Ефремова — вышедшей в прорыв на восток единой силой, но развалившейся в этом броске на множество групп и одиночек. Поскольку апогей прорыва неразрывно связан с событиями, в центре которых — гибель командарма Ефремова, раз за разом исследователи ищут объяснение такому финалу. От «ефремовского выстрела» отталкиваются в ретроспективу. Схема рассуждений примерно такая:

1. Ефремов в развале группы не виноват.

2. Но кто-то же виноват? Кто?

3. Немного виноваты части 43-й и 49-й армий: встретить они у Костюково — Жаров — Стененок группу Ефремова, окончательного развала группы и гибели командарма бы не произошло.

4. Ну а внутри самой группы Ефремова? — ведь уже у Нов. Михайловки от самого Ефремова комдивы практически разбежались, все пошло на самотек. Ефремов-то талантлив и бесстрашен, но чувствовали, что на него идет охота. Может, при Ефремове действует предатель? Как же без предателя оправдать неудачи? — обязательно и у ж е н предатель, с Христом должен быть Иуда!

И вот в 70-е годы XX в. началась интеллектуальная охота на ведьм, точнее, на какого-нибудь ведьмака при ефремовском штабе. Ныне (понимая, что точку ставить оснований нет), бывает, ставят в финале книги знак вопроса после фамилии главного хирурга 33-й армии, Жорова.

И здесь я задаю последний свой вопрос: какова же истинная роль в трагедии 33-й армии и ее командующего генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова уважаемого профессора медицины И.С. Жорова?

Так, к примеру, завершает книгу о Ефремове и его армии Сергей Михсенков¹. Символично в этой связи название указанной книги — «Армия, которую предали». Разъясняя такое название в вводной статье книги, автор признается: «Во-первых, я и сам не смог ответить на многие вопросы. (...) Да, и в самом штабе армии был человек или группа, которые работали на немцев. Во-вторых, в смысл названия я закладывал не столько это, сколько то, что происходило с историей трагедии армии потом». Вот те раз. Почему же «не столько это» кончается жирным шрифтом выделенным вопросом насчет роли Жорова?

Итак, Исаак Жоров, врач, армейский хирург. Прилетел — не по своей воле, по приказу — из советского тыла в район окруженной группы Ефремова в середине марта 1942 г. Когда в апреле резко осложнилась боевая обстановка, назад, в советский тыл улетать отказался, пошел с М.Г. Ефремовым через бои, через равный ефремовскому риск гибели, на восток — к линии фронта. И вот тут произошло нечто, позволяющее исследователям судьбы группы Ефремова задавать относительно Жорова вопросы, сводящиеся к следующему:

— Почему в послевоенные годы И.С. Жоровым крайне противоречиво, с пробелами излагались обстоятельства своего спасения в момент разгрома группы Ефремова и после него?

— Был ли Жоров в составе группы Ефремова в последнем ее бою, под деревней Горнево, и если да, то почему он позже скрывал этот факт?

— Сотрудничал ли Жоров с немцами непосредственно после пленения, по каким причинам ему удалось избежать гибели в лагере, более того — выйти из лагеря, легализо-

¹ *Михсенков С.Е.* Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. 1941—1942. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. С. 346.

ваться при оккупантах, получить место работы в районной больнице?

Обстоятельства, лежащие в основе постановки таких вопросов, уже сами по себе в какой-то мере обличают Жорова в сотрудничестве с немцами. Однако мало кто из задающих эти вопросы ищет подсказку через анализ дальнейшей судьбы Жорова — в оккупации и после ее завершения. Либо ищут, но ...половинчато, с заранее заданным результатом. Напрасно. Ведь что как не последовавшие события — верная лакмусовая бумажка возможных, раз уж так ставят вопрос по апрелю 1942 г., взаимоотношений Жорова с немцами.

Известно, что И.С. Жоров в момент разгрома группы Ефремова попал в плен.

Известно, что он, находясь затем в Вяземском лагере военнопленных, причем с явно неславянской внешностью и будучи известен многим из группы Ефремова, страннейшим образом избежал расправы со стороны администрации лагеря и даже смог — естественно, при участии оккупационной администрации — устроиться затем в Темкинской районной больнице, работать там долгое время.

Известно, что после освобождения района в марте 1943 г. Жоров был задержан сотрудниками Особого отдела НКВД 33-й армии, однако в дальнейшем, будучи отослан в Особый отдел Западного фронта, был освобожден из-под стражи, уголовное преследование прекращено.

Владимир Мельников в книге «Их послал на смерть генерал Жуков?»¹ сообщает, что освобождение могло быть следствием телефонного звонка в Особый отдел НКВД из Москвы, от некоего приятеля самого Л.П. Берии, наркома внутренних дел. Представим теперь реальность того лихолетья: как мог бы Жоров поставить о своих проблемах в известность покровителя — дозвониться в Москву нужным

¹ Мельников В.М. Указ соч. С. 696.

людям кто-то из-под стражи в каком-то из армейских Особых отделов? И это — с только что освобожденной, два три дня назад вражеской еще территории! Да и останься ты, подконвойный, наедине с телефонной трубкой — в Особом-то отделе армии... Вывод: и звонить, и суетиться с переводом Жорова в Особый отдел Запфронта мог только человек, осведомленный о происходящем и имевший такие распорядительные возможности — подобный сотруднику военной прокуратуры 33-й армии А.А. Зельфе. Зельфа участвовал с Жоровым в ефремовской эпопее, и не просто участвовал, а имел что-то общее среди деталей биографии тех дней. Однако не только звонок Зельфы или его приятеля в Москву, если допустить таковой, спас в 1943 г. Жорова. Сумма обстоятельств свидетельствует: после Вяземского лагеря военнопленных Жоров неуклонно и планомерно отдалялся и отдалялся от оккупантов и их пособников. К весне 1943 г. он имел все основания утверждать о своем участии в местной подпольной группе и даже о руководстве ее работой.

В возглавляемую И.С. Жоровым подпольную группу входило не так уж мало человек — и не какие-то абстрактно упомянутые люди с улицы в какой-нибудь глухой деревушке, а члены ВКП(б) и комсомольцы. Уважаемые исследователи, давайте не прятаться от конкретики, пусть и прошло много времени, огласим список участников этой группы Жорова. Причем список, составленный должностными лицами обкома ВКП(б), а они свою работу делали уж не хуже какого-нибудь армейского капитана госбезопасности. Тут уж и мы, по примеру Михсенкова, выделим кое-что жиром. Огласим, так сказать, весь список. Итак, кроме наиболее активного в группе комсомольца В.В. Прохорова, кроме самого врача И.С. Жорова, комсомолок Юлии Гращенковой и Марии Логиновой в подпольную группу также входили:

Гусев А.С., член ВКП(б);

Гуневич Н.П., член ВКП(б);

Ципцин Н.А., член ВКП(б);

Иванова Г., комсомолка;

Ковалева О., комсомолка;

Мазур А., комсомолец.

От кого инструкторы обкома партии узнали обо всех этих подпольщиках? От Жорова? Кто его в Кондрово или Смоленск специально бы привозил? Нет, в рамках планово проводимой работы по созданию единого документального пакета исторических справок на партизанские и подпольные группы узнавали на месте, в Темкинском же районе, общаясь с ними же и теми, кто их знал лично.

Не надо считать весь этот почти десяток тогдашних, 1942—1943 гг., члснов партии и молодых патриотов, социально активных людей, такими уж поголовно тупыми, невнимательными к деталям поведения соратников. В условиях риска подпольной работы, когда судьба зависит от надежности того, с кем общаешься, каждый из них имел о «товарищах» выводы, и о Жорове тоже. А нам предлагают считать, что все как один, зная в оккупации Жорова осенью и зимой месяц за месяцем, не способны были сделать выводы о человеке. Кстати, уже лишь то, что они о с т а в а л и с ь живы все это время, вплоть до прихода Красной армии в 1943 г., само по себе доказывает: Жоров на немцев как минимум в этот период не работал!

А ведь, как говорится в криминальном мире, — вход рупь, а выход два! Иначе «Калина красная». Это значит — однажды начав работать в данном качестве, перестать работать нельзя... Вернсе, непозволительно, если подчиняться *хозяевам*. Жоров в конце второй военной зимы — никому не подчинился.

Может статья, не всем это известно, но еще 17 февраля 1943 г. подпольщики В.В. Прохоров и И.С. Жоров тайно бежали в лес, где в последующие недели дожидались и дождались-таки прихода частей Красной армии. Неделя

за педелей, до 2-й декады марта, в зимнем лесу — это что, тоже задание абвера? Голод. Морозные ночи. Риск быть пристреленными случайно наткнувшимися на них в лесу пехотинцами арьергарда отступающих — в ходе операции «Движение буйвола» — немецких дивизий. Такое вот задание драпанувшей абверкоманды.

Все это абсурд. В зимнем лесу за три недели до отступления войск агентов не оставляют. Комсомолец Прохоров и врач Жоров после их нахождения в оккупации никаких шансов на занятие каких-либо значимых должностей в советских (военных в первую очередь) структурах, представляющих интерес для немецкой разведки, конечно же, не имели.

Именно такова лакмусовая, так сказать, бумажка для проверки агентурных якобы достоинств Жорова. А вот если целенаправленно избегать это учитывать, тогда годится любая отсебятина. Читайте, например, Владимира Мельникова¹: *«...Накануне прихода Красной армии Жоров неожиданно благополучно скрывается в ближайшем лесу. Оказывается, здесь обитал какой-то партизанский отряд, о существовании которого никто даже и не знал...»* Интересно, а комсомолец Прохоров о себе в качестве эдакого отряда знал? Да вот и мы, грешные, про комсомольца Прохорова знаем, а про слепленный из этой личности некий существовавший в течение аж года партизанский отряд находим только в книге Мельникова! Да и мельниковское «пакануне» для читающего предполагает лишь сутки на выжидание прихода Красной армии, которые не у Мельникова, а в действительности, с 17 февраля, что-то растягиваются у реальных Жорова и Прохорова на три недели... Резюмируем словами же указанного автора: *«Сказка, и все тут»*.

А может быть, скажет некий оппонент, Жоров «отработал по Ефремову» и, так сказать, лег на дно, заматая сле-

¹ Мельников В.М. Указ соч. С. 699.

ды. Не вышел на связь с завербовавшими. Наше возражение: а какой тогда вообще был смысл резко завербоваться, высококвалифицированно отработать, выполнить задание и... вместо триумфа уйти вдруг в кусты, не получить ничегошеньки взамен? Допустим, Исаак Соломонович Жоров 18—20 апреля 1942 г. вдруг со всей ясностью осознал полную бесперспективность карьеры у немцев, национал-социалистов. Абсурд! Карьера и перспективы у лиц, подобных врачу Жорову и особисту Камбургу (кстати), были лишь по эту, советскую сторону фронта, что было понятно любому здравомыслящему изначально.

Домыслы строить можно, конечно, до бесконечности. Однако, если отбросить множество бессодержательных до дела отрицательных замечаний о Жорове, остается лишь два тезиса:

1. У Жорова до момента его пленения не было никаких мотивов сотрудничать с немцами.

2. У попавшего в плен Жорова была исключительно высокая мотивация к спасению любой ценой, и именно этим объяснимы все позднейшие нестыковки и пробелы в представляемой им собственной биографии. Однако какое отношение это имеет к боям группы 14—19 апреля 1942 г.?

В современных источниках утверждается, что Жоров, по всей вероятности, проявил все способности к выслуживанию перед оккупантами в период нахождения в Вяземском лагере военнопленных, выполнял и позже — уже в Темкинском районе — ряд заданий пособников оккупантов по слежке за «неблагонадежными» лицами из местного населения. Если так, то уже в оккупации у него были все основания повести «двойную игру», он участвовал в подпольной с другими (если это не общая для всех них фикция) работе для создания возможностей дальнейшей реабилитации. Но масштаб всей этой «деятельности» мелковат и совершенно не подходящ для серьезного вражеского агента, если тако-

вой прежде успешно «отработал» бы по 33-й армии и ее командарму. Это суждение возвращает нас к первому высказанному выше тезису: до момента его пленения у Жорова не было никаких мотивов сотрудничать с немцами.

И, наконец, расширим панораму. Уже 22 февраля 1942 г. Рейнхард Гелен в своем докладе ОКВ использует полученные от агента, легендированного как «Ивар», сведения по плану действий армии М.Г. Ефремова. Жоров прилетает к Ефремову лишь в марте, но «Ивар»-то работает (присоседившись в штабе группы Ефремова либо повыше) уже в феврале!

Вывод: не И.С. Жоров причастен к агентурно-разведывательному обеспечению действий противника в боях по разгрому Западной группы 33-й армии.

О причастности тех или иных лиц к *гибели* командарма М.Г. Ефремова — разговор особый.

ГИБЕЛЬ КОМАНДАРМА

Итак, — по своей воле или же вражеской, одним словом неслучайно, — командарм погиб. Да, погиб, пожертвовав собой, следуя долгу под пулями, сделав выбор. Война цинична. Но не лишним представляется классический вопрос: кому выгодно? Варианты:

1. Выгодно, натюрлих, немцам, противнику.
2. Выгодно «завистникам» или конкурентам, советским военачальникам.
3. Выгодно Великому Обитателю Кремля.

Теперь контраргументы по каждой из вышеприведенных позиций:

1. Немцам генерал-лейтенант Ефремов был нужен живым! Ведь одно дело погиб, этим никого не удивишь, другое дело — живое доказательство победы. «По улицам слона водили»: так вот гнали по главным московским улицам в 1944-м

тысячи пленных после разгрома в Белоруссии. Вспомним и лицо А.А. Власова на германских листовках. Сильная козырная карта в пропагандистском обеспечении дальнейшей войны. Советских генерал-лейтенантов в германском плену были единицы, весной же 1942-го — тем более. Учтем и психологию, взять противостоящего военачальника, посмотреть ему презрительно в глаза — для каждого генерала особый шик. Сколько шуму было с пленным Паулосом! Редкая удача, слава, измеряемая уже не орденом, особая. И эта констатация равным образом верна для любых генералов любых армий любых эпох. Так что уж немцам-то М.Г. Ефремов был гораздо нужнее именно живым!

2. Конкуренты и «завистники» из советских военачальников — возможно ли, допустимо ли такое? Не имея желания, но мы обязаны рассмотреть и подобную версию. В окруженную группу прилетает имеющий неплохую должность «агент», работает, входит в доверие и ждет своего часа. В группу М.Г. Ефремова люди соответствующего должностного уровня прилетали, например, в марте. И из окружения выходили с ним в апреле, до последнего. И не желали позже правдиво вспоминать о днях событий, связанных с гибелью командарма. Бережно собраны и опубликованы соответствующие материалы. Скрытая ли явная конкуренция в военной среде не редкость, была она и в Красной армии. Да что там конкуренция — был и мордобой нижестоящих, и открытые угрозы равным. Однако в конкретном случае с М.Г. Ефремовым, с апрелем 1942-го — нет. Руки прочь от Жукова. Тот был трудяга войны. Жуков делал свое дело и на других, тем более стоявших ниже во властной вертикали, особо не оглядывался. Удачливые командармы, и Западного фронта, шли на повышение и, действительно, могли позже составить конкуренцию Г.К. Жукову — как тот же командарм-16 К.К. Рокоссовский. Или командарм-20 А.А. Власов, с Запфронта направленный на Волховский за-

местителем комфронта. Вот там, на Волховском, комфронта К.А. Мерецков убрал его, Власова, в Любанский «котел», откуда тот уже не вернулся — говорите теперь, что не конкуренция. Но с М.Г. Ефремовым иначе. Да, Ефремова тоже послали без возврата. Но ведь М.Г. Ефремов — не заместитель командующего фронтом, всего лишь командарм. Кроме того, А.А. Власова послали в безнадежно увязшую в оборонительных боях и в болотах группировку, причем в апреле 1942 г., а М.Г. Ефремова, извините — послали еще кошмарной для врага зимой 1941/42 г., послали штурмовать важнейший в полосе наступления Западного фронта город, Вязьму. И не только М.Г. Ефремов шел к Вязьме: тут и 11-й кавкорпус, и десант, и 1-й гв. кавкорпус. Был шанс не просто уцелеть, а вопрос звучал кардинально иначе: у М.Г. Ефремова был шанс отличиться. По крайней мере, в это командование Запфронта верилось. И шанс этот дал М.Г. Ефремову Г.К. Жуков. А уже в апреле, после откровенно неблагоприятной победы перемены обстановки — ну какой из М.Г. Ефремова «конкурент» кому-то? Даже если бы он вышел из окружения живым и невредимым — лишь в первый момент оставался бы командармом, а позже — бог весть... Так что версию о тайных агентах «завистников» с советской стороны, как лицах, причастных к гибели командарма, всецело отмечаем.

3. Остается сказать о выгоде («выгоде» в кавычках?) для Великого Обитателя Кремля, для И.В. Сталина. Великому вождю всего нашего советского народа и учителю мирового пролетариата И.В. Сталину в том же 1942-м пришлось изречь: «Гинденбургов у нас в резерве нет». Конечно, это не 1937—1938 гг. Вопрос если и имеет право рассматриваться, то в очень узкой ситуационной рамке: при непосредственной угрозе попадания командарма живым в руки противника — мог ли кто-либо из неотступно следовавших при нем иметь предписания либо негласное указание «сверху» на

недопущение данного факта, недопущения, так сказать, любыми средствами? Если да, то санкционировать такое могло только соответствующий нарком либо аналогичное лицо с прямым выходом на Сталина. Причем санкционировать предварительно, ведь в боевой обстановке агенту разрешений спрашивать уже некогда.

Что известно о последних минутах М.Г. Ефремова? Кто был рядом? Что произошло?

Возможно, где-то в ведомственном архиве по сей день хранятся под грифами секретности интересные описания. Дело в том, что многие участники последнего ефремовского прорыва вышли в район действий партизанского полка В. Жабо и в дальнейшем действовали в составе группы П.А. Белова. Безусловно, у них были отобраны объяснительные записки. Вероятно, одним из требующих упоминания вопросов было всё, что те знали о судьбе командарма М.Г. Ефремова. Важная документация из группы П.А. Белова отправлялась в советский тыл исправно и имела все основания оказаться теперь в архивах. Но при сложившейся в государстве давней и неотменной поныне системе доступа к сведениям — услышав официальное псевдоразъяснение, что гриф секретности документов определяется фондообразователем, а хоть бы тот и аж 1945 г., остается лишь перейти к оценке достоверности открытых, имеющихся в литературе источников. В открытой печати свидетельских описаний последнего боя командарма всего два: зафиксированные по беседам воспоминания местного жителя, тогдашнего подростка Анатолия Сизова, и собственноручные письменные описания произошедшего бывшим офицером связи 113-й СД Алексеем Петровичем Ахромкиным. Сизов позже был схвачен немцами якобы с именно ефремовским пистолетом. Поди проверь. Вот и все аргументы «знакомства» подростка Сизова с генерал-лейтенантом Ефремовым. Попал в плен и Ахромкин, прошел его честно, — в непред-

взятости его к личности и сообщаемом о судьбе командарма сомневаться не приходится.

Через призму свидетельств техника-интенданта 2-го ранга Ахромкина оценим сообщаемое Анатолием Николаевичем Сизовым. А.П. Ахромкин: врачу И.И. Хомяку, офицерам связи Ахромкину и Никанорову приказано отделиться от оставшихся последними при Ефремове Камбурга и Водолазова, — проверить впереди тропу. Итак, позади осталось трое: Ефремов, Водолазов и стоя стрелявший Камбург. А.Н. Сизов: «...И вот мы вышли к поляне на краю леса. Командующий там сел с комиссаром, напротив сели еще три человека. После этого генерал выстрелил ...в себя. Тут раздались новые pistolетные выстрелы. Застрелился комиссар, который был одет в полушубок, застрелился тот, кто сидел возле Ефремова, напротив его, и был одет в кожанку, и еще двое начальников застрелились». Либо 14-летний Сизов совсем не того считал генералом Ефремовым с «комиссаром» и «начальниками», либо ему веры нет. Ахромкин-то, по крайней мере, в годы войны жив остался, и уже этим ставит крест на сизовских «воспоминаниях»! А главное, — кто поверит, что (по Сизову) пять боевых офицеров после месяцев смертельного риска, после боев, в семи верстах от фронта почти все целые-невредимые стреляются один за другим? Один, двое бы — да, а чтоб все пятеро... Крайне маловероятно. Ахромкин, например, не стрелялся, и уж его-то версию приходится принять ко вниманию более серьезно.

Итак, последний бой. Вокруг Ефремова звучит несколько выстрелов. К офицеру связи А.П. Ахромкину, находившемуся в сотне метров впереди, через какое-то время после затихших в той стороне выстрелов выходят оттуда заместитель военного прокурора 33-й армии Зельфа А.А. и еще кто-то, кого тот, мороча Ахромкину голову, называет «председателем ревтрибунала» армии (когого там весной не было, но знали, чем «строить» офицеров — строго ведь звучит!). На вопрос о

затихшей у Ефремова стрельбе Ахромкина успокаивают: «Искать его нет необходимости». Кристально-большевистский ответ. И привет! — спецлюди уходят как сон...

...Застрелили? В таком случае неизбежны вопросы в уточнение:

1. Первый вопрос по особисту Д.Е. Камбургу, оставшемуся при Ефремове. Кто его-то, Камбурга, целехонького до последнего момента, убивал? Именно Камбургу по роду службы надлежало выполнить *спецпоручение*, если таковое было. Вот звучит последний ефремовский выстрел. Сам-то Камбург подходящих немцев, разинув рот, ждать не стал бы, ушел бы. Сделал дело, гуляй смело. Не ушел. Поныне детали последнего дня в судьбе Камбурга неизвестны — но в послевоенные времена «поисковиками» установлено, что захоронен он был в братской могиле неподалеку от Горнева, погиб. А погибнуть от немецкой пули он мог только до смерти Ефремова. Позже — ушел бы, его здесь больше ничто не держало: бой вести было уже некому, бой завершился. Погибнуть же после «ефремовского» выстрела Камбург (здесь или немногим позже) мог лишь от выстрела для него внезапного, т.е., вероятно, не немецкого. Кто был рядом? И это выводит нас ко второму вопросу.

2. Второй вопрос по адъютанту М.Г. Ефремова майору М.Ф. Водолазову. Именно Водолазов, как о том свидетельствовал Ахромкин, поручил группе Хомяка, Ахромкина и Никанорова уйти от Ефремова. Не Камбург, не Зельфа или Жоров, а Водолазов... Допустим, трое первых на роль «Ивара», в отличие от личного адъютанта командарма, не годились. Но кто поручится, что у Обитателя Кремля не было своего, сталинского анти-«Ивара», способного стать *черным ангелом* при Ефремове? Речь о гипотетическом субъекте последнего в ефремовской судьбе выстрела. Вопросы по Жорову и Зельфе отпадают, их здесь не было, Ахромкину врать ни к чему. Итак, по воле Водолазова с Ефремовым

последними, получается, при приближении противника достоверно остались двое: Камбург и сам Водолазов. Особист (контролер) и адъютант (хранитель). Выстрелы были, это факт. Но в силу должностей особист и адъютант — не те люди, чтобы стреляться. Могли ли двое одновременно полечь от немецкой автоматной очереди, а тем паче разрозненных выстрелов? Маловероятно.

Камбург гибнет под пулями. Ефремов нажимает на курок у виска. Водолазов в шоке, действует аналогично. Или... вышло иначе?

Капитан госбезопасности Д.Е. Камбург погиб. Судьба Водолазова безвестна. Будем считать, что погиб тогда же, до конца выполнив свой воинский долг. А что и как с Ефремовым... Может быть, когда-либо будет раскрыта документация по «Ивару». Но и это, скорей всего, даст лишь подсказки, но не окончательный ответ. Ефремова живым немчура не взяла... Это главное.

Всем честно погибшим в боях — поклон.

10. ОЖИДАНИЕ КОНЦА

ВОЙНА ЧУЖИМИ РУКАМИ

Однажды, уже в послевоенные годы, на посвященном Дню Победы митинге в Ельне моя мать услышала всего две фразы, значивших больше, чем произносимое ораторами. Запомнилось и было передано мне, привожу, как слышал. Стоявший в толпе рядом с матерью явно не местный участник ельнинских боев в какой-то момент сказал:

— У вас тут в земле с войны больше народу лежит, чем теперь живет... Помню, овраги доверху заполняли.

Подчеркну, это было сказано в 1950-х годах, когда было еще кому знать и было перед кем «не заливать», все помнили реально произошедшее.

В отличие от более-менее спокойного северного фаса подконтрольного П.А. Белову Дорогобужского партизанского края, южнее в апреле—мае 1942 г. по-прежнему гремели бои. В очередной раз решалась судьба «ельнинского узла» — города Ельни, узла коммуникаций, беловского Гордисва узла. Ни развязать, ни разрубить этот Гордиев узел генерал-лейтенанту П.А. Белову так и не удалось. Да и не диво — ведь он там лично появляться пока и не думал. Чтоб потом нести ответственность? — дудки. Под Ельней все, как и прежде, делалось чужими, партизанскими руками. Лилась кровь, повторялось пройденное в марте.

С советских времен народу предложен, и с прицелом уж если не на века, то на десятилетия вперед, лестный для города Ельни «бренд»: Ельня — Родина Гвардии! Город был награжден орденом Отчественной войны, а это немало значит.

Но ельнинской земле, «родине», а точнее кладбищу первых советских гвардейцев, суждено было стать еще и кладбищем не-гвардии. 1942 и 1943 гг. не добавили таланта советским генералам, как и не убавили стойкости и профессионализма противника.

Поскольку наше повествование посвящено событиям 1942 г., не умолчим о пролитой именно в 1942-м под Ельней крови, пусть ее в тот год все же не хватило-таки для окончательного освобождения местности. Правда, жертвенности и крови народной хватало для сдерживания врага, почти полгода хватало — пока все это не было обесценено высокими советскими генералами и самим «вождем». Разумеется, и прыткий противник не сплеховал.

Бои весны 1942 г. гремели в тех же самых местах, что и летом—осенью 1941-го. Только вот сказать, что в одних и тех же деревнях, можно не всегда. Например, деревню Клемятино, село Песочню, хутор Волосково в оперсводках 1942-го мы не обнаруживаем — их к 1942-му, после

«славной» ельнинской победы войск Резервного фронта Г.К. Жукова, уже не было на божьем свете. Именно поэтому 1-й партизанский батальон «ФД» занимал фронтом Кузнецово, Дядищево, Холмец, затем, продвинувшись через клемятинскую пустыню вперед к 6 июня 1942 г., — Юрьево и Митьково. Пустыня в районе Клемятино — результат боев и применения здесь РС-ов, «катюш» в 1941-м. Потом осень, зима, жилье на пепелищах никто больше не восстанавливал. Северо-западнее Ельни партизанский фронт правофлангового полка «Дедушки» в 1-й половине 1942 г. пролегал прямо там же, через те же деревни, что и в 1941-м на «Ельнинской дуге»: Дашино, Садки, Гурьево. То же самое можно сказать о лежащих юго-восточнее Ельни Старом и Новом Шевелеве, Среднем Починке. Отведя в сентябре 1941-го войска с ельнинского выступа, противник закрепился западнее по линии Бол. и Мал. Тишово, Ново-Тишово, Озеренск, Сивцево, Кукуево, Соловеньки. Все эти пункты, как и занятые восточнее них 24-й советской армией в 1941-м Петрово, Волково-Егорье, Леоново, — все они также знакомы нам упоминаниями по боям марта—июня 1942 г. Иными словами, в 1942 г. неласковая к русским деревням Госпожа История, не удовлетворившись здесь «рождением Гвардии» РККА (гибелью тысяч вчерашних крестьян и рабочих), взяла доплату. Немалую доплату: на этот раз бои шли более 4-х месяцев.

Одна из характерных советских боевых операций группы П.А. Белова у Ельни — блокирующе-штурмовые действия в районе деревни Петрянино, что в 7 км севернее города. В крупной деревне Петрянино была окружена достаточно сильная немецкая группировка, оцениваемая советской стороной в 6 рот. Овладение Петрянино позволяло советским частям срезать вражеский выступ фронта, разделявший участки 1-й и 2-й партизанских дивизий, снизить риск рассеяния группы Белова ударом от Ельни на Дорогобуж,

приблизиться непосредственно к Ельне для возможного в дальнейшем ее штурма. Для осуществления операции создавалась специальная сводная группа, общее руководство действиями которой возлагалось П.А. Беловым на начальника штаба 2-й партизанской стрелковой дивизии подполковника П.И. Русса. Поскольку находившихся на этом участке фронта сил собственно 2-й ПСД явно не доставало, к участию в операции были привлечены также 3-й гв. кавполк 1-й Гв. КД, подразделения 2-го партизанского полка 1-й ПСД «Дедушка».

Именно германское командование, как ни странно, спровоцировало советскую сторону на активные действия на этом участке фронта. На рубеже апреля—мая 1942 г., после того как германская группировка в районе Ельни была усилена «свежими» батальонами, была предпринята попытка раскола советского фронта в направлении Дорогобужа. Солдатам предварительно на полном серьезе обещано отправление в глубокий тыл и отпуска сразу же после успешного завершения прорыва от Ельни на Дорогобуж. Ударив по 3-му гвардейскому кавполку дивизии В.К. Баранова и правому флангу 1-го батальона партизанского полка им. 24-й годовщины РККА, немцы овладели Софьевкой и Серебрянкой (5 км севернее г. Ельня), прорвались отсюда в Семешино и далее в Мишиново (совр. написание: Мишнево). Такой сравнительно глубокий — более 5 км, — быстрый вражеский прорыв требовал от советского руководства не попытки выстраивания частей в новую оборонительную линию, а срочных активных контрмер, решительного контрудара. Такой удар был совершен силами 1-го батальона «Годовщины» с танковой группой гвардии старшины К.С. Сударева. В боях 1 мая 1942 г. деревни Семешино, Софьевка/Софеевка, Серебрянка были у противника отбиты. Танки, несмотря что всего-то «Т-26»-е, произвели на пытавшихся обороняться должное впечатление. *«Вражеские силы drog-*

нули и бросились в паническое бегство» — указано в описании подвига К.С. Сударева, когда он был представлен за эти бои к ордену.

Лесной район восточнее Ельнинско-Дорогобужского большака был очищен от противника, но вот западнее большака в немецких руках так и оставалось Петрянино, полуокруженное и почти изолированное от Ельнинского гарнизона. Немцы, рассчитывая удержать Петрянино как основной пункт развертывания частей для будущих ударов на Дорогобуж, в самом начале мая стали перебрасывать чанцовской дорогой к Петрянину мелкие группы пехоты. Однако уже 3 мая 1942 г. встречными ударами левофланговых подразделений «Дедушки» и группы Русса дороги от Петрянина к Ельне и Чанцову были надежно перекрыты, начата блокада петрянинской группировки 221-й охранной дивизии. В этот же день в советской разведсводке, направленной с этого участка в штаб группы П.А. Белова, на основании опроса пленного в качестве вывода сообщалось: «221 пд ...имеет задачу уничтожения группы партизанских отрядов и овладения г. Дорогобуж». Требовалось сорвать наступательные планы врага, разбить группировку в Петрянино. Задачу на наступление П.А. Белов 6 мая 1942 г. определил (его дневниковая запись 6 мая) так: *«Окруженного в Петрянино противника уничтожить. Если обстановка позволяет, быстрым наступлением овладеть Ельня...»*

Однако «быстрым наступлением овладеть Ельня...» было всего лишь генеральской мечтой. Противник располагал не только массой пехоты (число рот в батальонах доходило до 6-ти; роты были укомплектованы — например, по показаниям пленного, в 230-м батальоне 45-го ПП 221-й охранной дивизии на 3 мая 1942 г. было до 700 человек), но и танками. Танки применялись группой, численно превосходившей советские танки, обеспечивавшие атаку партизан. Сдержат вражескую контратаку, не имея противотанковых

средств, партизаны в Петрянино не могли. Что мог и желал знать об этом П.А. Белов? На практике бои выглядели так:

«...пошли днем, уже с другой стороны. И опять с нами было два танка. Один танк вывели на большак, что перед деревней, и он был подбит. Мы начали отходить с боем, причем с нами отступал и танк. Отходили мы потому, что нам сообщили, что из Ельни вышли 6 танков противника. Отходили мы в лес, а танки нас прикрывали. Когда подошли 6 немецких танков, то наш танк подбил один немецкий танк и немецкий танк загорелся. Надо было нашему танку отходить, но он продолжал стоять, в результате его подбили. Танк наш загорелся, танкист выскочил весь обгорелый».

Обратим внимание, участник боя (С. Каледин, слова которого выше процитированы) несколько не озабочен действиями пехоты врага, словно ее и нет, а вот танки... снова то же самое, что и в марте. Именно действия танков решают судьбу боя! Командование группы П.А. Белова это не понимало? — понимало, прекрасно понимало, но в своем интересе. Ведь в этот же период, именно в разгар этих боев, 4 мая 1942 г., П.А. Белов в радиোগрамме главному Г.К. Жукову просит (п. 2 подп. «в»): *для 329 сд, 2 гв. кд и 4 вдк доставить орудий ПТО, не менее 12 орудий*. Для регулярных своих войск. Не для партизан, которые единственные из всех войск Белова в те дни вели активные бои — бои под Ельней! А вот партизанам через день, 6 мая, тот же самый генерал приказывает «...уничтожить ...овладеть Ельня». Сегодня это именуется двойными стандартами. У генерала Белова двойные стандарты для регулярных своих частей и местных смоленских партизан — системное явление. Не исключение и петрянинские бои.

Показательно, что привлеченный (на бумаге) к участию в операции 3-й гв. кавполк ни в первых (1—3), ни в последующих (5—7 мая) боях в самой деревне Петрянино реально не участвовал. Командир партизанского полка им. 24-й го-

довщины РККА полковник Ф.П. Шмелев в августовском 1942 г. отчете начальнику штаба партизанского движения при Военном совете Западного фронта о майских боях среди прочего сообщает: *...полк ...вернул ряд деревень, сданных 3 ПСП и Барановым...* Как сдавать, получается, так «конногвардейцы», а как возвращать, так партизаны. Причем цифры потерь полка свидетельствуют, что уж кто-кто, а партизаны десятками под пулями ложились, побывали не сторонними наблюдателями: *в этой операции полк потерял до 100 человек убитыми и ранеными и 2 танка.*

Постепенно расширяя участок активных наступательных действий под Ельней, П.А. Белов, — о чем свидетельствует радиограмма Г.К. Жукову от 7 мая 1942 г., — *«поставил задачей отрезать Ельня запада путем соединения "Лазо" и "Дедушка"»*. Таким образом, имела место по существу вторая — после мартовской — операция беловских сил с целью овладения г. Ельня. И если свою причастность к судьбе мартовского штурма генерал в мемуарах всячески отрицает, то уж майская операция всецело его «детище». Как и прежние беловские проекты-прожекты, «детище» в итоге оказалось мыльным пузырем. Правда, большак западнее Ельни в какой-то момент был партизанами «Лазо» под Ново-Тишово перерезан. Но не надолго. 3-й Гв. КП во взаимодействии с партизанами «Дедушки» оттеснили противника из Дорогинино и даже Чанцово, но на Ельню пойти не репились. Единственное, что во всей масштабной майской Ельнинской операции П.А. Белову удалось важного достичь — заставить немцев отвести свои роты из Петрянино, устранив угрозу своим (именно своим, регулярным!) силам в направлении Петрянино — Ушаково — Дорогобуж. А стабильность контроля над районом Дорогобужа была для командования фронта приоритетом, неспроста Г.К. Жуков в течение весны 1942-го неизменно требовал от Белова оставлять здесь 1-ю гвардейскую кавдивизию. Раз так, то

Ельня была «личным делом» Белова, неудача заранее была простительна. Постепенно бои северо-западнее Ельни захли.

После пестрянинско-чанцовских боев западнее и северо-западнее Ельни этот участок у П.А. Белова наступательных надежд не внушал. Задействованные здесь силы — также заставляли отказаться от наступательных планов на этом участке. Кавалеристов (и в т.ч. коровинский 3-й гв. кавполк) генерал старался беречь как резерв. Партизаны «Дедушки», умея обороняться, в наступлениях себя не показали. Да и окрестности Ельни, и сам город — чужой для «Дедушки» район действий. Оставалось атаковать восточнее, рассчитывать на 2-ю ПСД, точнее т.н. «группу Москалик» — на партизанские полки Ф.П. Шмелева и В.В. Казубского. В начале июня 1942 г. генерал П.А. Белов предпринял силами этих полков еще одну наступательную затею. Эти малоизвестные боевые действия партизанами полков 2-й ПСД проведены в период со 2 по 4 июня 1942 г. в районах 4—12 км восточнее и юго-восточнее Ельни. Временный успех ночных атак был сведен на нет вступлением в бой немецкой танковой группы и иных резервов, вовремя подошедших из города к месту боя. Лазовцы отступили на рубеж Поповка — Шевелево, подразделения полка Ф.П. Шмелева (4 ПСП им. 24-й годовщины РККА) — к Юрьеву и Митьково. Целостность коммуникационной горловины из Ельни к Спас-Деменску была восстановлена.

Вникая в конкретику ельнинских боев партизан с дивизиями противника, неизменно констатируем: на тактическом уровне важные результаты часто срывались из-за отсутствия четкого понимания задач командирами нижнего звена, отсутствия слаженности в действиях подразделений, отсутствия минимума артиллерийского и саперного обеспечения действий стрелковых рот. Кто-то на это пренебрежительно скажет — так чего хотите, это ж партизаны. Не

согласимся: во-первых, многие среди них — та же РККА, только 1941 г. Во-вторых, идя на смертельный риск, каждый из них и все вместе были заинтересованы в скорейшем и успешном выполнении общей задачи, в удачном исходе боя. И в большинстве наступлений первые задачи достигались, а вот потом... Организация боя — это еще и разведка, связь, маневрирование, огневая поддержка, ввод в бой резерва, если потребуется. Это ведь уже не от взводных и не от ротных зависело. Что получится? Подводило одноэтапное планирование схемы боя, неумение командования в звеньях полк — дивизия реагировать на обострения обстановки, привлекать резервы. Да и где эти резервы при фронте полков в десятки и десятки километров? Мы не говорим здесь о такой роскоши, как привлечение бомбардировочной авиации авиадивизий Западного фронта. Где все эти авиаполки, с 10 мая 1942 г. составившие 1-ю воздушную армию? Удар по шести сгрудившимся в Петрянино ротам хоть один советский авиаполк, так бежали бы к Ельне все 7 километров без ориентировки по компасу. Или взять попытку выстроить руками партизан коридор для отхода в июне частей Белова через Лозинки — Рябинки. Важное вроде бы дело. Непроста после войны военком лазовцев о промежуточном результате боев напишет:

«...Замысел командования был выполнен. Впервые, пусть на очень непродолжительное время, но наша партизанская дивизия соединилась»¹.

Дивизия соединилась, звучит. В книгах. А на деле-то в Рябинках лишь рота, да в Лозинки вступает ...лишь взвод, 27 человек! Это при том, что всего в 30 км отсюда с конца мая ежесуточно высаживаются сотни и тысячи человек, воздушно-десантные бригады. Почему бы не послать к Лозинкам хоть батальон? Ведь ради судьбы всей вашей много-

¹ Юденков А. Ф. За огненной чертой. С. 190—191.

тысячной опергруппы коридор пробивают. ...27 человек! Извиняюсь, точнее «...один взвод, т.е. 27 человек, а второй взвод должен был идти на Калошино...» Дрожи, фашист! И после этого говорить о том, что взятие Ельни или хотя бы ее блокирование были П.А. Белову, а тем паче Г.К. Жукову нужны? Вспоминается поговорка о собаке и ее пятой ноге.

Где в этих операциях штаб опергруппы П.А. Белова? Никудышный и запоздалый контроль штаба беловской опергруппы — зачастую уже по факту провала. Контроль этот, понятное дело, нужен был лишь для отчета перед штабом Западного фронта, перед Г.К. Жуковым. Хладнокровно-формальное отношение к проводимым боевым операциям, характеризующее штаб опергруппы П.А. Белова с марта по 5 июня 1942 г., проще можно назвать «отбыванием номера». Как у детей, не видящих разницы между репетициями и ответственнейшим выступлением на сцене. Усталость? В июне, когда речь пойдет о спасении своих жизней (о том особая речь, отдельная книга), усталости наблюдаться не будет. Но пока что, весной 1942-го, — «отбывание номера», плавно перерастающее в ожидание конца этого надоевшего «номера».

БЕЗОТХОДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ 1942-го

В нормальной стране с нормальной армией действуют нормальные и эффективные механизмы мобилизации. Был ли такой страной СССР? Ответ на данный вопрос — предмет целой монографии, поныне не изданной даже разобравшимися в теме. Блицкриг 1941-го многим обязац не вражьи полчищам, а ущербности советской собственной мобилизационной стратегии. Однако вернемся к нашим... героям повествования, их задачам и попыткам реализации намеченного, которые, как известно, зависят от обеспечения потребностей.

Одно дело, когда на фронт по строгому лимиту, крайне мало, но все ж поступает столько-то боеприпасов, вооружения, амуниции, живой силы. Но мы здесь — совсем не о той войне. Совершенно иной, нежели фронтная, выглядит ситуация с пополнением частей в изолированных в немецком тылу наших советских войсках. И тут же — нужда в продовольствии, в фураже. А не отмотилизовать ли тех, чья живность пускается под нож?

Беловские офицеры быстро разобрались в особенностях использования своей сугубо военной власти на освобожденных в немецком тылу территориях. Возникла возможность влиять на людей через перспективу мобилизации как «законный» инструмент террора. Убивалось два зайца: первое — пополнение полков живой силой. Второе — мобилизация стала, как мы ниже проследим, важным элементом механизма расправы над недовольными среди местных жителей. «Комиссии» по мобилизации зачастую были фикцией, прикрывавшей собственно командование частей. Эти же «комиссары» потом и посылали призванных ими в бой, иногда — в последний и решительный, точнее — в единственный, с предсказуемым на 95 % результатом.

Однако была в действиях беловских комиссий — продовольственно-мобилизационных одновременно, как увидим, — и тонкость. Действовать приходилось в деревнях, имевших тесную связь с освободившими их партизанами. Требовалась быстрота, наглость, использование любых административных рычагов.

Не знаю, откуда о советских партизанах сложилось и широко распространилось мнение, как о недо-армии, об эдаких махновцах Второй мировой. Босвые качества и оперативная значимость партизанщины, дескать, почти ноль. Скорей всего, этот миф, будучи выгоден генерал-историкам и государственным идеологам, ответственным за данный сектор Дурилки, — сочинен и пущен в оборот ими же, при содей-

ствии невосставшей публики мегаполисов. Можно, конечно, возразить: мегаполисов тогда не было — но мы о солидных дачниках, псевдоохотниках, а уж их с 1945 г. хватало, об их детках с коньячно-шашлычными душонками в турпоездах, в горах и на пляжах. Придание полукомичности военной теме, в частности, анекдоты, слоганы-поговорочки, и смысловые пренебрежительные ярлыки о партизанах — на совести подобной публики. И тиражировано не мыслящими, вплоть до детей.

По сию пору приходится сталкиваться с крайне поверхностными, ошибочными суждениями по поводу роли и качеств партизан в той войне. Может быть, где-нибудь партизаны и отсиживались, но не к западу от Москвы — не в ближнем тылу противника, не ведущие месяцами фронтальный бой с действующей германской армией. Вот в подтверждение немногословное, но ведь из уст западногерманского историка (Г. Теске) подтверждение этой констатации: *«Первая битва, которую проиграл вермахт во Второй мировой войне, была битва против советских партизан зимой 1941—1942 гг. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе»*¹. Заметим: указанное утверждается в статье (журнальной статье, а не в частной извне никем не замеченной беседе), в той стране, где было в 1964 г. кому вспомнить Восточный фронт вермахта и оспорить подобный вывод, не имей он под собой почвы.

Странно, но пренебрежительность в рассуждениях о партизанах «в отечестве своем» заметна и теперь. Не избежали репродукции устоявшегося штампа даже авторы-энтузиасты (т.е. пытающиеся служить правде, а не халтурно-гонорарной

¹ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1964, № 11, S. 662. Цит. по: Прохтор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. 1939—1945. М.: Наука, 1968. С. 521. Также см.: Пономаренко П.К. Непокоренные. М.: Знание, 1975. С. 20.

копьюнктуре) Максим Северин и Александр Ильюпешкин. В книге «Решающий момент Ржевской битвы», с. 79—80 читасм типичное:

«Партизанские группы... в обороне они также не были стойкими... предпочитали отступать, отрываясь от врага и укрываясь в лесном массиве. Белов понимал неблестящие возможности партизанских групп и поэтому всячески избегал перемешивания личного состава своих частей и партизанских отрядов: необходимое пополнение кавалерийских дивизий, подразделений десантников и лыжных батальонов осуществлялось из числа тщательно проверенных людей, преимущественно “окруженцев”, имевших боевой опыт и хорошо проявлявших себя в боях...»

И это сообщается в книге, специально рассматривающей битву зимы—весны 1942-го па Смоленской дуге — месяц за месяцем, операцию за операцией. Провалы регулярных войск — ничего, божья роса. А что партизанский край огромный в то же самое время здесь же возник, что города и райцентры брали они, а не беловцы, что с января по июнь, «отрываясь от врага и укрываясь в лесном массиве», именно партизаны фронтальной обороной стойко удержали весь центр Смоленщины — это как?! Что же касается оценки партизан П.А. Беловым, честно говоря, в его единственной книге «За нами Москва» нам не удалось, в отличие от авторов вышеприведенной цитаты, найти прямое указание на неблестящие возможности партизанских групп, — Белов писал о целесообразности объединения отрядов в крупные формирования в зависимости от ситуации и задач, не более. Возможностям же партизан П.А. Белов цену знал, немалую цену. Теперь про отрывы от врага...

Стоговский «котел» под Вязьмой — партизан вина? Там партизан не было.

Бекасовский «котел» у Семлево — из-за партизан? Под Сакулино партизан не было.

Группу «Хаазе» партизаны деблокировать немцам позволили? Нет. Десанты и беловщина.

Были «отрывы от врага» (непартизанские, вопреки М. Северину и А. Ильющечкину) и после. В июне 1942-го уходящие беловцы — по освобожденной партизанами земле — уходящие от немцев войска П.А. Белова аж 6 суток были жестко прикрыты от пытавшегося их преследовать врага партизанским полком имени С. Лазо. «Белов понимал неблестящие возможности» партизан таким образом, что принял решение на прохождение к городу Киров именно их районами, именно под их защитой: «Дедушка», затем «Лазо», Тризновские леса и Раменная дача «группы Галюга». Белов рассчитывал и давал приказы на фланговое и арьергардное прикрытие своих частей именно партизанам. И надежды его на партизанские «неблестящие возможности» полностью оправдались.

А теперь об отборе для пополнения кавдивизий. Мы не пишем о «беловском отборе», ибо генерал-лейтенант, видимо, закрывал глаза на созданные его штабными ухарями-«конногвардейцами» схемы функционирования частей корпуса на занимаемой территории...

Конечно, афганские и кавказско-чеченские схемы — достижение сугубо теперешней армии. При Сталине технология «бизнеса» была проще, но безотходная технология мясного конвейера существовала, работала успешно. Поставка местного продовольствия для частей по существовавшему порядку оформлялась документацией зачета заготовок в колхозах по госпоставкам. А если продовольствие изыскано особым образом (без официального контакта с руководством колхозов, без участия районных исполнительных органов и сельсоветов), воины сыты, а документы, так сказать, временно сэкономлены... Особенно, если это в 30 км от своего района дислокации, где найден сговорчивый и сметливый местный хозяйственник. Финансовой стороны

дела никто тыщу лет не поднимет. Может быть, до денег и не доходило, ограничивались «натуральным продуктом». Кое-что, например, можно было бы придумать, правда, актуальное лишь в местных условиях, с «освободившимися» накладными в счет госпоставок. Не гадаем, однако «если звезды зажигаются, это кому-то нужно». И мы констатируем: свидетельства существования самой схемы есть...

Итак, одна из освобожденных ельнинскими партизанами деревень. Район партизанского полка им. 24-й годовщины РККА. Около 40 километров и от Мытишино — штаба 1-го гв. кавкорпуса генерала П.А. Белова, и от Дорогобужа — района размещения 1-й гв. кавдивизии этого корпуса. То есть территория абсолютно вне сферы внимания руководства корпуса П.А. Белова. Партизан в деревне нет, они на позициях у Ельни.

Из воспоминаний Михаила Северьяновича Глухова, партизана партизанского полка им. 24-й годовщины РККА и затем «беловца»:

«...капитан Яхов и майор Докторунов со своими людьми, всего человек 6. Можно сказать, прямо-таки ворвались в деревню. Председателя сельсовета не было, и они начали убивать скот. Заходят во двор и весь мелкий скот убивают.

У меня было 4 овцы, свиньи и гуси — и они всех поубивали. А корову оставили. Вдруг прискакали председатель сельсовета Старостин и Амиров и запретили убивать и вывозить из Ветитнова. Мне было очень жалко гусей и кур, без пути зарезали. Тогда они стали подобру просить отдать мясо. Тогда отец снес овцу, кто нес телят, кто поросенка. (...))».

Только решительное вмешательство комиссара партизанского полка Г.С. Амирова было способно немного приостановить пыл беловских ухарей. Указанные офицеры — командование одного из полков «конной гвардии» генерала Белова. Инцидент исчерпан? Как бы не так, это только начало.

«Потом мы (...) были вызваны майором Яховым в Мазово. Тут же был и Докторунов. Вызвали через председателя сельсовета.

Они сидели за столом втроем. Вместе с ними сидел какой-то лейтенант. Партизан здесь не было. Они нас записали и сразу на коней, и отправили в Яковлево, под Дорогобуж.

Мы поехали. Я был за старшего группы. Там нас было 32 человека молодежи. Нас приняли. Мы спросили, что и зачем нас прислали. Оказывается, мы были приняты в корпус Белова и должны были здесь воевать».

Вспомним текст М. Северина и А. Ильюшечкина: необходимое пополнение кавалерийских дивизий, подразделений десантников и лыжных батальонов осуществлялось из числа тщательно проверенных людей, преимущественно «окруженцев»... Беловский майор, капитан и лейтенант внагиак, не считаясь с командованием партизанского полка, берут три десятка деревенской партизанской молодежи, скот семей которых этой же «комиссией» и порезан, и отправляют... если бы только просто воевать:

«Амиров просил, чтобы нас вернули, приезжал даже посыльный, но нас никуда не отпускали. Погнали нас на станцию Баскаковка, к деревне Колпита...

Из Колпиты ходили на станцию Баскаковка, чтобы помочь 33-й армии сделать прорыв. Шли мы болотом. Правда, лошади были, так как здесь были конно-гвардейские пулеметы на лошадях. Взяли провожатого старика, который несколько раз проводил наших людей.

Когда подходили к передовой, то наши станковые пулеметы были в 300 метрах от передовой, но тут кто-то из нашего начальства дал выстрел из пистолета, и немцы это слышали. Двинулись на нас...»

Глухову довелось поучаствовать в боях в составе 2-й гв. кавдивизии. Рождается вопрос: зачем кто-то из нашего начальства дал выстрел из пистолета? Ответ прост: чтоб нем-

цы услышали. И немцы это услышали. Так стоит ли удивляться, что Миша Глухов, чудом спасшийся в этом бою, в очередной апрельской «мясорубке» был ранен у станции Баскаковка в живот, в левую ногу и в правую руку выше локтя... Да, кстати, не случайными пулями: именно смоленскому парнишке Глухову «конногвардейцами» было приказано подавить пулеметную точку. Подавил.

Таких, как М.С. Глухов, в гвардейских кавдивизиях были десятки и сотни. Интересно, сколько выжило? Из воспоминаний Глухова ясно, что местные смоленские «рекруты» были для Белова, Докторупова, Яхова и подобных лиц пущечным мясом. Но вот вопрос: почему именно их срочным образом вызвали через председателя сельсовета, именно из деревни, где преступное самовольство беловцев могло получить дальнейшую огласку и нежелательное развитие? Смеем попутно предположить, что Ветитнево на Угре было далеко не единственной деревней, где «отличились» той весной доблестные командиры и начальники штабов группировки П.А. Белова.

По воспоминаниям Ивана Пименовича Шайкова — «ФД», т.е. Федор Данилович Гнездилов, командир партизанского полка, — два беловских ухоря даже арестовал:

«Было это как будто в феврале [рукописная вставка над строкой в оригинале текста: 1942 г.], Белов приказал резать весь скот. Заскакивают беловцы в деревню и начинают резать скот. А у нас был партизанский отряд, и Старостин был, председателем сельсовета, и ему об этом донесли. Тогда приехал из штаба ФД, и беловцев задержали. До нашего двора дошли, всех гусей порезали, а ФД два беловских ухоря арестовал и сказал всем, что “здесь есть Советская власть, есть председатель сельсовета, есть председатель колхоза на месте, несмотря на то, что рядом враг, поэтому так действовать нельзя. Надо сказать людям, чтобы они собрали скота сколько возможно, а не самочинничать”».

Ошибка беловских ухарей была в том, что штаб партизан был неподалеку, в Некрасах, и командование партизан, — ФД и Амиров, — во-первых, своевременно узнали о происходящем, во-вторых, не побоялись беловских начальничков. А уж их-то беловцы в свой «мясной конвейер» отправить и при желании не имели права, вернее — возможности. Но вот с рядовыми местными, такими как Глухов, чуть позже рассчитались сполна. И это происходило поблизости от партизан. Здесь вмешалось руководство партизанского полка, да и то — с половинчатым результатом. А каково народу там, где своим не сообщишь? А что происходило в глубине освобожденного края? Кто бы там решился перечить беловским ухарям? Если посмевшие и были, «тщательно проверенные», так до первого боя, до первых немецких пулеметов, до первого выстрела за спиной какого-нибудь «конно-гвардейского» ухаля с черным списком в кармане.

БЕЛОВ В ГОСТЯХ

Будучи накрепко отрезанным немцами от основных сил нашего Западного фронта, Павел Алексеевич Белов волею судьбы оказался единственным генерал-лейтенантом действующей Красной армии на огромной освобожденной во вражеском тылу территории Смоленщины. Полками — и партизан, и беловскими тоже — командовали капитаны, редко майоры. Было не так уж много среднего состава офицеров-окруженцев. Генералы — только непосредственные подчиненные П.А. Белова. Где-то восточнее, правда, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов с группой войск своей армии, но блокирован немцами в сравнительно малом районе. Остервенело пытавшийся пробиться ударными группами армий на запад главком генерал армии Г.К. Жуков — безнадежно далеко. Должность и звание генерал-лейтенанта П.А. Белова делали его автоматически главным действующим

щим лицом советской стороны на просторах от берегов Днепра под Смоленском аж до Знаменки.

Естественно, П.А. Белов изначально понимал как исключительность ситуации, так и исключительность своей роли, своих решений для судеб тысяч людей, для судьбы «Ржевско-Вяземской» операции. Вот здесь-то проходит рубикон: либо ты проскальзываешь на историческом полотне серой малоприметной мышкой, ничего заметного не сделав, либо решаешь задачи фронтового уровня. Иными словами, выбор таков: либо думаешь лишь о своем корпусе, себе и своих подчиненных, либо о всех, кого ты способен мобилизовать в нужный момент для общей победы. В первых же приказах, адресованных смоленским партизанам, генерал-лейтенант откровенно проявляет именно узко-«комкорский» подход, в центре внимания — благополучие корпуса, а кругом хоть трава не расти! Возьмем упомянутый уже приказ, привезенный лейтенантом Антоновым в Дорогобуж, самый первый, тот что «товарищу Ураганову». Первый пункт: *«За овладение Дорогобужем Вам и всему личному составу вашего отряда объявляю благодарность»*. Прекрасно. Пункт пятый: *«Все продовольственные запасы, захваченные вами в районе Дорогобужа, отправить на обывательском транспорте в мое распоряжение в Контево, что южнее Семлево 14 километров»*¹. Неплохо, да? Как победа — так ваша, как трофеи — так наши. Вот такая миленькая дележка, прямо-таки в духе незабвенного киногероя, Попандопуло из Одессы: это мне, это — опять мне...

Казалось бы, молодец — отец-командир, так сказать, кормилец... Волей-неволей любой командующий войсками рсйдирующими, «самостоятельными», изолированными от

¹ Цит. по: Первая партизанская / Сост. Юдин Н.Ф. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 147, со ссылкой на: ЦАМО РФ. Ф. 639. Оп. 2754. Д. 7. Л. 4—5.

иных армейских сил обязан в первую очередь заботиться о достаточном и бесперебойном снабжении своих частей продовольствием и фуражом. Второе — оперативная ситуация: уметь побеждать, успевать отдыхать, следить за врагом и не проспять вражеский удар. И лишь в третью очередь — отношения с местным населением, неармейским руководством, соседями... Но тут стоп: в Дорогобуже рейд остановлен, приехали. Дорогобужская Народная Республика (почему бы так не назвать?) имела свою — партизанскую — армию. Деревня Коптево, куда требовал Белов вывезти продовольствие, — не в десяти, а более чем в сорока километрах от Дорогобужа. С каких складов довольствоваться батальонам дорогобужских партизан? Белов же выдвигает практически ультиматум: «все запасы... в мое распоряжение...» Вывод однозначен: Белову в феврале 1942 г. было абсолютно наплевать на судьбу местных партизанских частей. По существу, получалось, ему было наплевать на судьбу дорогобужского участка советско-германского фронта. Учитывая, что в февральском наступлении на Сафоново/ст. Дорогобуж было активно задействовано лишь два из беловских эскадронов 11-го (1-го гв.) кавполка, — становится понятно, зачем так срочно после освобождения города появился в Дорогобуже этот полк: на складах оккупантов в Дорогобуже было, помимо прочего, обнаружено 360 тонн ржи, 350 тонн фуража¹. Плоды партизанской победы были «приватизированы» беловцами. В «Кратких сведениях из истории первой партизанской стрелковой дивизии “Дедушка”» (отчет уцелевших из комсостава 1-й ПСД от 8 сентября 1942 г.) читаем:

«При освобождении гор. Дорогобуж были взяты большие склады ржи, ячменя, овса, собранные немцами с мест-

¹ Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сборник документов и материалов. М.: Московский рабочий, 1977. С. 138.

ного населения в порядке обязательных поставок. Основная часть запасов хлеба была партизанским отрядом передана Первой Гв. кавалерийской дивизии».

Захваченные склады с продовольствием и фуражом, конечно, никто и не думал перемещать в Коптево, все проще: «...конногвардейцам партизаны также передали захваченные склады с продовольствием и фуражом...»¹. Не имущество со складов, а склады передали — в Дорогобуже. Попробуй не передай, если комполка П.И. Зубов на 3-й день в Дорогобуже оказался вдруг «уполномоченным от командующего Западным фронтом»! Причем по бумаге партизанам от П.А. Белова «...предписываю вам ...выполнять его ...распоряжения». Как брать город, так партизаны, как часовых у складов расставить — тут и Красная армия выискалась! Уж не это ли «участие во взятии Дорогобужа» своих войск под-разумевал в послевоенных воспоминаниях Г.К. Жуков:

«...партизаны активно помогали ...Белову в снабжении ...войск продовольствием и фуражом. Вместе с воинскими частями партизаны захватили Дорогобуж»².

«Воинских частей» жуковского фронта при освобождении Дорогобужа, как мы выше указывали (гл. II), набралось 62 человека собранных партизанами парашютистов. Но здесь мы о другом: после снабжения беловских войск про-

¹Л.В. Котов, А.А. Храпченко. Боевое взаимодействие Смоленских партизан с действующей армией // Уходили в поход партизаны. Сборник материалов науч. конф. «Всенар. борьба с нем.-фашистскими захватчиками на временно оккупир. территории Смол. обл. в период Великой Отечественной войны 1941—1943 гг.». Смоленск: Смолепское книжное изд-во, 1973. С. 196, со ссылкой на: ПАСО. Ф. 1722. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

²Цит. по: Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941—1945 гг. М.: Мысль, 1980. С. 271 со ссылкой на: ВИЖ, 1966. № 10. С. 81.

довольствием и фуражом Жуков странным образом сразу же вспоминает захват Дорогобужа (партизанами! — правда, озвучить это Жукову не хочется, и потому тут же вслух дополнение: ...партизаны захватили Дорогобуж ...Вместе с воинскими частями...). В общем, вспомнил Г.К. Жуков не что иное, как спасение партизанами кавкорпуса П.А. Белова от голодной гибели.

Однако вернемся к Белову с его предписанием партизанам выполнять распоряжения Зубова. В чем заключалось выполнение дорогобужцами зубовских, а позже и генерала В.К. Баранова распоряжений, видно из следующих цифр:

— на пополнение подразделений 1-й гв. кавдивизии срочно передается 700 человек партизан с личным вооружением, а также артиллерией;

— на восстановление конского состава у населения района и партизан «конногвардейцам» дивизии В.К. Баранова забрано 1488 лошадей (полторы тысячи!);

— беловцам передано 197 ящиков тола, сотни тысяч патронов, 65 станковых пулеметов, 5249 винтовок, 60 693 снаряда¹.

А теперь представим появившуюся под Дорогобужем кавдивизию Баранова (1-ю гвардейскую) без всего выше перечисленного. Как насчет хотя бы намек на боеспособность? Хороша же была бы жуковско-беловская гвардия, пожелай она своими «силами» захватить город!

Дальше — больше. Мясо, картофель, рожь, овес и ячмень, солома и сено: с февраля по апрель 1942-го дорогобужцы передают армии 300 тонн мяса, 689 тонн ржи, 1113 тонн картофеля, 270 тонн овса, 39 тонн ячменя, сена

¹ Л.В. Котов, В.А. Шуляков. Трудовой вклад жителей Смоленщины во всенародную помощь фронту. // Материалы по изучению Смоленской области, выпуск IX. Смоленск, 1976. С. 105; со ссылкой на источник: Смоленск: К 110-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967. С. 254.

и соломы 1447 тонн, — и все очень законно (по советским, естественно, законам), «в порядке государственных поставок»! Восточные, твердо отвоеванные территории Смоленской области на основании Постановления правительства были от бремени госпоставок временно освобождены: там совпартилица воочию видели картину на местах, и подобие вины государства за допущенное разорение требовало компенсации. Так сказать, ... в ответе за тех, кого приручили. А в тылах группы армий «Центр» навязываемая реалиями войны, а не тыловой конъюнктурой, аксиома была иная: спасение утопающих — дело рук самих утопающих! Так что, дорогие крестьяне, отдайте последнее сегодня, чтобы не отведать германского штыка завтра. И не партизанам отдайте (это уж ваше дело), а родной, горячо любимой Рабоче-Крестьянской Красной армии, — беловцам. Не оправдаться... Но то предмет иного повествования.

Через восстановленные в партизанской местности сельисполкомы и партийно-советские административные рычаги районного, окружного уровня руководство группировки Белова наладило систематическое продфуражное снабжение своих частей. Точнее говоря, разбросанность дивизий и частей группы П.А. Белова по территории часто предполагала инициативу не руководства группировки, а (в современной терминологии) «полевых командиров». И второе уточнение: систему-то отстаивали местные хозяйственники. Ведь бессистемность и бесконтрольность, иными словами — анархия в деле снабжения частей неизбежно влекли с собой массу злоупотреблений. Так было не только первое время, но и в течение всей весны 1942 г. Вот один из обычнейших документов того периода, кстати, уже конца весны, 22 мая 1942 г., перед самым немецким наступлением «Ганновер»¹:

¹ Загорулько М.М. Срыв гитлеровских планов экономического ограбления Смоленской области // Уходили в поход партизаны. Сбор-

«Вашему сельсовету утвержден план сдачи сельскохозяйственных продуктов для воинских частей, которые вы обязаны заготовить в своем сельсовете. Выдачу таковых производить только по нарядам Уполнаркомзага, выдача без которых категорически запрещается кому бы то ни было».

Понятно, что процитированное предписание председателя Глинковского райсовета и райуполнаркомзага председателю Бородинского сельсовета направлено против самовольства командиров тех самых воинских частей группы Белова и высылаемых ими заготовителей. Показательно, что Бородинский сельсовет — наиболее отдаленная окраина Дорогобужского партизанского края. Державших здесь фронт партизан 2-го батальона глинковцев «воинскими частями» уж никак бы в райсовете не величали (части в военной терминологии наиболее употребительно — полки). Выходит, «воинские части» Белова, не имея прежних возможностей «заготовок» под Дорогобужем и Ельней, к концу весны «дотянулись» аж до юго-западных деревень Глинковского района.

Позже, в рамках советской военной апологии, с ее лозунгами «Единым фронтом», «Все для фронта, все для победы», «Народ и армия едины», описание снабжения регулярных частей П.А. Белова из местных ресурсов обычно преподносилось читателю как иллюстрация чуть ли не восторженной поддержки населением (причем в оккупированных областях!) армии, а значит, и стоящего за ней сталинского государства. Так ли это?.. С одной стороны, да — люди готовы были отдать последнее, лишь бы фронт скорее ушел на запад. Однако с другой стороны, со стороны облеченных

ник материалов науч. конф. «Всенар. борьба с нем.-фашистскими захватчиками на временно оккупир. территории Смол. обл. в период Великой Отечественной войны 1941—1943 гг.». Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1973. С. 144.

властью, допустить такой примитивно-потребительский подход к населению полуразоренной, изолированной в немецком тылу местности для командования корпуса было равнозначно политическому банкротству. Но это в среднесрочной перспективе — более чем через месяц-два... Белов так далеко не загадывал. На уровне же командования фронтом и Западным направлением о том вообще вряд ли задумывались: среднесрочные перспективы большевиков жуковского пошиба не интересовали. Ни по Белову, ни по Ефремову, ни по группировке войск Калининского фронта в холм-жирковском «вензеле».

Весной группировку Белова (и даже партизанские полки) начали снабжать по воздуху военными грузами. Эти поставки, по мемуарному свидетельству самого П.А. Белова, были «каплей в море», а вернее бы стоило сказать — каплей от требуемого моря. Остальное — по-прежнему на плечах народа. Нет, конечно, это не тягловые повинности, не оброки и подати, это родная, горячо любимая советская власть, ее армия. Рабоче-Крестьянская Красная армия, присоединившаяся к армии народного партизанского ополчения. Народ неделями и месяцами кормил псевдоармию Белова, но результат (не попавший в советские книжки результат) этот самый народ вовсе не радовал...

«...Беловцы здесь жрали хлеб, появились с шашками, а драться не умели. Над ними выше стояли даже наши бабы. Хлеб-соль ешь, правду — режь! Я бы сказал в лицо Белову и Жукову: беловцы не дрались с немцами. Даже в лагерях в Рославле большая часть беловцев ушла во Власовскую армию — одела немецкие мундиры. В лагерях партизан уничтожали, а беловцев не били, многие скрывались под видом беловцев. Слепцы оставляли, и партизаны заняли снова. Немцы на эту деревню не пошли. Беловцы все находились в центре партизанского края, а не воевали с немцами. Они знали только забирать хлеб, фураж и коней. Они же были

без обоза, только кони да клинки»¹ — это сказано прошедшим ад беловщины М.П. Мельниковым, с 1933 г. семь с половиной лет до войны работавшим председателем колхоза. Не подумайте, что из кулачества. А что сказали бы *в лицо Белову и Жукову* не советские активисты, а обычные крестьяне, потерявшие все — и скарб, и кров, и здоровье, и родных?!

Впрочем, П.А. Белов и сам был «тяглым», сам был сковап. Эти оковы — служебная субординация РККА, причем довоенного образца. И это в немыслимом-то здепнем узле обстоятельств начала 1942-го. Белов оказался на Смоленщине в очень опасном положении: «винтику» в механизме Запфронта, но крепящий все надежды всесенне-летней военной компании на Западном стратегическом направлении. Очень неплохо понимая важность своей (плюс партизанской) группировки, П.А. Белов был обречен на негласную конфронтацию с вышестоящим командованием. Ясно, что военные и сопряженные с ними правомочия П.А. Белову на Смоленщине требовались исключительные, совершенно более широкие, чем у командира корпуса где-то на основной советской территории. А как же общесармейская схема субординации, принятые в РККА механизмы администрирования, наконец, личность Г.К. Жукова? Грань дозволенного очень зыбкая, и субъективно, психологически ее трудно было месяц за месяцем не перейти. Но упаси бог сделать подобное публично, другое дело наедине со своими мыслями, в дневнике. Показательна запись, произведенная П.А. Беловым 11 апреля 1942 г. в своей записной книжке, ныне опубликованная среди текста т.н. походного дневника Белова:

«Меня все время возмущает попытка фронтowego командования вмешиваться в тактические мелочи и решать эти

¹ Местами исправлена пунктуация, сокращенные слова записи нами восполнены.

мелкие, с точки зрения фронта, тактические вопросы, имея далеко не полные данные. Недаром Суворов говорил, что ближний видит лучше дальнего».

Казалось бы, правильное замечание. Но все дело в контексте, где об этом принялся рассуждать генерал. А контекст следующий: комфронта приказал Белову помочь соседнему 4-му ВДК. Вот что непосредственно предшествует ранее процитированному: *«Я догадываюсь, что Казанкин взывал и к Жукову, а последний приказал мне бросить все, что только возможно, на помощь 4 вdk, хотя формулировка этой задачи очень неясная»*. Итак, для Белова «тактические мелочи» — взаимодействие на стыке с соседним корпусом в период наиболее критического положения (пик немецкой наступательной операции по деблокаде группы «Хаазе»). В этот же день П.А. Белов получил приказ главкома Г.К. Жукова об оперативном подчинении ему этого 4-го ВДК, видно, Жуков тоже понимал, что *ближний видит лучше дальнего*. Чтобы Жукову самому не решать у Белова и его соседа тактические вопросы. Так что же возмущает Белова? Почему он своим замечанием противоречит реально происходившему? Да потому, что в апреле 1942-го (это не 1941-й) уже неприятен-возмутителен (!) для Белова сам факт того, что комфронта смеет что-то там указывать и «вмешиваться» в планируемое на стыке отдельных корпусов в составе своего фронта, когда возникла опасность рассечения противником их территориально единой группировки. Извиняюсь, это для Жукова момент таков, а вот Белова *попытка фронтового командования вмешиваться* возмущает все время.

«Попытка вмешиваться» Жукова по какому-нибудь партизану, тому же Киселеву, — возмущает вполне обоснованно. Но Казанкин — не партизан, а все-таки командующий корпусом, т.е. по должности фигура равная самому П.А. Белову. Комфронта обеспокоен активностью противника на стыке корпусов — черт знает что такое! Возмутительно...

Интересно проследить последовательно сменяемые пункты расположения штаба 1-го гв. кавалерийского корпуса на территории Дорогобужского партизанского края. Как и многое в истории действий корпуса/группы Белова на Смоленщине — анализ обстоятельств смены местонахождения штакаора влечет открытия, проясняет все с непривычной стороны.

Напомним, на П.А. Белова было возложено командованием Западного фронта общес командование всеми регулярными войсками и партизанским формированиями Дорогобужского партизанского края. Казалось бы, штаб кавкорпуса и генерал-лейтенант должны избрать местом своего расположения несколько последовательно сменяемых деревень центральной части этого партизанского края — это приходится на восточную часть Дорогобужского района. Однако действительность показывает совершенно иное: Мытишино, Подлипки, Зиновино и, наконец, Щекино. Все эти пункты лежат на территории тогда Выходского района Смоленской области.

Штакор «конногвардейцев» ни изначально, ни позже принципиально не тянуло ни в партизанскую столицу Дорогобуж, ни под Ельню — хотя она, в случае закрепления здесь партизан и сил Белова, могла бы стать неким центром единой партизанской республики центра Смоленщины. Нет. Оказывается, все практичнее. После тяжелых и неудачных семлевских боев штаб корпуса П.А. Белова обосновался в Мытишино, центре сельсовета в северной части Выходского района. Здесь располагались в тот период РК ВКП(б) и районный исполнительный комитет. Примечательно, что райцентр и основная часть территории района — за исключением двух сельсоветов — были местными партизанами освобождены. Это важно: район не только хозяйственно, но и административно был воссоздан как действующая территориальная единица, подобная таким же на основной, не за-

нятой врагом территории СССР. Белов мог здесь рассчитывать не только на боевую поддержку двух сильных местных партизанских отрядов, но и на какой-то период бесперебойного снабжения фуражом и продовольствием. И именно здесь, во Входском районе, было ближе всего до основных сил Красной армии.

На период апрельских наступательных боев попытки соединения с войсками 50-й армии в направлении Милятино — Буда штакор П.А. Белова в ночь на 6 апреля 1942 г. переместился на 12 км юго-восточнее — в деревню Подлипки Пустошкинского сельсовета. Недалеко, но все же поближе к предполагаемому месту встречи с основной группировкой войск Запфронта.

Операция, как и многие прежние, провалилась. Беловский штакор откатился на запад, в Зиновино Архамоновского сельсовета. Входский район не покидали.

Цветущим маем генерал-лейтенант П.А. Белов со штабной свитой обосновались в Щекино — все в том же Входском районе, на живописных берегах Угры. Точнее, северном берегу, что отделен рекой от близлежащих немецких позиций частей спас-деменской группировки.

Вывод: П.А. Белов и руководство группировки «облюбовали» исключительно деревни левобережья Угры во Входском районе — в ближайшем к расположению основных войск советского Западного фронта. Это показывает, что партизанщиной командовали нехотя, лишь оглядываясь на тех. Основной, напряженный и долгий взгляд П.А. Белова был направлен на восток. Удастся ли прорваться сюда армиям Запфронта? Удастся ли самим с честью выпутаться из этого, что ни говори, окружения, и именно с честью, а значит — с войсками, с корпусом? Прорывы — не то, оптимальный вариант — деблокирование Запфронтом с востока. Линия основного советско-германского фронта сместится к Смоленску, в чем немалая заслуга — Белова и белов-

цев. Именно поэтому П.А. Белов так не хотел переезжать из утранских деревень куда-либо западнее, под Дорогобуж, Ельню. Немцы, уже в самом конце мая, заставили.

КАДРОВАЯ КАДРИЛЬ

Помимо решения главнейших для группировки П.А. Белова задач материального обеспечения войск, их пополнения и вооружения из местных ресурсов, генерал-лейтенант последовательно «гнул линию» на полное подчинение себе местных партизанских формирований. В конце концов, а точнее — в апреле 1942 г. — удалось. Не без удовлетворенности Павел Алексеевич сообщает о том в мемуарах «За нами Москва»:

«Нам удалось в конце концов объединить почти все разрозненные отряды нашей зоны в две партизанские дивизии и отдельный партизанский полк Жабо. Командование Западного фронта вначале противилось этому, опасаясь, что мы загубим партизанское движение. Нас поддержал Смоленский обком партии... Командование фронта согласилось...»¹

Казалось бы, молодцы партийцы, молодец Белов! Но Белов-то для себя, «под себя» строил командную вертикаль с сугубо военными задачами и планами. Планы командования группы П.А. Белова очень даже могли и не совпадать со взглядами и планами смоленских партизанских вожakov. В документации «Дедушки» находим тому свидетельство:

«После подчинения партизанского отряда “ДЕДУШКА” командиру 1-й Гв. КД генерал-майору БАРАНОВУ в действиях командования партизанского отряда не стало той партизанской смелости и независимости. С апреля (со второй половины) действия партизанского отряда стали связанными, целиком зависящими от решения командира

¹ Белов П.А. Указ соч. С. 258.

1-й Гв. КД, иногда идущими вразрез с интересами партизанского отряда».

В феврале 1942 г. командиры «Урагана» и «Дедушки» говорили о планах взятия, после Дорогобужа, еще нескольких райцентров: «...утвержден разработанный капитаном Щербанем¹ оперативный план дальнейших действий соединения. Ближайшие наши задачи: захватить райцентры и железнодорожные станции Глинка и Сафоново. А затем овладеть Ярцевом и Ельнсей»². Ну как, уважасмый читатель? Чем там высокочиновные генерал Г.К. Жуков с маршалом Б.М. Шапошниковым да их фронтовой и Генеральный штабы занимаются, не важно, — в действительно шедшей войне оперативными планами освобождения Смоленской области занимался капитан Дмитрий Щербань! И брали-таки города, райцентры. Дорогобуж и Глинку успели взять без генеральской «помощи». Потом приехал штадив генерал-майора В.К. Баранова, все изменилось. Воевали сугубо по приказам, без огонька. Потому что от батальонных командиров и выше назначены были подчиняться не партизанским, а генеральско-комиссарским приказам и установкам, не более того. Какое уж тут освобождение сельсоветов и райцентров! Так что опасения фронтового руководства, «*что мы загубим партизанское движение*», по оценке самих же руководителей партизан «Дедушки», оправдались.

Все, что делалось в марте 1942 г. в Дорогобуже в области кадровых назначений на командные и политические должности в оперативно подчиненных командованию 1-й Гв. КД партизанских формированиях, контролировалось полковым комиссаром А.Н. Корусевичем — комиссаром 1-й Гв. КД.

¹ Щербань Дмитрий Николаевич, капитан, начальник оперативно-го отделения Главного Штаба партизанских отрядов «Дедушка». Погиб в бою в августе 1942 г.

² *Майоров Н.К.* Незабываемые дни. Смоленск, Смолен. книж. изд-во, 1963. С. 122.

Полковой комиссар знакомился со всеми партизанскими руководителями «Дедушки» вплоть до комбатов. Часто А.Н. Корусевич обсуждал с гражданским партийным руководством многие насущные вопросы, и особенно — кадровые. Главные решения по этим вопросам принимались в частных беседах с инспектировавшими лицами из Смоленского обкома ВКП(б), за закрытыми дверями. Естественно, любые кадровые перемещения, затрагивавшие партизанскую деятельность, осуществлялись с ведома А.Н. Корусевича и В.К. Баранова. Постепенно росла, организационно оформлялась в дивизию группировка «Дедушки». Подбирались и назначались руководители. К 20 марта 1942 г. после беседы А.Н. Корусевича с одним из лиц обкома был решен вопрос о замене прежнего 1-го секретаря райкома партии комиссаром соединения «Дедушки» Ф.Н. Деменковым. В этот период был подобран новый комиссар для «Дедушки» — из окруженцев-партизан, но имевший вес теперь не столько как создатель небольшого отряда «Мститель», сколько военный до мозга костей, и в немалых чинах. Полковой комиссар, выпускник Ленинградской военной академии, до войны старший инспектор ПУ РККА! Прошли утверждение на должностях и иные командные фигуры соединения. В течение последовавшего месяца, вслед за заменой комиссара, был смещен и командир соединения, сам «Дедушка» — В.И. Воронченков. Причиной ли, поводом ли отлета в Москву стало ранение Воронченкова, специальными медицинскими познаниями и документацией не располагаем. Но с этого момента командование партизанского соединения стало: 1) сугубо назначенным «сверху», 2) профессионально-военным, офицерским, имеющим заученной аксиомой: *приказы не обсуждают, а выполняют*. Командовать соединением (фактически дивизией) был подобран капитан И.Я. Ильичев. Опять сугубо военный, причем с военно-академическим образовательным уровнем.

Это отлично. Но капитана поставили в соединении выше майоров, того же В.А. Попенко. Выходит, назначавшие исходили из неких внесуставных, субъективных соображений. Тщательно выбирали подходящих людей.

Как проявили себя на занятых должностях новые командно-политические руководители партизан «Дедушки»? К боеспособности партизанских рот и батальонов 1-й ПСД «Дедушки» в майско-июньских боях 1942 г. нет и не должно быть решительно никаких претензий. Они держались на большинстве участков стойко, чем обеспечили, кстати, сравнительно спокойно протекавший отвод регулярных сил П.А. Белова к Глинке. Затем организованно отошли в кузинские и кучеровские леса. Но в ходе этих же событий командир дивизии И.Я. Ильичев в бою под Пустошкой исчез без вести, командиры 1-го и 3-го полков «Дедушки» попали в плен. И не только командиры полков из лиц столь высокого ранга, — в плен попал и начштаба этой партизанской дивизии. Да не просто в плен, а на службу врагу, в дорогобужский районный карательный отряд (позже это 613-й отряд) капитана В.А. Бишлера¹. Отряд Бишлера занимался в 1942-м прежде всего борьбой с партизанскими группами из дивизии «Дедушки» — дивизии, где Иванов совсем недавно был третьей по значимости фигурой.

Из гв. кавалерийского корпуса П.А. Белова в мае 1942 г. в соединение «Дедушка» был переведен на должность начальника политотдела этого соединения батальонный комиссар Нефедов. Политико-воспитательная работа в дивизии — это не только бумаги и громкие слова на собраниях о дисциплине и стойкости в бою, о верности долгу. Требовалось и подтверждать делом, личным примером показы-

¹ «Дорогобужская старина». Выпуск II. В.А. Прохоров, Ю.Н. Шорин. Из истории Дорогобужского края. Сборник статей. — Смоленское областное книжное издательство «Смядынь», 2001. С. 101.

вать иной раз под пулями, как себя должен вести советский боец. В дни тяжелых, главных испытаний дивизии — тем более. Однако для самого-то батальонного комиссара Нефедова, когда в начале июня 1942 г. события заставляли определиться с собственной судьбой, политотдельские речи о дисциплине, верности долгу и приказам оказались лишь словами. На деле он показал себя иначе. Он бросил дивизию и уехал к генералу П.А. Белову, с группировкой войск которого пошел к линии фронта, забыв о партизанах. Вот такие люди (не без беловской подписи в приказе по корпусу) направлялись весной на ключевые должности в партизанскую дивизию.

Не лучше обстояло дело с подбором из частей П.А. Белова фигур для руководства создаваемой группой в районе Ельни, позже переименованной во 2-ю партизанскую стрелковую дивизию. Эти люди, хотя и не попали в плен, в решительные дни — при ударах по их партизанам в ходе последовавшей вражеской операции «Ганновер» — попросту уехали отсюда с потоком отходящих регулярных войск П.А. Белова. Исключение, не меняющее существа дела — командир партизанской дивизии М.Э. Москалик уехал не с потоком беловских войск, а в одиночку, ночью, кратчайшим путем, и присоединился к беловцам уже в Мутищенских лесах. Приказы вверенным партизанским формированиям, а уж тем более разделение с ними страшной предстоящей боевой судьбы, — это «временно опартизаненных» П.А. Беловым его офицеров не заинтересовало. Как это называется? Подчеркнем, — Москалик, Янузаков, Русс, Нефедов и еще ряд лиц не сами командовать партизанами с неба свалились. Решения на перевод принимались руководством кавкорпуса П.А. Белова и документально закреплены приказами с его, Белова, что ни говори, подписью. Кстати, военный трибунал в советском тылу партизанских псевдovoжаков не ждал. Не заслужили, все в порядке...

Интересна в этой связи и смена П.А. Беловым руководства партизанского полка им. 24-й годовщины РККА. Было подготовлено и претворялось в жизнь данное решение далеко не в одночасье. Как мы выше отмечали, замена Ф.Д. Гнездилова и Г.С. Амирова, подлинно партизанских командира и комиссара полка Ф.П. Шмелевым и П.А. Мельниковым была оформлена приказом по войскам Западного фронта еще аж 18 апреля 1942 г. Прямой связи указанного с событиями неудачного ельнинского штурма, может быть, и нет. Провал штурма Ельни — повод. Но притом — и начало конфронтации между командованием полков «Годовщины» и «Лазо». Кого такое могло порадовать? Уж не курирующих партизанщину обкомовцев. Есть и иное важное основание для замены ФД и Амирова. Сравнительно низкий авторитет политсостава 1-й Гв. КД у населения и у многих представителей местной власти на уровне сельисполкомов, аналогично и нетерпимое для генерал-майора В.К. Баранова равенство ему командования партизанского полка в оперативных и организационных вопросах поблизости от района дислокации дивизии побуждали командование кавкорпуса срочно найти более управляемых (командованием корпуса, естественно) людей. Рычаги для того были. П.А. Белов, будучи неплохим дипломатом, нашел общий язык с местными партийными лидерами. Политуправление Запфронта, действуя в тесной связи со смоленским областным партийным руководством, в интересах Смоленского обкома ВКП(б), — а значит, если нужно, и П.А. Белова, — представительствовало по таким вопросам перед командованием фронта.

Итак, к 18 апреля 1942 г. решение по устранению вожakov «Годовщины» было подготовлено и «проведено» на фронтовом уровне. Казалось бы, в середине апреля 1942 г. и чуть позже П.А. Белов со своим штабом был занят совершенно иными вопросами — шла острейшая борьба под Милятино, и будь она удачна (соединись 1-й Гв. КК с Запфронтом), о

партизанах где-то у Ельни Белов мог бы смело забыть. Но вспомним беловское мемуарное, — как он именно в середине апреля 1942 г. хотел *снять из района Дорогобужа нашу самую сильную в то время 1-ю гвардейскую кавдивизию*, — и посмотрим на карту. 1-я Гв. КД, начини она переход от Дорогобужа в район восточнее Выходы, должна была бы пройти начиная из-под Немерзи северными берегами Угры, т.е. территорией сельсоветов, подконтрольных полку им. 24-й годовщины РККА. Севернее — верховые болота и снега дремучих мертищевских лесов, в апреле не лучший маршрут. Получается, дивизии предстояло одной-двумя дорогами вдоль р. Угра продвигаться на восток всю своей массой, а контроль за каждым подразделением в такой обстановке близок к нулю. Вспомним, как шарахались на вокзалах советского тыла от выгружавшихся эшелонов с отводимыми на переформирование окруженцами. Песенное «...прибыла в Одессу банда из Тамбова». Короче говоря, от дорогобужского села Ушаково до восточного Бол. Захарьевского, — а это около 30 км, — где то ни станься, могло дойти до стрельбы, и вовсе не по оккупантам. Мы не утрируем. Ведь и партизаны полка им. 24-й годовщины РККА контролировали в своем тылу далеко не все пункты и далеко не каждого человека. Возьмем, к примеру, Заборье, что на самом западе Выходского района — прямо на том вероятном маршруте отвода ко Выходам 1-й Гв. КД. Из этой деревни бойцам «Годовщины» приходилось немногим ранее выбивать банду «зеленых». И вот что интересно: из попавших в плен «зеленых» партизаны расстреляли только командовавших, а другие были приняты в полк. Только вот созрели ли они к середине апреля 1942 г. из «зеленых» в «красных»? Такие могли, получив, допустим, жалобы каких-нибудь заборьевских молодок, и поговорить с бойцами 1-й Гв. КД на издавна принятом языке. Кроме того, мало кому ныне известен и понятен во всей его «прелести» термин *самоснабженчество*. А в беловских частях (еще о

том расскажем) уж подобного хватало. Нельзя исключать, что мог подняться на мятеж если не весь партизанский батальон «Вити Кочубея» (С.В. Мехоношина), то часть батальона, как было подобное в минометном взводе полка «Годовщины» в начале ельнинской операции. И отвод дивизии В.К. Баранова мог пойти не по плану.

И вот в начале апреля 1942 г., 5-го числа, генерал-лейтенант П.А. Белов получил согласие командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова на формирование прототипа еще одной, 2-й партизанской дивизии — пока под названием «Особая группа партизанских отрядов района Ельни». Командование группы/дивизии (партизанской!) составили сплошь беловские офицеры, из расформированных в марте кавдивизий. В деревню Некрасы, где менее недели назад к тому времени проводил «расследование» над командованием полка «Годовщины» беловец И. Фактор, приезжает — и размещается именно здесь — штаб этой самой группы / (позже) 2-й партизанской дивизии. А ведь в действительности кто они такие? Кем им командовать? Полк им. Лазо подчинен им лишь формально, отделен линией фронта, прямая связь с ним крайне затруднена. Григорьевский отряд «152» полком этой дивизии к маю не являлся¹. Остается в действительном подчинении лишь полк им.

¹ Обратим внимание: о создании 6-го партизанского полка и его командовании П.А. Беловым сообщается в мемуарах вскользь. Почему бы Павлу Алексеевичу было не остановиться поподробнее на причине своего выбора на должность командира создаваемого полка именно окруженца-лейтенанта (!) Григорьева. У П.А. Белова и штаба фронта для командования на столь важном участке не было ни одного майора или хотя бы капитана? Полком на Смоленщине назначали командовать лейтенантов, полковники — вспомним пример М.Н. Завадовского — летели в советский тыл. Результат: наступление «Ганновер» началось с удара и прорыва фронта немецкой 5-й ТД именно на участке полка этого лейтенанта — Григорьева.

24-й годовщины РККА. А это уже не командование дивизией! Это, учитывая прежнюю подчиненность всех «партизанских» руководителей «группы Москалик»/2-й ПСД, называется иначе — представительство в партизанском полку интересов П.А. Белова. Контрольно-надзорная контора, филиал штаба 1-го Гв. КК. Как теперь, при таком соседстве, должны были себя вести партизанские лидеры полка им. 24-й годовщины РККА?! Командовать в полку партизанами — разумно распоряжаться авторитетом. А этот авторитет делегированы при необходимости ломать через колено присланные П.А. Беловым полковник М.Э. Москалик (бывший командир 75-й КД) и его команда.

Г.С. Амиров и Ф.Д. Гнездилов узнали о своем смещении, и то маскируемом за командировку в штаб фронта для отчета, лишь 2 мая 1942 г. Но П.А. Белов-то делал работу весь апрель:

— 1 апреля — завершение «расследования» с заключением о «виновности» за провал в Ельне именно командования полка им. 24-й годовщины РККА;

— 5 апреля — согласие командования фронта на формирование 2-й партизанской дивизии;

— 18 апреля — издание (пока втайне от партизан) приказа о замене командования полка им. 24-й годовщины РККА;

— и, наконец, 30 апреля 1942 г. — в полк прибывает Ф.П. Шмелев, очень неплохо представляющий, с какой миссией он сюда направлен П.А. Беловым: возглавить полк и укрепит его. А что за формулировкой об «укреплении» (без перемен в снабжении и усилении извне), ясно каждому военному: организационные преобразования — это так, оптимизация управляемости. Главное, чтоб теперь беспрекословно тебе подчинялись, а значит и тем, кто тебя сюда назначил.

Замена командования полка касалась дальнейшей судьбы каждого партизана. Послушал бы Павел Алексеевич Бе-

лов, как восприняли в полку результат штабных интриг, и к чему это привело, как отразилось на моральном состоянии партизан и боеспособности их батальонов.

Рядовой комендантского взвода штаба полка им. 24-й годовщины РККА Каледин:

«Большинство партизан жалело, что они [ФД и Амиров] уезжают, и даже были недовольны, что их взяли от нас, так как это были организаторы нашего полка».

Рядовой 2-го батальона полка им. 24-й годовщины РККА Морозов:

«...таких молодых жизней в руках Шмелева были тысячи и все они были брошены на произвол судьбы.

Когда полк находился под командованием ФД, мы выходили из более тяжелых положений, и ФД всегда был рядом с нами...»

Комиссар одного из батальонов полка им. 24-й годовщины РККА Серегин:

«Считаю: замена командного состава, выросшего в партизанской борьбе с противником, привела к убыли партизанской борьбы...»

Павел Иванович Серегин, как видим, выражался о произошедшем сдержанно и кратко, не конкретизируя сути перемены, а лишь констатировав результат. А вот адъютант комиссара полка им. 24-й годовщины РККА Паненков свои и товарищей человеческие впечатления о тех днях не пытался обуздать партийной дисциплиной, вспоминал как было:

«...Весь полк о них плакал и сами они плакали, хотели все довести до благополучного конца...

А после отъезда ФД и Амирова, когда приехали Шмелев — командир и Мельников — комиссар, дело в корне изменилось, так как они показали себя гордецами[,] и их никто не любил.

...Началась какая-то неувязка между командирами и комиссарами батальонов и новым командованием полка,

начались большие потери личного состава, так как командование слишком гордо поступало, не хотело считаться с командирами батальонов».

Вот впечатления и свидетельства тех самых партизан, ради улучшения управления коими предпринимались генералом П.А. Беловым организационные и кадровые решения. Вот каковы вкратце результаты устроенной П.А. Беловым на партизанских территориях кадровой кадрили.

ОЖИДАНИЯ НЕ СБЫЛИСЬ

Все усилия, подвиги и потери — все объединенное в слове *война*, день за днем происходившее с начала февраля 1942 г. в освобожденном партизанами центре Смоленщины, было призвано способствовать окончательному закреплению этих мест за войсками Красной армии. А для местного народа в сотнях и сотнях освобожденных деревень целью было дождаться снятия вражеской б л о к а д ы . Но в Кремле, как оказалось, это никакого значения не имело, стратегических решений по этому фронтовому участку не повлекло, использовано для судьбы этой территории так и не было. Весной множество сил Ставка ВГК двинула под Харьков:

«По свидетельству генерала Белова, всю весну и в начале лета 1942 г. группа его войск ожидала наступления нашей 50-й армии, действовавшей в районе Спас-Деменска. Но наступление так и не состоялось: часть войск из состава армии была направлена в район Харькова»¹.

Насчет «...из состава армии...», может, автор цитаты и погорячился. Белов же сообщает в мемуарах про ушедшие к Харькову «механизированные корпуса с Западного фронта». Вероятно, тема десятилетиями ждет исследователя. Были для предстоящих наступлений фронтов и иные резервы, исполь-

¹ Юденков А. Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 198.

зование которых предварялось решениями на уровне Ставки Верховного Главнокомандования. Но при чем здесь, однако, Харьков? Южнее Харькова, как известно, весной 1942 г. существовал выступ линии фронта, соотносимый по территории (что немаловажно при его сравнении с интересующим нас участком Западного фронта) с мосальско-кировским выступом того же периода на Западном фронте. В мае 1942 г., как известно, советскими войсками там, у Харькова, было предпринято весьма масштабное наступление, завершившееся крайне неудачно. Так ведь это лишь в мае... Но нелишне учесть, что «План операции войск юго-западного направления по овладению районом Харьков и дальнейшему наступлению в направлениях Днепростровск, Синельниково» утвержден С.К. Тимошенко 10 апреля 1942 г.¹ Планирование операции началось задолго до того, в марте. Как свидетельствует в мемуарах К.С. Москаленко, командовавший весной 1942-го 38-й армией Юго-Западного фронта, еще в 20-х числах марта 1942 г. на проводимом совещании с участием командармов маршал С.К. Тимошенко «сказал, что уже в ближайшее время мы сможем привлечь для разгрома врага значительные силы»². Откуда уверенность у маршала? — конечно, из Ставки ВГК, одобрение там замыслов С.К. Тимошенко состоялось, как видим, уже в марте. Прошел месяц, и маршальское слово с делом не разошлось. 28 апреля 1942 г. главкомом С.К. Тимошенко была издана оперативная директива о предстоящем под Харьковом наступлении. Получил экземпляр таковой и командующий 38-й армией:

«Ознакомившись с этими данными о составе сил и средств, привлекаемых к наступлению, я испытал чувство

¹ *Шерстнев В.Д.* Командармы. Смоленск: Русич, 2006. С. 137, со ссылкой на: ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 181—182.

² *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. Книга 1. 3-е изд. М.: Воениздат, 1979. С. 158.

огромной радости. (...) Например, никогда раньше не было на нашем фронте такого количества танков непосредственной поддержки пехоты. 560 — шутка ли? И мы имели не только это, но еще и во втором эшелоне два танковых корпуса (269 танков), предназначенных для развития наступления. ...Да в резерве фронта — около сотни одних лишь танков»¹.

Даже в мемуарных фразах, спустя множество лет, чувствуется сохранившееся с 1942-го впечатление восторга генерала: «...Никогда раньше...», «...шутка ли?», «и мы имели не только это...». Кто-либо оппонирует: да, много, но ведь на целый фронт. И, может быть, не менее важный для весенне-летней кампании 1942-го фронт, чем Западный. Танки нужны были везде, и на юго-западном направлении, даже если не подвергать сомнению необходимость тамошнего майского наступления. Все так. Но обратим внимание на хронологическое совпадение: сроком планирусмого начала наступления войсками юго-западного направления первоначально было определено 5 мая 1942 г. И в этот же самый день, 5 мая, упразднено западное направление — имевшее с 1 февраля 1942 г. задачей разбить вражескую группировку, зажатую в тиски на Смоленщине Калининским и Западным фронтами. Это означает: Ставка ВГК уже к первым числам мая 1942 г. отказалась от попыток окружить вяземско-ржевскую группировку противника встречными действиями указанных фронтов. Ярким тому подтверждением может служить сравнение обеспечения наступательными силами и средствами войск Юго-Западного фронта (маршал С.К. Тимошенко) для удара по окружению Харьковской вражеской группировки — и имеющихся на фронте 50-й армии, на западном направлении у генерала армии Г.К. Жукова.

¹ Москаленко К.С. Указ. соч. С. 168.

Перечисление прибывших на Юго-Западный фронт к 5—12 мая 1942 г. артиллерийских полков РКК, цифры орудий и минометов, сведения о направленных сюда стрелковых дивизиях интересующийся читатель смог бы найти в специальных работах, они есть. Здесь рассмотрим лишь картину по танкам, как главному, наряду с пехотой, инструменту наступательного продвижения войск. Сличение списка танковых бригад непосредственной поддержки пехоты, имеющих на Юго-Западном фронте к началу майской наступательной операции, с данными начала апреля 1942 г. показывает — для участия в наступательной операции сюда из резервов Ставки ВГК прибыло к уже имеющимся (5 и 6 Гв. ТБР, 10, 13, 133 ТБР) еще ВОСЕМЬ танковых бригад (7, 36, 37, 38, 48, 57, 84, 90 ТБР). И это лишь для действий в первом эшелоне, а ведь для развития успеха этих сил ожидался ввод в бой на этом же участке еще аж ДВА танковых корпуса — 21-й (198, 199, 64 ТБР, 4 МСБР) и 23-й (6, 130, 131 ТБР, 23 МСБР).

Какое может быть сравнение этой массы войск с обеспечением танками действий 50-й армии Западного фронта? — здесь действовали лишь ЧЕТЫРЕ (11, 32, 108, 112) танковых бригады.

Западному фронту для успешного взламывания фронта на небольшом участке (10 около км) нужен был (это максимум) лишь один танковый корпус. И пехота — три, максимум четыре стрелковых дивизии. Уж с изысканием сил пехоты в нашей стране проблем никогда не было.

В условиях лесов не 14—20 апреля, а уже в мае, свою роль могло сыграть для развития успеха севернее шоссе применение кавалерии. Но кавалерия — речь не об остатках беловских полков 2-й Гв. КД, а о целых кавалерийских корпусах — также была под Харьковом: это 3 КК (5 и 6 Гв. КД), 6 КК (26, 28, 49 КД и одна из танковых бригад, учтенных нами выше). Да, мало того, вот еще одна «мелочь»: в ре-

зрве командующего Юго-Западным фронтом помимо двух стрелковых дивизий имелся и кавкорпус — 2-й КК.

Юго-Западный фронт по замыслам высшего советского командования должен был взломать германскую оборону для дальнейшего вытеснения врага на десятки и десятки километров, окружить и разгромить группировку противника в районе Харькова, после чего закрепиться на достигнутых рубежах, т.е. заставить вражеское командование смириться с возникшим положением, что также требовало немалых усилий. Впереди — никаких серьезных партизанских, т.е. освобожденных уже районов. В сравнении с этими планами неизмеримо скромнее, а значит, в разы выполнимее была наступательная операция на левом крыле Западного фронта. Здесь сразу же после взламывания немецкой укрепленной полосы (на 2—4 км в глубину), практически сразу же за Московско-Варшавским шоссе начинался лесо-болотистый район, где сил противника почти не было, да и создать оборону при необходимости — в случае советского прорыва — было бы врагу крайне затруднительно, а по существу просто невозможно. Ведь не было бы здесь ни резервов, способных сразу же выдвинуться и контратаковать, достаточных для выстраивания новой оборонительной линии, ни срока не было бы для того — все решалось максимум на вторые-третьи сутки после овладения советской ударной группой участком шоссе. Подчеркнем, части Юго-Западного фронта в наступлении никто впереди не ждал, кроме вражеских резервов¹. Ударную же группу Западного фронта, одолей она

¹ С января по май 1942 г. на оккупированную территорию Харьковской и соседних областей Украины были посланы 151 диверсионная группа и «38 групп организаторов партизанского движения». Однако, несмотря на предпринятые ЦК КП(б) Украины усилия, никаких партизанских районов, а уж тем более партизанских краев, на востоке Украины так и не возникло (см.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. В 6-ти т. Т. 2 (июнь 1941 —

первые километры, впереди на Смоленщине ждал огромный освобожденный от врага партизанский край — ждал народ, на деле доказавший свою враждебность оккупантам! Но сталинская Ставка ВГК интересовалась не дорогобужским оторванным ломтем, а харьковским лакомым кусочком. Результаты этого выбора, итоги январски-майских авантюр под Харьковом хорошо известны: потеря 227 тысяч бойцов и командиров, утрата корпусов, армий с их командованием, откат за Северский Донец, а потом все дальше на восток, к Сталинграду. Вернуться под Харьков Красной армии удастся лишь весной 1943-го, и снова — немецкие контрудары, откат за Северский Донец. И нормально. Советский народ терпел и не такое. А кто не терпел — о тех разве что А.И. Солженицын с честью, не зарисовочно, но системно и внятно, наперекор советской агитсистеме взялся рассказывать.

В КРАСНОЙ АРМИИ ШТЫКИ НЕ НАШЛИСЯ!

Жителям южных Белгородской и Харьковской областей весной 1942 г. довелось наблюдать реализацию высшим руководством СССР незабвенных слов Д. Бедного, известной песни —

в Красной армии штыки чай найдутся,
без тебя большевики обойдутся...

А что осталось окруженцам и народу Смоленщины и Брянщины? И коль уж в Красной армии 42-го штыки для

ноябрь 1942 г.). М.: Военное издательство, 1961. С. 350—352). Показательно, что занимаемый массой войск РККА окруженный в мае 1942-го район Лозовая — Красноград «рассыпался» и был занят врагом в считанные дни, партизанскими полками сдерживать врага на Харьковщине никто не поспешил.

освобождения здешних мест не нашлись, *что б осталось от Москвы* — решалось здесь, западнее ее, самим народом! Мужчинам доставалось — биться с врагом, женщинам — помогать живым и плакать по ушедшим в гибельное безвестье.

Сталинские весенние ошибки в стратегическом планировании определили летние катастрофы Красной армии во второе военное лето. От активных наступательных замыслов западнее Москвы отказались. У генерала армии Г.К. Жукова в распоряжении оставлен лишь Западный фронт, которым он продолжает командовать. Это происходит 5 мая, когда И.В. Сталин и его Ставка ВГК упраздняют главное командование войск западного стратегического направления. В отношении юго-западного направления подобного не наблюдается. И еще накануне, 4 мая 1942 г. штаб Западного фронта радирует Белову: *«Вы с 4 вк и партизанскими отрядами должны удержать занятую территорию во что бы то ни стало. Донесите, что вам нужно для создания всех условий упорной и непреодолимой обороны»*¹. Доносили, запрашивали, требовали, да вот получили из необходимого лишь малую часть.

В центральной части освобожденной территории было создано несколько аэродромов военно-транспортной авиации и площадок для приема грузов. Стоило это больших трудов и крови. Противник благодаря неплохо налаженной разведке своевременно установил характер работ, места их выполнения, и всемерно тому противодействовал. Иллюстрация — строки воспоминаний тогдашнего председателя Восточского райисполкома Козлова В.П.:

«Аэродромы готовились силами населения. Готовили ночами, так как днем все время налетали немецкие самолеты и обстреливали население из пулеметов, а также сбрасы-

¹ Юденков А. Ф. За огненной чертой. М., 1966. С. 231.

вали гранаты. Когда перешли на ночную работу, то самолеты начали сбрасывать гранаты замедленного действия, которые рвались, когда приходил народ на работу».

Обширнейший беловско-партизанский край совершенно не использовался в качестве плацдарма для советской истребительной и бомбардировочной авиации. А могли использовать. Представим в подобном случае состояние противника: вот удерживаемый вермахтом район бельско-ржевско-кировской фронтовой дуги, а в ее сердцевине — аэродромы советской авиации! ...Но такого не было, вернемся на грешную землю. И не то чтобы не понимали, не планировали подобного — планировали. Директивой Ставки ВГК от 8 мая 1942 г. среди прочего приказано усилить группу Белова *«одной смешанной авиадивизией в составе двух полков У-2, полка истребителей, полка штурмовиков и полка Ил-4, с размещением их на аэродромах плацдармов. Белова»*. Но ведь в мае, а не в феврале! По радиограмме из группы Белова командованию фронта и командующему 1-й воздушной армии 22 мая 1942 г.: *«Площадки Б. Вергово и Подопхай готовятся для постоянного базирования авиации»*. Но ведь дата — 22 мая, за день до «Ганновера». Так что попросту не успели, весны не хватило, а тут и противник не позволил.

В мае 1942 г. огромный, в несколько сотен километров участок фронта, удерживаемый группой Белова, требовал многотысячного пополнения этой группы личным составом. Задача переброски к Белову пополнений оказалась нелегкой и крайне рискованной. Своевременно предпринятыми и, следует признать, талантливо организованными контрмерами врагу удалось сорвать советскую воздушно-транспортную операцию в части заброски в район П.А. Белова подразделений 7-й воздушно-десантной бригады. Немскими частями были организованы ложные посадочные площадки для ночных визитов советских самолетов. Про-

тивник знал и принятую систему световых сигнальных обозначений для советских летчиков. Оставалось достойно встречать «гостей». В эти ночи происходило, например, — по донесению из 2-й Гв. КД, — вот что:

«Как только самолет стал приземляться, по нему был открыт огонь, немцы бежали к самолету с разных сторон. Не успел экипаж выскочить из самолета, как над их головой пошел на посадку второй самолет типа У-2. По утверждению красноармейца Александра[.], это был пятый по счету из числа спровоцированно приземлившихся наших самолетов на аэроплощадке противника — 100 м сев.-восточнее Ключики».

После нескольких неудачных попыток доставить десантников взлетно-посадочным способом программа дальнейшей переброски пополнения была сорвана. То же можно сказать и фактически о всей воздушно-транспортной операции. Уже 17 мая 1942 г. генерал Белов лично наблюдает одну из характерных, планомерно производимых расправ противника над советскими авиаторами, делает неутешительные выводы:

«Истекшей ночью происходило истребление наших самолетов воздушным противником. Установлена пока гибель четырех кораблей. Из них три ТБ и один Дуглас. Последний еще не найден, но я лично видел, как он падал горящим и два парашюта. (...)

Воздушно-транспортная операция пр-ком разгадана. Поэтому полагал бы временно ночных посадок и сброски грузов не производить, так как потери слишком велики».

До вражеского удара «Ганновера» оставались считанные сутки, а график переброски в группу Белова грузов не выполнялся и на треть. Например, в справке о транспортировке грузов за ночь 19 мая 1942 г. заместитель командующего 1-й воздушной армии полковник Кулдин сообщает о фактически произведенных 20-и самолетовылетах в группу Бе-

лова вместо 90 планировавшихся. Командование Западного фронта приказом от 20 мая 1942 г., указывая на множество недостатков в организации воздушно-транспортной операции и в контроле за ее осуществлением, установило личную ответственность каждого экипажа за своевременную и точную доставку грузов, порядок идентификации доставленных грузов, нормы вылетов для каждого самолета за ночь. Но время было уже упущено: с момента издания Директивы Ставки ВГК прошло 12 дней, до наступления «Ганновер» осталось лишь 3 дня...

Кроме противника, кроме собственных нерешительности, халатности, слабого уровня летного мастерства, мешала работе советских авиаторов и погода. В середине мая 1942 г. нередко в этих местах шли ливневые дожди, существенно ухудшившие состояние взлетно-посадочных полос здешнего «лесисто-болотистого» края. Генералам Белову и Казанкину оставалось (нужно ли добавлять здесь резиновое, растяжимое, неопределенное «пока»?) рассчитывать исключительно на имеющиеся в наличии силы, ожидая, как говорится, у моря погоды. Приемлемой погоды, — а вместе с нею и сухих дорог, — дождалось и вражеское командование. Для наступления. И дождалось.

Очевидная необходимость удерживания и укрепления, — если уж не деблокирования, — огромного дорогобужско-всходского плацдарма была ясна, конечно, не только самим Белову и смоленским партизанам. Об огромной значимости плацдарма для дальнейших возможных действий основных сил Западного фронта свидетельствует деталь мемуаров П.А. Белова. Учтем, что важное значение имеет в любой книге не только текстовое содержание, но и разбивка на главы. Так вот, Белов целую главу в книге «За нами Москва» решил посвятить майским событиям, причем назвал-то он ее как! — Операция не состоялась. В советские времена, может статья, это был единственный способ молчаливо крикнуть

о главнейшем, выделив это вне текста. Безрезультатность нескольких зимних и весенних наступлений на фронте 50-й армии заставила (накопец-то) фронтовое командование заняться не подхлестыванием командармов, а собственной активной организацией важнейшего для фронта (не для 50-й армии) дела. Насколько решительно планировали в штабе фронта запясться плацдармом группы войск Белова, показывает факт вылета в ночь на 9 мая 1942 г. к П.А. Белову начальника оперативного отдела штаба Западного фронта С.В. Голушкевича. Белов о цели прибытия этого генерала, о характере своей беседы с ним сообщает подробно¹:

«Генерал-майор Голушкевич познакомил меня с замыслом новой наступательной операции. Не позже 5 июня силами пополненной и отдохнувшей 50-й армии при поддержке авиации и артиллерии намечалось нанести сильный удар по противнику. Для развития успеха выделялись механизированные войска.

Целью операции являлось окружение и уничтожение крупных сил противника. От моей группы требовалось надежно удерживать свой район, имевший важное оперативное значение».

Генералу П.А. Белову оставалось дожидаться. Однако о какой же внушающей надежды новой наступательной операции могла идти речь? Директива Ставки ВГК № 170363 от 8 мая 1942 г. (в день, предшествующий вылету Голушкевича в группу Белова) требует вовсе не наступлений, а усиления группы Белова из ресурсов Западного фронта, причем «в целях удержания и расширения этого плацдарма...». О перехвате коммуникаций, как видим, нет и намека. Учитывая тогдашние харьковские замыслы членов Ставки ВГК, мысль их понятна: сейчас не до Запфронта, подождите, пока и до вашего смоленского плацдарма руки дойдут. Кроме того,

¹ Белов П.А. Указ. соч. С. 284.

Голушкевич сообщает Белову о все той же 50-й армии, авиации, артиллерии — но не о танках, танковых бригадах или тем более уж танковом корпусе. Не о кавалерии — хотя бы об оставшихся на основной советской территории силах беловского 1-го Гв. КК. И верил ли, слушая С.В. Голушкевича, П.А. Белов очередному обещанию близкой победы Запфронта? Кое-какие детали, речь о них пойдет ниже, показывают — не верил. И ведь был прав. Прежде окончательной готовности к удару войск Запфронта, Белов дождался в мае 1942 г. германского наступления «Ганновер» — причины к скорому отходу войск группы далско на запад, повода к скорейшему рейдовому переходу-прорыву беловцев к основной линии советско-германского фронта.

Еще к последней декаде апреля 1942 г. генералу П.А. Белову, по собственному его свидетельству, стало абсолютно очевидно, что после ликвидации окруженной группировки М.Г. Ефремова противник перейдет к подготовке удара по войскам Белова. Занимасьмый беловцами и партизанами район, правда, во много раз обширнее ефремовского, а значит, в талом снегу и грязи вражеские роты, полки, корпуса на десятки километров барахтаться не пошлют. Ударят после разлива, после подсыхания дорог в лесах — в мае. Придется биться и, видимо, отступать. А куда ж денешься? Действительно, куда-то предстояло деться, причем многотысячной группировке.

Поначалу, в марте 1942-го, как мы уже рассмотрели в главе о ельнинских событиях, П.А. Белову было совершенно не до лежащих где-то далеко к западу от Выходов райцентров Ельни и Глинки. До Ельни и Глинки, а точнее, до конкретных тамошних тропинок на местности у П.А. Белова интерес пробудился гораздо позже — за день перед самым немецким ударом «Ганновер» по беловской группе. Очень своевременно, а именно 22 мая состоялось знакомство П.А. Белова с вызванным им в штакор командиром пар-

тизанского полка им. С. Лазо В.В. Казубским. В мемуарах Павел Алексеевич очень откровенен о предмете тогдашнего обсуждения: *«Выяснилось, что в расположении войск противника и в нашей обороне много незанятых промежутков, пройти через которые не так уж трудно. Узнал я также, в каком месте партизанские командиры пересекли большак из Ельни на Спас-Деменск. Все эти сведения впоследствии пригодились нам»*¹.

Уместна ли здесь поговорка, что гром не грянет — мужик не перекрестится? Так то ведь простой мужик, а не генерал. Генералы в судьбоносных (для них, а не только для войск) вопросах бывают прозорливее. Вот и генерал-лейтенант Белов, не гадая насчет грома, уже поспешил выяснять промежутки. Промежутки — где-то в кустах — это хорошо. Но не там и не тогда, когда предстояло лоб в лоб удариться с врагом.

Когда грянет гром «Ганновера», П.А. Белову пригодятся промежутки. И главный промежуток — свободный в несколько десятков километров промежутков для врага между партизанскими дивизиями — оставит сам Белов, отступив и рассыпав тем самым фронт остающихся партизан. «Корпус БЕЛОВА, получив в начале июня приказ идти на выход через линию фронта, пошел в направлении ДОРОГОБУЖ—ГЛИНКА—ЮХНОВ, оставив открытым фронт длиной около 50 км» — так скупно, но в точку сообщается о тех событиях офицером штаба 2-й ПСД. И потому не вините смоленских партизан за летнее отступление из деревень в леса. Специалистами по промежуточности оказались «конногвардейцы» с их предводителем.

За неделю до лета вражеские войска ударили по группе Белова и решительно пошли вперед. По некоторым свидетельствам, П.А. Белов в конце мая 1942 г. уезжал с Угры

¹ Белов П.А. Указ. соч. С. 269.

крайне подавленным. Все пошло прахом! Сколько людей положили ни за понюшку табаку. Вспоминался зимний лихой рейд, победный настрой, надежды. Возможность, — кто знает, почему бы и нет, — взятия Вязьмы. Лица героев зимних боев, израненных и погибших позже. Десантники, успех партизан в Дорогобуже, масса оружия с полей «Вяземского котла», окруженцы 1941-го — это же целая армия, а исходя из реалий того «котла» — и не одна армия, несколько. Множество нереализованных возможностей.

Говоря о добровольцах Смоленщины, местных ли, осевших ли здесь «окруженцах», — уместна оговорка: да, армией эти люди могли стать, но лишь в случае соответствующего оснащения. И ответственности за их жизни в высоких московских и подмосковных штабах. К сожалению, подобное решение запоздало. Осенью 1942-го, зиму на 1943 г. появились и системное снабжение партизанских отрядов, вновь создаваемых бригад, и отношение к ним как к важному элементу боевого противостояния Германии. Осознание действительных боевых возможностей партизан (при их поддержке извне) к высшему советскому руководству пришло лишь после горьких уроков катастрофического лета 1942 г. Но оперативного значения, способного напрямую повлечь окружение вражеских армий и ломку конфигурации фронтов, действия партизан уже не имели.

«ВИД НОВОЙ ЖИЗНИ»

Надо ли было удержать в 1942-м освобожденные места Смоленщины в своих руках? Да, конечно. Но смотря кому. Партизанам — надо, и они держались до последнего. А Павлу Алексеевичу Белову? А Георгию Константиновичу Жукову? А хозяину Кремля? «...Смэрть миллионов — статистика».

После летней катастрофы 1942 г. Красная армия пришла в здешние места не скоро — лишь через год, даже больше, в августе 1943-го. Пришло время окончательного освобождения этих мест от оккупантов. Время, так сказать, расплаты... А если точнее, время повторной оплаты командованием советского Запфронта по старым счетам. Что наблюдаем? Партизаны в 1942-м за 4 месяца так и не дождались подхода «надежных» советских войск, части П.А. Белова с июньским отходом-бегством не в счет. Десятки деревень, взятые и закрепленные партизанами в 1942-м почти без боев, через полтора года Советскому государству пришлось возвращать огромной кровью кроваво-Красной армии, горами трупов на полях перед каждой деревушкой.

Вот пример. Лишь одна из деревень правобережья Угры, название ее — Ветитнево. Та самая деревня, где жил и начал сбор будущих партизан Г.С. Амиров. В июне 1942-го партизаны сдали эту деревню врагу одной из последних. В августе 1943-го в ходе наступления части 68-й армии Западного фронта вышли к деревне и с ходу тогда же, 13 августа, попытались ее взять. За атаками следовали контратаки, штыковые и рукопашные стычки. Горели и советские, и немецкие танки. И так день за днем. Неделю за неделей! Лишь в самом конце августа, 29 числа, частям армии удалось форсировать Угру южнее и, пользуясь успехом прорвавшей вражеский фронт южнее 33-й армии, пойти к Ельне. Из Ветитнева немцы отходили тихо, без боя. Для возвращающихся в деревню жителей картина выглядела, по словам Ивана Шайкова, следующим образом:

«Когда вернулись к себе в деревню, то здесь увидели только пепелище, и кругом лежали трупы немцев. В деревне осталось в живых две старухи. Когда их забрали немцы, то повели по полю. И они рассказывали, что по полю нельзя было идти, так много лежало убитых бойцов. Немцы трупы своих солдат или зарыли, или сожгли, их лежало меньше.

А трупов наших русских бойцов на полях было очень много, человек 600 мы похоронили. (...)

Около нашей деревни бой шел три недели, причем шесть раз сходились в иттыковую атаку, поэтому трупы наших бойцов и начали уже разлагаться. Мы слышали, как наши кричали ура. 12 танков наших русских сгорело на поле и много немецких танков было здесь. В деревне не осталось ни одного дерева, ни одного дома, ни одного сарая, ничего — сплошное пепелище».

В начале 1990-х в той округе мне доводилось от местных людей слышать о какой-нибудь гибнущей деревушке прибаутку: в деревне две старухи, и те лысые... В 1943-м такое выражение, как видим, было правдиво буквально. Но уже без псевдокомизма: две старухи, и все, — только пепел, кореженный металл, трупы, запекшаяся кровь. Таковы чудовищные результаты «освободительных» боев. Почему мы святое слово «освободительных» берем в данном случае в кавычки? Да потому, что если деревня освобождена от людей, домов, любых построек и деревьев, — это уже не освобождение. Цивилизационный катарсис.

Жизни 600 молодых парней в обмен на что? На «освобождение», что ли, двух старух, которые и дождались «освобождения» лишь потому, что не смогли преодолеть завалы из трупов этих парней? Не слишком ли велика такая плата?! И это лишь одна из деревень. Из прежде освобожденных, кстати, партизанами деревень, но неждавших в 1942-м ни 10-й, ни 50-й, ни 49-й армий Запфронта.

Погибла масса людей. Предводительствуемы они были теми же военачальниками, что и в 1942-м: Запфронтом командовал теперь В.Д. Соколовский (при сдавшем в 1942-м эту местность врагу Г.К. Жукове начальник штаба Западного фронта).

Погибли не только люди, погибли деревни, погибла вся здешняя жизнь и довоенные надежды: колхоз описанной выше

деревни — «Вид новой жизни» — стал сплошным пепелищем. Из воспоминаний жительницы указанной деревни Матрены Демченковой: *«Пришли мы в деревню — одни кирпичи, кругом все сожжено было. Хлеба не было и смолоть его негде, так и варили зерно житом. На зиму ушли по разным деревням, а в деревне в 3-х бункерах разместилось по 5—6 семей...»* Практически то же находим и в воспоминаниях Григория Горбачева: *«...А деревни не было, немцы все дворы пожгли, не было ни одного угла и ни одного человека здесь не было. Потом начали подходить наши люди из других деревень, из лесов и болот».*

Так было в год окончательной очистки местности от врага... За что год назад боролись, на то и напоролись заново, в 1943-м. Вдесятеро большей кровью оплатили. Служивые с огромными пентаграммами на погонах промолчали в послевоенных мемуарах. Еще позже ревнители «облико морале» поназывали улицы в городах именами этих самых «полководцев» (полки под пулями водили не они!). В честь одного из «полководцев» в нынешнем государстве аж орден учредили, что в России имперской было немыслимо. Ведь там государственные лидеры имели понятие о христианстве и о святых, коим ордена и посвящались.

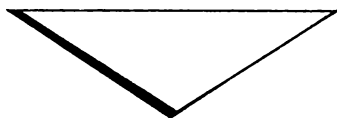
В точку сказано поэтом: «В Министерстве обороны глухо каркают вороны». В стране доминанты пентаграмм и нового культа несвятых свято-заменителей приходится наблюдать фальшивое злато медалек и книжек с «Маршалом Победы» и даже с «Оболганным Маршалом Победы», хмыкающие хихикающие заумствования очередных властителей о необходимости приватизации того «деградирующего земельного фонда», на полях которого легли и упомянутые выше 600, и другие 666 раз по 600 молодых парней, что оплатили кровью жизнь не своих наследников.

Приватизируйте!

А вот наше наследство вам не взять. Наше наследство — под заросшей в крапиве господской усадьбой Державино,

под яблоньками Собшина на днепровском берегу, на поле боя в Глинке, ставшем после войны улицей Партизанской, на старом мархоткинском мосту, в лесах Ястребовой Пустыни, на старинных качелях в Дубровках, на большаке у Семирева, где сломилась фронтовая судьба деда автора этих строк, когда узнал он впервые за войну о своей семье на том, немецком еще берегу речки. Он позже оплатил штрафником, кувyrкаясь с очередной полученной пулей, законность нашего наследования этих ...проселков, что дедами пройдены...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сладкой правда о войне не бывает. Бывает горько-жженой, бывает соленой от града пота вперемешку с пылью. Это для участников. Для партийно-исторических профессоров она кислая, как жидсньские щи: выискивай хоть что-то интересное, потрудись убедить других, что в целом блюдо — удобоперевариваемое. Нынешних же «историков», при свободе от *убеждений*, и бремя служебного задания не придавливает. Делай что нравится, хоть суррогат, но с красивой этикеткой. А знание топографии района давних боев, документы, работа с биографическими материалами, выводы... Зачем, кому они нужны? Ведь теперь век этикеток и ценников.

В результате военная правда частенько остается за пределами книг, что-то в архивах, а основное же — где-то в крапиве погибших деревень. 1942 г. на западе России. Это очень трудный для исследователя комплекс тем. Среди них — партизанщина, коллаборационизм, поражения РККА. «Неблагодарный» труд, неподъемный, а теперь уже и почти невозстановимый в деталях пласт истории. И если с общей канвой военных действий регулярных советских войск более-менее понятно, пусть с лакунами, но многократно описано, то с партизанским, псевдо- и антипартизанским движением гораздо сложнее.

Партизанщина центра Смоленщины была для советской историографии кислейшим яблоком: вспыхнув вроде бы на пустом месте, без инициативы к тому и поддержки советских тыловых властей, именно здесь партизанская война разгорелась в таком масштабе, о котором полностью

умолчать при всем желании было невозможно. Возглавляли основные силы восставших не советские офицеры, лишь одиночками в числе организаторов были партработники. Лишний раз афишировать возможности и силу стихии народного самоопределения идеологические структуры Советского государства не хотели — ни в период войны, ни после. Подлинных организаторов народной мобилизации, как и существо их дела, не расписывали, ограничиваясь перечислением нескольких фамилий.

Многое, очень многое из открывшихся на Смоленщине перед советским командованием возможностей было либо упущено, либо использовано наилучшим образом.

Вкратце, рассматривая произошедшее в динамике, констатируем следующее.

Как и почему возникло *негосударственное* сопротивление? Обычная популяризируемая схема описания действий для большинства фронтов 1942 г. такова: Красная армия бьется с врагом, где-то в кустах за линией фронта ей немножко помогают партизаны. И конечно же, усилия и тех и других направляются партией (читай: ВКП/б/ — вдохновитель и главный организатор побед). И такая схема — правда для многих участков фронта и прилегающих территорий. Однако к западу от Москвы (теперешние Смоленская, Брянская области и запад Калужской) получилось совершенно иначе. И настолько масштабно получилось, что советским историкам умолчать факты и загнать их в рамки общей схемы стало невозможно. Но речь не об историках, а о 1942-м: в действительности вермахт сцепился здесь с ДВУМЯ ВРАГАМИ: с неразбитой под Москвой, и даже усилившейся (*новой*, что до немцев медленно пока доходило!) Красной армией (+ партия Сталина), и, внимание: с *оказавшейся почему-то неубитой* Красной армией образца и состава 1941-го (+ просоветски настроенная часть местного народа и выдвинутые военной анархией лидеры). Второе из

указанных обстоятельств стало неожиданностью не только для оккупантов, но и для советского режима.

Перед центральной властью возникла дилемма: на кого сделать основную ставку?

Партийные органы — костяк тогдашней государственности — поддержали, естественно, госуправленцев, т.е. командование пришедших зимой 1942 г. на Смоленщину советских войск. Они не могли поступить иначе, и, что еще трагичнее для дела, не могли в тот период прислать из советского тыла и поставить над восставшими специальных людей — и военных, и партийных спецов, соответствующих масштабу задач. Работники обкома-то присылались, но партию после краха в 1941-м здесь... Так вот что касается военных: поручить командование партизанщиной оказавшимся здесь генералам РККА, тому же П.А. Белову — было худшим решением. Кавалерийский комкор — он и есть комкор, специализация у него иная. Рейд, сабельная рубка, ордена. Это если получилось, если не завязли, если донесения с оправданиями не превращаются в систему. На Смоленщине вышло иначе. Центральная же власть, люди Кремля в первый год войны достойно и слаженно не работали — здесь и столкновения ведомственных интересов, и личные карьерные соображения высоких фигур сталинского окружения. Это потом уже начнут работу серьезно, но опять удар будет «смазан». Создадут оперцентры руководства партизанским движением, вышлют в тыл противника неизвестных партизанам майоров и подполковников, последовательно искажая народную борьбу в этакую работу диверсионных войск. Сгинут в огне вражеских «антипартизанских» операций сотни брянских, псковских и смоленских деревень. «Партизаны» начнут дальние диверсионные рейды. Внешне их по-прежнему преподносили как «народных мстителей». Да, мстить уже появится за что, коль не удержали и отдали врагу. По существу государство, хоть и

не афишировало того, пожелало этих «народных мстителей» рассматривать и применять именно как диверсионные войска. Но это была уже, так сказать, другая серия. Зимой же и весной 1942-го толкового управления партизанщиной в тылах группы армий «Центр» не наладили, очень многое из возможных побед упустили.

Иного решения и существа развития событий ждать было нельзя: государственники и государство — иерархия. Никакой анархии! Неважно, что «анархисты» (местные повстанцы и РККА/41) в боях эффективней. В итоге такой обреченной на вредоносность постановки дела судьба восстания и партизанского края оказалась не просто сокрушительно трагичной, но и поучительной, обличающей как бездарного «военного гения» Джугашвили, так и его генералов. Советское государство, войдя рейдирующими частями генерала П.А. Белова в Дорогобужскую Народную Республику (назовем имснно так этот район!), демонтировало прежние основы народного движения, заменило его вожаков своими функционерами, подменило дух партизанской инициативной борьбы иерархически-рутинной войной по приказам, в коей немцы в то время неизменно одерживали верх. И здесь тоже немцы в конце концов взяли победу: ударив в конце мая 1942 г. по регулярным частям Белова, быстренько — в пару недель — выгнали их подальше, а вот партизан пришлось добивать все лето. Разгромили в итоге всех: и сбежавших беловцев, и оставшихся партизан.

Вот такая «тема». Кто ж Вам такое станет расписывать? Да и шлейф вопросов потянется:

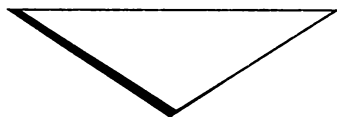
— почему же люди разбитых в 1941-м армий вдруг оказались боеспособны, удачливы и даже талантливы в боях все с тем же вроде бы противником? (а потому, что виновники «котлов» 1941-го — не эти бойцы, а люди со звездами в петлицах, и кремлевские «гении» во френчах);

— почему в Кремле так быстро позабыли о бойцах и командирах списанных ими в октябре 1941-го в небытие армий, почему не увидели и не оценили потенциала этих сил, не создали своевременно механизма, так скажем, боевой и кадровой реабилитации армий Западного и Резервного фронтов 1941-го? (а потому, что в Кремле не могли верить в брошенных и обреченных ими, в тех, кто теперь имел все основания не верить в гениальность и неподлость людей Кремля);

— каков, кстати, процент осевшего на Смоленщине и Брянщине личного состава рассеянных-разбитых армий 1941-го (да и 1942-го!) подался в партизанщину? Что с теми, кто избрал другой путь, и почему в массе послевоенных воспоминаний «власовцы» встречаются с весны 1942-го? Не группки хиви среди немцев, а воюющие боевые подразделения и части «власовцев»? (а это и есть те, кого Кремлевская Команда убедила-таки вынести сй личный вотум недоверия).

И это лишь малая часть возможных вопросов и очень неудобных для кого-то ответов. Однако давайте остановимся. И так уж хватит. На всю оставшуюся жизнь сыты по горло и без славы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДЕЙСТВИЙ ПАРТИЗАН И ВОЙСК РККА В ЦЕНТРЕ СМОЛЕНЩИНЫ (С 18 ЯНВАРЯ ПО 24 МАЯ 1942 г.).

18 января 1942 года — в южной части Знаменского района Смоленской области в ходе народного восстания освобождены десятки населенных пунктов.

18—19 января 1942 года — в южной части Знаменского района Смоленской области произведена высадка двухбатальонного (из состава 201-й ВДБР 5-го ВДК) парашютно-десантного отряда капитана И.А. Суржика.

27—28 января 1942 года — часть сил оперативной группы генерала П.А. Белова пересекла Московско-Варшавское шоссе и начала выдвижение в направлении г. Вязьма.

27—31 января 1942 года — в южной части Издешковского района, а также в нескольких иных районах Смоленской области произведена высадка советских десантных подразделений и одиночек из состава 8-й воздушно-десантной бригады 4-го воздушно-десантного корпуса.

1 февраля 1942 года — в ночь на 2 февраля 1942 г. командованием партизанского отряда «Ураган» предпринята первая попытка овладения г. Дорогобуж. Неверно выбранный маршрут и отсутствие помощи (договоренность была) соседних партизанских отрядов сорвали атаку на город.

3—8 февраля 1942 года — части оперативной группы генерала П.А. Белова активно вели наступательные бои

юго-западнее города Вязьмы. Город Вязьма с ближайшими окрестностями остался в руках врага.

6 февраля 1942 года — действующая западнее г. Вязьма группировка 8-й ВДБР 4-го ВДК подчинена генерал-лейтенанту П.А. Белову.

11 февраля 1942 года — командованием партизанского отряда «Северный медведь» Восточного района установлена связь с командованием 1-го гв. кавалерийского корпуса.

13—16 февраля 1942 года — части оперативной группы генерал-лейтенанта П.А. Белова вели бои за районный центр Семлево Смоленской области. Поселок Семлево по итогам боев остался в руках врага.

15 февраля 1942 года — партизанскими отрядами освобожден город Дорогобуж.

18 февраля 1942 года — в южной части Знаменского района Смоленской области начата высадка 9-й и 214-й воздушно-десантных бригад советского 4-го воздушно-десантного корпуса. Высадка проводилась по 23 февраля 1942 г.

19—21 февраля 1942 года — в освобожденный партизанами г. Дорогобуж прибывает 11-й кавалерийский полк 1-й гв. кавалерийской дивизии из оперативной группы генерала П.А. Белова.

19—24 февраля 1942 года — части оперативной группы генерала П.А. Белова предприняли наступление западнее города Вязьмы с целью перехвата железнодорожной линии Вязьма — Смоленск. В итоге к утру 25 февраля 1942 г. железнодорожная линия и район южнее ее остались в руках врага.

21 февраля 1942 года — командование группы партизанских отрядов «Дедушка» Смоленской области получило приказ генерал-лейтенанта П.А. Белова об их оперативном подчинении командиру 11-го кавалерийского полка майору П.И. Зубову.

22 февраля 1942 года — командование партизанского отряда «Северный медведь» Восточного района Смоленской области получило приказ об оперативном подчинении отряда генерал-лейтенанту П.А. Белову.

23 февраля 1942 года — 3-м батальоном 2-го партизанского полка из состава группы партизанских отрядов «Дедушка» освобожден районный центр Глинка Смоленской области.

1 марта 1942 года — штабом Западного фронта генерал-лейтенанту П.А. Белову отдано распоряжение о подчинении ему всех партизанских отрядов, действующих в районе опергруппы Белова.

2—3 марта 1942 года — части оперативной группы генерала П.А. Белова предприняли наступление с целью перехвата железнодорожной линии Вязьма — Смоленск в районе железнодорожного моста на Днепре. В итоге боев к утру 4 марта 1942 г. мост, железнодорожная линия и район южнее ее остались в руках врага.

4 марта 1942 года — оперативная группа генерала П.А. Белова частями 41-й кавалерийской дивизии предприняла наступление на район Бессоново, Ермолино с целью выхода к железнодорожной линии Вязьма — Смоленск. В итоге боев к утру 5 марта 1942 г. район деревень Бессоново, Ермолино остался в руках врага.

4—5 марта 1942 года — юго-западнее г. Вязьма в результате предпринятого силами германской 4-й танковой армии наступления окружена часть опергруппы П.А. Белова (два полка 329-й СД и 250-й ВДП), занимавшая выступ линии фронта в направлении Вязьмы.

6—12 марта 1942 года — оперативная группа генерала П.А. Белова предприняла наступление с целью деблоковирования сил 329-й стрелковой дивизии и 250-го воздушно-десантного полка. Деблокировать и организованно вывести 329 СД и 250 ВДП из района окружения основным силам группы генерала П.А. Белова не удалось. Однако, благодаря

собственной инициативе и решительности, из окружения просочились небольшие разрозненные группы.

13 марта 1942 года — подразделения партизанского отряда «Северный медведь» освободили районный центр Вихоры Смоленской области.

Прокурор 1-го Гв. КК Мусабасв радиограммой обращается к прокурору Западного фронта Румянцеву с просьбой возбудить перед Военным советом фронта ходатайство о выводе 1-го гв. кавалерийского корпуса из рейда по тылам противника.

14 марта 1942 года — радиограммой командующего Западным фронтом генерал-лейтенант П.А. Белов ориентирован на необходимость предстоящего длительного нахождения 1-го гв. кавалерийского корпуса в освобожденном в центре Смоленщины районе.

14—24 марта 1942 года — части оперативной группы генерала П.А. Белова с подчиненными в оперативном отношении партизанскими отрядами и 8-й воздушно-десантной бригадой 4-го воздушно-десантного корпуса вели бои по блокированию и уничтожению вражеской группировки в районе железнодорожной станции Угра. Станция Угра и ряд прилегающих пунктов остались в руках врага.

18—19 марта 1942 года — расформирование действовавших в составе оперативной группы генерала П.А. Белова частей 41-й, 57-й и 75-й кавалерийских дивизий. Личный состав частей расформированных дивизий влит в 1-ю и 2-ю гвардейские кавалерийские дивизии.

20 марта 1942 года — директивой Ставки ВГК № 153589 главнокомандующему войсками Западного направления поставлена задача: «... не позднее 27 марта очистить от противника пути подвоза 33-й армии и группы Белова, соединиться с ними и в дальнейшем уничтожить группу противника в районе Рыляки, Милятино, Вязьма; (...)». Исполнение указанного так и осталось лишь в пожеланиях и на бумаге.

23—27 марта 1942 года — по приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова, при общей

координации действий представителем штаба Западного фронта М.М. Остапевым отдельные партизанские полки имени 24-й годовщины РККА и имени С. Лазо с частью сил группы партизанских отрядов «Дедушка» провели совместный штурм г. Ельня. Город (за исключением района комендатуры и Вознесенской церкви) был взят, но позже оставлен. Район Ельни по итогам боев остался в руках врага.

26—29 марта 1942 года — сводный отряд полковника М.Н. Завадовского из состава оперативной группы генерала П.А. Белова вел безуспешные наступательные бои по деблокированию Западной группы 33-й армии в районе Знаменка, Заречье, Свиридово. Создать «коридор» для выхода частей 33-й армии на территорию Дорогобужского партизанского края не удалось.

3 апреля 1942 года — произведено расформирование сводного отряда полковника М.Н. Завадовского.

4 апреля 1942 года — действовавший во Восточном районе Смоленской области партизанский отряд «Северный медведь» упразднен, личный состав определен на укомплектование разбитых двух полков 329-й СД оперативной группы генерала П.А. Белова.

Генерал-лейтенант П.А. Белов получил из штаба Западного фронта распоряжение о переподчинении 8-й ВДБР его группы командующему 4-м воздушно-десантным корпусом.

5 апреля 1942 года — генерал-лейтенант П.А. Белов получил согласие командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова на формирование 2-й партизанской дивизии, в состав которой надлежало войти прежде отдельным партизанским полкам имени 24-й годовщины РККА и имени С. Лазо.

6 апреля 1942 года — суд над отстраненными от командования 329-й СД полковником Андрусенко и батальонным комиссаром Сизовым.

7 апреля 1942 года — 8-я воздушно-десантная бригада возвращена в подчинение командованию 4-го воздушно-десантного корпуса.

11 апреля 1942 года — по распоряжению Военного совета Западного фронта 4-й воздушно-десантный корпус оперативно подчинен генерал-лейтенанту П.А. Белову.

14—26 апреля 1942 года — части оперативной группы генерала П.А. Белова (в т.ч. 4-й воздушно-десантный корпус) предприняли наступление в направлениях Милятино, Зайцева Гора с целью содействия войскам советской 50-й армии Западного фронта в перехвате Московско-Варшавского шоссе. Район Милятино, Зайцева Гора по итогам боев остался в руках врага.

8 мая 1942 года — директивой Ставки ВГК № 170363 командующим войсками Западного фронта и ВВС Красной армии поставлена задача: «в целях удержания и расширения плацдарма, занятого группой тов. Белова...» усилить группу Белова, перебросив в ее район к 25 мая 1942 г. самолетами личный состав в количестве 9000 человек, оружие, боеприпасы, снаряжение, обмундирование и продовольствие. Требования директивы, несмотря на некоторые к тому попытки, к назначенному сроку остались не выполнены.

22 мая 1942 года — генерал-лейтенант П.А. Белов, вызвав к себе в штаб командира партизанского полка им. С. Лазо В.В. Казубского (с которым прибыл и его заместитель Л.Л. Зыков), выясняет участки слабой обороны противника в районе Ельни, позволяющие без крупных боев проходить из Дорогобужского партизанского края в Южный Ельнинский партизанский край. Вскоре эти сведения П.А. Белов использует для себя и своих «конногвардейцев».

24 мая 1942 года — германскими войсками на центральном участке Восточного фронта начата наступательная операция под наименованием «Ганновер». Цель опе-

рации — уничтожение в центральной части Смоленщины партизанских формирований и регулярных частей группы войск генерал-лейтенанта П.А. Белова, ликвидация удерживаемого этими силами советского плацдарма.

ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ И АББРЕВИАТУР ИЗ ЛЕКСИКОНА СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ. 1941—1943 гг.

Актив — совокупность добровольных помощников партийно-советских функционеров нижнего звена, содействовавших привлечению населения к иницилируемым ВКП/б/ мероприятиям. Например: *...эти товарищи связывались с активом района, через которых проводили работу среди военнопленных...*

Артиминогонь — артиллерийско-минометный огонь.

Военком — военный комиссар, должностное лицо, исполняющее в частях, учреждениях РККА, а также и в советских партизанских формированиях функции политического контроля над настроениями как среди личного состава, так и командира вверенной войсковой единицы, партизанского формирования.

Главком — главнокомандующий войсками того или иного стратегического направления (сов.).

Запфронт — Западный фронт (сов.).

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). Такое название носила в период Великой Отечественной войны коммунистическая партия Советского государства, — центральная, монополюльно определяющая направленность и конкретику развития государства общественно-политическая организация СССР.

Командарм — командующий армией, сокращенное название этой должности. Не путать с существовавшим в РККА в 1935—40 гг. воинским званием.

Комдив — командир дивизии, сокращенное название этой должности. Не путать с существовавшим в РККА в 1935—1940 гг. воинским званием.

Комначсостав — совокупность лиц командно-начальствующего и политически-контролирующего состава частей и подразделений РККА.

Комполка — командир полка, сокращенное название этой должности.

Комсостав — командный состав.

Комэска — командир эскадрона, сокращенное название этой должности.

Обком ВКП (б) — областной комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Опергруппа — оперативная группа войск.

Оргработа — организационная работа по созданию социально-политических групп и структур.

Партактив — совокупность социально активных лиц из членов партии ВКП(б). Например: *Так что работы для местного партактива было много, и мы партактив от мобилизовали сразу...*

Партотсекр — ответственный секретарь первичной партийной организации ВКП(б).

Политсостав — военнослужащие из начальствующего состава, специально в соответствии с должностью осуществляющие политико-воспитательную работу, а также контроль за политико-моральным состоянием вверенного подразделения и отдельных военнослужащих. Например: *Был у нас политсостав, в каждой роте политрук, помощник политрука. Или: ...в достаточной степени не изучен политсостав и слабая его подготовка.*

Порученец — офицер для особых поручений при командующем объединением, войсковой группой, руководителе структурного подразделения штаба фронта.

РБД — район боевых действий. Подразумеваются не поля сражений, а территориальный участок ведения боевых действий конкретным войсковым соединением или объединением.

РИК, райисполком — районный исполнительный комитет, районная администрация, исполнительный и распорядительный орган государственного-муниципального управления административно-территориальным районом.

РК, райком — районный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Сельисполком — исполнительный комитет сельского совета (низшего подразделения административно-территориального устройства в Советском государстве). Например: *Проведены совещания председателей сельисполкомов, комсомольских организаций с вопросом восстановления Советской власти...*

Уполнаркомзаг, райуполнаркомзаг — уполномоченный Народного Комиссариата заготовок, должностное лицо, осуществляющее контрольно-распорядительные функции в отношении государственных заготовок сельскохозяйственной продукции в данном административно-территориальном районе. По сложившемуся порядку, уполнаркомзаг одновременно входил в состав членов бюро районного комитета ВКП(б).

Штадив — штаб дивизии (сов.)

Штарм — штаб армии (сов.)

КОМНАЧСОСТАВ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА «ГРОЗА», ДЕЙСТВОВАВШЕГО С УДАРН. ГРУППОЙ 33-й АРМИИ ГЕНЕРАЛА М.Г. ЕФРЕМОВА

Лобарев Н.Ф. — младший поитрук, командир отряда.

Косачев И.И. — курсант (выпускник) Подольского военно-пехотного училища, комиссар отряда.

Морозов А. — младший лейтенант, начальник штаба отряда.

Логинов Василий — командир 1-й роты отряда.

Попов В.В. — командир 2-й роты отряда.

Живейнов П. — начальник разведки отряда.

Данилов С. — начальник диверсионной группы отряда.

Васильев В. — начальник хозяйственной части отряда.

Сорокин В. — командир комендантского взвода.

Войненко Л.К. — заведующий делопроизводством штаба отряда.

КОМНАЧСОСТАВ ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА «СЕВЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ»

Командир отряда:

Барский (Грачев) Олег Сергеевич, капитан — командир с момента создания объединенного отряда (с 1 февраля 1942 г.) по 18 марта 1942 г. 21 марта 1942 г. с оформлением акта сдал командование майору Крылову, при этом подпись — Барский.

Крылов Дмитрий Никанорович, майор (по состоянию на 4 февраля — 21 марта 1942 г.), подполковник (по состоянию на 3 апреля 1942 г.) — командир отряда с 19 марта по 3—4 апреля 1942 г., т.е. до завершения деятельности отряда. Подполковник Крылов 3 апреля 1942 г. «получил назначение начальником артиллерийской службы 329 сд».

Комиссар отряда:

Еланский Петр Андреевич, лейтенант (командир мин. взвода 2-го батальона 8-й ВДБР). Исполнял должность с момента создания отряда (с 1 февраля) по 9 марта 1942 г. С 23.00 8 марта 1942 г. по получению приказа генерал-майора Белова откомандирован с 9 десанниками в распоряжение командира 8-й ВДБР подполковника Ануфриева.

Афанасенков Георгий Иванович, ошибочно: политрук, в действительности ст. политрук, секретарь райкома ВКП(б) Куйбышевского района Смоленской области.

Назначен комиссаром отряда приказом от 9 марта 1942 г., исполнял должность по 3—4 апреля 1942 г., т.е. до завершения деятельности отряда.

Г.И. «Афанасенко» с 3 апреля 1942 г. отбыл «в распоряжение политотдела 1 гв. кк». Правильное написание фамилии — Афанасенков, так и в справке начальника Смоленского штаба партизанского движения полковника Фадеева.

Начальник штаба отряда:

Крылов Дмитрий Никанорович, майор — с 4.2.1942 г. в отряде, нач. штаба отряда в период 7.2.—18.3.1942 г.

Антоновский, лейтенант. По состоянию на 21 марта 1942 г. — «врид нач. штаба».

Начальник стросового отдела штаба отряда:

Борисов Дмитрий Иванович, техник-интендант 2-го ранга — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 3 февраля 1942 г.

Отсекр партбюро отряда:

— ст. лейтенант **Скляр** Сергей Ефремович (по состоянию на 9 марта 1942 г.).

Прибыл с отрядом в 20 чел. в состав отряда «Северный Медведь», влившись в его состав по приказу от 8 февраля 1942 г.

О нем идет речь в приказе от 12 февраля 1942 г., где ошибочно указано лишь звание, имя, отчество — без фамилии «ст. л-т Сергей Ефремович»: «...полагать приступившим к исполнению обязанности отсекра партбюро.

— политрук **Мингулов** [первая буква плохо читаема] (по состоянию на 21 марта 1942 г.).

Отсекр бюро ВЛКСМ отряда — ст. сержант **Глузман** (по состоянию на 9—21 марта 1942 г.).

Начальник особого отдела отряда:

Карасев Василий Анатольевич, ст. лейтенант — приступил к исполнению обязанностей начальника особого отдела отряда по приказу от 3 февраля 1942 г.

Афанасенков Георгий Иванович, ст. политрук:

— «пом. нач. особого отдела отряда» с 16 февраля 1942 г.

— «уполномоченный особого отдела» (по состоянию на 9 марта 1942 г.).

Беляков (по состоянию на 21 марта 1942 г.), звание — «ст.», вероятно — старшина.

Командир комендантского взвода отряда:

Чекалин Сергей Георгиевич, лейтенант — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 5 февраля 1942 г.

Начальник связи отряда:

Труханов Александр Михайлович, мл. лейтенант — на 6 февраля 1942 г. «врид. нач. связи», сдал по приказу от 6 февраля 1942 г. обязанности и приступил к исполнению обязанностей пом. нач. связи отряда.

Кузниченко Дмитрий Антонович, лейтенант — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 6 февраля 1942 г.

Начальник ОВС (обозно-вещевого снабжения) отряда:

Лосев Сергей Михайлович, техник-интендант 2-го ранга — сдал должность командира (вероятно, 1-й) роты и приступил к исполнению обязанностей по приказу от 7 февраля 1942 г.

Начальник ПФС (продовольственно-фуражного снабжения) отряда:

Бондарев Михаил Михайлович, техник-интендант 2-го ранга — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 8 февраля 1942 г.

Начальник артснабжения отряда:

Панин Александр Захарович, лейтенант — начальник артснабжения отряда, сдал должность по приказу от 10 февраля 1942 г.

Лобовцев Александр Петрович, старшина — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 10 февраля 1942 г.

Командир противотанковой батареи отряда:

Панин Александр Захарович, лейтенант — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 10 февраля 1942 г.

Начальник санслужбы отряда:

Стремжелецкий Александр Петрович — на 9 февраля 1942 г. «врид. нач. санслужбы отряда», сдал санчасть по приказу от 9 февраля 1942 г. и приступил к исполнению обязанностей нач. санслужбы отряда.

Начальник санчасти отряда:

Стремжелецкий Александр Петрович — «врид. нач. санслужбы отряда», сдал санчасть по приказу от 9 февраля 1942 г.

Анальков Константин Фсдорович, ст. воснфсльдшер — приступил к исполнению обязанностей начальника санчасти по приказу от 9 февраля 1942 г.

Командир разведвзвода отряда:

Даненко Николай Миронович, мл. лейтенант — приступил к исполнению обязанностей по приказу от 5 февраля 1942 г.

Командир минвзвода отряда:

Комалов Хабибулла Камалович, мл. сержант — командир минометного взвода, приступил к исполнению обязанностей по приказу от 10 февраля 1942 г.

Комсостав подразделений:

1-я рота.

Лосев Сергей Михайлович, техник-интендант 2-го ранга — командовал ротой, сдал должность командира (вероятно, 1-й) роты по приказу от 7 февраля 1942 г.

Медынский Андрей Никанорович, мл. лейтенант — командир 1-й роты, приступил к исполнению обязанностей по приказу от 7 февраля 1942 г.

Горшков Андрей Федорович, политрук — политрук 1-й роты с 7 февраля 1942 г., приступил к исполнению обязанностей по приказу от 7 февраля 1942 г.

2-я рота.

Коновалов Яков Иванович, лейтенант — командир 2-й роты (не позднее 7 февраля 1942 г.), ранен, освобожден от должности и направлен 14 февраля 1942 г. на лечение.

Пузиков Иван, мл. лейтенант — командир 2-й роты, по приказу от 14 февраля 1942 г. сменивший на этой должности раненого лейтенанта Я.И. Коновалова.

3-я рота.

Панин Александр Захарович, лейтенант — командир 3-й роты (по состоянию на 25 февраля 1942 г.).

4-я рота.

Резкин Анатолий Константинович, лейтенант — командир 4-й роты, приступил к исполнению обязанностей по приказу от 14 февраля 1942 г.

5-я рота.

Кукушкин Дмитрий Александрович, ст. лейтенант — командир 5-й роты, приступил к исполнению обязанностей по приказу от 17 февраля 1942 г.

6-я рота.

Коновалов Яков Иванович, лейтенант — командир 6-й роты (по состоянию на 24 марта 1942 г.).

Автору настоящей работы не удалось установить лиц командного состава иных подразделений отряда. Всего же в составе отряда, согласно справке начальника Смоленского штаба партизанского движения полковника Фадеева, действовало 9 стрелковых рот и 1 хозяйственная рота.

КОМНАЧСОСТАВ ГРУППЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ (ПОЗЖЕ — ПАРТИЗАНСКОЙ ДИВИЗИИ) «ДЕДУШКА»

Воронченко Василий Исасвич («Дедушка») — ополченец 1941 г., командир (до конца марта 1942 г.) группы отрядов «Дедушки».

Деменков Феохтист Николаевич — старший политрук, комиссар (до конца марта 1942 г.) группы отрядов «Дедушки». Бывший начальник РО милиции НКВД. Погиб в сентябре 1942 г. у д. Мясники Дорогобужского района.

Ильичев Иван Яковлевич — капитан, сменивший «Дедушку», командир группы отрядов «Дедушки», с 22 мая 1942 г. преобразованной в 1-ю партизанскую стрелковую дивизию. Пропал без вести (вероятно, погиб) в ходе боя у д. Пустошка Глинковского района в августе 1942 г.

Михальцов Анатолий Иванович — полковой комиссар, комиссар группы отрядов «Дедушки», с 22 мая 1942 г. преобразованной в 1-ю партизанскую стрелковую дивизию.

Иванов Павел Васильевич — капитан, начальник штаба дивизии.

Нефедов — батальонный комиссар, начальник политотдела 1-й партизанской стрелковой дивизии.

Богунов — старший политрук, комиссар Главного Штаба партизанских отрядов «Дедушка».

Щербань Дмитрий Николаевич — капитан, начальник 1-го (опер.) отделения штаба гр. отрядов «Дедушки».

Юдин Николай Федорович — старший лейтенант, помощник начальника 1-го (опер.) отделения штаба гр. отрядов «Дедушки», 1-й партизанской стрелковой дивизии.

Лаберко Леонид Тарасович — майор, начальник 2-го (развед.) отделения штаба группы отрядов «Дедушки».

Кондратюк Р.Я. — начальник контрразведки.

Воробьев Г.К. — младший политрук, начальник 3-го отделения (связи) штаба группы отрядов «Дедушки».

Степанов — младший политрук, начальник 4-го отделения штаба группы отрядов «Дедушки».

Игнашкин Т.Т. — интендант 3-го ранга, начальник тылов штаба группы отрядов «Дедушки». Погиб в бою 15 июня 1942 г. при отражении атаки противника на партизанский лагерь в районе д. Новый Плотавец.

Черкес (Черкесс) — младший лейтенант, начальник продфуражного снабжения (ПФС) дивизии.

Корсаков Т.А. — начальник обозно-вещевого довольствия (ОВС).

Архипенко И.С. — сержант, комендант штаба группы отрядов «Дедушки».

Еленичев Я.Д. — старший лейтенант, начальник артиллерии группы отрядов «Дедушки».

Шенстов — воентехник 1-го ранга, начальник боепитания артиллерии группы отрядов «Дедушки».

Малов И.С. — старший лейтенант, начальник инженерной службы группы отрядов «Дедушки».

Беглов — техник-интендант 1-го ранга, начальник хозяйства группы отрядов «Дедушки».

Малкин Б.Ф. — военврач 3-го ранга, начальник санчасти группы отрядов «Дедушки».

Шишов К.И. — командир комендантской роты.

Бекмуратов Р.М. — воентехник 3-го ранга, командир разведроты.

Васильков-Васильев Н.К. — командир саперной роты.

Костин — командир разведроты.

Лынтунский — комиссар разведроты.

1-й ПОЛК:

Попенко Василий Анисимович — майор, командир 1-го полка «Дедушки».

Силантьев Петр Федорович — старший политрук, комиссар 1-го полка «Дедушки».

Борисов Петр Кириллович — майор, начальник штаба 1-го полка «Дедушки».

2-й ПОЛК:

Барсуков Григорий — капитан, командир 2-го полка «Дедушки».

Засыпка Тимофей Никитович — капитан, сменивший Г. Барсукова, командир 2-го полка «Дедушки».

Комаров Иван Тимофеевич — старший политрук, комиссар 2-го полка «Дедушки».

Пожидаев С.М. — начальник пгтаба 2-го полка «Дедушки».

3-й ПОЛК:

Иванов Сергей Иванович — капитан, командир 3-го полка «Дедушки».

Романычев Василий Иванович — старший политрук, комиссар 3-го полка «Дедушки».

Земсков П.Г. — капитан, начальник штаба 3-го полка 1-й Смоленской партизанской стрелковой дивизии.

Степанов Василий Михайлович — начальник разведки 3-го полка «Дедушки».

КОМНАЧСОСТАВ ПАРТИЗАНСКОГО ПОЛКА им. 24-й ГОДОВЩИНЫ РККА

Абаев Газбе (Гадзбе-Николай) Алексеевич — начальник политотдела 4-го партизанского полка «им. 24-й годовщины РККА».

Адоньев Николай Алексеевич — комиссар истребительной роты 1-го батальона.

Амиров Гаян Суфианович, или же «Геннадий Семенович», старший политрук — комиссар полка до 27 апреля / 2 мая 1942 г. В первой декаде мая 1942 г. с аэродрома д. Бол. Вергово Восточного района вылетел на Большую Землю для отчета командованию Западного фронта.

Ананьев Иван Иовлевич — начальник (после В.Н. Савлукова) особого отдела полка им. 24-й годовщины РККА.

Белоусов — помощник начальника штаба полка, зав. 4-м отделом штаба партизанского полка.

Верман Григорий Израилевич — комиссар 2-го батальона (в начальный период действий полка; позже — дорогобужский райвоенком).

Герасин (Геросин, Еросин) — военюрист 2-го ранга, следователь особого отдела полка.

Гнездилов Федор Данилович, лейтенант — командир полка до 27 апреля / 2 мая 1942 г.; в первой декаде мая 1942 г. с аэродрома д. Бол. Вергово Выходского района вылетел на Большую Землю для отчета командованию Западного фронта.

Евпаченцев — «парротсекполка». Пропал без вести при вылазке с мазовского болота в д. Некрасы совместно с Рачковым и Михальченковым приблизительно 15 сентября 1942 г.

Золотых Павел Дмитриевич — начальник боепитания полка.

Качен — уполномоченный особого отдела полка.

Ковалев Герман Григорьевич, старший лейтенант — командир 2-го батальона с зимы до момента июньского разгрома. В конце июня — начале июля 1942 г. попал в плен в деревне Ветитново.

Котьяшков — начальник штаба 3-го батальона, расположенного в д. Некрасы.

Крохин Иван Емельянович — заместитель начальника и инструктор /агитатор/ политотдела полка.

Куфлин — комиссар учебного пункта полка.

Кучеренко — комиссар 3-го батальона.

Леоненков — начальник санитарной службы полка.

Литвиненко («Литовский») Андрей Моисеевич, старший лейтенант — командир 1-го батальона.

Макаров — начальник штаба полка, летом 1942 г.

Мельников Павел Артемьевич — комиссар полка с 27 апреля / 2 мая 1942 г., сменивший на этом посту Амирова.

Меркулов Аркадий Петрович — один из активнейших основателей в декабре 1941 г. партизанской борьбы на верхней Угре, в районах от Мархоткино до Усть-Демино. Погиб

в ходе событий, связанных с его избранием на должность командира формируемого партизанского полка.

Михальченко[в] Иван — сотрудник особого отдела полка. Попал в плен при вылазке с мазовского болота в д. Некрасы совместно с Владимиром Сувия, Рачковым (а также Еванчинцевым?) приблизительно 15 сентября 1942 г.

Паненков Потап Аввакумович — секретарь партбюро полка, позднее, в апреле 1942 г., погибший в боях у деревень Лазки — Лазенки.

Рачков Николай, лейтенант — начальник отдела кадров полка, затем начальник штаба полка. Пропал без вести, вероятно, попал в плен при вылазке с мазовского болота в д. Некрасы совместно с Еванчинцевым и Михальченковым приблизительно 15 сентября 1942 г.

Решетников Петр Иванович — старший лейтенант (либо капитан), заместитель командира полка.

Рязанова-Десятова Вера Михайловна — врач полкового госпиталя, расположенного в д. Масолы.

Савлуков Василий Николаевич — бывший до войны участковым в Дорогобужском районе, затем сотрудником прокуратуры Ельнинского района. Зимой 1941/42 г. начальник, затем зам. начальника особого отдела партизанского отряда «ФД»/полка «им. 24-й годовщины РККА». Покинул самовольно ряды полка в марте 1942 г. В плен врагу не сдавался.

Сахаров Николай — начальник продовольственно-фуражного снабжения (ПФС) партизанского полка.

Сеньков Петр — командир комендантского взвода полка.

Серегин Павел Иванович — комиссар 4-го батальона.

Соловьев — работник политотдела полка.

Сувия Владимир — адъютант командира полка.

Сущих Алексей Васильевич — командир истребительной роты 1-го батальона.

Тюленев — начальник тыла 4-го партизанского полка «им. 24-й годовщины РККА».

Ульяниншин Иван Емельянович — врач тайного полкового госпиталя в «Лесной даче».

Шведов Игорь Дмитриевич — секретарь военкома полка и одновременно секретарь политотдела полка.

Шмелев Федор Петрович, подполковник, затем полковник — командир полка с 27 апреля / 2 мая 1942 г., сменивший на этом посту Ф.Д. Гнездилова.

ЛИТЕРАТУРА И ПУБЛИКАЦИИ

ПО СОБЫТИЯМ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ 1942 г. В РАЙОНЕ РЖЕВСКО-СМОЛЕНСКОЙ ДУГИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ФРОНТА (ИСКЛЮЧАЕМ ЛИТЕРАТУРУ ПО АРМИЯМ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА И ПАРТИЗАНСКИМ СИЛАМ В ПОЛОСЕ ИХ ДЕЙСТВИЙ)

1. *Абаев Г.* Комиссар Гаян Амиров // Знамя (Ельнинская районная газета), 1965, 14 мая.
2. *Амиров Г.С.* Непокоренная земля. Алма-Ата: изд-во «Казахстан», 1975.
3. *Амиров Г.С.* Партизаны из Ветитисва // Знамя (Ельнинская районная газета), 1965, 1 мая — 11 июня.
4. *Армстронг Джон.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941—1943 / Пер. с англ. О.А. Федяева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
5. *Белов П.А.* За нами Москва. М., 1963.
6. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2.
7. *Бодаков К.* Балгутинский бой // Знамя (Ельнинская районная газета), 1965, 9 мая.
8. Война народная: Очерки истории всепародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941—1943 гг. / А.Ф. Юденков, Т.К. Дандыкин, М.М. Загорулько и др. Смоленск: Моск. рабочий, Смолен. отд-ние, 1985.
9. *Воробьев М.В., Усов В.В.* За каждый клочок земли. Смоленск: Моск. рабочий, Смолен. отд-ние, 1990.
10. *Воробьев М.В., Усов В.В.* Подвигам жить в веках. 2-е доп. изд. Смоленск: Моск. рабочий, Смолен. отд-ние, 1985.
11. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2004.
12. *Герасимова С.* Ржев 42. Позиционная бойня. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

13. *Громов И.И., Пигунов В.П.* Четвертый воздушно-десантный: военно-исторический очерк. М.: Военное изд-во, 1990.
14. *Гончаров Владислав.* Вяземская воздушно-десантная операция // Десанты Великой Отечественной войны / Ред.-сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 269—337.
15. «Дорогобужская старина». Выпуск II. *В.А. Прохоров, Ю.П. Шорин.* Из истории Дорогобужского края. Сборник статей. Смоленское областное книжное изд-во «Смядынь», 2001.
16. *Игнатова А.* Бои за автостраду в тылу врага // «Политинформация». 1984. № 7. С. 23—29.
17. *Исаев А.* Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
18. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. В 6-ти т. Т. 2 (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.). М.: Военное изд-во, 1961.
19. *Засыпка Т.Н.* Страница партизанская. М.: «Моск. рабочий», 1975.
20. *Капусто Ю.Б.* Последними дорогами генерала Ефремова: По следам вяземской трагедии 1942 года. М.: Политиздат, 1992.
21. *Касаткин М.А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941—1945 гг. М.: Мысль, 1980.
22. *Кобец А.Г.* Шла война народная / «Военно-исторический архив». 2009. № 11 (119). С. 82—102.
23. *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974.
24. *Котов Л.В., Шуляков В.А.* Трудовой вклад жителей Смоленщины во всенародную помощь фронту. // Материалы по изучению Смоленской области, выпуск IX. Смоленск, 1976. С. 99—111.
25. *Лисов И.И.* Десантники (воздушные десанты). М.: Восниздат, 1968.
26. *Литвиненко А.* Партизанская артиллерия // Знамя (Ельнинская районная газета), 1965, 26 декабря.
27. *Лукашенко А.И.* Дорогами воздушного десанта. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Московский рабочий, 1978.
28. *Майоров И.* Незабываемые дни. Смоленск: Смолен. книж. изд-во, 1963.
29. *Майоров И.К.* Отряд «Ураган» (Записки партизана). Одесса, 1967.
30. *Майоров И.К.* Суровые испытания. Повесть-дневник. М.: Советский писатель, 1982.
31. *Макаренко Я.И., Муханов Л.Ф.* Угранский набат. М., 1980.

32. *Малахов М.М.* Удар конногвардейцев. Очерк о боевых действиях 1-го гв. кавалерийского корпуса (ноябрь 1941 — июнь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961.

33. *Мельников В.М.* Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова / Владимир Мельников. М.: Яуза, Эксмо, 2009.

34. *Михеенков С.Е.* Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. 1941—1942. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010.

35. *Паиков Ф.Д.* Огненные рубежи. — М., 1984.

36. Первая партизанская / Сост. Юдин Н.Ф. М.: Моск. рабочий, 1983.

37. *Пономаренко П.К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских войск. 1941—1944. М.: Наука, 1986.

38. *Пономаренко П.К.* Непокоренные. М.: Знание, 1975.

39. *Прозектор Д.М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. 1939—1945. М.: Наука, 1968.

40. *Северин М.С.* Решающий момент Ржевской битвы. / Максим Северин, Александр Ильющечкин. М.: Яуза, Эксмо, 2010.

41. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сборник документов и материалов. М.: «Московский рабочий», 1977.

42. *Софронов Г.П.* Воздушные десанты во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1962.

43. *Твед М.А.* Подпольный госпиталь. Записки очевидца. Смоленск: Смоленское книжн. изд-во, 1963.

44. *Успенский В.Д.* Поход без привала: документальная повесть [о ген.-полк. П.А. Белове]. М.: Воениздат, 1977.

45. Уходили в поход партизаны. Сборник материалов науч. конф. «Всенар. борьба с нем.-фашистскими захватчиками на временно оккупир. территории Смол. обл. в период Великой Отечественной войны 1941—1943 гг.». Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1973.

46. *Фактор И.Г.* Пять месяцев в тылу врага // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. С. 138—165.

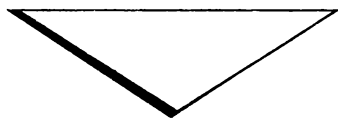
47. *Федоров А.Г.* Авиация в битве под Москвой. — 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1975.

48. *Шапошиников Б.М.* Битва за Москву. Взгляд из Генштаба. М.: Яуза, Эксмо, 2005.

49. *Шерстнев В.Д.* Командармы. Смоленск: Русич, 2006.

50. *Юденков А.Ф.* За огненной чертой. М.: Воениздат, 1966.

СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ СОКРАЩЕНИЙ

- АК — армейский корпус (нем.)
ВГК — Веховнос Главнокомандование (сов.)
ВДБР — воздушно-десантная бригада (сов.)
ВДК — воздушно-десантный корпус (сов.)
ВДП — воздушно-десантный полк (сов.)
выс. — высота
г. — 1) город; 2) (после цифрового указания) год.
Гв. КД — гвардейская кавалерийская дивизия (сов.)
Гв. КК — гв. кавалерийский корпус (сов.)
Гв. КП — гв. кавалерийский полк (сов.)
Гв. СД — гвардейская стрелковая дивизия (сов.)
Гв. ТБР — гвардейская танковая бригада
д. — деревня
ДЗОТ — деревоземляная огневая точка
КК — кавалерийский корпус (сов.)
КД — кавалерийская дивизия (сов.)
КП — кавалерийский полк (сов.)
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НСДАП — Национал-социалистская рабочая партия Германии
ОО НКВД — особый отдел НКВД
ОПП — Особый партизанский полк
ОЛБ — отдельный лыжный батальон (сов.)
ОТБ — отдельный танковый батальон (сов.)
ПСД — партизанская стрелковая дивизия
ПСП — партизанский стрелковый полк
ПД — пехотная дивизия (нем.)
ПП — пехотный полк (нем.)
пос. — поселок
р. — река
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия
РГК — резерв Главнокомандования

свх. — совхоз

СБР — стрелковая бригада (сов.)

СД — стрелковая дивизия (сов.)

СП — стрелковый полк (сов.)

СС — военно-мистическая система институтов Третьего рейха

Ставка ВГК — Ставка Верховного Главнокомандования

ТБР — танковая бригада

ТД — танковая дивизия (нем.)

ТК — танковый корпус

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
Часть I. ВОССТАВШИЕ И ОСВОБОДИВШИЕ	12
1. НА УТРЕ	12
2. НА ДНЕПРЕ	24
3. НА РОДИНЕ ГВАРДИИ	44
4. НА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЕ	58
Часть II. ПРИШЕДШИЕ И ПРОВАЛИВШИЕ	79
1. ВЯЗЕМСКИЙ ПРОВАЛ	79
2. ИЗДЕШКОВСКИЙ ПРОВАЛ	108
3. СЕМЛЕВСКИЙ ПРОВАЛ	130
4. САФОНОВСКИЙ ПРОВАЛ	152
5. ПРОВАЛ ДЕБЛОКИРОВАНИЯ АНДРУСЕНКО	179
6. УГРАНСКИЙ ПРОВАЛ	187
7. ЧТО ПРОИЗОШЛО В ЕЛЬНЕ?	224
8. МИЛЯТИНСКИЙ ПРОВАЛ	274
9. ПРОВАЛ ДЕБЛОКИРОВАНИЯ ЕФРЕМОВА И ЕГО ГИБЕЛЬ	294
10. ОЖИДАНИЕ КОНЦА	328
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	385
ПРИЛОЖЕНИЯ	390
ЛИТЕРАТУРА И ПУБЛИКАЦИИ	410
СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ СОКРАЩЕНИЙ	413

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Пигченков Александр Сергеевич

РЖЕВСКАЯ ДУГА ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 31.01.2013. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ.л. 13. Тираж 2500 экз. Заказ № 1605.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

c-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

РЖЕВСКАЯ ДУГА ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА

Среди советских регулярных и партизанских формирований, действовавших в тылах оккупированной нацистами территории СССР в 1942 г., особое место занимает группировка войск генерал-лейтенанта П.А. Белова со входившими в ее состав партизанами Дорогобужского и Южного Ельнинского партизанских краев. В предлагаемой читателю работе впервые с привлечением воспоминаний участников событий, сведений местных жителей, архивных источников подробно рассматриваются конкретные боевые операции «беловцев» и смоленских партизан против нацистов и их пособников в основной период боевых действий — с января по май 1942 г. — в тылу Ржевского выступа.

Книга издается в авторской редакции.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-0861-2

9 785444 408612

